

ТЬЕРРИ ВОЛЬТОН

СЕКРЕТНАЯ
ПАУКА

ДЕЛО №

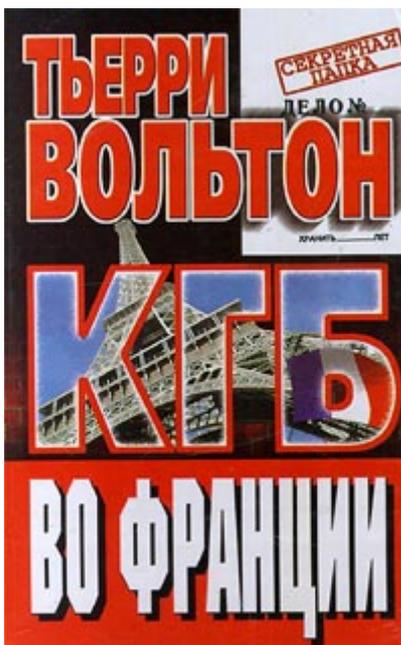
КРАСНЬ _____ ЛЕТ

КГБ

ВО ФРАНЦИИ

Тьерри Вольтон КГБ во Франции

«Вольтон Т. КГБ во Франции»: Центрполиграф; М.; 2000
ISBN 5-227-00858-2

Оригинал: Thierry Wolton, “Le KGB en France”, 1986

Перевод: И. Н. Комельков Б. А. Скороходов В. А. Богомолов И. Г. Гребцова

Аннотация

Автор книги специализируется на журналистском расследовании операций "советской" разведки и контрразведки, а также спецслужб восточноевропейских стран на территории Франции. Работа охватывает период с 20-х годов по 1985 г. В ней детально рассказывается о методах деятельности разведок и контрразведок в целом, описываются акции отдельных шпионских групп, повествуется о судьбах "двойных" и "тройных" агентов.

Тьерри ВОЛЬТОН КГБ ВО ФРАНЦИИ

ОТ АВТОРА

5 апреля 1983 года из Франции по обвинению в шпионской деятельности были высланы 47 советских дипломатов. Это из ряда вон выходящее событие послужило толчком к написанию данной книги. С того дня я пытался выяснить, почему французское правительство приняло такие меры, не побоявшись пойти на ухудшение советско-французских отношений. Ни выдвинутые после высылки объяснения, ни аресты нескольких французских "стрелочников" на службе КГБ, о чем писала тогда пресса, не давали удовлетворительного ответа на этот вопрос. Наверняка была другая причина, скрытая от общественности. Столь внезапную твердость правительства, в которое, не будем об этом забывать, входили министры-коммунисты, могли вызвать лишь весьма серьезные обстоятельства.

Мне потребовалось два года поисков, чтобы добраться до истины. Она заключена в сверхсекретном досье "Фэрвелл", существование и содержание которого я впервые раскрываю в этой книге. Дело "Фэрвелл" – это последний этап самой значительной из всех когда-либо предпринимавшихся операций по внедрению в высшие сферы Комитета государственной безопасности СССР, более известного под аббревиатурой КГБ.

Операция "Фэрвелл" представляет собой решающий шаг в выяснении замыслов СССР на Западе. С ее помощью Франция и ее союзники получили возможность точно оценить размах тайной войны, которую разведслужбы СССР и других социалистических стран вели против западных демократий.

Тем самым операция "Фэрвелл" является впечатляющей победой Запада в борьбе против советской разведки.

Поскольку эту исключительную операцию от начала до конца разработало Управление по охране территории (УОТ – французская контрразведывательная служба), представляется логичным, что первая и самая крупная акция западной страны в ответ на подрывные действия Москвы исходила из Парижа. Следовательно, высылка в апреле 1983 года 47 "дипломатов" выглядела как акт законной обороны. В книге приводятся тому доказательства, опять же впервые.

Акция была полезной, но носила скорее символический характер, учитывая громадный урон, нанесенный нашей стране советской разведкой за многие десятилетия.

Вместе с тем, когда речь заходит о деятельности разведслужб во Франции, это почти всегда делается с целью заклеймить сомнительные действия нашей разведки (СРК – Службы разведки и контрразведки, переименованной в ГУНБ – Главное управление национальной безопасности), например, похищение Бен-Барки или – позднее – диверсия на судне движения "Гринпис" в Новой Зеландии.

На первый взгляд у нас действительно не было крупных скандалов, сравнимых с предательством Кима Филби в Великобритании или с делом Гийома – советника канцлера ФРГ Вилли Брандта, человека, работавшего на Восточную Германию.

Почему?

Мой друг, специалист по контрразведке, которому я задал этот вопрос, ответил так: "Одно из двух: или СССР не считает Францию достаточно важным объектом и КГБ даже не удосуживался здесь внедряться, или наши службы контрразведки некомпетентны и не смогли разоблачить высокопоставленных шпионов – "кротов", как их часто называют".

Эта книга доказывает обратное – Франция всегда была приоритетным объектом советской разведки, а УОТ считается одной из лучших контрразведывательных служб западных стран.

Мы увидим, как еще в 20-е годы, когда после первой мировой войны наша страна была сильнейшей державой Европы, агенты Москвы начали интересоваться французской военной промышленностью. После освобождения страны в 1945 году вхождение в государственный аппарат представителей Французской коммунистической партии и заполнение ими различных служб создали благоприятные условия для вербовки высокопоставленных агентов. Впоследствии проявленное генералом де Голлем стремление к независимости было использовано Кремлем для подбрасывания яда "дезинформации" и попыток ослабить Атлантический союз. В 70-е годы СССР воспользовался политикой "разрядки" для систематического разграбления французской технологии.

Сегодня, более чем когда-либо, Франция, пятая держава мира, представляет собой излюбленную мишень для советской разведки. Находясь в плену неразрешимых экономических трудностей, СССР проявил интерес к ее передовым отраслям промышленности. Наконец, Москва надеется использовать особую роль, которую Париж намерен играть на международной арене (фактически со времен де Голля), для того чтобы попытаться внести раскол в лагерь западных стран.

Что касается УОТ, книга доказывает также его эффективность. Ознакомившись с десятками изложенных в ней дел о шпионаже, читатель узнает, как зачастую, несмотря на

крайне незначительные средства, имевшиеся в их распоряжении, французские полицейские умели эффективно бороться с советскими разведслужбами.

Я говорю это с тем большей готовностью, что ничем не обязан французской контрразведке. Более того, хочу подчеркнуть, что ни одна строка этой книги не содержит информации, полученной от УОТ. Тем не менее все в ней соответствует истине. Многочисленные находки, от досье "Фэарвелл" до самых незначительных фактов, прошли тщательную проверку. Этим я обязан своему упорству, стремлению понять все обстоятельства каждого дела (все ссылки читатель найдет в конце книги).

В ходе своего расследования я, естественно, встречался с десятками бывших сотрудников контрразведки. Однако у этих полицейских до сих пор осталось острое чувство долга сдержанности, сохранения государственной тайны. За очень редкими исключениями, на них бессмысленно рассчитывать для получения секретной информации. Самое большее – они могут подтвердить какой-нибудь факт, кое-что уточнить. Со всеми этими собеседниками я вел своего рода игру: "Если я это напишу, ошибусь или нет?" Некоторые охотно поддерживали игру, другие были более сдержанными.

Здесь мы касаемся кардинальной проблемы. Написать книгу о советском шпионаже во Франции – это почти из области фантастики. У меня постоянно было ощущение, что, интересуясь КГБ, я нарушаю государственную тайну. Выглядело так, будто желание дать информацию о том, что в первую очередь угрожает безопасности Франции, казалось крайне подозрительным. У меня и сегодня все еще вызывает недоумение такое поведение, хотя я и понял его глубинные причины.

Это возвращает нас к вопросу: почему Франция не знала скандалов, подобных делу Филби или Гийома? На самом деле подобные случаи имели место. Но были заматы.

О некоторых из этих скандалов говорится в книге, и я показываю, насколько они были скрыты от общественности. Делалось это по очень простой причине: аппарат власти, в чьих бы руках он ни находился, предпочитает умалчивать о том, что Франция, как и ее союзники, является жертвой очень серьезных случаев шпионажа. Зачем? Чтобы поддержать престиж страны в мире и в дипломатическом плане не подставить под удар СССР.

В этой связи следует сразу же ясно высказать свое мнение, что никакая политическая сила не имеет права брать на себя роль морального цензора. В различной степени все организации – от крайне левых до крайне правых – были (или являются) жертвами (а иногда и пособниками) советского шпионажа. Таким образом, со всеобщего согласия этот "позор" скрывают как постыдную болезнь.

Вот почему так нелегко писать книгу о подрывных происках СССР во Франции. Возражения против нее долго искать не приходится. Либо она представляет страну в невыгодном свете, либо наносит ущерб советско-французским отношениям, либо выставляет напоказ то, что многим политическим деятелям хотелось бы сохранить в тайне.

Какая ошибка! Умолчание не только не приводит к снижению активности советских разведслужб, но, напротив, стимулирует Москву совершенствовать методы проникновения.

ГЛАВА 1. СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

...ФКП и КГБ

Человек, сидевший в начале июля 1978 года на скамье подсудимых трибунала государственной безопасности, не был обычным обвиняемым. "Мне очень тяжело требовать отчет у такого человека, как вы, с таким прошлым", – сразу же извинился председатель трибунала. У шестидесятипятилетнего Жоржа Бофиса, героя Сопротивления, офицера Почетного легиона, бывшего старшего офицера, награжденного военным крестом за кампанию 1939-1945 гг., на первый взгляд нет ничего общего с советским агентом. Благодаря своей несурзажной фигуре, тонким очкам, очень коротким светлым волосам он производил скорее впечатление простака, запутавшегося в темной шпионской истории. В

течение двух дней слушания его дела он и будет играть на простодушной внешности и на заслугах, пытаясь приуменьшить степень своей вины.

Как объяснить предательство этого героя, бывшего франтирера-партизана (члена ФТП)? Под вымышленными именами: Жозеф, Марсо, полковник Дрюмон – он храбро служил Франции во время войны, обеспечивая, в частности, связь между Лондоном и внутренним сопротивлением. Трудно было поверить, что человек, с риском для жизни защищавший свою страну, смог впоследствии "нанести ущерб военным и дипломатическим интересам Франции", как отмечалось в обвинительном заключении. "Бофис не мог изменить родине, – свидетельствовал взволнованный и возмущенный полковник Реми, один из руководителей "тайной сети" во время оккупации. – Мы дорого заплатили за то, чтобы научиться выявлять предателей. Мой друг Жозеф принадлежит к разряду людей, без которых Франция сегодня выглядела бы совершенно иначе".

12 июля 1978 года Жоржа Бофиса приговорили к восьми годам заключения за шпионаж в пользу Советского Союза. Его помиловал Франсуа Миттеран после своего избрания президентом.

На суде столкнулись две точки зрения. По мнению защиты, судили человека, ставшего помимо своей воли жертвой дьявольского стечения обстоятельств. По мнению прокурора и французской контрразведки, арестовавшей его девять месяцев назад, Жорж Бофис был крупным агентом ГРУ – советской военной разведки.

Сафонов, тоже из ТАСС. "Это был менее открытый человек, – рассказывал бывший партизан. – Он сразу же предложил мне более тесное журналистское сотрудничество. Он хотел, чтобы я готовил для него небольшие справки о политической ситуации во Франции. Он попросил у меня конкретную информацию об офицерах".

Встречи с Сафоновым проходили почти подпольно во внутренних помещениях кафе. Вскоре Бофис получил клички (Веркутр, Барнье-Бернар). Тем не менее, судя по всему, у него не возникло никаких вопросов. Так же обстояло дело, когда Сафонов под предлогом подготовки репортажа о жизни военных во Франции попросил его достать кое-какие документы, в частности план обороны Западного округа. "Большинство подобных документов рассылалось офицерам запаса почтой в тысячах экземпляров. У меня не сложилось впечатления, что они носят секретный характер", – объяснял он. План обороны Бофис получил от своего товарища, служившего в армии в Нанте.

По его словам, сомнения появились, когда Сафонов предложил ему деньги для поездок. Подозрения усилились, когда тот захотел оплатить ему покупку коротковолнового радиоприемника для приема зашифрованных сообщений из центра ГРУ в Москве. От денег Бофис отказался, а приемник купил сам. И вот время от времени по вечерам он слушал радио и принимал сообщения, которые его научили расшифровывать с помощью фразы из "Цветов зла" Бодлера. "Детская игра. Радио слушала моя жена, – уверял он. – Все это не пригодилось". Как бы там ни было, Жорж Бофис перешел черту. Отныне он стал настоящим агентом разведки.

Он утверждал, что в начале 70-х годов попытался освободиться от хватки своих советских друзей. Тем не менее он приобрел сам или получил от Сафонова дополнительные технические средства: устройство для чтения микрофильмов, замаскированный фотоаппарат, белый уголь (для невидимого письма), бобину зажигания и автомобильный огнетушитель без внутренностей для хранения документов и микрофильмов. "Возможно, моя реакция была запоздалой, но постепенно я с ними порвал, – заявил он и обратился к председателю трибунала: – Да, я был не прав, но у меня не возникало чувства, что я занимаюсь шпионажем".

Дивизионный комиссар УОТ Реймон Нар предложил судьям другую версию. "Допрос Бофиса был трудным, – свидетельствовал он. – Подследственный упорно все оспаривал. Показал себя хитрым и изворотливым. Пытался принизить свою роль и держался первоначально избранной линии защиты: встречи безобидного характера с советскими журналистами".

Бывший офицер не знал, что к моменту его ареста в октябре 1977 года полицейским было известно о нем очень многое.

УОТ напало на его след в ноябре 1973 года. В это время у контрразведки появились доказательства, что ГРУ располагает планом обороны Западного округа. Это вызвало всеобщую панику: в Западном округе расположены не только порты Нанта и Сен-Назера, но и арсеналы Шербура и Бреста, а также остров Лонг – база французских атомных подводных лодок. Как стала возможной утечка? Кто передал информацию в СССР? Потребовалось полтора года расследования, чтобы выйти на Бофиса. Прежде всего УОТ установило, что имелось 60 пронумерованных экземпляров этого секретного плана. Копии были разосланы в 34 службы. Полицейские принялись перелопачивать биографии всех адресатов и списки их знакомых. Так они наткнулись на старшего офицера, служившего в Нанте, друга человека по имени Бофис.

Бофис? Проверили архивы. Нашли его имя. Около 25 лет назад, в 1949 году, если быть точным, некоего Жоржа Бофиса допрашивала полиция по делу о шпионаже, связанному с секретарем посольства СССР в Париже. Тогда его признали непричастным, однако этой старой истории было достаточно, чтобы сделать из него первого подозреваемого.

После шести дней допросов УОТ стало известно, что кроме плана обороны Бофис выдал подробные биографии старших офицеров и французских политических деятелей. Для советских спецслужб, постоянно стремившихся к вербовке новых агентов, это была золотая жила. Кроме того, бывший офицер в конце концов признался, что тайно посетил Москву. Он пытался, в том числе и в суде, представить эту поездку как дело случая. Но полицейским были хорошо известны методы деятельности советской разведки. Они поняли, что он ездил в СССР, чтобы пройти стажировку на курсах радиоперехвата и расшифровки радиопередач на коротких волнах. "Мы с женой поехали в отпуск в Чехословакию, – рассказывал он. – В пражском аэропорту мы случайно встретили Нила Ленского (сотрудника ТАСС). "Приглашаю вас на несколько дней к себе на дачу", – сказал он. На следующий день он передал нам документы".

Любопытное совпадение. На то, что это не было простым времяпрепровождением, указывают две детали. Прежде всего, Бофис тщательно скрыл свой "отпуск" в СССР от близких, в том числе от детей. Более того, виза на поездку в Москву, переданная ему Ленским в Праге, была оформлена на отдельном листе, чтобы в паспорте не осталось никаких следов. Когда советские разведслужбы переправляют своих агентов на тайную стажировку, они всегда поступают именно так. Кроме того, обычно поездки осуществляются не напрямую, а через столицу какой-нибудь дружественной социалистической страны, в данном случае через Прагу.

Эти признания, а также аппаратура, найденная у него дома, убедили УОТ: Бофис – важный агент ГРУ. Тем не менее, как признал комиссар Нар в суде, "в данном деле к правде мы только приблизились. Она нам известна лишь на 25 процентов".

Это не безответственная фраза. Она свидетельствует одновременно о размахе и сложности дела Бофиса, в котором даже сейчас очень трудно разобраться.

Прежде всего странный факт: весной 1975 года установлено, что бывший офицер виновен в передаче плана обороны. Арестовывают же его в октябре 1977 года. Почему такая задержка?

Первое объяснение: трудности расследования. УОТ получило информацию от перебежчика, перешедшего на Запад в конце 1973 года. Бофис со своей стороны утверждал, что в это же время по собственной инициативе порвал связь с СССР. Это совпадение дает повод к мысли, что ГРУ прекратило контакты из соображений безопасности. Классический прием: в случае предательства советские разведслужбы консервируют организации и агентов, которые известны перебежчику и которые он может выдать западным спецслужбам. Между прочим, можем сообщить, что благодаря тому же советскому офицеру УОТ удалось разрушить самую большую сеть ГРУ, которую когда-либо обнаруживали во Франции (см. главу третью). Эта организация под руководством Сержа

Фабиева после его предательства также была законсервирована. По обоим делам контрразведка начала расследование, когда агенты прекратили всякую деятельность. А в таких случаях следствие занимает больше времени. Установив личность шпиона, полицейские начинают за ним слежку в надежде застать его на месте преступления (например, при передаче документов советскому офицеру). Что касается Бофиса, то после двух с половиной лет слежки и прослушивания телефонных разговоров в УОТ поняли, что он прекратил связь с ГРУ. Оставалось только его арестовать.

Но это лишь часть объяснения. Только часть. Ведь встает другой вопрос. Каковы были отношения Бофиса с Французской коммунистической партией? Ответ на него для контрразведки не был очевидным.

Официально бывший офицер всегда отрицал свою принадлежность к ФКП. Во время суда это подчеркнула "Юманите", опубликовав его заявление: "Я подчинился не коммунистической партии, а руководству ФТП. После 1940 года я никогда не был активистом компартии". Говорил ли он правду? Или полуправду? Не был ли он в послевоенный период тем, кого называют активистом "за штатом", то есть коммунистом, который официально не должен числиться в партии и из соображений безопасности никогда не должен заявлять о своей к ней принадлежности? Вот что хотело выяснить УОТ до его ареста.

"За штатом" обычно оставляют коммунистов, занимающих видное общественное положение или работающих в важных и ответственных государственных органах. Бофису, служившему после войны во французской армии, имело смысл не афишировать свои коммунистические взгляды. Возможно также, что он скрывал свою принадлежность к ФКП, чтобы партия не оказалась замешанной в некоторых акциях. Если это так, то благодаря Бофису мы доходим до особо тайных сфер, неизвестных даже специалистам по ФКП.

Внутри Французской коммунистической партии (как и во всех компартиях, не стоящих у власти) есть три разные структуры. Первая и единственная, находящаяся на виду, представляет собой официальный аппарат: Политбюро, Центральный Комитет, профсоюзы и пресса, открыто объявляющая себя коммунистической. Вторая структура включает финансовый аппарат, без которого компартия не может жить. Благодаря книгам Жана Монтальдо (Jean Montaldo. *La France communiste*. Albin Michel, 1978) и Филиппа Робриё (Philippe Robrieux. *Histoire interieure du parti communiste*. 4 tomes, Fayard) мы сегодня имеем более или менее ясное представление о составе и роли этого финансового аппарата, долгое время находившегося в тени. Наконец, остается подпольный аппарат, очень активный до 50-х годов, в задачи которого входит: во-первых, заменить официальную партию, если она будет вынуждена уйти в подполье (например, в случае войны); во-вторых, создавать и поддерживать в состоянии готовности подрывные организации, которые будут использованы при возникновении революционной ситуации; в-третьих, поддерживать социалистический лагерь в борьбе с капиталистическими странами, в частности оказывая помощь советской разведке.

В случае с Бофисом в УОТ возник вопрос, не имеет ли оно дело с одним из коммунистов "за штатом", членом подпольного аппарата партии, которому поручено помогать ГРУ во Франции.

Его прошлое могло навести на такие мысли.

Накануне войны Жорж Бофис в возрасте 26 лет уже был активистом компартии, привыкшим выполнять подпольные задания. Являясь секретарем партийной ячейки в 19-м округе Парижа, он заведовал небольшим предприятием по изготовлению электрооборудования для автомобилей. Но это служило лишь прикрытием. Главная его задача состояла в оказании помощи Артуру Далиде, отвечавшему за работу отдела кадров партии. Это была ключевая фигура, человек, который знал всех членов партии, в том числе находившихся "за штатом". От него зависели все продвижения в партийной иерархии.

Весной 1939 года Бофис помог Далиде зашифровать и переписать на крошечных записных книжках фамилии, адреса и биографии всех французов, добровольно

отправившихся три года назад на войну в Испанию. Не все из них состояли в партии, но при необходимости их можно было завербовать.

После мобилизации Бофиса в самом начале войны взяли в плен немцы. Он сразу же совершил побег и вернулся в Париж, где в подполье встретился с Далиде, которому было поручено восстановить структуры компартии. Вдвоем они создали Специальную организацию (СО). Эта организация, в состав которой входили исключительно коммунисты, прошедшие тщательный отбор, имела задачей защиту партии и ее активистов. Впоследствии Специальная организация приняла участие в движении Сопротивления (особенно после нападения на СССР в июне 1941 года). Затем ее распустили, и в 1942 году она уступила место "франтирерам-партизанам" (ФТП). Жорж Бофис проделал ту же эволюцию: будучи членом СО, сразу же вошел в руководство ФТП и начал работать вместе с Мишелем Фентюком, он же Жан Жером, и занялся взрывчатыми веществами и созданием радиосети для связи движения Сопротивления с СССР.

Жан Жером, ставший после войны руководителем финансового аппарата ФКП, занимал видное положение в Коминтерне (III Интернационале). Он имел постоянную связь с Москвой. Тот факт, что Бофис был в то время прямо ему подчинен, доказывает, что он входил в число руководителей ФТП, пользовавшихся полным доверием со стороны ФКП и СССР. К тому же он сам признался своим товарищам по подполью, что до войны тайно посетил СССР.

Когда в 1942 году компартия решила создать собственную разведорганизацию (службу "Б"), Жоржу Бофису поручили обеспечение связи с голлистскими секретными службами в Лондоне. Он встретился с полковником Реми (который, как мы видели, пришел в качестве свидетеля на его процесс) и организовал сближение голлистского и коммунистического движений сопротивления. Совершенно очевидно, что он не смог бы выполнить эту роль без согласия высших инстанций партии (которой в то время руководил Жак Дюкло) и даже Москвы.

С наступлением мира блестящие заслуги позволили ему служить во французской армии в звании майора. В то время ФКП стремилась, чтобы как можно больше франтиреров-партизан делали карьеру в армии, пытаясь "разложить" ее. Бофис повысил свою квалификацию на курсах в военном училище и был направлен на службу в штаб первого военного округа. Затем его отправили в Тунис заместителем командира 4-го полка зуавов.

С началом "холодной войны" военные власти начали терять доверие к офицерам, вышедшим из ФТП, даже если те не афишировали своих связей с ФКП. Многих отправили в Индокитай. Некоторые из них помогали там вьетнамцам сражаться с французской армией. Тех, кого Генеральный штаб считал особо "опасными", перевели в Версаль, лишив всех командных должностей. Их там собралось 24 человека, в том числе подполковник Жорж Бофис и полковник Роль-Танги. Эти двое были старшими по званию. Они и руководили севшими на мель офицерами-коммунистами, у которых теперь появилось достаточно времени для дискуссий о стратегии и политике.

Версаль стал "почтовым ящиком" для военных, отправленных в Индокитай. Через него компартии передавалась информация, собранная ими на месте. Равным образом через Версаль партия направляла указания военным, участвовавшим в боевых действиях. Под эгидой Роль-Танги и Бофиса были созданы настоящие подпольные структуры для помощи вьетнамцам. Однако их политические концепции не совпадали. Очень быстро между ними возникли разногласия: Роль-Танги был дисциплинированным членом ФКП, в то время как Бофис тяготел скорее к Москве и к советским разведслужбам. Вскоре он организовал собственную сеть в армии, о которой партия вроде бы ничего не знала.

В своей богато проиллюстрированной документами книге "ФКП и армия" (Yves Roucaute, *Le PCF et l'armee*. PUF, 1983) Ив Рукот показал, зачем Бофис с помощью другого офицера-коммуниста, которого автор обозначает буквой Д, действовал таким образом. "Сначала членами ФКП в армии занимались польские службы, — пишет он, — затем их сменили советские спецслужбы. В частности, через Бо... (речь идет о Бофисе) и Д... они

приглашали многих офицеров-коммунистов, информировавших их не только о военных структурах, но и о... ФКП.

Как происходила вербовка? Офицеры, согласившиеся работать на СССР, передавали в посольство фамилии других офицеров, от которых можно было ожидать того же. Затем уже советские службы связывались с ними. Так, по совету Бо... и Д... сотрудник ТАСС на встрече, организованной Д..., вступил в контакт с Би... На первой встрече от него попросили информацию военного характера. Би... объяснил, что, если бы он даже хотел, а он этого не хочет, все равно не смог бы ничего достать. Человек из ТАСС отнесся к этому очень скептически. Была организована вторая встреча. Посланец Нила Ленского и Владимира Сафонова, отвечавших в посольстве за работу военных спецслужб, сказал следующее: "То, что ты не можешь информировать меня о французской армии, – это я могу допустить, но не согласишься ли ты давать нам информацию о партии?" Би... удивился: "О партии?" Советский посланец ответил: "Да, о руководителях, о чем они говорят, о чем думают, об общей линии, оппозициях... и – если ты нам поможешь, можно сделать так, что ты продвнешься в партии". Би...: "У вас есть такие возможности? У вас есть рычаги влияния на продвижение кадров?" Советский посланец: "Разумеется". Би... отказался. Об этих встречах он рассказал Роль-Танги и передал ему записку, в которой изложил все, что произошло. Тот ознакомил с ней Реймона Гюйо, отвечавшего за военные кадры ФКП, который был тоже очень удивлен. Он начал разбираться. Но несколько дней спустя этой истории с Роль-Танги, тот ответил, что не хочет больше ничего о ней слышать.

"Как после вербовки осуществляется связь? – продолжает Рукот. – Посредством либо тайных встреч, либо зашифрованной переписки, иногда сообщения передавались через Федерацию республиканских офицеров запаса (но очень быстро от подобного канала отказались из опасений, что это может быть раскрыто ее руководителями)".

Чтобы не вмешивать партию в такие дела, Роль-Танги взял на себя одного руководство офицерами-коммунистами. Прежде всего он изолировал группу, работавшую на СССР, от других военных – членов ФКП. В конце концов Бофис в 1963 году демобилизовался из армии и поступил на службу в "Берим", а затем в "Сифаль" – два предприятия обширного коммерческо-финансового сектора ФКП, которым руководил Жан Жером.

Вот что удалось установить следствию. Исходя из этого, было необходимо выявить остальных членов подпольной сети и выяснить, в какой мере ФКП действительно не осведомлена о ее деятельности. В конечном счете вместе с Бофисом было задержано еще восемь человек. Четверых сразу же отпустили. Четверых остальных оправдали за отсутствием состава преступления (троих офицеров в отставке и главного инспектора связи) – неудача, заставившая комиссара Нара сказать, что в этом деле правда известна лишь на 25 процентов. Тому было несколько причин.

Прежде всего, с юридической точки зрения невозможно преследовать в судебном порядке за проступки со сроком давности более 10 лет. А Жорж Бофис создал свою сеть в 50-х годах. Не было никаких доказательств, что она продолжала функционировать в конце 60-х годов, то есть в тот период, когда проступки ее членов еще подпадали под действие закона.

Далее, благодаря превентивным мерам Роль-Танги (изоляция остальных офицеров-коммунистов от группы Бофиса) при его аресте компартия не подпадала под какие-либо обвинения. По-видимому, в курсе был только один из секретарей Центрального Комитета. Он прикрывал его действия, но не стал вмешиваться и не выступил в его защиту.

Наконец, компартия, по всей видимости, получила предупреждение о следствии по делу Бофиса от своего осведомителя во французской контрразведке. Незадолго до его ареста ФКП удалось обезопасить сеть подпольных радиостанций, которую партия нелегально сохраняла после 1945 года. Бофис мог знать об этой сети, поскольку, как мы видели, Жан Жером поручил ему во время войны организовать ее для связи с СССР.

Даже если это дело частично остается довольно темным, оно тем не менее вполне четко показывает сложность взаимоотношений ФКП с советскими разведслужбами. Внешне между

ними нет никаких связей, и вот уже в течение 40 лет редко кто из активистов ФКП оказывается замешанным в шпионских делах. Тем не менее невозможно рассматривать подрывную деятельность КГБ и ГРУ во Франции, не учитывая возможной поддержки со стороны коммунистов. Это часть заключенного между всеми компартиями и советским "большим братом" идеологического и политического договора.

Ленин считал, что "каждый коммунист должен быть чекистом", то есть осведомителем ЧК, предшественницы КГБ. Это указание распространялось не только на большевиков, но и на активистов партий, входивших в III Интернационал. Упомянутый лозунг оказался трудноприменимым на практике. Прежде всего, принимая директивы и деньги из Москвы, каждая партия была вынуждена декларировать свою независимость, заявлять исключительно о защите интересов своих членов и рабочего класса своей страны. Оказаться замешанным в шпионских делах в пользу СССР означало бы подорвать свое политическое доверие. И главное. Хотя многие из коммунистов считали Советский Союз родиной социализма и готовы были политически и идеологически бороться за него, из патриотических соображений им претило заниматься шпионажем. До войны во Франции многие дела, связанные с Москвой, были раскрыты полицией благодаря помощи активистов ФКП, которые отказывались предать родину. В этом проявилось колоссальное противоречие: Москве нужны компартии для помощи, в частности чтобы получить военные секреты западных стран. Но с политической точки зрения неразумно доверять местным политическим деятелям. Решение нашел Лев Троцкий.

В 1924 году он решил, что в каждой коммунистической партии один из членов руководства должен отвечать за "специальные службы", сотрудничая с советскими агентами и вербуя свои собственные кадры. Предусматривалось, что этот человек, назначенный по согласованию с советским руководством, не будет подотчетным ни перед кем из своих коллег по партии и что он должен создать свои совершенно независимые структуры, не вовлекая в них основные организации.

В письме прокурору Мексиканской Республики от 30 мая 1940 года, незадолго до его убийства агентом Сталина, Троцкий пояснял, как должна функционировать задуманная им организация: "В Центральном Комитете каждой партии находится представитель ГПУ по соответствующей стране. Обычно тот факт, что он представляет ГПУ, известен только секретарю партии и одному-двум членам Центрального Комитета. В качестве члена Центрального Комитета представитель ГПУ имеет возможность встречаться со всеми членами партии, изучать их характер, отбирать людей для определенных задач и мало-помалу приобщать к разведывательной и террористической работе, взывая к чувству долга по отношению к партии или просто-напросто подкупая их".

Сегодня достаточно заменить ГПУ на КГБ, чтобы составить себе представление о связях ФКП с советской разведкой. Со временем такая структура, когда официальный аппарат партии не вмешивается в шпионские дела, оправдала себя, особенно после второй мировой войны.

До того же, как начала действовать эта система разделения функций, французские коммунисты неоднократно оказывались на скамье подсудимых. Об этом в 20-30-х годах свидетельствуют несколько скандалов, показывающих в новом свете представление, которое французы составили себе о молодом советском строе.

Дело Томмази

Первым "резидентом", отправленным Москвой во Францию для организации и руководства советским шпионажем, был Лебедев, болгарин по происхождению, известный в Коминтерне под именем Степанова. Прибыв в Париж в конце 1920 года, он поселился там под именем Шаварош. Вскоре он завербовал Томмази, члена Руководящего Комитета (позднее ставшего Центральным Комитетом) партии и одного из руководителей профсоюза рабочих авиационной промышленности. Многочисленные связи Томмази в Бурже и других

центрах французской авиации могли быть весьма полезными советским агентам. Руководящая должность в профсоюзе давала ему идеальное прикрытие. Он работал на Лебедева, причем партия не знала о его подпольной деятельности до 1924 года, когда он был вынужден сбежать в СССР: контрразведывательная служба министерства обороны вот-вот намеревалась его арестовать. В Москве он продолжал работать на разведслужбу как эксперт по Франции. Томмази жил в гостинице Коминтерна "Люкс", где внезапно умер ночью 1926 года. Он был похоронен почти тайно на одном из кладбищ Москвы. По всей видимости, его ликвидировало ГПУ по политическим мотивам, а также потому, что он слишком много знал о деятельности советских служб во Франции.

Сеть Креме

С образованием в крупных коммунистических партиях задуманных Троцким подпольных структур в ФКП первым их руководителем вплоть до 1927 года был Жан Креме. Являясь членом Центрального Комитета, затем Политбюро (ФКП выдвинула его туда по указанию Сталина), он организовал обширную сеть осведомителей в арсеналах, на военных складах, в портовых городах и на военных заводах. Раньше он был руководителем организации коммунистической молодежи района Луары-Атлантики, затем секретарем профсоюза кораблестроителей и металлургов, так что он Довольно просто использовал прикрытие профсоюзного деятеля для сбора разведанных. В то время советский шпионаж был уже хорошо организован. Работу агентов Москвы значительно облегчило установление дипломатических отношений между Францией и СССР. При наличии посольства больше не было нужды прибегать к услугам спецкурьеров для передачи информации в СССР.

Новый резидент, называвший себя Бернштейном, занимался живописью. Его жена работала в посольстве и в советском торгпредстве. Так что у него были веские основания часто там появляться. Бернштейн, истинная фамилия которого Ужданский-Еленский, в свои 45 лет был ветераном секретных служб. За год до его прибытия в Париж польское правительство выдворило его из Варшавы. Он выехал в Вену, в Австрию, и оттуда контролировал разведоперации на Балканах.

С его прибытием во Францию деятельность советских разведслужб приняла почти научный характер, напоминая методы, использовавшиеся впоследствии КГБ и ГРУ. Через литовского "студента" Стефана Гродницкого Бернштейн передал руководимому Креме французскому подпольному аппарату настоящий план по сбору информации (как мы увидим, в наши дни такой план получает каждый резидент), разработанный в Москве инженерами и экспертами советской военной промышленности. План был составлен в форме очень конкретных вопросов, на которые нужно было дать ответы: каковы новые методы производства пороха, тактико-технические данные о танках, пушках, снарядах, сведения о противогазах, самолетах, верфях, передвижениях войск и т.д. По терминологии того времени это называлось "вопросником".

Жан Креме с помощью своей организации заполнил "вопросник". Все было сделано оперативно, но не очень надежно. Для ответа на технические вопросы подпольная организация была вынуждена прибегать к консультациям экспертов, главным образом профсоюзных деятелей в каждой отрасли промышленности. В конечном счете в курсе дела оказалось слишком много людей. Уже в октябре 1925 года начались утечки сведений.

Механик, служивший в арсенале Версаля и бывший секретарем коммунистического профсоюза этого города, к которому обратился помощник Креме, был удивлен, что от него требуют подробности, не имеющие ничего общего с профсоюзным движением, хотя его собеседник утверждал, что действует в "интересах трудящихся". Механик передал разговор руководству арсенала, которое предупредило полицию. Благодаря этому военная контрразведка получила возможность в течение нескольких месяцев передавать ложную информацию Советскому Союзу через сеть Креме.

В феврале 1927 года полиция решила нанести решающий удар советской разведке во

Франции. Она арестовала около 100 человек, в том числе Бернштейна и его помощника Гродницкого, которых приговорили соответственно к трем и пяти годам тюремного заключения. Жану Креме со своей подругой и сообщницей Луизой Кларак удалось избежать правосудия и укрыться в Москве. Его приговорили заочно к пяти годам тюрьмы и пяти тысячам франков штрафа, но во Франции он так больше и не появился.

Как и его предшественника Томмази, Креме ждал трагический конец. Официально он работал в "кооперативном секторе" Коминтерна, но продолжал служить во французском отделе военной разведки вплоть до его ликвидации в 1929 году. Его отправили в секретную командировку на Дальний Восток, где он таинственно исчез, как говорят, упав через борт корабля.

Его подруга Луиза Кларак уехала из Москвы в 1934 году. Она долго подпольно жила во Франции. После второй мировой войны некоторые члены их сети, например Пьер Прово, вновь заняли важные посты в советском аппарате.

"Генерал" Мюрай

Человек, сменивший Бернштейна в качестве главы сети советского шпионажа во Франции, также был профессиональным разведчиком. Поль Мюрай (иногда называвший себя Анри, Альбере или Буассона), большевик старой ленинской гвардии, до революции ссылался в Сибирь, несколько лет жил в Швейцарии. После 1917 года по заданию нового коммунистического правительства выполнил несколько секретных миссий, в частности в Китае. Во время польско-советской войны в 1920 году был политкомиссаром, затем перешел на службу в военную разведку. Дабы вызвать к себе больше уважения и доверия, он выдавал себя за генерала, хотя такого звания в то время в Красной Армии не существовало. Он много раз бывал во Франции и говорил по-французски бегло с легким южным акцентом.

Как настоящий авантюрист, Поль Мюрай считал, что История делается на поле битвы или при помощи подрывной деятельности, но, уж во всяком случае, не законными путями. Будучи сторонником нелегальной борьбы, он достиг совершенства в искусстве работы в подполье. Его несколько лет разыскивала французская полиция, но ему долго удавалось ускользать от нее. И арестовали его в 1931 году, как и в случае с организацией Креме, только благодаря предательству французского коммуниста, оказавшегося скорее патриотом, чем интернационалистом.

После разгрома сети Креме из Москвы поступили категорические указания: Французскую коммунистическую партию не следует больше впутывать в нелегальные операции. Тем не менее Мюрай создал новую организацию, в которой все же использовал для сбора информации коммунистических профсоюзных деятелей. В те годы СССР интересовали сведения об авиационной промышленности и французских военно-воздушных силах, о последних моделях пулеметов и автоматического оружия и, наконец, о военно-морском флоте (через своих информаторов в портах Марселя, Тулона, Сен-Назера Мюрай получал информацию о торпедах и подводных лодках).

В Лионе его агентам удалось выкрасть чертежи нового самолета, которые они затем вернули на место, сняв с них копию. После обнаружения кражи был арестован всего один член организации. Для сбора информации Мюрай разместил своих агентов в некоторых портовых городах. В Нант он направил рабочего из Парижа Луи Моннето, снабдив его необходимой суммой для открытия рыбного магазина. Над входом в новую лавку красовалась вывеска "Прямые поставки". Для закупки рыбы Моннето разъезжал по портовым городам Северного моря. Возвращался оттуда с новыми сведениями.

На суде, где он получил три года тюрьмы, Поль Мюрай утверждал, что собирал информацию для написания книги о Франции. Чтобы скрыть некоторые подробности, ссылался на причины "личного характера". Он отсидел свой срок в тюрьме Пуасси и после освобождения в 1934 году был выслан из Франции. Вернувшись в СССР, он исчез. По свидетельству некоторых французских коммунистов, в 1938 году, в разгар сталинских

чисток, он потерял рассудок. По другим источникам, он симулировал сумасшествие, чтобы избежать ликвидации.

"Рабкоры"

В 1929 году Мюраю пришла в голову мысль использовать ФКП, параллельно со своей собственной организацией и несмотря на запрет Москвы, для целей советской разведки. Он развернул сеть "рабочих корреспондентов", по коммунистической терминологии – "рабкоров". Официально "рабкоры" должны были информировать "Юманите" о социальных битвах во Франции и оказывать помощь в разоблачении подготовки войны "капитала против родины социализма", то есть СССР. Партийный орган призывал всех активистов присылать со своих предприятий сведения об организации производства, перемещении штатов или же о соотношении сил между предпринимателями и профсоюзами. Многие члены партии стали "рабочими корреспондентами", испытывая гордость, что тем самым они принимают участие в подготовке материалов для газеты. Они не знали, что на самом деле были информаторами советских разведслужб.

В "Юманите" обобщением этих многочисленных добровольных корреспонденции занимался специальный отдел, отбиравший материалы, достойные опубликования. Однако главной задачей этого отдела было выявление информации, которая могла заинтересовать СССР. При необходимости кто-то из товарищей ехал на место, чтобы получить от "корреспондента" дополнительные сведения. Командировался обычно специалист по разведдеятельности, чаще всего имевший при себе знаменитый вопросник, использовавшийся еще во времена Креме.

Работой "рабкоров" руководил некто Филипп, бывший рабочий из департамента Луара, автор романа под названием "Сталь", которого на самом деле звали Клод Лиожье. В прямом контакте с Филиппом находился Исая Бир, поляк по происхождению, осуществлявший под кличкой Фантомас связь между ФКП и советским военным атташе. Однако настоящим патроном "рабкоров" с 1931 года стал Жак Дюкло.

Человек, который впоследствии станет вторым номером в партии и ее самой популярной личностью, принял тогда руководство подпольным аппаратом ФКП, после того как в начале 30-х годов впал в немилость Анри Барбе. Начав работать на Коминтерн с 1928 или 1929 года, Жак Дюкло никогда не прекращал, до самой своей смерти в 1975 году, поддерживать прямые связи с Москвой, курируя в интересах СССР всю нелегальную деятельность партии. Его роль прослеживается во всех случаях шпионажа, в которых после второй мировой войны замешана ФКП.

В 1931 году Дюкло избрали в Политбюро и Секретариат ФКП, где он занимался оргвопросами. По его поручению и под его политическую ответственность Бир, он же Фантомас, направил агентов в провинцию. Они занялись опросом "рабочих корреспондентов", которыми заинтересовались советские разведслужбы. "Рабкоры", которых опять же разоблачил патриотически настроенный активист компартии, вынуждены были законсервироваться после ареста в 1932 году Фантомаса, Филиппа и некоторых ответственных работников ФКП, таких, как Морис Гандуэн и Андре Куату. У самого Бира и у него дома полиция обнаружила секретные документы, заинтересовавшие контрразведку. 5 декабря 1932 года Фантомаса приговорили к трем годам тюрьмы.

Жак Дюкло, которого во время следствия заподозрили в причастности к делу, избежал правосудия, отправившись в Берлин, где несколько месяцев под псевдонимом Лауэр работал со знаменитым Димитровым в Бюро Западной Европы Коминтерна. Оправданный судом 4 ноября 1932 года за отсутствием состава преступления, он вернулся во Францию и прежде всего занялся "охотой за предателями", иными словами, устранением членов ФКП, заподозренных в антисталинизме. Надо думать, он очень хорошо справился с поставленной перед ним задачей, поскольку именно на него была возложена – по приказу Москвы – чреватая опасностью честь руководить партией в подполье во время оккупации. Ведь

официальный генеральный секретарь Морис Торез выехал в Москву.

В 20-х годах Франция была главной мишенью советского шпионажа, от Томмази до "рабкоров". Москва преследовала двоякую цель: собирать информацию о политике величайшей страны на континенте (Франция вышла из первой мировой войны мощной европейской державой) и получать сведения о новых технологиях французской военной промышленности, занимавшей в то время самые передовые позиции.

С 1933-1934 годов Москва стала больше интересоваться немецким и американским оружием. Франция потеряла приоритет. К тому же в то время агентов НКВД (так с 1934 года стало называться ГПУ) больше занимало устранение противников Сталина, чем раскрытие французских военных секретов, как об этом свидетельствует похищение в центре Парижа генерала Миллера (бывшего белого генерала), убийство Дмитрия Навачина (белого русского банкира) и странная смерть сына Троцкого в клинике 16-го округа Парижа. Убийство в Лозанне в 1937 году перебежчика ГПУ Игнатия Рейсса также было делом рук двух советских агентов, прибывших из Франции. Когда швейцарская служба безопасности опознала виновных, она с удивлением обнаружила, что французское правительство сознательно позволило им бежать. Париж был в первую очередь озабочен подъемом нацизма и предпочитал закрывать глаза на деятельность советских агентов: не следовало портить отношения с советским союзником.

В ФКП также происходило изменение курса. VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в Москве в июле-августе 1935 года, выступил за стратегию союза левых сил с компартиями. Французские коммунисты сразу же стали сторонниками объединения с социалистами. Приход к власти в 1936 году Народного фронта вынудил ФКП затушевать свои отношения с советскими агентами, чтобы не потерять политические выгоды поддержки правительства. Стало строго соблюдаться рекомендованное Троцким разделение нелегальной и легальной работы. С этого времени становится трудно доказать, что ФКП является одним из главных столпов советской разведки во Франции. Приходится ждать конца второй мировой войны, чтобы вновь увидеть партию замешанной в нескольких делах. В те годы ее влияние на политическую жизнь обеспечивало ей почти полную безнаказанность.

Проникновение и внедрение

Во второй половине дня 14 ноября 1947 года создатель и неоспоримый лидер УОТ Роже Вибо собрал целую небольшую армию: 400 солдат республиканских рот безопасности и моторизованных жандармов, 60 транспортных машин, два танка "ФТ Рено". Письменный приказ министра обороны Пьера Анри Тетжана давал ему полную свободу действий, включая использование при необходимости огнестрельного оружия.

Решение о блокировании лагеря "Борегар" было принято несколько часов назад на заседании Совета Министров. Контрразведке удалось наконец найти предлог для решительных действий. В донесении службы прослушивания говорилось о присутствии в этом лагере трех девочек, Марии, Зенобии и Ольги, украденных у отца, который добился права на их воспитание после развода. Эта заурядная семейная драма и послужила фоном первого за послевоенные годы серьезного дипломатического кризиса между Парижем и Москвой.

Отец детей, Дмитрий Спечинский, русский по происхождению, эмигрировавший во Францию в 1922 году, подал в установленном порядке жалобу в суд по делу о "похищении детей". Его бывшая жена, София Субботина, также русская, исчезла с тремя дочерьми 6 октября. Несколько дней спустя все четверо объявились в советском эшелоне на пограничном посту в Сарбурге. Субботину не пропустили, но полиция потеряла ее из виду и вновь нашла след только 12 ноября в "Борегаре".

Какое везение! Французские власти уже давно интересовались этим лагерем, занимавшим несколько гектаров и располагавшимся между Вокрессоном и Сель-Сен-Клу в департаменте Сена и Уаза. Там в наскоро построенных бараках с залитыми смолой крышами

ютились советские граждане, желавшие "вернуться на родину". Такова была версия советского посольства в Париже.

Лагерь был передан в распоряжение Советской Армии в 1944 году. С наступлением мира он превратился в "репатриационный лагерь" без статуса дипломатической экстерриториальности. Но у французских властей не было над ним никакого контроля. "Борегар" стал настоящим маленьким советским анклавом во Франции, в котором происходили странные вещи. Год назад, в сентябре 1946 года, около 60 французов, находившихся в лагере, оказались отправленными в СССР без ведома Парижа.

Советская миссия по репатриации строго выполняла указание Сталина: вернуть, в случае необходимости силой, советских граждан, оказавшихся в конце войны во Франции то ли потому, что они попали в плен к немцам, то ли потому, что служили в армии Власова (генерала Красной Армии, воевавшего на стороне Германии). Некоторые репатрианты были русскими эмигрантами, сбежавшими из России после Октябрьской революции и получившими французское гражданство. Нет нужды напоминать, что никого из них не встречали как героя. Большинство пополнили ряды бесчисленной армии зеков, населявших Гулаг.

Французское правительство долго закрывало глаза в надежде на взаимность. Среди договоров, подписанных де Голлем в 1944 году в Москве, было соглашение об установлении в СССР миссии по репатриации французских граждан, которых война занесла на советскую территорию (в частности, против их воли). Очень быстро стало ясно, что работа миссии наталкивается на сопротивление со стороны Советского Союза. На родину вернулось очень мало французов, как показал Пьер Ригуло в недавно вышедшей книге (Pierre Rigoulot. Des Francais au Goulag. Fayard, 1984).

У французской контрразведки, кроме того, появилась уверенность, что "Борегар" служит базой для офицеров разведки НКВД. В лагере, правда, был французский офицер, отвечавший за связь с представителями СССР, но как член ФКП он не информировал УОГ о том, что там происходит.

"Блокируйте "Борегар", вскройте нарыв!" – приказал председатель Совета Министров Поль Рамадье, когда Роже Вибо представил ему доказательства, что там находятся трое детей – граждан Франции. С точки зрения закона операция была совершенно безупречной.

Но "битвы при "Борегаре" не произошло. На советское командование произвела впечатление развернутая против него техника – перед воротами лагеря Вибо поставил танк в боевом положении, готовый открыть огонь, – и оно было вынуждено уступить. Обыск дал плачевные результаты. Кроме трех девочек, нашли два ящика с оружием – пулеметами, автоматами и гранатами. Этого было недостаточно, чтобы представить лагерь подрывным центром. Тем не менее в последующие дни правительство приняло радикальные меры: закрыло "Борегар" и выслало 19 советских граждан по подозрению в покушении на государственную безопасность.

"Грубая провокация против СССР – дружественной и союзной страны" – такой заголовок "Юманите" вынесла на всю первую полосу. "Скандальная операция", – подхватило Московское радио. "Совершенно очевидно, что все это происходит в рамках общего антисоветского плана, осуществляемого в мировых масштабах, первой жертвой которого является Франция", – объяснял по советскому радио руководитель французской репатриационной миссии в Москве полковник Маркье. Он получил этот пост по рекомендации Жака Дюкло. За эти "заявления, противоречащие истине и оскорбительные для страны", его сурово осудил министр по делам ветеранов и жертв войны Франсуа Миттеран. Маркье, в действительности имевший чин старшего сержанта и произведенный в полковники только для того, чтобы иметь возможность занять эту должность в Москве, впоследствии стал национальным секретарем по пропаганде в ассоциации "Франция-СССР". В июле 1985 года ему присвоили звание офицера Почетного легиона.

Первое выступление французского правительства против СССР не случайно состоялось только в ноябре 1947 года. Мир сползал к "холодной войне". СССР, вчерашний союзник,

отгородился "железным занавесом". В конце июня 1948 года Сталин отказался от американской помощи по восстановлению экономики (плана Маршалла), в сентябре на конференции в Склярска-Пореба в Польше Москва потребовала от всех коммунистических партий перейти в наступление. На смену Коминтерну, распущенному в 1943 году, чтобы успокоить западных союзников СССР, пришел Коминформ.

В самой Франции политическая обстановка серьезно осложнилась. Коммунисты, отстраненные от власти 4 мая 1947 года, следовали букве указаний Коминформа. По призыву ВКТ в государственных учреждениях, на шахтах, в портах проводились многочисленные забастовки. Страна находилась на грани революционного взрыва.

Была перевернута очередная страница. В течение более трех лет, от первого кабинета де Голля в сентябре 1944 года до правительства Поля Рамадье в феврале 1947 года, коммунисты пытались воспользоваться своим присутствием в нем для внедрения своих людей в государственный аппарат, чтобы иметь возможность в перспективе оказывать влияние на политику Франции.

Фактически такую политику внедрения они начали проводить с 1943 года. Еще в Алжире в окружении генерала де Голля завязались связи между представителями СССР и французскими коммунистами, политическими деятелями и участниками Сопротивления, близкими к человеку 18 июня. В число этих людей, тяготеющих к социалистическому лагерю, входил Эммануэль д'Астье де ля Вижери, будущий министр внутренних дел во временном правительстве 1944 года. Впоследствии, при VI Республике, его имя связывалось с некоторыми делами, в которые были замешаны партия и СССР.

Москва для голлистов в то время представляла собой солидного союзника и противовес Великобритании и США, с опаской относившимся к амбициям де Голля и считавшим его слишком большим националистом. СССР первым признал созданный в июне 1943 года Французский комитет национального освобождения (ФКНО) и направил в Алжир своего бывшего посла в Виши Александра Богомолова. Что касается французских коммунистов, то они внешне подчинились верховенству генерала. 4 апреля 1944 года в ФКНО вошли Фернан Гренье и Франсуа Бийу. Их можно рассматривать как первых министров-коммунистов в истории партии.

В такой атмосфере национального единства и франко-советского согласия подозрительность была неуместной. Тем не менее НКВД уже готовился к будущему и вербовал агентов. Самого известного среди них, Жоржа Пака, арестовали в 1963 году (см. часть третью).

Во Франции ФКП, действуя через созданный весной 1941 года Национальный фронт, вышла из изоляции и начала втягивать в свою орбиту деятелей, изначально далеких от ее идеологии. После войны многие из них стали попутчиками. Пользуясь своим главенствующим положением в движении Сопротивления, коммунисты также пытались взять под контроль будущие институты государства, в частности армию, разведслужбы и полицию.

С мая 1943 года движение Сопротивления теоретически объединилось под эгидой Национального Совета (НС) со штабом и органом Главкомандования (Военным комитетом действия), двое из трех руководителей которого были коммунистами: Морис Кригель-Вальримон отвечал за южную зону, а Пьер Вийон – за Национальный фронт (до войны Пьер Вийон работал на спецслужбы Коминтерна под прикрытием профсоюзного интернационала моряков). Вплоть до освобождения страны между различными группировками сохранялось соперничество. Так, Армейская организация движения Сопротивления (АОДС), состоявшая из кадровых военных, отказывалась подчиняться приказам Военного комитета действия и штаба Французских внутренних сил (ФФИ), созданных в феврале 1944 года.

Борьба за контроль над армией началась почти сразу же после высадки союзников. ФКП использовала весь свой вес, чтобы будущая армия оставалась под контролем сил Сопротивления. Кадровые военные при поддержке союзников воспротивились этому

требованию. В конце концов 29 августа де Голль принял решение: органы командования ФФИ (в которых доминировали коммунисты) были распущены. По декрету от 22 сентября участники Сопротивления, если они хотели вступить в армию, должны были оформить индивидуальные договоры на время военных действий. ФКП потерпела поражение. Вернувшись из Москвы, Морис Торез даже дал указание распустить все вооруженные формирования. Это было одним из условий соглашения с де Голлем для его возвращения во Францию.

В общем и целом ФКП удалось сохранить в армии от двух до трех тысяч коммунистов. Не так много в сравнении с ее политическим весом (получив 25% голосов на выборах в октябре 1945 года, она стала первой партией Франции). В Генштабе, несмотря на симпатии к коммунистам генералов Пети, Тюбера, Планьи и адмирала Мюзелье, влияние партии равнялось почти нулю. Среди старших офицеров она располагала такими людьми, как Роль-Танги и Жорж Бофис. Их сразу же отстранили от дел. На уровне младших офицеров, унтер-офицеров и солдат положение было гораздо лучше. Коммунисты руководили целыми батальонами, и партия призывала молодежь вступить в "борьбу против антидемократических сил".

Все эти активисты в армии получили указание скрыть свою политическую принадлежность. Еще в 1945 году они организовали подпольную иерархию (под ответственность "политических" офицеров) и сеть связи между ними и партией. Эти структуры продемонстрировали свою эффективность, когда ФКП по указанию Москвы пришла на помощь Хо Ши Мину в индокитайской войне. Вместе с тем коммунистам в целом не удалась попытка внедрения в армию.

В разведслужбах они добились не лучших успехов. Поскольку им не удалось осуществить действенный контроль изнутри за этим деликатным участком (не более 20 коммунистов сделали карьеру в спецслужбах), они попытались помешать его деятельности, в особенности когда в апреле 1945 года руководство ГСУ (Главного следственного управления, в декабре 1945 года переименованного в СРК – Службу разведки и контрразведки) перешло к полковнику Пасси. Пасси, настоящее имя которого было Деваврен, руководил голлистскими разведслужбами в Лондоне. Он был в высшей степени неприятен коммунистам.

Сменив Жака Суслея во главе ГСУ, он нашел там невероятную неразбериху. Служба насчитывала не менее 10 123 служащих, 1400 автомобилей, 123 здания или квартиры. "Пользуясь всеобщим беспорядком, ГСУ заполнило множество комбинаторов, провокаторов и более чем сомнительных агентов", – свидетельствовал позднее Пасси в "Пари пресс" (20 июня 1947 года). Среди этих агентов были и коммунисты. Цель их состояла в проникновении в секретные службы. Новый шеф предпринял большую чистку: уволил 8323 человека. ФКП этого ему не простит.

"ГСУ – Главное управление врагов Республики", – кликушествовал Андре Вюрмсер в "Юманите" после увольнений. Вся коммунистическая пресса обрушилась на "суперполицию на службе трестов". Она клеймила "организацию, построенную по модели гестапо", как заявил Жак Дюкло на митинге в "Мютюалите". Находясь под беспрестанным огнем критики, Пасси удалось провести лишь несколько реформ, затем он был вынужден уйти после отставки генерала де Голля 21 января 1946 года. Его тем не менее не оставили в покое. Новое руководство, близкое к социалистам, обвинило его в том, что во время войны он использовал казенные деньги в личных целях и для пополнения "секретных фондов", предназначенных для проведения тайных операций голлистского движения. Это дело, раздутое коммунистами, по сути, было направлено и против де Голля. В конечном счете до суда не дошло, но Пасси все же отсидел четыре месяца предварительного заключения.

Эти интриги существенно ослабили секретные службы. Кроме того, присутствие министров-коммунистов в правительстве не способствовало работе по сбору информации. Компартия поставила целью – и добилась этого – создание межведомственного комитета, включавшего министров обороны и общественного порядка, для контроля над

деятельностью СРК, УОТ и других разведслужб. Благодаря этому до мая 1947 года партия получала информацию обо всем, что происходило в разведслужбах, через своих министров авиации, вооружений и национальной обороны. Секретарь Шарля Тийона в министерствах авиации и вооружений Пьер Дэкс подтвердил, что в то время он имел доступ к докладам о работе этих служб.

"СРК была парализована", – свидетельствовал один из ее бывших руководителей. Чтобы не рисковать раскрытием агентов, начальники отделов предпочитали консервировать свою сеть до лучших времен. В общем... каждый из них старался придать себе запятой вид, но как можно меньше работать.

Советский Союз воспользовался этим параличом для внедрения "нелегалов" – офицеров КГБ или ГРУ, работавших под фальшивыми французскими документами. Их проникновение облегчалось связями коммунистов в полиции. Шандор Радо, крупный советский агент, руководивший во время войны в Женеве разведсетью, связанной с "Красной капеллой" Леопольда Треппера, рассказал, например, как он со своей женой воспользовался пособничеством компартии. В начале лета 1944 года, сбежав из Швейцарии, он с помощью коммунистов получил безкоризненные документы. "Чтобы попасть в Париж, – пишет Радо в своих воспоминаниях, – нам нужны были французские документы, иначе нас могли арестовать. Верховный комиссар Лиона Ив Фарж выдал нам паспорт, удостоверявший, что мы были жителями Лотарингии" (Sandor Rado. *Sous le pseudonyme Dora. Julliard*, 1972).

Радо оставался во Франции всего несколько месяцев, а сколько там обосновалось других агентов? Даже сегодня невозможно ответить на этот вопрос. Известно, например, что перебежчик КГБ в 60-х годах информировал УОТ о работе советского "нелегала" на югозападе Франции с самого конца войны. Он получил подложные документы с помощью местных коммунистов. По сведениям перебежчика, он настолько вжился, что стал мэром города. Основываясь на этих данных, контрразведка искала его несколько лет. Безрезультатно.

В Тулузе, в Лиможе, как и в Лионе, с самого освобождения страны партия наложила руку на префектуры. В Париже осенью 1944 года "руководителем полиции был коммунист", – утверждает Радо в своих воспоминаниях. В 1945 году из 22 тысяч парижских полицейских три тысячи состояли в ФКП. Такой охват позволял без труда выдавать фальшивые удостоверения личности.

Чистка коллаборационистов также способствовала проникновению коммунистов на государственную службу и в сферу промышленников. Благодаря захваченным ФТП в освобожденных городах архивам оккупационных властей ФКП получила компрометирующие досье. Некоторые из них она уничтожила, но сохранила дела на тех, кто был связан с врагом. Благодаря этому каналу были проделаны важные операции по манипуляции делами определенных лиц.

Ветеран гражданской войны в Испании Роже Коду вышел из компартии в 1956 году. В своих воспоминаниях (Roger Caudou. *Le Sabochard. Maspero*, 1982) он рассказал, при каких обстоятельствах ему стало известно об одной из таких манипуляций. В ведомстве Шарля Тийона, министра авиации с октября 1944 по ноябрь 1945 года, Коду занимался социальными вопросами на авиазаводах и из-за этого чуть не лишился места.

В то время должность президента-директора Национального общества самолетостроения юго-востока, очень живо интересовавшую коммунистов, занимал Андре Депре. Он был членом ФКП и имел безкоризненное прошлое участника Сопrotивления. Состоял в ФФИ в звании полковника. Прекрасное прикрытие. Но оно рухнуло в тот день, когда Коду по чистой случайности узнал, что Депре был осведомителем гестапо. Началом его конца стала фотография Депре в форме полковника рядом с Шарлем Тийоном, помещенная на первой полосе "Юманите". От многих членов компартии в министерство поступили предупреждения об истинном прошлом президента-директора. Коду, которому поручили провести конфиденциальное расследование, без труда установил, что Депре был членом Французской народной партии (ФНП) Жака Дорио и одним из создателей АКСП –

антикоммунистической полицейской службы Виши. По этому вопросу он составил отчет с неопровержимыми доказательствами для партийных органов и для министерства авиации. Несколько дней спустя ему сообщили, что Шарль Тийон собирается его уволить и, более того, требует исключения из партии. Прежние товарищи Коду сразу же от него отвернулись. Его вызвал министр; от него потребовали выступить с самокритикой перед собравшимися сотрудниками. Его объявили троцкистом, получившим задание дезорганизовать работу авиапромышленности и скомпрометировать министерство. Коду, заклеенный партией, которой он отдал всю свою молодость, увидел было, как рушится весь его мир.

К счастью для него, дело разрешилось так же быстро, как и завязалось. Однажды в воскресенье, когда он в кабинете приводил в порядок свои дела, в министерство поступило конфиденциальное письмо от руководства партии. Осведомитель в УОТ предупреждал ФКП, что полиция собирается завести дело на Депре по обвинению в коллаборационизме. Тийону предписывалось принять срочные меры и избавиться от этого президента-директора, ставшего вдруг таким неудобным. Что он и сделал в течение суток. Одновременно великодушный министр простил своему честному сотруднику его служебное рвение. Роже Коду восстановили во всех его званиях, но отныне он потерял священный огонь.

Пьеру Гюэ и Александру Володину (обоих не привлекли к суду, и в том и в другом случае речь идет о псевдонимах) повезло больше, чем якобы полковнику ФФИ. И тот и другой были коллаборационистами во время войны и продолжали свою карьеру благодаря тому, что ФКП "отмыла" их за некоторые услуги.

УОТ заинтересовалось Пьером Гюэ в 70-х годах. Занимая высокое положение, он только что назначил подозрительную личность на "ответственную" для национальной безопасности должность. Этого человека, работавшего в службе "Б" во время войны (в службе разведки ФТП), выдворили из полиции в конце 40-х годов за связи с ФКП и СССР. Контрразведка решила провести расследование, чтобы разобраться в причинах этого странного продвижения. Полицейские раскрыли невероятную историю.

Согласно официальной биографии, зафиксированной в сборнике "Кто есть кто", Пьер Гюэ – офицер Почетного легиона и кавалер военного креста за кампанию 1939-1945 годов, что свидетельствует о его храбром поведении во время оккупации. Кроме того, он попал в плен к немцам и был награжден медалью за побег, который он совершил из поезда, увозившего его в Германию.

Факты, которые УОТ удалось установить в его родных краях, никак не увязывались с таким героическим прошлым. Руководители местного Сопротивления хорошо его помнили. Он считался опасным коллаборационистом. Работая в аппарате интендантской службы полиции крупной префектуры на юго-западе страны, Пьер Гюэ поддерживал тесные и дружеские связи с двумя офицерами гестапо – Швейцером и Штуббе. Группа Сопротивления "Вира" даже получила из Лондона приказ убить его. В архивах БСРА (голлистской разведслужбы во время войны) полицейские нашли его фамилию в списках подозрительных лиц с пометкой: "явный коллаборационист". В СРК Пьер Гюэ также проходил как "активный коллаборационист". Наконец, полковник Пасси в одной из своих книг упоминал о нем как о человеке гестапо.

Кто перечеркнул это неудобное прошлое? Какая рука, какая организация сделала из Гюэ заслуженного участника Сопротивления? Характеристики на него относятся еще к 1953 году. Их подписали два человека. В первой утверждалось, что он был членом организации Сопротивления "Тайандье-Моранж". Никто из ветеранов этой организации не помнил о нем. Вторая характеристика написана человеком, которого Гюэ как раз и назначил на "ответственную" должность. Все становится ясным. Примерно 20 лет спустя он оплатил по долгам. Отношения его "благодетеля" с ФКП дают основания считать, что он действовал по приказу. Короче говоря, своим прошлым участником Сопротивления Пьер Гюэ обязан коммунистам, составившим его добротное личное дело, включая и эпизод побега из поезда. Цель операции: создать ему необходимый ореол для облегчения карьеры в административном аппарате. Служба национальной безопасности, органы префектуры,

министерство внутренних дел – Гюз быстро поднимался по служебной лестнице и в конце концов оказался на очень интересном посту, в особенности для тех, кто держал его в руках.

С результатами расследования было ознакомлено высшее руководство страны. Против ожидания он не понес никакого наказания. Его просто лишили доступа к "оборонным секретам", который имели только надежные высокопоставленные должностные лица. Как масону ему оказала поддержку его ложа, весьма влиятельная в политическом мире, приложив усилия, чтобы его подлинная биография была забыта.

Дело Александра Володина сложнее. Он родился в начале века в России в семье царского чиновника и приехал во Францию после первой мировой войны. Закончив высшее учебное заведение в Париже, он в 30-х годах получил французское гражданство и поступил на работу в секретариат тогдашнего министра авиации Марселя Дэа. После мобилизации в 1939 году он оказался в Виши в окружении Лавалья и Дэа и активно сотрудничал с немецкими секретными службами. После освобождения Франции он был задержан военной контрразведкой, затем вызволен офицером ГСУ, состоявшим в компартии, который устроил его в разведслужбу. Он находился там на довольствии больше года, пока полковник Пасси не навел порядок в хозяйстве. Впоследствии он служил в министерстве снабжения, затем в Институте атомной энергии, наконец, занимал административную должность на крупном предприятии. Володин поддерживал прекрасные отношения с Антуаном Пинэ, когда тот был председателем Совета Министров (1953), и часто приглашался на завтраки в Матиньон.

Сблизившись затем с голлистскими кругами, он начал усердно посещать кулуары власти после возвращения генерала де Голля к руководству государством в 1958 году. Именно поэтому им заинтересовалась контрразведка. Человек со странным прошлым. УОТ обнаружило старое дело, заведенное Службой общей безопасности, из которого явствовало, что в 1941 году он вступил в Народное объединение Марселя Дэа (членский билет N 421824), не прекращая тесных связей с СССР, в контакт с агентом которого он вошел еще в 1936 году.

В Виши Володин часто встречался с Александром Богомоловым – поверенным в делах СССР при режиме Петена. Причем это не мешало ему сотрудничать с немецкими секретными службами. После освобождения страны все тот же Богомолов, которого оставили послом Советского Союза во Франции, часто обращался к нему для получения различного рода сведений. В 1946 году советские службы считали его лучшим источником информации о закулисных сторонах французской политики. Два года спустя Служба общей безопасности установила, что с ним работает некто Годунов – первый секретарь посольства, представитель Коминформа во Франции. Володин поддерживал также связь с руководителем Советского Информбюро во Франции Алексеевым.

Когда эти факты стали известны УОТ, прошло больше 10 лет и истек срок давности. Судебное преследование было уже невозможным. В 1958 году казалось, что Володин "образумился". По результатам же расследования, проведенного Службой общей безопасности в конце 49-х годов, не было выдвинуто никакого обвинения. А ведь в то время Володин был активным советским агентом. В записке Службы общей безопасности утверждалось, что он тогда был связан с высшими руководителями компартии. Это, возможно, и объясняет, почему его так и не потревожили.

Жан Жером и компания

Пришлось ждать 27 мая 1983 года, чтобы самый таинственный человек Французской коммунистической партии предстал наконец перед публикой, хотя и не раскрыв при этом своей истинной роли. В тот день Жан Жером, представлявший свою книгу "Доля людей" (Jean Jerome. La part des hommes. Edition Acropole, 1983) перед телеобъективами передачи "Апостроф", явно скромничал. Он показывал себя простым членом ФКП, заурядным винтиком коммунистической машины. С улыбкой на лице и приветливым видом он с ловкостью профессионала двойной игры отражал атаки своих оппонентов.

На самом же деле Жан Жером, настоящее имя которого Мишель Фентюк, на протяжении почти 40 лет оставался ключевой фигурой в подпольном аппарате ФКП, распоряжаясь одновременно финансами партии и продвижением "кадров". Благодаря тесным связям с Москвой его партийная деятельность, по существу, увязывалась с целями, преследуемыми Советским Союзом во Франции. Вместе с ним мы вступаем в особо секретный мир взаимоотношений ФКП и СССР, в том числе в деликатную область шпионажа.

Мы видели, что во время оккупации Жан Жером поручил Жоржу Бофису создание радиосети для облегчения связи коммунистического Сопротивления с Москвой. В то время он был "министром финансов" ФТП, эту же должность он сохранил за собой в ФКП после освобождения Франции. Опыт в данной области он приобрел в Испании, где ему как агенту Коминтерна было поручено обеспечивать материальную поддержку Интернациональным бригадам. Кроме того, Жан Жером, по-видимому, с самого начала своей партийной карьеры имел тесные связи с советской разведкой. Вскоре после приезда во Францию в 1929 году (родом из Польши, он сначала обосновался в Бельгии, перевалочном пункте Коминтерна, пока его оттуда не выдворили) Жером в Париже вступил в контакт с Реденсом, занимавшим высокий пост в НКВД. С этого момента история его жизни удивительным образом напоминает жизнь одного из самых известных советских шпионов – Леопольда Треппера, руководившего во время войны "Красной капеллой". Вплоть до 1945 года их судьбы во многом сходятся.

Жером и Треппер приехали во Францию в один и тот же год. Из мемуаров последнего (Leopold Trepper. *Le Grand Jeu*. Albin Michel, 1975) известно, что будущий шеф "Красной капеллы" прошел впоследствии в Москве специальные курсы в советской военной разведке. Автобиография же Жана Жерома содержит любопытные "пробелы" после периода, когда он занимался поставками оружия Интернациональным бригадам. Можно предположить, что в 1938-1939 годах он был на учебе в советской столице.

Несмотря на то что с середины 30-х годов он состоял на учете во французской полиции как активист компартии, Жерому вскоре после объявления войны удалось поступить на работу на оружейную фабрику, осуществлявшую поставки французской армии. В это же время Леопольд Треппер развернул во Франции свою разведывательную сеть, работавшую на Красную Армию. Была ли между ними связь? Поставлял ли Жером информацию Трепперу? Вопросы, на которые даже сегодня нельзя дать ответ.

Весной 1941 года оба они различными путями предупредили Москву о неминуемом нападении Германии. Треппер использовал подпольные радиопередатчики. Жером направил послание через Жака Дюкло. Руководитель "Красной капеллы" получил информацию от барона Василия Максимовича – русского эмигранта, связанного с немецкими офицерами в Париже. Источник информации Жана Жерома неизвестен. Эта деталь имеет значение: идет ли речь о том же Максимовиче или о другом осведомителе, в любом случае это доказывает как минимум, что у Жерома были связи с лицами, близкими к германскому штабу верховного командования и имевшими возможность быть в курсе тайных планов Гитлера.

Для прикрытия разведывательной деятельности Треппер в конце 1941 года создал в Париже торговое общество "Симекс". В задачу этой фирмы входило сотрудничество с нацистской организацией Годта (строившей "Атлантический вал") и одновременно проникновение в нее для получения сведений о немецкой обороне. Жером со своей стороны стал финансистом коммунистического Сопротивления, начавшего активные действия после разрыва советско-германского договора. Так и остается невыясненным, как он получал деньги для обеспечения деятельности многочисленных групп ФТП.

Жана Жерома арестовали в апреле 1943 года по обвинению в "использовании фальшивых документов", он провел 16 месяцев в тюрьмах "Санте" и "Турель" без всяких для себя последствий. Его выпустили на свободу в августе 1944 года после освобождения Парижа.

"То, что я вышел живым из этой авантюры, граничило с чудом, ведь я не пользовался

расположением какого-либо святого, во всяком случае, насколько мне известно", – писал он в своих воспоминаниях, не вдаваясь в другие подробности. Как могло произойти, что члена подпольного аппарата ФКП, выходца из Польши, кроме всего прочего еврея, не допрашивали, не пытали и не депортировали?

Без сомнения, у него была мощная поддержка, раз ему удалось избежать роковой участи. Эту поддержку, видимо, следует искать в лице Иосифа Иоановича, человека необычайной судьбы, о котором столько писали газеты после войны, старьевщика, ставшего миллиардером благодаря сотрудничеству с нацистами.

Изначально у сотрудника Коминтерна Жана Жерома и примитивного мошенника Иосифа Иоановича не могло быть ничего общего. Тем не менее, судя по всему, они были связаны еще до войны. Надо ли этому удивляться, если известно, что "старьевщик-миллиардер", умерший в Париже в 1965 году, тоже работал на международное коммунистическое движение?

Иосиф Иоанович родился в 1905 году в Кишиневе (Бессарабия) и считался русским евреем, во всяком случае до присоединения этого края к Румынии в 1920 году. Приехав во Францию в 1925 году, он выдал себя за румына. По легенде, свои первые франки он заработал, разгребая мусорные ящики. Затем, пользуясь своим нюхом в делах, он не замедлил стать богатым, занимаясь восстановлением всякого рода вещей (то есть старьевкой). Когда началась война, он уже был миллионером. За крупную взятку власти в Виши закрыли глаза на его еврейское происхождение, и он занялся продажей металлов нацистам. Заодно он стал осведомителем абвера и гестапо. В 1943 году, почувствовав, куда подул ветер, Иоанович начал снабжать деньгами Сопротивление, в частности подпольную организацию "Честь и полиция". Он поставлял ей и оружие, не прекращая сотрудничать с гестапо. Поскольку он стал двойным агентом, трудно сказать, на кого он действительно работал – на Сопротивление или на оккупантов. Как бы там ни было, после освобождения страны он миллиардер. Многие деятели (в том числе будущий министр Эдгар Пизани) засвидетельствовали, что он боролся с нацистами. Имея большие связи в полиции, он в течение многих лет пользовался полной безнаказанностью, даже когда против него было возбуждено дело за экономическое сотрудничество с врагом. После многочисленных и неожиданных поворотов, которые смаковала пресса, его в конце концов судили, приговорили к тюремному заключению, затем сослали под надзор в Лозер. В конце жизни Иоанович пытался укрыться в Израиле. Он умер во Франции, почти разорившись.

Эта судьба необычна уже сама по себе, но за ней скрывалась другая жизнь – служба Коминтерну, – что и объясняет его связи с Жаном Жеромом. По сведениям коммунистов, участвовавших в гражданской войне в Испании в составе Интернациональных бригад, именно в то время они начали работать вместе, поставляя республиканцам металл, что вполне соответствовало роду занятий торговца металлоломом Иоановича. Впрочем, в начале войны этот спекулянт уже был в прекрасных отношениях с советскими агентами. 15 апреля 1941 года он стал гражданином СССР и получил документы у советского поверенного в делах при режиме Виши Александра Богомолова. Советский гражданин, еврей Иоанович продолжал тем не менее сотрудничать с оккупантами даже после разрыва пакта Гитлера-Сталина. На деле он был не двойным, а тройным агентом: одновременно работал на нацистов, на Сопротивление и на Москву. Вполне вероятно, что именно благодаря сотрудничеству с немцами он пополнял кассу Жана Жерома – "министра финансов" коммунистического Сопротивления.

Когда последнего арестовали в апреле 1943 года, Иосиф Иоанович, по-видимому, предпринял меры, чтобы помочь своему "клиенту". И быш в этом не одинок.

По логике, после выхода на свободу в 1944 году Жан Жером должен был выглядеть крайне подозрительно. Почему же его пощадили нацисты? Москва с полным правом могла задаться вопросами относительно его поведения в тюрьме. Многих агентов Коминтерна после войны ликвидировали за гораздо меньшие прегрешения. Леопольда Треппера, например, в 1947 году приговорили в СССР к 15 годам "изоляции" (после смерти Сталина

его реабилитировали). Жерома же, напротив, восстановили во всех должностях, и вплоть до 70-х годов он продолжал играть кардинальную роль в деятельности Коммунистического Интернационала во Франции. Этому необычному доверию Москвы можно дать только одно объяснение: помощь, которой он пользовался во время заключения, была санкционирована Советским Союзом. Следовательно, человек или люди, спасшие его от трагической участи, тоже работали на СССР. Именно к этому выводу подводит Огюст Лекер в своей статье в журнале "Эст э Уэст" (июль 1985 года). "Жан Жером никогда не делал тайны из своих связей с СССР, – писал человек, который во время оккупации был секретарем подпольной организации компартии. – Тщательно продуманные меры по прикрытию его работы облегчали задачу. После освобождения Франции мы ознакомились с рапортом полиции о его аресте и заключении (рапорт был передан в советское посольство). Против него не могло быть выдвинуто никаких обвинений. *Помощь*, которой он пользовался, сочли непредосудительной (выделено автором).

"Непредосудительная помощь"? Во время войны Жан Жером получал приказы непосредственно из Москвы через "советскую колонию", подпольно обосновавшуюся во Франции. В этой "колонии", которая состояла из нелегалов, живших по фальшивым документам, были агенты, по всей видимости двойные, имевшие выход на нацистское руководство в столице. С некоторыми из них Жером был связан, что доказывают переданные им весной 1941 года сведения о нападении на СССР. После его ареста эти лица вмешались, чтобы оказать ему помощь. В глазах Москвы они не могли быть подозрительными. Таким образом, их помощь сочли непредосудительной. То же относилось к Иоановичу – одновременно осведомителю гестапо и Коминтерна.

Жерома освободили из тюрьмы 19 августа 1944 года. ФКП занялась перекройкой прошлого по его мерке. Все упростилось тем, что партии удалось заполучить из префектуры полиции его дело (об аресте и заключении). Это подтвердил Огюст Лекер: "Дела спецбригад исчезли. Первая часть была похищена скомпрометировавшими себя полицейскими. Вторая – сотрудником Робера Балланже, который в багажнике привез в резиденцию партии шесть толстых картонок с делами, в том числе дело Жана Жерома".

Обелив его, оставалось только создать легенду образцового участника движения Сопротивления. При том влиянии, которым пользовалась партия после освобождения страны, это было детской игрой. Его произвели в майоры ФФИ и в дополнение наградили военным крестом с двумя благодарностями в приказе (что обычно свидетельствовало о храбром поведении в бою). Нет слов, если учитывать, что он никогда не принимал участия в боевых действиях.

К несчастью для него, в старом шкафу префектуры полиции нашли постановление 1931 года о его высылке как агента Коминтерна. Несмотря на эти (новые) боевые заслуги в Сопротивлении, Жером, оставаясь поляком, подвергался опасности высылки. Следовало по возможности быстрее дать ему французское гражданство, главным образом для того, чтобы он мог продолжать выполнять те задачи во Франции, которые перед ним ставила Москва. ФКП выправила положение. Прежде всего она приняла меры, чтобы отменить постановление о высылке. Это было сделано в феврале 1945 года не без помощи Андре Блюмеля, в то время заведующего секретариатом министра внутренних дел. По профессии адвокат, член СФИО, Андре Блюмель впоследствии раскрылся как активный попутчик ФКП. Он стал членом руководства общества "Франция-СССР", в муниципальный совет Парижа его избрали по спискам лиц, сочувствовавших коммунистам. Устранив непосредственную опасность, партия использовала все свое влияние в правительстве, чтобы добиться для Жерома французского гражданства. Он его получил 5 марта 1947 года, за два месяца до вывода министров коммунистов из правительства. Теперь наконец у него появилась возможность в полной мере проявить свои таланты.

"Во время войны Жан Жером стал крупным функционером международного аппарата, – считает Филипп Робриё, включенный после войны в руководящий состав ФКП и, следовательно, отчитывавшийся только перед Центром (Москвой). – Если эта гипотеза

верна, вполне возможно, что о своих делах он ставил в известность только двух людей во Франции (вероятно, одного независимо от другого): Мориса Тореза – по вопросам, касающимся политики, и Жака Дюкло – обо всем, что относится к сотрудничеству с советскими разведслужбами" (Philippe Robrieux. Histoire interieure du parti comuniste, tome 4. Fayard, 1984).

Став одновременно сильным человеком и серым кардиналом партии, Жером до 70-х годов контролировал ее финансовый и подпольный аппараты. Даже сегодня трудно оценить размах его тайной деятельности. Единственные имеющиеся в распоряжении данные исходят от бывших коммунистов, в тот или иной момент оказавшихся рядом с замкнутыми сферами, в которых он вращался.

К этим людям относится Роже Панкен, в начале 50-х годов работавший в личном секретариате Жака Дюкло и занимавшийся вопросами кадров и безопасности. В этом качестве он часто бывал в дипломатических представительствах социалистических стран. Там он видел Жана Жерома, на равных обсуждавшего с послами или специальными представителями отправку по ту или другую сторону "железного занавеса" руководящих кадров партии (или офицеров разведки?).

Роже Коду, после войны работавший – по рекомендации ФКП – в польской фрахтовой компании "Ботранс", также столкнулся с его некоторыми сомнительными делами в отношении восточноевропейских стран: фальшивые накладные, отправка бывшего в употреблении оборудования по цене нового и т.д. Такими окольными путями пополнялась партийная касса за счет социалистических стран. В качестве компенсации "министр финансов" добывал им стратегические материалы под самым носом у КОКОМ – органа, контролирующего западный экспорт в Восточную Европу. Он создал сеть фирм по импорту-экспорту ("Берим", "Сифаль", "Сорис" и др.), часть которых активно работает до настоящего времени.

Однако этой коммерческой сети было недостаточно для финансирования громадного партийного аппарата. С начала 50-х годов ФКП начала переживать финансовые трудности. После вывода министров из правительства для удовлетворения своих потребностей она могла рассчитывать только на общественные источники, и, хотя она заявляла о миллионе членов партии (цифра, вероятно, завышена), членских взносов не хватало для работы огромного аппарата. Кроме того, снизился тираж коммунистической прессы: например, "Юманите" с 500 тысяч экземпляров в 1947 году до 190 тысяч в 1952 году. Руководство было вынуждено сделать выбор. Оно решило продать один из самых замечательных образцов своей коммерческой деятельности – символ революционного прошлого партии – компанию "Франс-навигасьон".

"Франс-навигасьон", созданная в 1937 году с помощью Коммерческого банка Северной Европы (советского банка, основанного в Париже в 1924 году), первоначально предназначалась для помощи испанским республиканцам. Ее корабли (у компании их было около 80) служили, в частности, для перевозок оружия, которые по приказу Коминтерна курировал Жан Жером. После оккупации корабли конфисковали, и большая их часть была потоплена во время войны. После освобождения Франции в качестве возмещения военных убытков ФКП добилась правительственных дотаций для восстановления флота. "Франс-навигасьон" включили в руководимый Жеромом коммерческий аппарат партии.

Когда Управлению по охране территории стало известно о намерении компартии продать корабли для пополнения кассы, оно напрямую связалось с возможными покупателями, чтобы помешать сделке. И все же продажа "Франс-навигасьон" принесла ФКП круглую сумму в три миллиарда франков. Сделка в конце концов состоялась при посредничестве человека, которым долгое время интересовались УОТ и СРК, причем обе службы были убеждены, что он работает на СССР. Тем не менее французские службы так по-настоящему и не побеспокоили эту таинственную личность с неясным прошлым, многочисленными связями и знакомствами в политических кругах.

Одним из самых странных было дело Альбера Игуэна. То, чем он занимался в ФКП, во

многих отношениях напоминает роль Жана Жерома. Но если за действиями последнего хоть как-то можно проследить благодаря свидетельствам бывших членов партии, то Игуэн оставался за кулисами, ступенька за ступенькой поднимаясь по общественной лестнице и сделав образцовую карьеру, что позволило ему общаться с грандами финансового и политического мира и стать их протеже.

В 1952 году Альбер Игуэн вошел в административный совет "Франс-навигасьон". Несколько месяцев спустя он купил контрольный пакет акций. После того как 23 января 1953 года его назначили президентом компании, он приступил к ее ликвидации, продавая корабли поштучно и тем самым обходя наложенные службами безопасности негласное эмбарго. Обладая ярко выраженной деловой хваткой, он впоследствии взял под контроль Парижское банковское общество, затем Северный консорциум и приобрел акции в страховых и таксистских компаниях и в обществе по продаже недвижимости. В 1955 году он стал миллиардером.

В это время его и арестовало УОТ. Впервые он слегка вышел из тени. Его имя появилось на первых страницах газет. Речь шла о шпионаже, затем об использовании чужих документов. Два года спустя органы правосудия оправдали его. Альбер Игуэн вновь занялся делами, но в контрразведке досье на него не закрыли. Публика о нем больше ничего не слышала. У полицейских службы безопасности тем не менее оставалась уверенность, что он был большим человеком в международном коммунистическом аппарате.

Попытаемся разобраться.

Альбер Игуэн (его настоящее имя – Хаим Давид Яллер) в молодости был известен под разными фамилиями. Он родился в Трагуле-Фрумофе в Румынии 3 февраля 1915 года и приехал во Францию в 1933 году. Два года спустя он поступил в специальную школу общественных наук. В 1937 году прошел обучение на курсах технических служб префектуры Сены. В том же году Игуэн вроде бы совершил путешествие на корабле компании "Франс-навигасьон" ("Гильвинек") в составе советской миссии в Испании. 24 декабря 1938 года под именем Яллера получил французское гражданство. Был мобилизован и оставался в армии до 6 августа 1940 года. Демобилизовался в звании сержанта. До этого момента его биография кристально чиста. Затем следы теряются.

Яллер исчез на два года. Он объявился в Тунисе в инженерной роте в звании прапорщика. Теперь его звали Даниэль Жалле, который родился 10 февраля 1915 года в Волькеринкове на севере Франции. Почему он сменил фамилию? Это покрыто тайной. Любопытно отметить, что с этого времени его жизнь получает совсем иную ориентацию. Ему удалось добиться перевода в военно-воздушные силы и войти в окружение Фернана Гренье, который в то время был представителем ФКП при генерале де Голле в Алжире. Гренье, тесно связанный с СССР, был в апреле 1944 года назначен комиссаром по делам авиации в созданном генералом Французском комитете национального освобождения. Хаим Давид Яллер, он же Жалле, стал сотрудником секретариата Гренье. Вместе с ним он вошел в освобожденный Париж и в сентябре 1944 года был назначен на службу в министерство авиации под начало Шарля Тийона. При бывшем руководителе ФТП он оставался до вывода коммунистов из правительства (Тийон последовательно занимал посты министра авиации, вооружений, восстановления и градостроительства).

Ни у кого нет ясного представления о делах Яллера-Жалле в те времена. По словам Пьера Дэкса, работавшего секретарем Шарля Тийона, о своей деятельности он, как и все коммунисты из окружения Фернана Гренье в Алжире, в большей степени отчитывался перед СССР, чем перед ФКП. Роже Коду, также работавший в секретариате Тийона, вспоминал, что Яллер-Жалле, занимавшийся техническими службами, разъезжал по военно-воздушным базам всей Франции. Исходя из этого, возможны всякие предположения...

В октябре 1945 года наш деятель снова сменил личину. Он заявил, что Жалле – его подпольная кличка в Сопротивлении, что на самом деле его зовут Альбер Игуэн и что он родился в 1917 году на французском теплоходе "Латуш Тревилль" по пути в Буэнос-Айрес. Он утверждал, что отец его неизвестен и что он взял фамилию матери. Тот факт, что Даниэль

Жалле и Альбер Игуэн – одно и то же лицо, подтвердили под присягой три человека: армейский капитан (член ФКП), секретарь федерации металлистов ВКТ и бывший член ФТП. Он оформил документы на новую фамилию при помощи высокопоставленного чиновника министерства восстановления (руководимого Франсуа Бийю) и журналиста-коммуниста, которые пришли с ним в качестве свидетелей в префектуру.

Как и в 1942 году, причины, по которым Хаим Давид Яллер сменил фамилию, неизвестны. Много лет спустя полицейское расследование установило, что было два Альбера Игуэна. Первый умер в возрасте трех недель, второго, воевавшего в Интернациональных бригадах, убили во время гражданской войны в Испании. Было ли об этом известно Яллеру?

Под своей новой фамилией он и привлек к себе внимание французских служб. После вывода министров-коммунистов из правительства он принял руководство Европейским промышленным и коммерческим обществом (СЕПИК). СРК подозревала, что это общество, принадлежавшее на равных паях поляку Ароновичу и директору Банка франко-румынского кредита Чуновскому, служило ширмой для нелегальных поставок товаров в страны Востока. Для наблюдения за обществом секретные службы ввели туда своего агента. Вот его свидетельство: "При первом внедрении в советскую разведывательную сеть мой бывший командир в движении Сопротивления Анри Рибьер, ставший руководителем СРК, сказал мне: "Ты должен от нас уволиться".

Я сильно рассердился. Но это оказалось необходимым, поскольку он попросил меня войти в разведывательную сеть не для того, чтобы ее с самого начала разрушить, а просто для наблюдения за ней и выяснения, не занимается ли она контрабандой военного оборудования. В двух словах все происходило так: от фиктивной технической ассоциации, называвшейся импортером, мы получали польский уголь, а предполагаемые доходы от продажи этого угля поступали в специальную кассу. По просьбе Варшавы мы покупали станки для тяжелой и легкой промышленности. Теоретически пункт назначения – Польша. На самом деле мы отправляли геодезические приборы, карты в Польшу, в СССР, в Югославию, в Китай... Все проходило через нас. Проблем не возникало, пока речь шла о гражданском оборудовании, но вскоре поступили военные заказы: мне направили требование на торпеды 550-го калибра. Мы в СРК были вынуждены приступить к ликвидации сети". Из Франции выслали несколько поляков, в том числе совладельца СЕПИК Ароновича. Альберу Игуэну удалось ускользнуть. В то время уже было ясно, что он работал в сотрудничестве с Жаном Жеромом на пополнение кассы ФКП. "Я пришел в СЕПИК, чтобы обговорить условия отправки в Польшу крайне деликатного груза, – рассказывает Роже Коду. – Дверь комнаты, в которой я сидел, была открыта, и в конце коридора я увидел Жалле. В партийных кругах его продолжали называть этим именем. Он тоже меня заметил, сразу же подошел ко мне и сказал: "Ты меня не знаешь и не называешь на "ты". Я здесь делаю деньги".

Когда 16 мая 1955 года УОТ арестовало его, полицейские попытались официально выяснить его подлинную фамилию. К этому времени он был владельцем нескольких предприятий, и его подозревали в экономическом шпионаже в пользу СССР через посредство своих фирм. Задача оказалась сложной. Никто не может запретить бизнесмену сообщать кому бы то ни было информацию, прямо или косвенно затрагивающую его интересы. Расследование УОТ ничего не дало. Оставался вопрос выяснения личности. И здесь Яллеру удалось доказать свою добропорядочность. 8 октября 1957 года его признали невиновным, и он получил право официально называть себя Альбером Игуэном.

За десять лет после вывода министров-коммунистов из правительства он проделал значительный путь. Его безнаказанность, возможно, объяснялась влиянием, приобретенным в финансовых и политических кругах. Игуэн начал карьеру в 1947 году под покровительством директора Коммерческого банка Северной Европы (советского банка) Шарля Ильсема, но впоследствии освободился от его опеки. Нажатыми миллиардами он обязан своей деловой хватке и умению использовать прикрытие влиятельных лиц.

В 1954 году, занимаясь распродажей кораблей "Франс-навигасьон", Альбер Игуэн

приобрел Парижское банковское общество (ПБО). Для осуществления этой покупки он добился разрешения Банковской контрольной комиссии и попросил у властей Национального кредитного совета разрешения на преобразование ПБО в коммерческий банк. В этих делах ему оказывал поддержку председатель Союза банков Парижа и депутат от голлистской партии департамента Де-Севр Пьер Лебон. К тому времени Лебон уже совершил несколько поездок за "железным занавес" и выступал за улучшение экономических отношений между Востоком и Западом. Несколько месяцев спустя, в марте 1955 года, депутат принял участие в организованном ФКП митинге на зимнем велодроме, где стоял рядом с членом Политбюро Лораном Казанова.

Находясь во главе Парижского банковского общества, Игуэн в 1954 году спас от краха молодого, впоследствии ставшего очень могущественным деятеля прессы Робера Эрсана. Будучи владельцем "Авто-журналь", Эрсан восстановил против себя автомобильную фирму "Ситроен", опубликовав секретные чертежи двигателя будущей модели "ДС-19" и снятые подпольно фотографии новой машины. После этих публикаций "Ситроен" потребовал от журнала 150 миллионов франков в качестве возмещения убытков (чего он так и не добился) и оказал давление на все банки, дабы они прекратили финансирование "Авто-журналь". Находясь на грани финансовой катастрофы, Эрсан удерживался на плаву благодаря ПБО до мая 1956 года, когда Игуэн продал свой банк фирме "Симка". Помимо деловых связей эти два человека поддерживали прекрасные личные отношения. Когда избрание Робера Эрсана депутатом от радикальной партии в департаменте Уаза было признано Национальной ассамблеей недействительным (18 апреля 1956 года) из-за его коллаборационистского прошлого, Игуэн оказал негласное давление на его главного обвинителя мэра Компьеня Жана Лежандра, чтобы тот прекратил свою кампанию. В конце концов несколько недель спустя директор "Авто-журналь" был с блеском переизбран.

В число знакомых Альбера Игуэна входили также генерал Шевранс-Бертен – бывший член Консультативной ассамблеи в Алжире, генеральный советник департамента Уаза, и Эдуар Корнильон-Молинье – депутат от ЮНР департамента Альп-Маритим, бывший министр и заместитель председателя Совета Министров (в 1957 и 1958 годах). Этот политический деятель, ставший в конце жизни заместителем директора "Гомон", активно участвовал в поставках оружия Интернациональным бригадам во время гражданской войны в Испании. В то время он работал в принадлежавшей Коминтерну авиационной компании, одним из основных "акционеров" которой был Мишель Фентюк, он же Жан Жером. По словам бывшего высокопоставленного деятеля ФКП, Корнильон-Молинье продолжал оказывать услуги партии – "с большим энтузиазмом" – по крайней мере до 50-х годов. Наконец, когда Игуэн взял под контроль Северный консорциум, имевший интересы во многих предприятиях, он назначил своим заместителем Жозефа Лане – сенатора и бывшего государственного секретаря в кабинете Мендес-Франса (в 1954-1955 годах). Впоследствии Лане стал одним из главных вдохновителей клубов "За новый общественный контракт", созданных Эдгаром Фором.

В отличие от Жана Жерома Игуэн, по-видимому, отошел от партии в конце 50-х годов, во время десталинизации. Как представляется, он принадлежал к тому крылу международного коммунистического движения, которое к тому времени впало в немилость. Это всего лишь гипотеза. Во всяком случае, контрразведка, возможно прекратившая за ним наблюдение, не находила больше в его поведении ничего предосудительного. В 1960-1970 годах он руководил холдинговой компанией "Кофрапар" с капиталом в 25 миллионов франков, имевшей интересы в восьми самых передовых французских фирмах, в частности в "Эр ликид". Его таинственное прошлое было забыто, и Альбер Игуэн превратился в добропорядочного бизнесмена.

Эстафету принял еще один делец, на этот раз не скрывавший своих связей с ФКП, Жан Батист Думанг, колоритная личность, охотно игравшая парадоксальную роль одновременно миллиардера и коммуниста (в чем, по сути, нет ничего несовместимого). Жизненный путь Думанга слишком хорошо известен, чтобы на нем останавливаться. Напомним лишь для

памяти, что, как и у Игуэна, начало его состояния было положено благодаря помощи директора Коммерческого банка Северной Европы Шарля Ильсема. Будучи специалистом по сбыту сельскохозяйственной продукции, Думанг быстро сообразил, какие выгоды можно извлечь из ее перепроизводства в странах Европейского экономического сообщества. Мысль была простой: для сбыта продукции ЕЭС вынуждено снижать цены до мирового уровня. Разница же выплачивалась европейским производителям из бюджета Сообщества. Именно на этом разрыве, называемом "возмещением убытков", Думанг и обогатился, поставляя социалистическим странам так необходимые им зерно и масло. Опять же используя общественные фонды (кредиты, гарантированные французским государством или международными организациями), в 70-х годах он начал вкладывать капитал в африканские, преимущественно "прогрессивные" страны, шаг за шагом следуя по пятам советского проникновения на Черном континенте.

Благодаря разрядке между Востоком и Западом, кульминационной точкой которой явилось подписание в 1975 году хельсинкских соглашений, Думанг, проталкивая "советское лобби" во Франции, стал привилегированным посредником в диалоге между СССР и Западом. Для Москвы его политическая роль при правительстве была столь же важной, как и деловые операции, которые он мог обделывать для себя, для ФКП или для Советского Союза.

Валери Жискара д'Эстен, приверженец теории "орудия мира", согласно которой конвергенции интересов Востока и Запада можно добиться посредством торговли, был очень восприимчив к идеям "красного миллиардера". Эдгар Фор, опытный политический волк, ввел его в круг советников президента. Эти два человека познакомились (и прониклись взаимным уважением), когда Фор с 1966 по 1968 год был министром сельского хозяйства в правительстве генерала де Голля. Фор представил Думанга Жану Франсуа-Понсе, когда тот был ответственным секретарем в Елисейском дворце. Благодаря этому "красный миллиардер" подружился с помощником ответственного секретаря Франсуа Польжем де Комбре, с серым кардиналом президента по вопросам Африки Рене Журниакоми, что особенно важно, с другом и министром в правительстве Валери Жискара д'Эстена Мишелем Понятовским.

"Первый контакт Думанга с семьей Понятовского относится к 1977 году, – отмечает Жак Ламаль в своей биографии бизнесмена. – В конце октября Жан Батист, которому принадлежало 95% акций общества "Жак Этерель" со времени его основания, решил продать 45% из них Бенуа Бертероту и Александру Понятовскому – племяннику бывшего министра внутренних дел" (Jacques Lamalle. *Le milliardaire rouge*. Lattes, 1980).

Став послом по особым поручениям (и влиятельным советником) президента, Мишель Понятовский несколько раз встречался с Жаном Батистом Думангом, в частности для подготовки визита Валери Жискара д'Эстэна в СССР в апреле 1979 года. Визита, после которого в его адрес было высказано немало упреков за то, что он возложил цветы у мавзолея Ленина.

Влияние Думанга на правительство стало особенно явным после советского вторжения в Афганистан. Именно при его посредничестве была организована знаменитая встреча в верхах Брежнева и Жискара в Варшаве. 19 мая 1980 года "красный миллиардер" любезно предоставил в распоряжение Мишеля Понятовского свой личный самолет, чтобы тот смог отправиться в польскую столицу для подготовки встречи. Стоит вспомнить, что эта встреча в верхах кандидата в президенты Жискара послужила поводом для насмешек со стороны его противника Франсуа Миттерана во время предвыборной кампании 1981 года ("младший телеграфист из Варшавы").

Жан Батист Думанг не только бизнесмен в рядах международного коммунистического движения, но и проводник его влияния. По сравнению с тем, чем занимался Жан Жером до начала 70-х годов, его дела в меньшей степени скрыты от посторонних глаз. Однако они столь же важны для СССР. Убежденный в том, что "коммунизм – будущее человечества", он трудился, не жалея усилий, дабы ускорить его наступление.

Возвращение "рабкоров"

"Службами по охране территории раскрыто еще одно дело о шпионаже. Майор, принятый на службу в армию как бывший франтирер-партизан, член коммунистической партии и акционер журнала "Франс д'абор", признался в том, что передал военному атташе иностранного государства многочисленные документы, которые ему удалось собрать, работая в министерствах вооружений и национальной обороны".

Это коммюнике опубликовано министерством внутренних дел 28 февраля 1949 года. На него немедленно откликнулась "Юманите": "Никто не примет всерьез провокацию Жюля Мока (министр внутренних дел), имеющего привычку называть "документами, затрагивающими национальную оборону", то, что просто-напросто относится к борьбе против развязывания войны.

Заявлением протеста трудно было скрыть замешательство партии. Ведь разразившееся дело сильно ее компрометировало.

За три дня до этого, 25 февраля, УОТ арестовало при выходе с национализированного авиационного завода в Бийанкуре репортера журнала "Регар" – иллюстрированного коммунистического еженедельника. У него в портфеле полицейские обнаружили производственную документацию и технические данные на некоторые виды военно-воздушной продукции. "Я собираю материал для работы", – пытался оправдаться журналист. На следующий день был отдан приказ об обысках: в редакции журнала "Регар", в издательстве "Эдисьон сосьяль" (принадлежавшем компартии), в парижском отделении профсоюзного объединения ВКТ и в редакции журнала "Франс д'абор" – органе ветеранов ФТП. Всего в ходе самой большой после войны облавы УОТ против коммунистов было задержано 26 человек.

Предпринятое правительством наступление происходило при довольно необычных политических обстоятельствах. За неделю до этого на пленуме Центрального Комитета партии Морис Торез произнес слова, вызвавшие возмущение в политических кругах. "Если наш народ будет против воли втянут в антисоветскую войну, – заявил генеральный секретарь, – и если в этих условиях Советская Армия, защищая дело социализма, будет вынуждена преследовать агрессора на нашей территории, смогут ли трудящиеся, народ Франции повести себя по отношению к Советской Армии иначе, чем трудящиеся, народы Польши, Румынии, Югославии?.."

Таким образом, Торез призвал французов к коллаборационизму с Советским Союзом в случае войны. Генеральный секретарь, кроме того, потребовал от активистов партии вскрывать повсюду, где это можно, факты подготовки империалистической войны.

При обыске в еженедельнике "Регар" были обнаружены материалы по вооружениям. В журнале "Франс д'абор" полиция нашла письма офицеров, готовых передать в редакцию сведения военного характера, кроме того, уставы внутренней службы армии и учебники по тактике для авиадесантных войск. Хотя эти документы и не были по сути своей секретными, они тем не менее могли представлять большой интерес для СССР.

ФКП сразу же перевела дело в политическую плоскость. Обвинив Жюля Мока в нападках на свободу печати, "Юманите" заявила после обысков: "То, что журналисты вскрывают и показывают факты подготовки войны, вызывает у наших правителей бешеную злобу..."

Такая линия защиты оказалась эффективной. В результате освобождений и прекращения дела через несколько недель в руках правосудия остался всего лишь один человек – тридцатисемилетний Андре Телери, которому было предъявлено обвинение в "передаче сведений иностранному государству". ФКП проделала прекрасную операцию. Она не только обелила себя, но и избавилась от ставшей для нее обременительной личности.

Из-за своей слишком большой верности идеалам Андре Телери остался в этом деле в дураках. Партия бросила его на произвол судьбы сразу после ареста, более того, ее

руководство даже усилило обвинение против него, подбрасывая информацию полиции, понимала та это или нет.

Телери был членом компартии с 1937 года, в 1942 году вошел в технический отдел ФТП. Получив псевдоним Вигье, он быстро научился изготавливать фальшивые документы, устраивать тайники, готовить взрывчатые вещества. В начале 1944 года его заметил тогдашний руководитель разведслужбы ФТП (службы "Б") Жорж Бейе и перевел к себе. После освобождения Парижа, когда служба "Б" вышла из подполья, Телери был ее официальным шефом. В рамках объединения организаций движения Сопротивления он сотрудничал со 2-м бюро (разведкой) Французских внутренних сил Сопротивления (ФФИ). Когда 2-е бюро ФФИ вошло в Генштаб, Вигье последовал туда же. В армии он получил звание майора.

В ноябре 1945 года Шарль Тийон привлек его к работе в службе безопасности министерства вооружений. Ему была поручена защита "горячих точек": военных заводов, аэродромов, военно-морских баз. Уже с этого времени для облегчения своей задачи Телери широко прибегал к помощи профсоюзных работников ВКТ на заводах. Совершенно очевидно, что собранной им информацией пользовалась и ФКП, преданным членом которой он оставался. Созданная же им сеть профсоюзных работников окажется ему полезной, когда он начнет работать на "иностранное государство".

В 1946 году французской контрразведке стало известно, что военный атташе Югославии в Париже занимается сбором разведанных для своей страны и СССР. Наблюдение за ним позволило полицейским стать свидетелями любопытной встречи. Однажды на Больших Бульварах югослав подошел к человеку с объемистым портфелем в руках. Затем они вошли в кафе. Через полчаса оттуда вышел военный атташе с портфелем. Личность его связника быстро установили: руководитель службы безопасности министерства вооружений Андре Телери. В политической обстановке того времени он был неприкасаемым. Дело закрыли. После ареста в феврале 1949 года Телери признался, что в тот день он передал схемы обеспечения безопасности основных французских военных заводов.

После вывода из правительства министров-коммунистов Телери вернулся в армию. Как бывший офицер ФТП он попал в число "подозрительных", которых вместе с Роль-Танги и Бофисом перевели в Версаль без определенного назначения. Там у него было много свободного времени для работы в журнале "Франс д'абор", органе ветеранов ФТП. Именно в редакции с ним связался некто Луи.

Основанный нелегально при оккупации в сентябре 1941 года Шарлем Тийоном журнал "Франс д'абор" начал выходить официально вскоре после освобождения Парижа под политической и финансовой ответственностью Жана Жерома. Журнал, издававшийся Роже Рукотом и Ивом Моро (впоследствии главным редактором "Юманите"), провозглашал себя связующим звеном между коммунистами – бывшими участниками Сопротивления. На деле, как показал обыск в феврале 1949 года, он служил еще и "почтовым ящиком" сбора военной информации для компартии и, возможно, СССР.

Луи – легендарная личность коммунистического движения. Ветеран Интернациональных бригад в Испании, до войны он вместе с Пьером Вийоном работал в Париже на секретные службы Коминтерна. Во время оккупации был блестящим военным командиром ОИР во Франции (Организации иностранных рабочих, объединявших под эгидой ФТП иностранных участников движения Сопротивления), в которой он осуществлял руководство северной зоной.

К моменту встречи с Телери Луи, которого в действительности звали Любомир Илич, стал уже генералом армии Югославии (своей родной страны). Он только что сменил военного атташе при югославском посольстве, которого знал Телери. В глазах такого убежденного коммуниста, как Телери, Илич был прежде всего "товарищем", а не представителем иностранной державы. Он видел в нем гражданина авторитетной страны, установившей социализм силой оружия. Страны, которой он к тому же помогал, находясь на

высоком посту в правительстве.

После двух или трех встреч во внутренних помещениях кафе "Рюк" на площади Пале-Рояль военный атташе начал вытягивать из него сведения о французской политике и боевом духе армии. В сущности, ничего особенного. На этот раз Телери согласился давать ему информацию с тем большей готовностью, что Илич находился в тесной связи с руководством ФКП. С помощью чеха Отто Каца (более известного под именем Андре Симона, проходившего по делу Сланского и расстрелянного в 1952 году) военный атташе готовил вторжение во франкистскую Испанию: в экспедиции должны были участвовать 100 тысяч испанских коммунистов, укрывавшихся на юго-западе Франции. Французская компартия, которая была в курсе этого плана, обещала поднять 200 тысяч добровольцев в помощь новой партизанской армии. Вполне вероятно, что Телери заручился согласием партии на контакт с Иличем, хотя после ареста он утверждал, что действовал по собственной инициативе.

После разрыва между Москвой и Белградом в июне 1948 года в международном коммунистическом движении наступил новый этап. Югославию заклеил Коминформ, и она стала врагом номер один. Во всех коммунистических партиях открылась охота на "титоистов".

ФКП создала для этих целей специальную группу во главе с Жаком Дюкло и главным следователем в лице зловещего партийного функционера Жюль Деко. До войны он был в Москве представителем партии в Коминтерне.

Для Телери, полностью увязшего в шпионаже в пользу Югославии, этот поворот означал путь к гибели. Несмотря на разрыв между Тито и советским "большим братом", он продолжал сотрудничать с Барьячем Яревичем, сменившим Илича. Это сразу же сделало его подозрительным в глазах ФКП, полностью подчинявшейся линии Москвы.

УОТ следило за Телери в течение нескольких месяцев до его ареста после обысков в феврале 1949 года благодаря сведениям, предоставленным "антититоистской" группой Дюкло. Партия решила пожертвовать своим недисциплинированным членом в воспитательных целях. Вслед за арестом его обвинительное дело значительно пополнилось. Причем далеко не все новые факты выявлялись полицейскими. По всей видимости, следователь "антититоистской" группы Жюль Деко был связан с двумя инспекторами УОТ, членами ФКП, внедренными после войны в контрразведку. Через этот канал партия незаметно помогла полиции получать против него дополнительные улики.

13 марта 1950 года, в день процесса над Андре Телери в парижском военном трибунале, "Франс д'абор" опубликовал следующее сообщение: "Арест майора Телери не имеет абсолютно никакого отношения к произведенным в феврале 1949 года обыскам в редакции "Франс д'абор", что доказывается тем фактом, что редакция журнала никак не связывается с рассматриваемым сегодня делом". На следующий день "Юманите" скромно и без протестов сообщила о приговоре: пять лет принудительных работ и лишение воинских званий.

Несмотря на такое очевидное предательство, Телери, отбыв наказание, попытался восстановить связь с партией. Но перед ним закрылись все двери. В возрасте 40 лет он начал жизнь заново, став шофером такси.

Дело Телери позволило ФКП скрыть ту часть своей подпольной деятельности, на которую напала полиция при обысках в феврале 1949 года. Найденные в различных коммунистических органах печати досье доказывали наличие информаторов на заводах, даже самых "горячих" с точки зрения национальной безопасности. Все это странным образом напоминало "рабкоров", о которых столько писали газеты в 30-х годах. Требуя от активистов партии изобличать повсюду, где это возможно, подготовку империалистической войны, Морис Торез, в сущности, использовал те же аргументы, что и "генерал" Мюрай, который в свое время прибегал для сбора разведанных к помощи "рабочих корреспондентов".

На деле "рабкоры" никогда не прекращали своей деятельности. Партия просто их "заморозила". 13 ноября 1951 года с трибуны "Мютюалите" член Политбюро и французский

представитель в Коминформе Этьен Фажон торжественно протрубил их сбор. "Необходимо, чтобы "Юманите", все наши газеты ежедневно получали десятки и десятки писем, – заявил он в своем выступлении на открытии организованного партией "месячника прессы". – Конечно, не все письма смогут быть опубликованы. Но благодаря им редакторы получают единственную в своем роде возможность иметь в своем распоряжении исключительно важную, точную и быструю информацию". Через несколько дней в "Юманите" его мысль продолжил Андре Марти: "Найти как можно больше корреспондентов – это решающий вопрос для защиты трудящихся, для защиты народа. Надо, чтобы на всех заводах и по возможности во всех цехах трудящиеся становились корреспондентами "Юманите" и местных коммунистических газет".

История повторяется: Октав Рабате, заведующий общественным отделом "Юманите", в ведение которого входил разбор писем "рабкоров", работал в конце 20-х годов в сети Креме. В 1928 году его имя даже фигурировало в шпионской истории, когда секретные документы военно-воздушного училища и министерства обороны были переданы советскому агенту.

Как и до войны, "рабочие корреспонденты" информировали партию не только о социальных битвах. В этом, в частности, в начале 1952 года убедилась полиция при обыске в доме слесаря в Тулоне, бывшего помимо всего прочего председателем федерации ФТП департамента Вар. Он прятал в курятнике весьма любопытные документы, полученные при пособничестве профсоюзных деятелей ВКТ, работавших в порту и на военных предприятиях региона. Еще один обыск, на бирже труда в Тулоне, выявил наличие настоящей сети, за несколько лет завладевшей полной схемой военно-морских арсеналов, планом обороны порта, списком электростанций региона, чертежами пусковых установок ракет "V-2" на острове Леван, справкой о деятельности научно-исследовательского центра военно-морского флота (в Брюске), сведениями о подводном локаторе и т.н. Ничего общего с профсоюзной борьбой. Всего было арестовано 16 человек, в том числе бывший подполковник ФТП, секретарь ВКТ тулонского порта, секретарь профсоюза железнодорожников департамента Вар, департаментский секретарь ВКТ, федеральный секретарь ФКП.

"Тулонское дело любопытно и поучительно, – комментировал бывший председатель Совета Министров Поль Рамадье в органе СФИО газете "Попюлэр". – Благодаря ему мы видим, что коммунисты ищут, собирают документы о национальной обороне. Здесь речь не идет, как в других случаях, об индивидуалах или профессиональных военных, а о профсоюзных деятелях, членах коммунистической партии, действующих по приказу ее ячеек".

Тем не менее 17 ноября 1953 года следователь суда первой инстанции Тулона объявил об отсутствии состава преступления во всех 16 случаях. Тулонское дело провалилось. Компартия в который раз вышла сухой из воды благодаря, с одной стороны, умело построенной кампании, а с другой – стремлению властей погасить скандал.

Коммунистическая пресса была в то время очень мощной (16 ежедневных газет, 82 еженедельные, 28 журналов и других периодических изданий). Она поднялась единым фронтом в изобличении "еще одной провокации" и в яростных нападках на военного судебного следователя Рота, которого в конце концов отстранили от ведения дела. Добившись первого успеха, партия мобилизовала прессу в соответствии с тактикой, доказавшей свою действенность в предыдущих делах о шпионаже, которую она будет удачно использовать еще многие годы и которая состояла в преуменьшении значения секретных сведений. Прежде всего компартия попросила адвокатов обвиняемых затянуть процедуру. В это время она малопомалу в различных газетах публиковала выдержки из секретных досье, в краже которых обвинялись ее члены. Каждая статья, взятая отдельно, была составлена так, чтобы не попасть под действие закона, но в целом информация, опубликованная в газетах, внешне не имевших между собой никакой связи, в конечном счете явилась полным разглашением досье. Основываясь на этих публикациях, защите оставалось только показать, что обвинение не имеет никакого смысла: "секреты" стали достоянием общественности. Судебное преследование было прекращено.

В тулонском деле все именно так и произошло. Для оправдания решения об отсутствии состава преступления судебный следователь заявил, что в найденных досье нет ничего секретного. Министр обороны, правда, с самого начала делал заявления в этом смысле, к крайнему неудовольствию своего коллеги из министерства внутренних дел. Дело дошло до открытой полемики между двумя министерствами, что очень порадовало "Правду" в Москве, написавшую: "Сказка о коммунистических шпионах в Тулоне развенчана".

Министерство обороны с самого начала старалось принизить значение дела, чтобы не вызвать беспокойства у союзников Франции. Такое поведение прослеживается во многих делах о шпионаже за последние сорок лет, какое бы правительство ни находилось у власти.

В ходе произведенных в Тулоне обысков полиция обнаружила таблицу с детальным описанием караванов судов, отправлявшихся в Индокитай: численность войск, вооружений, боеприпасов... Автор справки, секретарь профсоюза железнодорожников (ВКТ) департамента Вар, признал, что собрал информацию по указанию своего профсоюзного руководителя. Этот документ вызвал особое беспокойство властей. Он показывал, что ФКП мобилизовала свой аппарат против войны в Индокитае не обязательно во имя антиколониализма. Политические скандалы, сотрясавшие IV Республику вплоть до середины 50-х годов, послужили тому доказательством.

Каждому свой лагерь

Бледный и растерянный, Жак Дюкло молча слушал суровую критику Эдварда Карделя в адрес ФКП: "Уклон к оппортунизму и парламентаризму". Сменивший его Милован Джилас пошел еще дальше, обвинив французских коммунистов в том, что они "превратились в никудышных представителей политики Советского Союза, стали жертвами избирательной машины, в которую слепо поверили". Ирония истории: Кардель и Джилас, представлявшие югославскую компартию на коммунистической конференции в Склярска-Пореба в сентябре 1947 года и выступившие там в роли прокурора, год спустя сами будут заклеены всем международным коммунистическим движением как предатели вместе со своим духовным вождем Иосипом Броз Тито.

На них пал выбор Москвы, чтобы нанести удар упавшему с высокого пьедестала Жаку Дюкло. Второй номер ФКП, представлявший (вместе с Этьеном Фажоном) Французскую компартию на тайном совещании Коммунистического Интернационала, проходившем в затерянном поместье среди польских лесов, не почувствовал смены ветра. Накануне он произнес речь в полном соответствии с резолюциями Центрального Комитета партии, пленум которого только что состоялся в Париже. Несмотря на вывод из правительства министров-коммунистов, заявил он в частности, ФКП остается крупной правительственной партией, которую поддерживают мощные слои общественности во Франции, желающие ее возвращения к управлению делами.

Но для Сталина политика "классового сотрудничества" закончилась. Открывая конференцию, советский представитель Андрей Жданов высказался предельно ясно. Отныне мир разделен на две части, с одной стороны, лагерь империализма, объединившийся вокруг США, с другой – социалистический лагерь, который должен под знаменем Советского Союза "бороться против угрозы новых войн и империалистической экспансии, за упрочение демократии и за искоренение остатков фашизма". В рамках этой новой политики коммунистические партии должны "возглавить сопротивление во всех областях" и не идти на уступки тем, кто ведет себя "подобно агентам империалистических кругов США", то есть "большой части руководителей социалистических партий".

Вынужденный выступить с самокритикой, Жак Дюкло пообещал, что ФКП окажет твердую поддержку "мирной и демократической политике Москвы". На следующий день Жданов сообщил делегатам, что Сталин удовлетворен заявлением Дюкло. Французских коммунистов простили. Теперь им следовало оправдать доверие, вновь оказанное "великим вождем".

Конференция в Склярска-Пореба, закончившаяся созданием Коминформа (Коммунистического информационного бюро), сменившего распущенный в 1943 году Коминтерн, означала кардинальный поворот в истории ФКП. Партия сменила курс на 180 градусов и уже с октября 1947 года ужесточила свои позиции. Руководителей социалистических партий обвинили в сдаче страны американскому империализму, речь больше не шла о возврате в правительство. Коммунисты должны теперь бороться за "обеспечение самого существования Франции как суверенного и независимого государства" (подразумевалось – против Соединенных Штатов), заявил Морис Торез на митинге на зимнем велодроме. На практике ФКП начала противостоять всему, что могло бы усилить западный лагерь в борьбе с социалистическим лагерем, в частности проводя кампанию против европейской армии и собственных ударных сил. Несколько месяцев спустя партия в лице пропагандистского аппарата во всеуслышание заявила, что в случае конфликта между Востоком и Западом коммунисты никогда не будут воевать против Красной Армии.

В таком контексте ФКП выступила против французского присутствия в Индокитае. Она особенно подчеркивала это начиная с 1950 года, когда американцы решили взять на себя половину военных усилий в войне, которую французская армия вела против вьетнамцев с 1946 года. Индокитайский конфликт входил в рамки теории двух лагерей: войну вел французский империализм, но она являлась частью противостояния США и международного коммунистического движения.

Вплоть до конца конфликта в 1954 году французские коммунисты проводили наступление по нескольким направлениям.

В рамках парламентской деятельности они в Национальной ассамблее выступали против выделения кредитов на ведение войны и против предоставления чрезвычайных полномочий правительству, когда оно их запрашивало. Они также требовали открытия переговоров с Хо Ши Мином, единственным, по их мнению, законным представителем Вьетнама. Наконец, коммунистическая пресса беспрестанно изобличала зверства, которые якобы совершал французский экспедиционный корпус, "состоявший из наемных эсэсовцев".

Параллельно компартия призывала своих активистов любыми способами бороться против этой "грязной войны". ВКТ побудила своих членов в портовых городах препятствовать погрузке военной техники. Утверждая, что "израсходованные на эту войну миллиарды могли бы удовлетворить законные требования рабочего класса", профсоюз в феврале 1950 года призвал к забастовке рабочих военной промышленности. На это мало кто пошел. Правительство ответило законом, предусматривавшим судебное преследование тех, кого подозревали в умышленном изготовлении бракованных изделий, в уничтожении или порче продукции, предназначенной для нужд национальной обороны. Подсудными становились также действия, препятствовавшие перевозкам техники, и действия лиц, занимавшихся деморализацией армии. Вынужденная отказаться от такой деятельности, ФКП, к счастью для себя, нашла в лице Анри Мартена средство мобилизации общественного мнения против войны. Этого активиста компартии, сначала обвиненного в диверсии против военного корабля "Дисмюд" в тулонском порту (в конце концов его оправдали за неимением улик), в октябре 1950 года приговорили к пяти годам заключения за распространение антивоенных листовок. Последовали митинги, петиции, прокламации, специально в защиту этой "жертвы" писались поэмы, театральные пьесы. Кампания вызвала широкое сочувствие далеко за пределами коммунистических кругов (например, многие деятели протестантской и католической церкви требовали его освобождения). Два года спустя, в августе 1952 года, Анри Мартена выпустили на свободу.

Наконец, по требованию Москвы ФКП поставила на службу вьетнамцам свой подпольный аппарат. В этой связи можно понять, до какой степени оказались полезными коммунистам предпринятые ими после освобождения Франции меры по проникновению и внедрению в армию и в высшие правительственные круги.

Хотя генштаб пристально следил за действиями офицеров, подозревавшихся в принадлежности к компартии (как мы видели, наиболее ненадежных с политической точки

зрения военных перевели в Версаль), тем не менее им удалось создать между Парижем и Индокитаем организации помощи вьетнамцам. У каждого офицера-коммуниста, участвовавшего в войне, в Версале был военный "корреспондент", которому он передавал зашифрованными письмами информацию о боевом духе экспедиционного корпуса и о боевых задачах армии. Эта информация затем передавалась в "кадровый" отдел партии и, по всей видимости, нелегальным представителям вьетнамцев во Франции.

На месте некоторые офицеры-коммунисты напрямую передавали вьетнамским руководителям сведения о французской армии и оружии, как об этом рассказал Ив Рукот в книге "ФКП и армия". "Поставкой оружия как раз занимался Б..., служивший в колониальном батальоне (Сайгон-Шолон), – пишет Рукот. – Он установил связи с вьетнамцами через полномочных представителей, регулярно информировавших его об их потребностях в оружии, боеприпасах и медикаментах. Он подписывал накладные на боеприпасы и снабжал сведениями о военных операциях (в особенности о полицейских). Как и лейтенант Гомес, в дисциплинарном порядке отправленный за это на родину в 1951 году, он помогал бежать пленным вьетнамцам. Этим занимались и офицеры бронепоезда "Рафаль". Этот бронепоезд, осуществлявший связь между Сайгоном и Натронгом, весьма интересовал диверсантов Джапа (главнокомандующий вьетнамских войск) и был ключевым средством перемещения французских инженерных войск и пехоты. Среди офицеров поезда было много коммунистов и сочувствовавших им (например, лейтенанты Андре Фоль, Жан Карбон, Люсьен Контини и др.). На этом поезде до 1951 года они также перевозили оружие и медикаменты".

Нельзя сказать, чтобы руководству партии в Париже была особенно по душе такая подпольная деятельность, но оно не вмешивалось и при необходимости даже покрывало ее. Ту же позицию оно заняло по отношению к дезертирам, перешедшим к врагу. Было отмечено семь случаев. Это немного, но достаточно для того, чтобы нанести жестокий удар по французскому экспедиционному корпусу. Два самых известных дезертира получили псевдонимы Кассиус и Рибера. Первый, бывший унтер-офицер ФТП, работал в службе разведки армии. Через свою подругу из местных жительниц он передавал информацию вьетнамцам. Оказавшись на грани провала, он дезертировал. Благодаря полученным от него сведениям войска генерала Джапа в октябре 1950 года смогли взять Као-Банг, нанеся французской армии тяжелые потери. Впоследствии Кассиус ежедневно выступал по "Голосу Вьетнама" с призывом к своим соотечественникам прекратить боевые действия, затем он активно участвовал в допросах французских пленников. Когда ФКП нелегально отправила во Вьетнам своего представителя Андре (его подлинная личность неизвестна) для разъяснения вьетнамцам позиции партии и передачи информации, тот встретился с Кассиусом. Андре не только не отговаривал его продолжать сотрудничество с вьетнамцами, но даже дал ему ряд советов.

Капитан Рибера со своей стороны сыграл значительную роль в войсках генерала Джапа во время падения Дьенбьенфу, означавшего конец индокитайской войны. Будучи специалистом-артиллеристом, он дезертировал в феврале 1952 года, создав видимость, что его убили вьетнамцы в ходе инспирированной операции. Идя во главе роты, он договорился с вьетнамцами, чтобы они начали стрелять, когда пройдет начало колонны. Он считался без вести пропавшим, а службы военной безопасности отнесли его к убитым в бою – в котором погибли многие из его людей, – и вдруг однажды он выступил по местному радио в защиту идей вьетнамцев. В книге, посвященной "Белым солдатам Хо Ши Мина" (Jacques Douyon. Soldats blancs d'Ho Chi Minh. Editions Fayard, 1973), Жак Дуайон точно описал роль Рибера в разведслужбах генерала Джапа накануне битвы при Дьенбьенфу: "Он пропускал пленников и сочувствующих через плотную сеть допросов. Он просил от них самые незначительные и безобидные сведения. В каком часу подъем на твоём посту? А когда вам подают сок? А сиеста? Когда точно? Ребята настороже, в боевой готовности? Сколько людей в охранении ночью с западной стороны?.." Собрав эти сведения воедино, вьетнамцы изучили в малейших подробностях систему защиты французской армии. Рибера настолько высоко оценили, что

однажды генерал Джап бросил такую реплику своим агентам, неспособным дать ему надлежащие сведения: "Спросите это у Рибера, он, по всей видимости, вам скажет!" Когда война закончилась, Рибера укрылся в Чехословакии. Пока он там оставался, ФКП обратилась с просьбой к Национальной ассоциации ветеранов французского Сопротивления оказать материальную помощь его жене и четырем детям, оставшимся во Франции.

Но особую активность в изобличении "грязной империалистической войны против международного коммунистического движения", как беспрестанно повторяла партийная пропаганда, проявляли коммунисты в Париже. В противостоянии "двух лагерей" было также важно ослаблять и без того хрупкую власть IV Республики, как и выступать против французского экспедиционного корпуса в Индокитае. Вот почему ФКП оказалась замешанной в двух самых крупных скандалах, которые в то время потрясли Францию и ускорили ее поражение на месте боевых действий.

Дело генералов

Оно началось 18 сентября 1949 года возле Лионского вокзала на остановке автобуса, где полиция разняла двух мужчин, затеявших драку. Когда их отвели в участок, то в портфеле одного из них обнаружили экземпляр документа с грифом "Совершенно секретно": доклада о военной ситуации в Индокитае за подписью начальника штаба армии генерала Ревера. УОТ, которое поставили в известность, допросило владельца секретного доклада – председателя Ассоциации вьетнамских студентов во Франции некоего До Дай Фуока. Полицейские службы контрразведки быстро установили, что До Дай был сторонником Хо Ши Мина, что его дважды арестовывала французская армия в Индокитае, что он был делегатом на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже (организованном Коминформом) и на конгрессе Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) весной 1949 года в Будапеште. Как настоящий революционер, он отказался сообщить, откуда он получил доклад Ревера. Чтобы найти источник утечки, шеф УОТ Роже Вибо решил произвести обыск по всем направлениям во вьетнамской общине в Париже – у сторонников как Хо Ши Мина, так и императора Бао Дая, официального союзника Франции.

Второй след оказался более продуктивным. Именно он привел к тому, что получило название "дело генералов". В резиденции вьетнамской миссии контрразведка обнаружила 38 размноженных на ротаторе экземпляров секретного доклада. На дому у главы миссии Ван Ко, к тому же советника императора Бао Дая, полицейские нашли еще два экземпляра. Ван Ко без труда признал, что получил доклад от некоего Роже Пейре. Допрошенный в свою очередь Пейре утверждал, что ему передал его генерал Маст. Директор Института исследований национальной обороны генерал Маст взял экземпляр доклада из рук генерала Ревера в порядке дружеского и личного одолжения. В ходе допроса Роже Пейре заявил, что генерал Маст получил за него миллион франков на организацию кампании по его назначению на должность верховного комиссара в Индокитае. В окружении императора Бао Дая кое-кто действительно интриговал с целью замены верховного комиссара Пийона более податливым в их глазах генералом Мастером. Генерал Ревер тоже вроде бы был сторонником такого решения. Роже Пейре даже уточнил, что именно ему он передал миллион франков для его друга Маста. Дело генералов быстро свелось к темной политической истории. Правительству удалось потушить скандал, чтобы не нанести ущерба авторитету Франции, прежде всего в глазах союзников. Было вынесено решение об отсутствии состава преступления. Освободившись, Роже Пейре отплыл в Латинскую Америку, где и остался до конца своих дней, а генералов Ревера и Маста потихоньку отправили в отставку. Тем не менее несколько недель спустя дело всплыло из-за публикаций материалов о нем в американском журнале "Тайм". Создали парламентскую следственную комиссию. Она выяснила, что Пейре работал на СРК и что его покрывали некоторые из ее руководителей. В конечном счете во французских секретных службах произвели чистку, а политические власти из выпавшего на их долю испытания вышли ослабленными.

Все это не может объяснить, как экземпляр доклада Ревера оказался в портфеле члена вьетнамской общины До Дай Фуока, состоявшего на учете в полиции в качестве коммунистического агента, в день его стычки на остановке автобуса. Это самая интересная сторона дела, но в то время она полностью отошла на задний план. Произведенные после задержания До Дая обыски среди лиц, сочувствовавших вьетнамцам в Париже, вывели на представителя Хо Ши Мина во Франции Транг Нгок Дана. Он своевременно покинул французскую территорию в августе, то есть за месяц до того, как разразилось это дело. Не могло быть совпадением, что вьетнамское радио с середины августа передавало выдержки из доклада Ревера, считавшегося секретным. Совершенно очевидно, что Ханой получил экземпляр доклада через своего представителя в Париже Транг Нгок Дана. Как? На этот вопрос, который тогда не удалось выяснить французской полиции, сегодня можно дать ответ.

Генерал Ревер совершил поездку в Индокитай по просьбе правительства Кейя, озабоченного ситуацией, которая сложилась к июню 1949 года. Возвратившись 21 июня в Париж, он 29 июня передал доклад в армейскую типографию, где было отпечатано пятьсот пронумерованных экземпляров для высших должностных лиц государства. Несмотря на все предосторожности, один экземпляр попал к представителю Хо Ши Мина в Париже, передавшему его в Ханой через посредника, о котором тогда не догадывались: через Французскую коммунистическую партию.

ФКП удалось завладеть докладом Ревера благодаря невероятной удаче одного из своих членов – депутата-коммуниста Андре Мерсье.

Это произошло в июле 1949 года в Национальной ассамблее. Андре Мерсье работал в одной из депутатских комнат, когда туда вошел Поль Рейно. Прежний председатель Совета Министров был тогда простым депутатом от департамента Нор. В конце августа его назначат председателем комиссии по экономическим вопросам в Европейском совете. Поскольку он был личным другом тогдашнего председателя Совета Министров Анри Кейя, ему передали экземпляр секретного доклада генерала Ревера. Рейно пристально интересовался положением дел в Индокитае с самого начала конфликта в 1946 году. В тот день доклад находился у него в портфеле. Он расположился неподалеку от Андре Мерсье. Кроме них, в комнате никого не было. Вошел посыльный и передал Полю Рейно, что его ждут в коридоре. Доверчивый депутат вышел из комнаты, оставив там портфель. Андре Мерсье воспользовался этим и открыл его. Совершенно для него естественный жест: Рейно – старый "классовый враг" ФКП. Он, разумеется, не знал, что найдет там документ с грифом "Совершенно секретно". Но случай был слишком удобный. Он выкрал доклад.

После этого документ прошел по "классическому" пути. Мерсье вручил доклад руководству партии, а оно в свою очередь передало его в советское посольство в Париже. Оттуда он попал к Транг Нгок Дану, совмещавшему функции представителя Хо Ши Мина во Франции и агента НКВД. За годы до этого он прошел подготовку на разведкурсах в СССР под именем Блокова.

Таким образом, благодаря ФКП Москва и Ханой смогли детально ознакомиться со слабыми сторонами французской армии в Индокитае, с предполагавшимися мерами по их исправлению и с рекомендациями генштаба по ведению боевых действий. В этом деле вьетнамцы выиграли во всех отношениях: с военной точки зрения, получив информацию из первых рук, с политической точки зрения, подорвав одновременно институты политической власти и доверие общественного мнения к армии, в особенности после материалов журнала "Тайм" об интригах генералов Маста и Ревера.

Дело об утечках информации

Подслушивающие устройства в Елисейском дворце! С этого ложного следа в июне 1954 года началось расследование "дела об утечках", отравлявшее французскую политическую жизнь в течение более двух лет. По логике только "засвечивание" зала

заседаний Совета Министров могло объяснить, почему материалы совещаний Высшего совета национальной обороны регулярно ложились на стол Жака Дюкло в резиденции Французской коммунистической партии. Службы комиссара Жана Дида, занимавшиеся в префектуре полиции наблюдением за ФКП, были убеждены, что утечки, которыми пользовалась партия, объясняются именно этим. Префект полиции Бейло и министр внутренних дел Мартино-Депла, полностью доверявшие Диду, придерживались того же мнения. И тот и другой грубо ошибались. Тем самым они потеряли драгоценное время для проведения расследования, имевшего первостепенное значение для государственной безопасности.

Комитет национальной обороны, собиравшийся примерно раз в месяц в Елисейском дворце и обсуждавший кардинальные проблемы обороны, стратегии, вооружений, ведения боевых действий в Индокитае, гражданской обороны в случае войны, был одним из самых секретных органов IV Республики. Все, кто присутствовал на его заседаниях, были надежными людьми вне всяких подозрений: Президент Республики, председатель Совета Министров (премьер-министр), министр обороны, государственные секретари трех родов войск, министр внутренних дел, министры, в компетенцию которых входили рассматривавшиеся вопросы (финансов, иностранных дел), начальник генштаба, начальники штабов родов войск, статс-секретарь правительства и, наконец, заведующий секретариатом национальной обороны, которому было поручено ведение дел комитета. Именно он готовил повестки дня заседаний и оформлял протоколы, предназначавшиеся только для членов комитета.

Через своего осведомителя в ФКП комиссар Дид тем не менее узнал, что Политбюро стало известно содержание протоколов комитета, в частности его заседания 26 мая 1954 года. В тот день его члены обсуждали катастрофическую ситуацию в Индокитае. После падения Дьенбьенфу они намеревались обратиться с призывом к войскам, чтобы удержать дельту Тонкина и избежать полного поражения.

Если ФКП известно об этом решении, нет никаких сомнений, что вьетнамцы также в курсе. Тем самым они получили неоспоримые стратегические выгоды. Следовательно, срочным и жизненно важным вопросом становилось выявление источника утечек.

Редко когда французское правительство оказывалось в столь драматическом положении.

Проверка стен зала заседаний Совета Министров в Елисейском дворце не выявила никаких спрятанных микрофонов. Следовало признать очевидное: предавал кто-то из членов комитета. Правительство, в котором между тем сменился премьер-министр, охватила настоящая эпидемия шпиономании. Пьер Мендес-Франс, облеченный доверием Национальной ассамблеи 17 июня 1954 года, пообещал быстро положить конец индокитайскому конфликту. Но для достижения справедливого и взаимовыгодного мира необходимо было, чтобы противной стороне, вьетнамцам, не стали заранее известны намерения правительства. В то же время службы комиссара Дида узнали, что ФКП опять получила протоколы комитета – от 28 июня (когда проходили переговоры в Женеве), а затем от 10 сентября.

В конце концов Мендес-Франс поручил расследование УОТ. То, что раскрыли полицейские, оказалось ошеломляющим: в государственном аппарате существовала сеть ФКП, пользовавшаяся защитой очень высокопоставленных фигур. Тем не менее, когда в марте 1956 года дело дошло до суда, наказание понесли всего лишь два "стрелочника".

Потребовалось полтора года расследования, чтобы хоть как-то разобраться в деле, в котором до сих пор остается много неясного. Вот вкратце что удалось установить.

Утечки исходили из секретариата национальной обороны, точнее, из кабинета Жана Монса – постоянного секретаря комитета, в обязанности которого входила подготовка заседаний и оформление протоколов. По небрежности Жан Монс оставлял на своем рабочем столе записи, сделанные во время заседаний комитета, которые он затем использовал для составления протоколов. Эти записи, носившие секретный характер, он должен был запирать

в сейф. В его отсутствие секретарь и друг Монса Рене Тюрпен ознакомился с документами и переписывал их основные тезисы. Почему? Как социалист, он действовал из идейных соображений, поскольку был против войны в Индокитае. С какой целью? Чтобы возбудить общественное мнение и приблизить конец войны – так он оправдывался в суде. Переписанные экземпляры он передавал своему коллеге Роже Лабрюссу, начальнику отдела в секретариате национальной обороны. Эта странная личность также утверждала, что действовала из политических убеждений. Член Прогрессивного союза, близкой к ФКП партии, Лабрюсс был наставником Тюрпена. Тот знал, что Лабрюсс был связан с левой газетой "Либерасьон", в которой время от времени печатался. Главным редактором газеты (которая не имеет ничего общего с сегодняшней "Либерасьон") был руководитель Прогрессивного союза Эммануэль д'Астье де ла Вижери. Таким образом, с помощью Лабрюсса Тюрпен надеялся через "Либерасьон" возбудить общественное мнение, чтобы поколебать политику правительства. На этом этапе возникает третья, весьма темная личность – Андре Баране.

Когда разразилось это дело, у Баране, работавшего наборщиком в "Либерасьон", было уже насыщенное прошлое. Тридцатилетний выходец из Алжира свои первые статьи написал во время войны в Тунисе в газетенке коммунистического направления "Виктуар". Переехавшись в Париж после освобождения, он сотрудничал в "Пти марокэн" и в "Тунис-суар". К 1950 году он переориентировался на журналистскую деятельность парламентского направления и начал снабжать репортажами финансируемый ФКП еженедельник "Аксон". Впоследствии он работал хроникером в "Либерасьон".

За ширмой ангажированного журналиста скрывались два других Баране. Первый был членом Французской коммунистической партии, после войны работавший в ячейке 9-го округа Парижа. "Продолжая сотрудничать с "Пти марокэн", он выполнял функции секретаря Андре Толле, отвечавшего в ВКТ за колониальные вопросы", – отмечал бывший член ФКП Пьер Эрве в своей книге "Были ли коммунистами Бог и Цезарь?" (Herve Pierre. Dieu et Cesar sont-ils communistes? Editions de la Table ronde, 1956).

Когда в 1951 году он стал работать на еженедельник "Аксон", его главной заботой, как представляется, было информирование руководства партии об издателях газеты, которых подозревали в недостаточно просоветской направленности (официальный орган "Движения в защиту мира" газету "Аксон" ФКП ликвидировала в мае 1952 года). В редакции "Либерасьон" Баране застали за разбором содержимого корзины для бумаг и сумок сотрудников. Его поведение наводит на мысль, что он не был простым членом партии. Скорее всего, он работал на "отдел кадров", занимавшийся продвижением людей в коммунистическом аппарате.

Второй Баране был осведомителем полиции. В 1951 году его представили начальнику службы безопасности Пьеру Берто. Три года спустя он стал для префектуры полиции главным источником информации об ФКП. Его приняли и службы комиссара Дида. Полицейские полностью доверяли поставлявшимся им сведениям. Правда, они иногда оказывались точными – ведь хороший двойной агент должен вызвать к себе доверие, если он хочет быть эффективным. Именно так и вел себя Баране, подлинное лицо которого удалось раскрыть.

Эта темная личность оказалась в центре интриги. Он одновременно был человеком, который сообщил префектуре полиции об утечках, выгодных ФКП, и человеком, которому Лабрюсс отдал экземпляр переписанных Тюрпеном материалов Монса для передачи в "Либерасьон". Эти заметки полицейские обнаружили у него дома, они сопровождались фиктивными пометками руководителей ФКП (среди прочих – Жака Дюкло), дабы стало ясно, что он получил их в резиденции партии и что речь шла о протоколе заседания Политбюро по вопросу об утечках из Комитета национальной обороны.

Поистине дьявольский маневр! Дав понять комиссару Диду, что он получил записки от ФКП, Баране провел мастерскую операцию по дезинформации по трем направлениям.

Первое направление: ослабить позиции французского правительства во вьетнамском

вопросе. В написанных Филиппом Бернером воспоминаниях "Битва за УОТ" (Bernert, Philippe. La Bataille pour la DST. Presses de la lité, 1975) Роже Вибо, занимавшийся расследованием всего этого дела, хорошо объяснил преследовавшиеся цели: "Не исключено, сведения были переданы врагу, что очень возможно, но не в этом состояла цель операции. На деле речь шла о том, чтобы поставить в затруднительное положение французское правительство на переговорах в Женеве. Еще до того, как оно сядет за стол переговоров, ему дают понять, что оно может их вести в крайне невыгодной ситуации. Все ваши замыслы известны, намекает ему противник. Мы знаем, что у вас нет сил для удержания дельты Тонкина. Вы, конечно, можете попытаться воззвать к чувству долга контингента. Эта мера будет крайне непопулярной, и вы постараетесь к пей не прибегать. В той партии, которую мы играем в Женеве, у вас нет козырей. Признайтесь в своей беспомощности, уступите..."

Второе направление: парализовать властные структуры, вызвав волну шпиономании. В течение трех месяцев после того, как было установлено, что в Елисейском дворце нет микрофонов, все члены Комитета находились под подозрением в разглашении информации. На заседании 10 сентября Мендес-Франс все время наблюдал за присутствовавшими, разглядывая их, обращая внимание, делает ли кто-нибудь записи, в надежде обнаружить "предателя". Со своей стороны Баране, которого Дид попросил высказать свое мнение относительно возможного виновника утечек, не удержался и предложил несколько имен. Он назвал Эдгара Фора, министра финансов в правительствах Ланиэля и Мендес-Франса, и министра внутренних дел Франсуа Миттерана. Оба присутствовали на заседаниях Комитета национальной обороны.

Третье направление: дискредитировать Францию. С самого начала США были в курсе утечек через комиссара Дида, поддерживавшего прекрасные отношения с американским посольством в Париже. Будучи убежденным антикоммунистом, полицейский считал своим долгом информировать великого союзника о наличии одного или нескольких агентов ФКП в высших правительственных кругах. Против воли он оказал плохую услугу отношениям между двумя странами в тот момент, когда французское правительство домогалось американской помощи, чтобы выбраться из индокитайской трясины.

После ареста Баране сказал полицейским, сопровождавшим его в резиденцию УОТ, что он сообщал сведения комиссару Диду только с согласия ФКП. В суде он это отрицал, и ему удалось представить дело так, будто он работал исключительно на префектуру полиции. Его оправдали. Приговорили только Роже Лабрюсса и Андре Тюрпена к шести и четырем годам заключения соответственно.

Не вызывает сомнения, что в этом деле не разобрались до конца из боязни оказаться перед бездной пособничества между частью политического и административного аппарата и ФКП. До сегодняшнего дня остается по крайней мере три загадки, на которые не дали ответа ни следствие, ни суд.

Первая касается истинной роли Жана Монса. Мы видели, что он проявил крайнюю небрежность, держа на своем рабочем столе записи, сделанные на заседаниях комитета, что дало возможность Тюрпену их переписать. Сначала он уверял следователей, что постоянно хранил записи в своем сейфе с цифровым набором, который был известен только ему. Он был вынужден признать свою вину, когда сознался Тюрпен. С другой стороны, когда полицейские попросили его представить список служащих руководимого им секретариата национальной обороны, он опустил двух человек – Тюрпена и Лабрюсса. Почему? Данные им объяснения (забыл о них, верил в них) не удовлетворяли. Тем не менее суд не вменил это ему в вину. Жана Монса оправдали. Впоследствии он продолжил карьеру в администрации.

Вторая загадка касается человека, чья тень постоянно витала над всем этим делом: Эммануэля д'Астье де ла Вижери. Все следы ведут к нему. Он был главным редактором газеты "Либерасьон", финансируемой ФКП (до ее закрытия в 1964 году), депутатом, сочувствовавшим коммунистам, он прибегал время от времени к услугам Лабрюсса и Баране, которые оба работали наборщиками в его газете. На допросе Баране признал, что передавал д'Астье официальные документы ещё в начале 50-х годов. Лабрюсс со своей стороны был

обязан ему карьерой в государственных органах, во всяком случае в ее начале. Все завязалось в 1943 году в Алжире, когда он был начальником отдела в комиссариате внутренних дел Французского комитета национального освобождения (ФКНО), созданного де Голлем. Его шефом был тогда д'Астье – комиссар внутренних дел ФКНО. Впоследствии – под псевдонимом Диорак-Лабрюсс вступил в руководимый им Прогрессивный союз. Опять же д'Астье мы обнаруживаем у истоков карьеры Жана Монса.

"Знаете, как после освобождения страны, перешагнув через несколько ступеней, меня назначили префектом первого класса? – откровенничал он начальнику УОТ во время первой встречи в самом начале дела. – Это любопытная история. Префектом департамента Сена был Флуре, а у комиссара внутренних дел д'Астье де ла Вижери (во временном правительстве де Голля с сентября 1944 года) не было к нему особого доверия. Поэтому д'Астье решил поставить рядом с Флуре ответственного секретаря, который наблюдал бы за делами. Вот так он назначил меня на эту должность и в этом чине". Во время суда по "делу об утечках" имя д'Астье упоминалось часто. Однако его не потревожили, поскольку он пользовался парламентской неприкосновенностью. Но в глазах Вибо он был человеком, державшим в своих руках все нити дела. Его политический путь и вправду вызывал подозрения. С крайне правых позиций до войны он во время Сопротивления перешел к взглядам, очень близким ФКП и СССР. После войны он по голосам коммунистов. Затем он полностью связал себя с Движением в защиту мира, организованным по инициативе Коминформа. В 1957 году в награду за честную службу ему присудили Ленинскую премию "За укрепление мира". Он часто ездил в СССР, где его всегда хорошо принимали высшие руководители. К тому же он женился на русской – дочери бывшего советского посла Леонида Красина. Какой бы ни была его подлинная роль в "деле об утечках", совершенно ясно, что д'Астье принадлежит к той категории французских политических деятелей, чья карьера находится на стыке между ФКП и СССР со всей вытекающей из этого положения двусмысленностью.

Наконец, так и не была раскрыта "загадка срыва наблюдения". В начале расследования было решено установить наблюдение за Андре Баране. Приказ был выполнен настолько хорошо, что однажды вечером агенты УОТ столкнулись с полицейскими из префектуры полиции. На следующий день в министерстве внутренних дел договорились, что наблюдение будет осуществляться префектурой. Вибо снял своих людей. Наблюдение за подозреваемым номер один ничего не дало. На суде же выяснилось, что полицейские почти сразу прекратили слежку. Из-за этой небрежности расследование заняло несколько лишних дней. Постоянное наблюдение за Баране позволило бы установить, что он встречался с Лабрюссом через неделю после заседания комитета 10 сентября 1954 года. Именно тогда он получил переписанные Тюрпенем материалы Монса. Так что существовали возможности доказать связь между двумя людьми еще в середине сентября. Не было бы нужды ждать до начала октября, когда признается Тюрпен, затем Лабрюсс, чтобы восстановить цепочку. Потом произошла сенсация. Во время допроса комиссара, которому поручили наблюдение за Баране, производившегося в суде, тот неожиданно вынул из портфеля рапорт о встрече Баране с Лабрюссом. Этого рапорта не было в делах префектуры полиции. Одно из двух: или комиссар составил его задним числом, чтобы покрыть свою оплошность, или рапорт выкрали, чтобы замедлить следствие. По всей видимости, правильным является второе предположение.

"Скрыли, я в этом убежден и говорю со всей ответственностью, сознательно скрыли следы встречи Баране и Лабрюсса", – заявил Франсуа Миттеран, выступавший на суде в качестве свидетеля. Поскольку в то время он был министром внутренних дел, его политические противники попытались приписать ему ответственность за это исчезновение.

"Комиссар был лишь видимым инструментом невидимой руки", – прокомментировал со своей стороны Роже Вибо. Над ним стояла высокопоставленная влиятельная личность, постаравшаяся заблокировать расследование по "делу об утечках". Она не хотела, чтобы стало известно о встрече Лабрюсса и Баране.

Кто был этой влиятельной личностью? Это так и не выяснили.

Однако загадку можно, вероятно, объяснить, не выискивая какое-то одно лицо, а припомнив, что после освобождения страны ФКП удалось внедрить своих людей в префектуру полиции в большей степени, чем в какой-либо другой государственный орган. А ведь только партия была действительно заинтересована в затылке следствия об утечках, в сокрытии связей своего "агента" Баране с Лабрюссом. Здесь мы приближаемся к подпольному аппарату ФКП, но, как всегда, различаем только видимую часть айсберга.

Кодовая кличка – Само

Эти сведения французская контрразведка получила с многочисленными подробностями в 1969 году из трех различных источников: в парижской префектуре полиции на очень высоком уровне работает осведомитель чехословацких секретных служб. Проще говоря, Прага внедрила агента в самый важный орган французской полиции. Немедленно началась охота, приведшая примерно два года спустя к аресту виновного. Но через четыре дня дело закрыли. Указание властей было категоричным: замять, быть может, самое серьезное за всю послевоенную историю Франции дело о внедрении. К страху перед скандалом примешивалось разного рода давление с целью навязать молчание, и это вплоть до настоящего времени. Здесь мы впервые его нарушаем.

У истоков дела стояли три офицера чехословацкой разведки, перешедшие на Запад в одной из союзных Франции стран. Именно они в ходе продолжительного отдельного допроса раскрыли существование агента в высшей иерархии парижской префектуры полиции. Поставленное в известность УОТ направило к ним двух инспекторов. Те внимательно выслушали трех перебежчиков. Точность переданных сведений не оставляла никаких сомнений в подлинности их свидетельств.

Агент, личности которого они не знали, был известен в чехословацкой разведке под кодовой кличкой Само. Его завербовал в 1959 году секретарь посольства Чехословакии в Париже Антонин Тик. Впоследствии с ним поддерживали связь третий секретарь посольства Зденек Мике, затем Кадлек. Официально состоя во Французской соцпартии, Само на деле был членом ФКП "за штатом", в обязанности которого входило внедрение социалистов для работы на партию. Он завербовался в чехословацкую разведку по идеологическим мотивам и по рекомендации Французской коммунистической партии. В то же время он не пренебрегал деньгами. Ему платили до пяти тысяч франков за пакет информации. При этом Само сполна отработывал потраченные на него суммы. "Поступившие от него документы полностью заполнили два сейфа в Праге, – отмечали перебежчики. – Он передает их целыми пачками, до двухсот страниц каждый раз. По всей видимости, информацию он черпает из различных служб. Он дал записки о чешской общине во Франции, о службе общей безопасности, о контрразведке и о СРК. По-видимому, он занимает должность, сравнимую с членом руководства полицейского управления Праги". К этому три офицера добавили, что Само женат, что его жена иногда использовалась как связник и что у него двое детей.

Факты были довольно туманными, но в то же время достаточно определенными для начала расследования. Поскольку служебное положение агента удалось установить более или менее точно (руководство префектуры), УОТ занялось изучением личных дел высших членов парижской полиции. Это более неблагодарная работа, чем может показаться на первый взгляд. Через несколько месяцев был составлен первый список потенциальных злоумышленников.

В конечном счете у загадочного Само появилось имя благодаря делу, полностью (и умышленно) затерянному в архивах службы общей безопасности.

Жизненный путь Жоржа Эбона (речь, разумеется, идет о псевдониме) показателен во многих отношениях.

Когда в начале 50-х годов Эбон был молодым инспектором службы общей безопасности в одном из городов на востоке Франции, его завербовал для работы на ФКП депутат департамента Арденны от компартии Пьер Лареп благодаря случайной встрече в

поезде.

Расположившись в одном купе, они провели время в любезной беседе. Пообещали друг другу увидеться еще раз. После обычных предварительных маневров Эбон без труда согласился давать информацию ФКП. Он оказался прекрасным новобранцем. Через несколько месяцев его перевели в Париж, в отдел общей безопасности, занимавшийся... коммунистами. С этого времени партия получила в его лице очень ценного информатора. Проявляя усердие, он давал все сведения, которые у него просили. Сначала переснимая попадавшие ему под руку дела, затем, из предосторожности, записывая на магнитофон документы, особенно интересовавшие ФКП. Он сам относил катушки с пленкой в бакалейную лавку в 14-м округе Парижа, которую держал один из членов партии. По разведывательной терминологии, это "живой почтовый ящик". Отметим в скобках, что такой метод применялся ФКП давно. Во время войны разведслужба ФТП (служба "Б") также использовала магазины в качестве "почтовых ящиков". По существу, безобидные места, которые посещает множество людей.

"Он оказал ФКП большие услуги", – отмечает сегодня один из высших руководителей партии 50-х годов. Этот старый функционер коммунистического аппарата, исключенный из партии в 1955 году, как и большинство руководителей, сыгравших первостепенную роль в движении Сопротивления, в том же году предупредил службу общей безопасности о двойной игре Эбона. Но тот, однако, уже был хорошо защищен. Впоследствии защита будет еще лучше. По приказу ФКП Эбон вступил в СФИО для наблюдения за ней и сблизился с некоторыми деятелями социалистической партии. Он стал почти неприкасаемым. Директору службы общей безопасности удалось всего лишь перевести его из "коммунистического" отдела в отдел "общественных организаций", занимавшийся наблюдением за профсоюзами. Год спустя он перешел в службу государственного секретаря по внутренним делам, затем в конце 50-х годов его назначили в кабинет префекта парижской полиции. Там и прошла заключительная часть его карьеры вплоть до ареста в феврале 1971 года. В течение более чем 10 лет Эбон пользовался невероятной безнаказанностью. Когда он перешел в аппарат префекта полиции, руководство службы общей безопасности направило лично префекту досье о его связях с ФКП. Досье до него так и не дошло. Кто-то перехватил его по пути. Была ли это та "невидимая рука", о которой говорили Франсуа Миттеран и Роже Вибо на процессе по "делу об утечках"?

Вполне вероятно, что один или несколько высших чинов полиции за кулисами оказывали Эбону поддержку и даже помогали ему быстро продвигаться по служебной лестнице. В противном случае как можно объяснить, что предупреждения службы общей безопасности не были услышаны и что его назначали на чрезвычайно ответственные должности, например руководителем службы телефонных прослушиваний?.. Контрразведка поставила перед собой данный вопрос, но не смогла вразумительно ответить на него. Правда, один человек показался подозрительным, хотя ничего конкретного против него выявить не удалось, несмотря на его тесные связи с Эбоном. Этот чиновник, занимающий сегодня очень высокую административную должность, вполне мог помогать ему из масонской солидарности. Ведь оба они были членами одной ложи. Если, конечно, он также не состоял в прямых связях с ФКП.

Собирая материал для написания книги, автор узнал об истории (неизвестной контрразведке), касающейся того самого высокопоставленного чиновника, которая, быть может, проливает свет на его роль в деле Эбона. История относится к началу 50-х годов. Икс – назовем его так – уже занимал солидный пост в префектуре, когда у него завязалась любовная связь с молодой женщиной, работавшей в министерстве внутренних дел. Эта любовница (Икс был женат) доводилась двоюродной сестрой близкому другу одного из руководителей ФКП. Падкая на любой вид информации, партия воспользовалась ситуацией для проведения успешной операции. Через эту женщину коммунистам удалось завладеть ключами от кабинета префекта, которые были у Икса. Ночью коммунисты проникли в здание префектуры и в кабинет префекта, откуда выкрали многие интересные документы. В

данном случае Икс использовался против своей воли. Впоследствии ФКП вполне могла его шантажировать в связи с его любовным походом и соучастием в этом деле, даже если оно было неумышленным. Партия часто использует такие методы. Возможно, с тех пор коммунисты держат Икса на привязи. Это всего лишь гипотеза. Тем не менее она позволяет понять многие вещи.

Когда личность Само стала известна УОТ, его дело передали непосредственно в министерство внутренних дел. Случай был серьезным. Следовало ли сразу арестовать Жоржа Эбона или подождать и взять его на месте преступления в момент передачи документов офицеру чехословацкой разведки? При первом варианте имелось преимущество в том, что все можно сделать без шума, но был и серьезный недостаток: для доказательства виновности нужны признания. В противном случае существовала опасность остаться на стадии подозрения в намерениях, что чаще всего неподсудно. Разоблачений перебежчиков всегда недостаточно. Ведь они вполне могут быть дезинформацией спецслужб противника, наводящих на ложных агентов. Так иногда случается в "войне теней", которую секретные службы Востока ведут против западных стран. Второй вариант, арест на месте преступления, позволяет избежать этих подводных камней, но в большинстве случаев приводит к тому, что дело о предательстве становится достоянием общественности. И каково будет ее мнение о полиции, когда она узнает, что высшее должностное лицо префектуры работало на Чехословакию? Обычно политические власти предпочитают избегать подобных ситуаций "во имя национальных интересов".

Против ожидания министр решил подождать ареста на месте преступления. УОТ одобрительно восприняло его решение, но боялось утечек. Слежка может быть эффективной только тогда, когда подозреваемый ничего о ней не знает. Отсюда с самого начала были предприняты все меры предосторожности. О деле Эбона знали только пять человек.

Через две недели после решения министра еженедельник "Минют" опубликовал короткую заметку следующего содержания: "В настоящее время Управление по охране территории проявляет пристальный интерес к одному из близких сотрудников префекта полиции". Откуда пошла утечка? Установить это не удалось. Среди пяти лиц, знавших о проводимом расследовании, фигурировал и Икс – высокопоставленный чиновник, о котором мы говорили.

После утечки информации УОТ было вынуждено действовать. Эбона арестовали. Для того чтобы добиться признаний, контрразведка располагала шестью днями предварительного заключения (с 1981 года срок сокращен до двух суток). Редко кто выдерживает до конца перекрестный огонь методических допросов. Полицейские контрразведки – специалисты своего дела. Но и Эбон – крепкий орешек. Ознакомившись с предъявленными доказательствами, он понял, что не может отрицать своих связей с ФКП. Его линия защиты была весьма простой: это старая история и к тому же он обо всем доложил руководству службы общей безопасности. Ложь, отвечали полицейские, в делах службы общей безопасности нет никаких следов о его связях с коммунистами. Но он стоял на своем. Что касается чехословаков, то он уверял, что является жертвой дезинформации с целью компрометации французской полиции.

К несчастью для него, в его сейфе в префектуре нашли карточки на высокопоставленных чиновников, политических деятелей, дипломатов. То есть как раз тот тип биографических сведений, который секретная служба вроде чехословацкой могла потребовать от агента для возможной вербовки. Изучая его окружение, полицейские, кроме того, выявили его связи с тремя сотрудниками СРК, что позволило понять, как Само смог передать чехословакам информацию о службе французской разведки. Отягчающее обстоятельство: его жена призналась, что служила связником между мужем и офицерами чехословацкой разведки. Встречи происходили во внутреннем помещении кафе "Рояль перейр" в 17-м округе. Ее попросили дать точное описание этого места, отвезли туда. Все полностью сошлось.

На основании полученного свидетельства Эбон мог быть разоблачен, но, когда его

жене устроили с ним очную ставку, она внезапно поняла, что ее показания могут принести серьезный ущерб. Она взяла их обратно.

Прошло четыре дня предварительного заключения, когда пришел приказ министра внутренних дел с требованием его освобождения. УОТ вынуждено было подчиниться. Не будет дела Само, не будет скандала. Честь полиции спасена. Такова воля министра, которого подталкивало к этому его окружение, в том числе странная личность – Икс. Жоржа Эбона даже не вывели из административного аппарата. Контрразведке единственно удалось, чтобы его удалили с ответственных постов (его чуть было не назначили в генеральную инспекцию префектуры полиции). В настоящее время он руководит административной службой недалеко от Парижа.

Случай с Само не уникален. Позднее, в начале 80-х годов, было замято еще одно дело, компрометировавшее ФКП. Оно началось с анонимного письма, поступившего в УОТ и написанного на плохом французском языке. "Обратите внимание на Юрия Быкова" – таково было вкратце его содержание. Назначенный первым секретарем Посольства СССР Быков только что вступил в должность. Предупреждение, по всей видимости, исходило от советского коллеги, не оценившего его назначение во французской столице. Получив информацию, контрразведка без лишнего шума начала наблюдать за первым секретарем. Через несколько месяцев полицейские выяснили, что он усердно посещает в пригороде Парижа трех сотрудников ФКП. Следствие позволило также установить, что Быков – офицер КГБ из Первого главного управления, руководивший во Франции "линией Н" (связь с "нелегалами"). Какие сведения мог он получить от функционеров партии? После их ареста УОТ узнало, что они снабжали его "биографиями" пропавших без вести (и бессемейных) французов, что позволило КГБ внедрять на нашей территории своих агентов под чужими именами (конкретно "нелегалов").

Юрий Быков фигурирует среди 47 советских "дипломатов", высланных из Франции в апреле 1983 года. В его отношении это было единственной санкцией. По приказу свыше дело закрыли, чтобы не ставить в неудобное положение ФКП и правительство, когда в него входили четыре министра-коммуниста.

Вторично в истории войдя в правительство, коммунистическая партия помимо всего прочего воспользовалась своим положением для внедрения в государственные органы людей и структур, роль и значение которых выяснятся в последующие годы. Так было, когда министры-коммунисты руководили министерствами в течение первых 33 месяцев после войны. Ничто не может опровергнуть того факта, что также было с июня 1981 по июль 1984 года, несмотря на принятые социалистами меры предосторожности (например, сокращая функции Шарля Фитермана в самом ответственном из всех министерстве транспорта).

Вот случай нового внедрения. Накануне поездки Франсуа Миттерана в Камерун в июне 1983 года полицейские из контрразведки, занимавшиеся расследованием террористической сети в Париже, случайно напали на весьма любопытного дипломата. Заинтересовавшись женщиной арабского происхождения, они выяснили, что она замужем за чиновником, занимавшим руководящую должность на Кэ д'Орсэ. Некоторое время спустя благодаря телефонным прослушиваниям выяснилось, что, хотя у дипломата нет ничего общего с международным терроризмом, он в то же время поддерживает частые контакты с Максимом Гремецем, руководившим в ФКП Центральным управлением внешней политики – настоящим министерством иностранных дел партии. Дипломат регулярно составлял для Гремеца записки о положении дел во франкоязычной Африке, в частности в Камеруне, куда отправлялся президент. Чтобы избежать скандала, власти решили потихоньку перевести его на менее ответственную должность.

В настоящее время вес ФКП, разумеется, несравним с ее ролью после освобождения Франции. Но в данном случае значение имеет не столько количественная, сколько качественная сторона дела. Для контроля над административным аппаратом достаточно нескольких человек на нужных местах. В своей книге "Компартия в доме" (Denis Jeambar. Le PC dans la maison. Editions Calmann-Levy, 1984) Дени Жамбар с максимальной точностью

оценил тайную работу партии при правительстве союза левых сил Пьера Моруа, в частности через ее профсоюзный аппарат – ВКТ. "Войска Жоржа Марше и Анри Кразюки могут в будущем поставить Францию в крайне трудное положение, – считает он. – Их оружие – оружие дестабилизации и потрясений – способно стать бомбой замедленного действия внутри французского общества на тот день, когда история пойдет по пути, начертанному коммунистической партией". Подозрения в намерениях? Отвечая 24 февраля 1985 года по первой программе телевидения на вопросы журналистов о падении популярности ФКП среди избирателей, Жан Батист Думанг сказал, в сущности, то же самое: "Что лучше? Иметь 18% голосов или быть хозяином Национальной железнодорожной компании, электрической компании, портов?" "Красный миллиардер" проболтался с обычным для него цинизмом.

До последнего времени Москва требовала от ФКП выполнять свою роль для достижения (неизбежной) победы социализма над капитализмом. Цель не менялась в течение десятилетий. Менялись лишь формы в зависимости от дипломатических интересов СССР ("холодная война", разрядка, мирное сосуществование) или от политических выгод, на которые могла рассчитывать ФКП, заявляя о своей относительной независимости.

ГЛАВА 2. МЛАДШИЕ БРАТЬЯ

Секретные службы стран восточного блока во Франции

Богумил Павличек, жизнерадостный весельчак с наивным взглядом, внушает доверие. Именно такому человеку и хочется рассказать обо всех своих тайнах, особенно после нескольких восхитительных коктейлей, которые он настолько здорово делает. Через несколько недель Жан Мари уже не может перед ним устоять. Он скучает в Праге 1959 года, куда приехал, чтобы открыть представительство авиакомпании "Эр Франс". В ожидании квартиры, которую обещали ему чешские власти, он живет – за неимением лучшего – в отеле "Палас", а вечера обычно проводит в баре, где царствует очаровательный Павличек. Одиночество, отсутствие развлечений приводят к тому, что Жан Мари начинает изливать душу этому внимательному и сочувствующему ему человеку.

Через несколько дней бармен знакомит его с красивой молодой женщиной по имени Алена. Жан Мари, худощавый, элегантный, с красивыми усами, без труда ее завоевывает. Впрочем, ей только этого и нужно. Задача Алены – агента секретной службы Чехословакии и сообщницы Павличека – как раз в том и состоит, чтобы соблазнить тридцатилетнего холостяка, который ищет хоть каких-нибудь удовольствий, пытаясь скрасить свое долгое пребывание в Праге.

"У этого француза странные нравы", – доверительно сообщает она Павличеку на следующий день после их первой с Жаном Мари совместной ночи.

Разведка получает нужные сведения: представитель "Эр Франс" склонен к гомосексуализму.

Теперь на сцену выходит тридцатилетний Рене Плок. Он выдает себя за преподавателя французского языка. И снова в роли посредника выступает Павличек. Жан Мари быстро находит общий язык с красавцем чехом, который не скрывает своего враждебного отношения к коммунистическому режиму. Они часто встречаются в баре отеля "Палас". Ловушка захлопнулась. Однажды вечером Плок предлагает выпить последний стаканчик у него дома, в маленькой квартирке, где он живет один.

Стол, два стула, напротив шкафа с книжными стеллажами и большим зеркалом – диван-кровать. Обстановка весьма и весьма скромная. Но Жану Мари она так понравилась, что вскоре он все вечера проводит в этой квартире. Рене Плок, который крайне предупредительно относится к своему новому другу, очень скоро приглашает к себе и других гомосексуалистов. Особенно молодых.

Через пять месяцев после своего приезда в Прагу Жан Мари получает долгожданную

квартиру. Еще несколько завершающих штрихов (включая установку микрофонов и скрытых камер), и он наконец устраивается в своем новом доме. Первым делом Жан Мари пригласил Плока и его молодых друзей, чтобы отпраздновать новоселье. Отныне вечеринки будут проходить в его квартире, гораздо более просторной и комфортабельной, чем каморка "профессора". Да и Прага теперь не кажется французу такой уж грустной.

Так продолжалось почти целый год. Жан Мари ни о чем не подозревает. До того самого зимнего вечера, когда к нему неожиданно появился бледный от страха Плок.

"Это ужасно, – лепечет он. – Шантаж! Ужасный шантаж!" Жан Мари пытается его успокоить. В конце концов "профессор" во всем признался. Накануне вечером с ним конфиденциально заговорил какой-то мужчина. "У него были фотографии – твои, мои... всех наших юных друзей... компрометирующие... весьма компрометирующие! Это шантажист! Он хочет получить 10 тысяч крон в обмен на то, что у него есть".

Плок протягивает Жану Мари несколько фотографий. Еще не до конца осознав, что он стал жертвой хитроумной махинации, француз тем не менее ясно понимает, что попал в крайне затруднительное положение. Достав из бумажника тысячу крон, он протягивает их Павличеку.

"Вот задаток. Скажи, что остальное он получит в обмен на негативы".

"Профессор" не настаивает. Он быстро покинул квартиру. Больше Жан Мари его никогда не увидит.

Через неделю, рано вечером, раздался звонок в дверь. Едва Жан Мари успевает открыть, как стоящий перед ним мужчина решительным жестом отстраняет его. "Полиция! Позвольте..."

Полицейский бесцеремонно устраивается в салоне, достает из портфеля картонную папку и кладет ее на маленький низкий столик. В досье несколько листков, напечатанных на машинке, и фотографии.

"Мы недавно арестовали банду шантажистов, – начинает полицейский. – Вы, по-видимому, являетесь одной из их жертв. Но можете быть спокойны, больше никакая опасность вам не грозит. Все эти людишки под замком".

Охваченный ужасом Жан Мари видит те самые фотографии, которые ему показывал Плок.

"Грязная история, однако, – продолжает полицейский. – Как представитель "Эр Франс" вы не пользуетесь дипломатическим иммунитетом. У нас, также как и в вашей стране, сексуальные связи с несовершеннолетними наказываются тюремным заключением. А кроме того – какое бесчестье! В подобных обстоятельствах ваше посольство не станет вас защищать. Они ведь тоже рискуют запачкаться в этом скандале".

Наконец-то Жан Мари понимает. Маленькая квартирка Плока, шкаф с зеркалом, фотографии, лежащие перед ним, не оставляют ни малейших сомнений. Он просто-напросто попался в ловушку.

"Конечно, можно всегда все уладить, – продолжает полицейский. – Если мы сумеем найти общий язык, то сможем и забыть об этих фотографиях. Некоторая информация, и все. Только небольшая информация о том, что происходит в вашем посольстве, и о французах, живущих в Праге. Это бы нас устроило".

Так Жан Мари, представитель "Эр Франс" в Чехословакии, стал агентом чешской разведки.

Раз в два месяца к нему приходит тот же полицейский. Его имя – Милан, инспектор Милан. После нескольких встреч мужчины прониклись симпатией друг к другу, и теперь их беседы касаются не только сплетен о посольстве Франции или военной миссии.

В течение полутора лет инспектор Милан будет офицером-агентуристом Жана Мари. Потом он однажды объявит ему о своем предстоящем отъезде за границу.

"Один из моих коллег будет поддерживать с вами контакты", – уточнил полицейский.

Эстафету принял некий Йозеф, и Жан Мари в течение еще почти года продолжал шпионить за своими соотечественниками, собирая сведения для чехов. Потом он уехал в

Бухарест, где возглавил представительство "Эр Франс" на Балканах. Через несколько месяцев Йозеф напомнил о себе. Его сопровождал какой-то человек.

"Это мой друг Стефанеску, – сказал он. – Теперь вы будете иметь дело с ним. Ваше досье у него".

И вот так в течение трех лет Жан Мари работал на румынские секретные службы. Потом его перевели в Камбоджу. Избавление, думает он. В Пномпене он вновь встретился с бывшей секретаршей посольства Франции в Бухаресте и женился на ней. Все, кажется, должно наладиться. Но через несколько недель после приезда на приеме в посольстве Югославии кошмар начался снова. "Прага, 1959 год", – шепнул кто-то рядом с ним. Это пресс-атташе посольства СССР. Досье на Жана Мари добралось до КГБ. Экономические и военные сведения: советская разведка очень настойчива. Даже слишком, потому что в отделении Службы разведки и контрразведки в Камбодже начали что-то подозревать. Под каким-то предлогом Жана Мари отозвали в Париж. Едва приехав, он попал на допрос в Управление по охране территории. После трех дней допроса он во всем признался.

В 1966 году Суд государственной безопасности приговорит Жана Мари к семи годам тюремного заключения.

Случаю было угодно, чтобы именно в этом году Богумил Павличек, бармен отеля "Палас" в Праге, стажировался в отеле "Георг V" в Париже. УОТ арестовало и его. Он признался, что с 1959 года является агентом чешской разведки. Его работа состояла в сборе данных о клиентах бара – как в Париже, так и в Праге. В один и тот же день Суд государственной безопасности решил судьбу Жана Мари и Павличека, приговорив его к трем годам тюрьмы.

Неприятность, происшедшая с представителем "Эр Франс", служит наглядной иллюстрацией тесного сотрудничества разведывательных служб стран Восточной Европы и КГБ. Точно так же, как сами эти страны зависели от Кремля в политическом отношении, все их разведслужбы выполняли приказы Москвы.

"В начале 50-х годов Советы создали огромную организацию "Оценка, проверка, ассимиляция", – уточняет Ион Пачепа, бывший заместитель директора румынской разведки и личный советник президента Чаушеску, который бежал на Запад в 1978 году. – Эта организация постоянно составляла перечни того, в чем нуждаются КГБ и секретные службы других стран Варшавского пакта. Она получала технологическую и военно-техническую информацию и, если считала необходимым, превращала то, что оказывалось полезным, в "советские проекты".

11-й отдел Первого главного управления КГБ (ПГУ) занимался связями с разведками социалистических стран. Офицеров этого управления можно было встретить в штабах всех разведслужб Востока; они осуществляли контроль за их операциями, направляли их работу в соответствии с указаниями КГБ и отбирали сведения, интересовавшие Москву. Двойное наблюдение осуществляли местные офицеры, которые работали на КГБ или ГРУ, но так, что ни их коллеги, ни родной разведцентр об этом не знали. Таких офицеров обычно вербовали во время обучения в спецшколах СССР.

Для осуществления научного и технологического шпионажа, а эта задача возложена на Управление "Т" КГБ, подчиненное ПГУ, в СССР создали отдел "Д". Его цель: свести воедино все сведения, собранные в этих областях спецслужбами стран восточного блока. Так что в конечном счете все агенты стран-сателлитов работали на "старшего брата".

Москва не ко всем разведкам относилась одинаково. В Центральной Европе ее доверием пользовались болгары и восточные немцы. Первых особенно ценили за проведение тайных операций (торговля оружием и наркотиками) и убийств, о чем можно догадаться в связи с неудавшимся покушением на папу Иоанна Павла II. Восточногерманская разведка особенно успешно проникла в ФРГ и страны Африки, где ее офицеры работали гораздо эффективнее, чем их советские коллеги.

Сохраняя контроль за разведками стран восточного блока, КГБ одновременно ввел "социалистическое разделение труда" в их работу. Каждой разведке были определены

страны-"мишени" в зависимости от их компетентности, а также исторических, политических и культурных связей, которые социалистические страны продолжали поддерживать с той или иной западной столицей, несмотря на "железный занавес". Агенты Варшавы, например, – разумеется, во имя традиционной франко-польской дружбы – до начала 70-х годов были особенно активны во Франции.

Однако за последние 15 лет активность ЗИ (военная разведка) и польской службы госбезопасности (ПСГ) несколько пошла на спад. Сегодня они сосредотачивают свои усилия на внутреннем фронте, что и доказал поспешный отзыв в Варшаву в январе 1985 года Станислава Янчака, официально занимавшего должность начальника протокольного отдела в польском посольстве в Париже.

Этот "дипломат", а на самом деле офицер ПСГ пытался раздобыть некоторые документы "координационного комитета Солидарности" во Франции, который материально и финансово поддерживал распущенный профсоюз Леха Валенсы. Станислав Янчак, схваченный с поличным в тот момент, когда на парижской улице польский эмигрант передавал ему бухгалтерскую отчетность комитета, действовал по приказу из Варшавы, с тем чтобы скомпрометировать польскую оппозицию и особенно руководителя этого комитета Северина Блюмштейна, который решил 5 февраля 1985 года вернуться в Польшу после вынужденной эмиграции во Францию, куда он бежал вслед за введением военного положения (13 декабря 1981 года). С помощью Янчака польская разведка намеревалась, когда придет срок, встретить Блюмштейна по-своему. У нее в руках оказалось бы досье, с помощью которого можно было доказать, что он стал растратчиком или – хуже того – получал деньги от ЦРУ. Фальсификация бухгалтерских документов, добытых Станиславом Янчаком, без сомнения, дала бы возможность разыграть комедию суда, в чем социалистические страны достигли высшего совершенства. Маневр не удался, и в конце концов польские власти отказали Блюмштейну в праве вернуться на родину.

До 1966 года, а это год выхода Франции из НАТО, французская территория была настоящим филиалом всех разведслужб стран восточного блока. Париж, приютивший штаб-квартиру Атлантического союза, кишел агентами, которые любыми средствами пытались проникнуть в систему западной обороны. Теперь этот специфический интерес перенесен в Брюссель, новую столицу НАТО. А Франция стала заповедником четырех разведок.

Прежде всего – "материнского предприятия", то есть КГБ. Как мы увидим далее, СССР весьма интересовала французская технология. Франция служила ему также базой для проведения операций во всей Европе. В соседних странах, в частности в Бельгии, агенты КГБ чаще всего действовали с парижской базы.

Далее шла чешская разведка, специализировавшаяся на военной разведке и "дезинформации". Агенты Праги живо интересовались технологическими успехами французской оборонной промышленности. А что до дезинформации, то ее целью являлось углубление противоречий между Францией и другими странами – членами НАТО.

Если первой мишенью разведки ГДР был все-таки западный "брат-враг" (Федеративная республика), то ее агенты не обходили вниманием и Францию. Ось Париж – Бонн внутри Европейского экономического сообщества (политический шпионаж) и многочисленные совместные проекты вооружений этих двух стран (шпионаж военный и технологический) интересовали их особенно.

Восточногерманским шпионам также приходилось заниматься и странами Бенилюкса. Для подобных операций Париж служил им "опорным пунктом" и "тыловой базой", что и продемонстрировало дело генерала Цорна, одна из последних операций разведки ГДР на территории Франции.

Хейнц Бернхард Цорн, 68 лет, бывший глава штаба ВВС Восточной Германии, был арестован в Лилле 19 августа 1980 года. В те дни во французской прессе его описывали как неловкого старика шпиона, которого Восточный Берлин выгнали из отставки для выполнения особого задания в Бельгии и во Франции. Заблуждение. Вплоть до своего ареста старый генерал возглавлял военную разведку своей страны.

По возрасту он, конечно, отошел от активной работы уже в 1977 году, но только для того, чтобы занять пост в Институте военной истории, который служил прикрытием для инструкторов разведслужбы ГДР. Именно в этом качестве в 1977 году он встречался со старшим офицером французской армии, тоже в отставке, приехавшим для того, чтобы собрать материал для своей книги об армии ГДР. Военные быстро нашли общий язык, они понравились друг другу, и Цорн рассказал своему новому другу о намерении съездить во Францию, чтобы посетить места, запомнившиеся еще в молодости. Во время второй мировой войны Цорн был пилотом бомбардировщика на базе Муво около Лилля.

Намерения его ясны. Как разведчик-профессионал, генерал сразу же понял, что сможет использовать своего нового друга с целью познакомиться с другими офицерами, пусть даже и отставными, и таким образом собрать хоть какую-то полезную информацию. Он попытался сделать это уже во время своей первой поездки во Францию. Его любопытство в конце концов возбудило подозрения у французского офицера, который сразу же порвал всякие отношения с Цорном. Слишком поздно. Ведь с его помощью Хейнцу Бернхарду Цорну удалось получить доступ в некоторые круги, близкие к НАТО. Эту возможность он использовал до конца.

Для того чтобы оправдать частые поездки старого генерала по городам Франции и Бельгии, где живут его корреспонденты, Цорна назначили вице-председателем ассоциации "ГДР-Франция". Великолепное прикрытие для того, чтобы, так сказать, поспособствовать сближению народов двух стран... Это внезапное назначение привлекло внимание УОТ, пристально следившего за столь "дружескими ассоциациями" капиталистических и социалистических стран. Что, собственно, делал отставной генерал, известный своей принадлежностью к разведке ГДР, во главе общества "ГДР – Франция"? Для очистки совести служба контрразведки решила проследить за Цорном во время его очередного пребывания во Франции и Бельгии. Многомесячное наблюдение позволило установить его контакты. Один – в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, другой – в Париже, в библиотеке, подчиненной министерству обороны. Благодаря этим двум агентам генерал получил многие секретные документы.

Когда 19 августа 1980 года УОТ арестовало Цорна на автобусной остановке неподалеку от Лилльского вокзала, оно знало, что генерал должен получить от парижского библиотекаря новые документы по танкам и противотанковым орудиям. Француз, которого уже почти две недели допрашивали на улице Соссэ (центральная резиденция служб контрразведки до июля 1985 года), признался в измене и назвал точное место и время своей следующей встречи с Цорном. Оставалось только забрать генерала, что и было проделано – не без некоторого, впрочем, опасения. Когда старик увидел неизвестно откуда взявшихся полицейских, у него чуть было не случился сердечный приступ.

Через пару лет, 23 июня 1982 года, в коммюнике министерства иностранных дел будет сообщено, что Хейнц Бернхард Цорн освобожден. Генерал, которому было предъявлено обвинение в разведывательных связях с агентами иностранной державы, так никогда и не предстал перед судом. Он послужил разменной монетой, которая позволила правительству ГДР вернуть нескольких своих граждан, задержанных в Западном Берлине. В этом случае ось Париж-Бонн, которая так интересовала восточногерманские разведывательные службы, послужила доброду делу.

Четвертая страна, активно работавшая во Франции, – Румыния. "Самая мощная разведсеть Румынии традиционно базировалась во Франции, – утверждает Ион Пачепа, который до его бегства на Запад в 1978 году был вторым лицом в контрразведке своей страны. – Для коммунистов Франция представляла наиглавнейший интерес из-за своей культурной политики, влияния, роли в международных отношениях, уровня технологии, особенно в области ядерных исследований и микроинформатики. Есть и другие причины, тесно увязанные с культурными отношениями между двумя этими странами. Бухарест называли маленьким Парижем, многие румыны говорили по-французски, румынская община Парижа многочисленна, влиятельна, обладает высоким интеллектуальным уровнем..." Итак,

присутствовали все составляющие, для того чтобы Франция стала важной базой румынской секюритате. Бухарест содержал многочисленных лоббистов, которые не только занимались "дезинформацией", но и устраивали лжеэмигрантов на работу в самые передовые отрасли.

Нельзя сказать, что другие социалистические страны совсем не интересовались Францией. Если предоставлялась возможность, их разведки вербовали, проникали, шпионили, и всегда в конечном счете в пользу СССР.

С 1945 года во Франции было возбуждено 74 дела о шпионаже, и каждый раз в них были замешаны офицеры разведок стран восточного блока: в 28 делах – чехословаки, в 17 – поляки, в 14 – немцы из ГДР, в 8 – румыны, в 5 – болгары и в 2 – венгры.

В своей борьбе против разведок социалистических стран французская контрразведка была вынуждена одновременно наблюдать как за советскими гражданами, так и за всеми выходцами из стран-сателлитов, чтобы попытаться определить, кто под дипломатическим, журналистским, торговым или любым иным прикрытием занимался разведкой. Объем работы гигантский, особенно когда знаешь, что для наблюдения в течение суток только за одним опытным разведчиком нужно около 20 полицейских, и только тогда нет риска быть замеченным. А на момент выхода книги, если учитывать еще и персонал посольств, консульств, торговых и военных миссий, агентств печати, представительств при ЮНЕСКО, смешанных компаний и туристических агентств, то во Франции проживали:

- 780 граждан СССР;
- 150 восточных немцев;
- 130 поляков;
- 100 чехословаков;
- 75 румын;
- 75 венгров.

Итого: 1310 представителей социалистических стран. Почти треть из них, как известно, занимались разведдеятельностью, что дает как минимум 450 шпионов, за которыми надо наблюдать все 24 часа в сутки в течение 365 дней в году. Чтобы оказаться в состоянии это сделать, персонал УОТ должен был бы насчитывать примерно девять тысяч полицейских, иными словами, в семь раз больше, чем в настоящее время, причем без учета "туристов" и других членов "делегаций", которые каждый год приезжают во Францию и которые, если в том возникнет необходимость, обязаны выполнять задания секретных служб своих стран. Иначе говоря, подобная задача просто невыполнима. Можно только удивляться тому, что, несмотря на объемность задачи и недостаточность находящихся в распоряжении французской разведки средств, ей все-таки удавалось отыгрывать очки в беспощадной "войне теней", где КГБ благодаря своим "младшим братьям" действовал как многонациональная корпорация, являвшаяся самым крупным разведывательным центром мира.

Человек, который слишком много знал

Труп был еще теплым, и кровь на смертельной ране едва-едва запеклась. Работа профессионала: пуля калибра 7,65, выпущенная в упор чуть выше правого уха, разнесла вдребезги череп жертвы.

Было 20 часов 20 минут 27 октября 1960 года, четверг, когда Поль Прудон сделал это мрачное открытие. Буквально за несколько минут до этого его заинтриговали странные маневры зеленого автомобиля на пустыре напротив его виллы. Поль Прудон возвращался домой в Аржантей за рулем своего "дофинэ". "Я было подумал, что снова какие-то автомобилисты сваливают мусор у моего дома", – рассказывал он потом. Разозлившись, он помчался по направлению к этой машине, но, заметив его, двое мужчин поспешно сели в автомобиль и уехали. Прудон развернулся и начал их преследовать. Безрезультатно. Ему помешала какая-то машина, и он потерял беглецов из виду на шоссе 311 в Энгиен. Вернувшись на пустырь, он обнаружил труп.

У жертвы – мужчины около 30 лет – при себе только шесть франков, несколько писем и счетов, из которых явствует, что он занимался рекламой, фотографией и кино. Сведения весьма незначительные, но полиция Аржантея находит еще и польскую газету "Народовец". Из-за этой ли детали, а может, из-за каких-то других признаков, но они связались с первой мобильной бригадой, а потом и с УОТ. Как бы то ни было, на следующий после убийства день дело забрала контрразведка.

Владислав Мроз, 34 лет, фотограф-профессионал, отец троих детей, проживавший в доме N 37 по улице Дюнкерк в Эпине-сюр-Сен, не был знакомцем для УОТ. Этот поляк, два года назад приехавший во Францию с женой, француженкой по происхождению, вел жизнь, по внешней видимости безупречную. Каждое утро ровно в 8.10 Мроз на автобусе ехал на вокзал в Аржантей. Там он в 8.30 садился на поезд до вокзала Сен-Лазар. В девять часов он был уже на работе – в редакции фотожурнала в квартале Реомюр в Париже. Мроз неизменно обедал в 12.30 в ближайшей закусочной. Рабочий день его заканчивался в 19.30, а в 20.15 он появлялся дома.

На самом же деле за этим расписанным по минутам существованием Владислав Мроз с момента своего приезда во Францию вел сложную жизнь двойного агента – одновременно как капитан польской разведки и как информатор контрразведки французской. Что и стоило ему жизни.

Во Франции Мроза, вследствие грубой ошибки польской разведки, был обнаружен 7-м отделом префектуры полиции, службой, ныне не существующая. Несколькими годами ранее офицер польской разведки, перебежавший в США, среди других назвал и имя Мроза, уточнив, что тот под дипломатическим прикрытием работал на госбезопасность. Тогда Владислав был дипкурьером между Варшавой и польскими посольствами в Тель-Авиве и Лондоне. Это по линии МИД своей страны. В качестве же офицера госбезопасности он использовал поездки для инструктажа и перевозки в дипломатических вализах сведений, собранных польской разведсетью в Израиле и Великобритании. Когда перебежчик выдал его ЦРУ, Мроз в целях безопасности прекратил поездки за рубеж. Метода классическая, что мы уже видели в деле Бофиса: после того как кто-либо переходил на сторону противника, затронутая разведка – в данном случае польская – разрабатывала список офицеров и агентов, которых "предатель" мог сдать вражеской разведке. Она прекращала работу всех тех, кто рисковал быть раскрытым из-за подобных откровений. Именно так и произошло с Мрозом, который получил новое назначение в Варшаву. ЦРУ тем не менее сообщило его имя всем западным контрразведкам. Следовательно, он фигурировал в картотеке, но не УОТ, а – что интересно – в картотеке 7-го отдела префектуры полиции, который тоже – до конца 50-х годов – занимался некоторыми делами, связанными с контрразведкой.

В начале 1959 года префектура полиции получила прошение о предоставлении политического убежища во Франции от некоего Владислава Мроза, женатого на француженке, бывшего дипкурьера, который заявил, что хочет покинуть Польшу, поскольку его несправедливо обвинили в незаконных валютных операциях. То же имя, то же семейное положение, та же профессия: это все слишком хорошо. Полицейские 7-го отдела префектуры полиции немедленно нанесли ему визит. Они без труда поймали Мроза на противоречиях, но он, заартачившись, повторял: "Я буду говорить только с начальником вашей контрразведки!" Его досье передали в УОТ.

Из вполне очевидных соображений безопасности не было и речи о его встрече с директором Управления по охране территории, на которой он настаивал. Тогда специально для Мроза разыграли спектакль, выдав комиссара-руководителя польского отдела за настоящего начальника УОТ. Доверчивый Мроз ни о чем не догадывался, когда впервые явился на улицу Соссэ. Войдя в кабинет комиссара, щелкнув каблуками и вытянувшись по стойке "смирно", он провозгласил: "Капитан Владислав Мроз из первого отдела польской разведки!"

Это странное поведение должно было означать, что он готов к сотрудничеству. Впрочем, выбора у него не было.

Приехав во Францию под вымышленным предлогом (он никогда не торговал валютой), а на самом деле для сбора разведанных, Владислав Мроз был "нелегалом" безо всякого дипломатического прикрытия, и его ждал большой срок. Между тюрьмой и ролью двойного агента расстояние невелико. Несмотря на явную опасность, он предпочел остаться на свободе и предать свой Центр.

Кроме того, в человеке, явившемся в УОТ, больше не горел священный огонь профессионального шпиона. Он сделал все, чтобы именно на него возложили эту нелегальную миссию во Франции – в расчете на то, что попросит политического убежища. В Варшаве он долго домогался этого назначения и даже пошел на обман, скрыв свое состояние здоровья, лишь бы выбор пал на него. Мроз, у которого были осложнения с легкими, договорился с одним из коллег, что тот пройдет рентгеновское обследование вместо него.

Никто ничего не заметил, и Мроза признали годным для выполнения задания. Его же намерения были вполне ясны: следуя полученным инструкциям, обосноваться во Франции, найти хорошее прикрытия, то есть работу, что должно было занять около двух лет, и затем перейти к активной деятельности. Зная, что "нелегал" редко остается более 10 лет в одной стране, он хотел подождать до тех пор, пока его не отзовут в Варшаву, и в этот момент попросить убежища.

То, что его обнаружила префектура полиции, спутало все планы Мроза. По правде говоря, польская разведка облегчила задачу полицейских, когда против всех правил работы "нелегалов" позволила Мрозу приехать во Францию под настоящим именем.

Попав в ловушку, он согласился сотрудничать с УОТ, но его еще надо отговорить от дезертирства. Для контрразведки гораздо полезнее, если он будет продолжать обманывать свой Центр. В конце концов Мроз пошел на роль двойного агента.

Это первоклассный случай вербовки. В Варшаве он был секретарем руководителя госбезопасности. Он знал работу и лично тех, кто занимал в польской разведке наиболее важные посты. В бытность свою дипкурьером в Израиле и Великобритании он входил в контакт с многочисленными польскими агентами, имена которых теперь выдал. УОТ тут же сообщило эти имена заинтересованным разведслужбам. Чтобы не подставить Мроза, израильтяне и англичане никого не арестовали, но осуществили тщательное наблюдение за выявленной благодаря Мрозу разведсетью.

Для УОТ вполне ясно, кто убил Мроза. Несмотря на все принятие предосторожности, поляки наконец обнаружили его предательство. Как им это удалось, так и осталось тайной. Неосторожность ли с его стороны или со стороны французских полицейских, которые им руководили (они встречались с Мрозом примерно раз в две недели)? Утечка информации? Несколько лет спустя, когда был раскрыт и бежал в Москву Ким Филби, знаменитый советский шпион, проникший в британскую контрразведку (МИ-5), французы задавались вопросом, не он ли явился причиной провала Мроза? Филби вполне мог узнать в МИ-5 о существовании Мроза и предупредить КГБ, а тот проинформировал поляков. И убийцы из польской госбезопасности устранили человека, который слишком много знал.

В дни, последовавшие за убийством, контрразведка решила покончить со всеми одним ударом. Арестовано не менее 20 человек, французов и поляков, которых Мроз выдал как агентов польской разведки. Среди арестованных – технические специалисты, два директора предприятий, библиотекарь, коммерсант, секретарь ЦК ФКП и мэ-коммунист одного маленького городка на севере. Мелкая рыбешка. Перед убийством Мроза польская разведка предупредила и спрятала наиболее серьезных своих агентов.

Трибунал, перед которым спустя четыре года предстали все эти люди, вынес только четыре обвинительных приговора. Остальные были либо оправданы, либо их дела были прекращены за отсутствием состава преступления. Перевербовка Владислава Мроза для УОТ явно закончилась неудачей. Однако благодаря полученной от него информации контрразведка лучше узнала своих польских коллег, их манеру работать, их цели.

Маленький фотограф остается одним из лучших двойных агентов, когда-либо завербованных во Франции. Именно к этому периоду относятся наиболее сильные удары,

нанесенные УОТ по польской госбезопасности и военной разведке. К ним, в частности, относится арест польских агентов М.Армана и Беатрисы.

История М.Армана довольно старая. В течение многих лет контрразведка пыталась поймать его. И снова, но уже в 1954 году, на след ее навел 7-й отдел префектуры полиции. Во время рутинного наблюдения за одним польским дипломатом, работавшим в Париже, полицейские префектуры увидели, как прямо на улице он вошел в контакт с неустановленным агентом. Путем тщательного расследования удалось установить, что это некий Германн Бертеле, владелец книжного и писчебумажного магазина в Фонтене-су-Буа. Подозреваемого немедленно взяло под наблюдение УОТ. Но и пять лет спустя у контрразведки не было никаких улик против него.

Бертеле часто уезжал из своего магазина в Париж, но ему всегда удавалось уйти от наблюдения. Снова застать его врасплох рядом с польским дипломатом оказалось невозможным. И тем не менее, чтобы арестовать Бертеле, следовало обязательно поймать его с поличным, даже несмотря на то, что в УОТ были уверены, особенно если принять во внимание его биографию, что Германн на самом деле является "нелегалом" польской разведки.

Родившийся в Вене (Австрия) в 1902 году, Германн Бертеле в 1936 году воевал в Интербригадах в Испании. После победы Франко он нашел убежище во Франции. Для этого коммуниста Австрия, аннексированная Гитлером, стала слишком опасной. К его прошлому как участника Интернациональных бригад добавлялось еще одно отягчающее обстоятельство. Во время войны Бертеле был участником группы сопротивления "Карманьола – Свобода" в Изере, хорошо известной службе с улицы Соссэ. Несколько агентов стран восточного блока, которых опознали после войны, принадлежали как раз к этой группе.

Германн Бертеле подал прошение о предоставлении ему французского гражданства в 1948 году, без труда получил его и женился. В своем магазине, который был расположен рядом с религиозным учебным заведением, кроме книг он продавал священные изображения и реликвии. На вопросы о его "моральном облике", которые сотрудники УОТ потихоньку задавали его соседям, те отвечали: "Приветливый, любезный". Короче говоря, гражданин вне подозрений. В конце 1958 года УОТ признало себя побежденным и прекратило наблюдение, хотя и не оставило надежды когда-нибудь поймать Бертеле. Один польский перебежчик, не вернувшийся из Японии, предоставил им ранее не хватавшие доказательства, рассказав, что у военной разведки Польши во Франции есть какой-то важный агент под кодовой кличкой М.Арман. Перебежчик не знал, кто он такой, но данные им приметы убедили УОТ в том, что М.Арман и Германн Бертеле – одно и то же лицо и в контрразведке Польши он возглавляет агентурную сеть в штаб-квартире НАТО, располагавшейся тогда в Париже.

Ранним утром 30 апреля 1959 года сотрудники УОТ, получившие все необходимые разрешения, приступили к обыску в доме N 23 по улице Моконсей в Фонтене-су-Буа. В квартире Бертеле, расположенной как раз над его магазином. Долго искать полицейским не пришлось. В шкафу между двумя стопками белья они нашли полную отчетность данной разведгруппы, коды шифровки и дешифровки, расписание передач Радио Варшавы на коротких волнах, различные правила безопасности, планы размещения "почтовых ящиков" в парижских кафе и, конечно же, список корреспондентов. Отличная добыча.

Застигнутый врасплох Германн Бертеле несколько утратил присущую ему вежливость. Но, будучи опытным разведчиком – он работал на польскую военную разведку с 1946 года, – не раскололся. Поскольку все отрицать было уже невозможно, он сознался в том, что является связным "одной организации, имеющей отношение к Варшавскому пакту". Он также признал, что ему случалось быть "почтовым ящиком" для некоторых польских дипломатов. Это все. К счастью, найденные у него материалы гораздо красноречивее, чем он сам. Среди правил безопасности, кроме всего прочего, есть и четко расписанный порядок действий на случай крайней необходимости. К ним следовало прибегнуть только при возникновении непосредственной опасности. Для УОТ добытые сведения просто

драгоценны.

Почувствовав, что ему грозит опасность провала, Бертеле должен был срочно связаться со своим офицером-агентуристом. Польская разведка разработала для этого два способа. Каждый второй вторник месяца до 10 часов утра агент должен был мелом нарисовать букву Д на определенном столбе балюстрады, возвышающейся над парком Бютт-Шомон, точно напротив дома № 48 по улице Ботзарис в 19-м округе Парижа. Таким образом станет ясно, что Бертеле просит о встрече на следующий день в заранее условленном месте. Если речь шла о самой крайней мере – бегстве за границу, – Бертеле должен был подчеркнуть букву Д. Через 10 дней, ровно в 17.00, была предусмотрена явка в Италии, в баре "Метрополь" в Риме. Книга на столе и галстук в синюю и красную полоску должны были послужить опознавательными знаками представителя ЗП.

УОТ очень хотелось привести этот план в исполнение, расставить ловушку полякам. Особенно если учесть, что Бертеле был арестован тайно, а зависевших от него агентов еще не тронули. Приближался второй вторник месяца.

Итак, в оговоренный день в 9.50 один из полицейских нарисовал роковую букву Д на условленном столбе. И даже тщательно ее подчеркнул. Лучше уж принять все меры предосторожности. В УОТ считают, что если агент польской разведки уйдет от них в Париже, то с помощью итальянских коллег они все-таки смогут поймать человека, который явится на свидание в Риме.

Засада длилась недолго. В 10.10 на балюстраду совсем рядом со столбом облокачивается человек. Явно встревоженный, он совершает грубую ошибку. Вместо того чтобы уйти как ни в чем не бывало, что сделал бы обычный прохожий, он вынул из кармана платок и, поплевав на него, стер букву Д. И этим расписался в своем преступлении.

Через несколько минут сотрудники УОТ поймут почему.

Казимеж Доперала, секретарь польского военного атташе в Париже, был молодым "дипломатом", новичком в делах шпионажа. Он поддался панике.

Казимежа Допералу, не имевшего дипломатического иммунитета, посадили в тюрьму "Сантэ", несмотря на лицемерные протесты польского посольства. Выдворенный в конце концов из страны, поляк не предстал перед Постоянным военным трибуналом, который в июле 1961 года судил членов группы Бертеле. На скамье подсудимых оказались: француз, служащий штаба 1-го военного округа; получивший французское гражданство итальянец, работавший в исследовательской лаборатории флота неподалеку от Тулона, и польский беженец. Второму французу – инженеру – удалось бежать. Его судили заочно и приговорили к 10 годам тюрьмы. Что касается Германна Бертеле, то он был лишен французского гражданства и также осужден на 10 лет. Большую часть срока он провел в тюрьме города Эвре. Его группа, теперь совершенно разгромленная, в течение почти 10 лет передавала Варшаве, а следовательно, и Москве очень важные данные о самых современных достижениях в области военных исследований. Освобожденного досрочно в 1967 году Бертеле вместе с женой выслали в Польшу.

16 декабря 1961 года был в свою очередь арестован инженер компании "Технический омниум трубопроводных перевозок" (ТОТП), и именно в тот момент, когда он выходил из польского посольства в Париже. Жорж де Кобор, 44 лет, венгр, получивший французское гражданство, только что отнес туда секретный план нефтепроводов Хасси-Мессауд и Бужи (Беджайи) и планы французской авиабазы в Мекнесе. Приговоренный в октябре 1963 года Судом государственной безопасности к 10 годам тюремного заключения, он пошел на предательство, так как нуждался в деньгах и из-за того, заявил он на суде, что его шантажировали. Польская разведка дала ему понять, что его мать, оставшаяся в Венгрии, может пострадать, если он не согласится на сотрудничество. Благодаря четко отлаженному взаимодействию разведок стран Восточной Европы эта угроза легко могла стать реальностью.

У человека, представшего перед судьями в январе 1964 года, не было совершенно никаких оправданий. Он уверен в себе и отрицает, что занимался шпионажем, признавая

самое большое лишь то, что контакты, которые у него могли быть с посольством Польши, входят в круг нормальных отношений, которые просто был обязан поддерживать один из руководителей партии с дипломатическими представителями своей страны. Йозеф Битонски, член Крестьянской партии Польши в изгнании, утверждает, что он хотел только содействовать сближению сотен тысяч польских эмигрантов во Франции с правительством Варшавы. В этих целях, по его утверждению, совершенно логичны частые встречи с коммунистическими властями и даже получение от них денег. Подобная схема защиты убедила суд только наполовину. Битонски приговорили лишь к четырем годам тюрьмы.

Подарок весьма щедрый, ибо Йозеф Битонски под кодовым именем Беатриса в течение 10 лет верой и правдой служил 5-му отделу польской разведки.

Многие перебежчики говорили о том, что один из лидеров Крестьянской партии Польши в изгнании был на деле польским контрразведчиком. Он информировал Варшаву об эмиграции и политике различных европейских стран, в частности Франции. После долгой проверки и сопоставления всех сведений УОТ уже в 1960 году пришло к выводу, что этим агентом является Йозеф Битонски. Поскольку слежка и подслушивание не дали никаких результатов, его вызвали для допроса. У французских полицейских имелись только предположения, а этого в деле с таким умным и уверенным в себе человеком оказалось недостаточно. Йозеф Битонски беспрепятственно ушел из здания на улице Соссэ. Но ненадолго.

В конце 1962 года контрразведка получила новую информацию. Кодовое имя Йозефа Битонски – Беатриса. Он был завербован в 1953 году офицером польской разведки Станиславом Клосом, пресс-атташе посольства Польши в Париже, прошел обучение в Лондоне в 1956 году. Его задача: наблюдение за польскими эмигрантами в Париже и политические доклады. И не просто доклады. По сведениям, полученным УОТ, Беатриса отсылал в Варшаву крайне ценную информацию по франко-германским отношениям, проблемам границы по Одру-Нейсе и отношениям Восток-Запад. Благодаря широким связям в политических кругах Битонски был отличным источником информации.

Он приехал во Францию в 1939 году после окончания польской кампании и сражался в рядах французской армии вплоть до самого ее поражения. Раненый, он попал в плен, а затем по состоянию здоровья был репатриирован. Именно к этому периоду относится его участие в польском Сопротивлении во Франции. Его арестовывают, но ему удается бежать. Вплоть до освобождения Франции Битонски продолжает подпольную борьбу. За свои военные подвиги он, впрочем, получил орден Почетного легиона. Демобилизовавшись в 1948 году, Битонски решил остаться во Франции (сохранив, однако, польское подданство) и продолжать борьбу в рядах Крестьянской партии Польши в изгнании, которой из Лондона руководил Миколайчик. Но когда партия открыто высказалась против политики первого человека Польши, Владислава Гомулки, Битонски пошел на раскол и создал Крестьянскую народную партию. На деле же он только повиновался приказу из Варшавы, которая старалась перетащить эмиграцию в свой лагерь. В качестве главы партии и журналиста – он писал статьи для польского журнала в Лондоне и одного ежедневного швейцарского издания – Битонски получил доступ к французским политическим деятелям.

15 января 1963 года УОТ арестовало Беатрису. На этот раз увернуться ему не удалось: доказательства слишком явные. Под грузом улик, которыми располагала контрразведка, он в конце концов признался – с такими роскошными подробностями, что французская полиция долго не могла прийти в себя от изумления. Прежде всего, его контакты. Встречи в основном происходили за границей, в Австрии или Швейцарии, где польская разведка купила ему маленькую квартиру в Лозанне. Варшава, впрочем, никогда не сэкономила на содержании Беатрисы. Еще одно свидетельство того, насколько он был для них важен. За 10 лет разведцентр в обмен на информацию выплатил ему около 500 тысяч франков, что позволило Битонски вести жизнь, достойную главы партии. На эти деньги он купил – частично – большую квартиру на улице Гренель в 7-м округе Парижа, в посольском квартале, и парфюмерный магазин для своей жены Станиславы на улице Лекурб в 15-м округе.

Полицейские, проводившие обыск в доме этой супружеской пары, нашли много интересного. Кроме новейшего аппарата, позволяющего фотографировать документы, они конфисковали блокнот белой копировальной бумаги (для невидимых записей). "Я заметил, что мою почту неоднократно вскрывали, – утверждал Битонски на суде. – И эту белую копировальную бумагу я использовал, чтобы оградить свою переписку от постороннего глаза". Однако химическое исследование блокнота доказало, что написанные таким образом письма были далеко не невинны: доклады о французской дипломатии, оценки того или иного политического деятеля, анализ трений в среде польской эмиграции, советы о том, как лучше обращаться с подобными людьми. Эти письма, которые невозможно прочесть без специальных проявителей, регулярно обычной почтой поступали в польскую разведку. Когда материал был слишком обширным, Беатриса передавал его напрямую – либо в Париже в парфюмерном магазине жены, которая была его сообщницей, либо за границей. Все так же благодаря белой копирке Битонски посылал обыкновенную почтовую открытку парижскому офицеру-агентуристу и назначал ему встречу. Была разработана и система сигнализации: в случае опасности мадам Битонски должна была погасить светящуюся вывеску своего магазина, чтобы предупредить офицера, что входить нельзя.

В этом деле УОТ повезло еще раз. Анализ блокнота позволил выяснить, что ближайшая передача должна состояться через несколько дней. Парфюмерный магазин, не без помощи мадам Битонски, которой дали понять, что правосудие учтет ее готовность к сотрудничеству, на скорую руку превращается в мышеловку. План очень прост. В комнате за магазином должен спрятаться полицейский. Он будет там до той самой минуты, когда мадам Битонски выдаст офицера-агентуриста, выключив при его появлении постоянно работающий радиоприемник. Останется только арестовать его. Что и было сделано.

Ян Клапут, работник польского консульства в Париже, без сомнения, пережил самый страшный момент в своей жизни: неожиданно перед ним возник человек с пистолетом в руке, и именно в то время, когда в обмен на документы, переданные ему мадам Битонски, он выложил на прилавок 15 тысяч франков и очень странный тюбик зубной пасты. В этом полупустом тюбике были спрятаны завернутые в целлофан инструкции для Беатрисы.

Несмотря на все эти веские доказательства, Йозеф Битонски, представ перед Судом государственной безопасности, заявил, что он невиновен.

"Я не сделал ничего, что нанесло бы ущерб Франции, – сказал он в свою защиту. – Так называемая разведывательная сеть, о которой говорится в обвинительном акте, – это просто моя политическая партия, место пребывания которой – Франция, и я только хотел сблизить ее с братской партией в Польше".

Такая система защиты была не столь уж и проста. Французское правительство тогда начало проводить политику открытости в отношениях со странами Восточной Европы. Суровое наказание могло бы повредить новой дипломатии. Йозеф Битонски пользовался также сильной поддержкой в голлистских кругах. Отпущенный сначала под залог за четыре месяца до суда, он все-таки был помещен в тюрьму Френе через семь месяцев после вынесения приговора.

Освобожденный досрочно в начале 1965 года, Беатриса уехал вместе с женой (оправданной за "хорошее поведение") в избранную им страну – Польшу. Хотя его карьера шпиона и закончилась, он тем не менее остался на службе польского государства. Он будет одним из руководителей почтовой цензуры, в чьем ведении находилась вся поступающая из Западной Европы почта. Затем он начнет новую политическую карьеру. В 1975 году Йозеф Битонски фигурировал среди руководителей официальной Крестьянской партии, наличие которой позволило ПОРП (КП) утверждать, что Польша – страна многопартийная.

Во имя матери

Нужно обладать каменным сердцем, чтобы остаться бесчувственным, прочтя подобное письмо. Настоящий крик ужаса. Французский консул в Праге не смог устоять. На полях

письма он написал: "Заключение благоприятное". Не подозревая, конечно, что дает зеленый свет дьявольской операции чешской разведки против Франции.

4 мая 1957 года в консульство пришло письмо, простое и трогательное в своей неловкости. Автор проявил храбрость, осмелившись написать и отослать его. Подобное прошение, если бы власти о нем узнали, могло стоить ему многих лет тюрьмы. "Моя мать была француженкой по происхождению и умерла в 1939 году, – писал он на неуклюжем французском языке. – С самого детства меня воспитывали чужие люди. Я учился до 21 года, то есть восемь лет в школе (гимназии) и три года на юридическом факультете в Праге. После этого я трудился на разных стройках, выполняя работу, которая мне совсем не нравилась, да и не соответствовала моему образованию. С детства у меня не было никакой национальности. Чехословацкие бюрократы обращались со мной как с иностранцем, и поэтому у меня было множество трудностей. Сейчас передо мной стоят два вопроса, а именно – получить ли чешское подданство или просить у вас подданства французского. По матери я француз и симпатизирую Франции гораздо больше, чем Чехословакии, поэтому я чувствую, что у меня здесь нет дома. Я хочу жить свободной жизнью. Вот почему обращаюсь к вам с просьбой помочь мне или посоветовать, что делать".

Автора этих строк, родившегося 9 ноября 1929 года в Крнове, Чехословакия, звали, по его словам, Пьер Кардо. Имя и впрямь чисто французское. Для того чтобы придать вес своему прошению, он присовокупил некоторые биографические данные – явно подлинные. Внебрачный ребенок некой Терезы Кардо, француженки по происхождению, умершей в Крнове в 1939 году; у него на руках был вид на жительство, источник всех его неприятностей с чешскими властями. Если консул пожелает, то он готов представить все оправдательные документы.

Через несколько недель во французское консульство в Праге явился робкий человек. Взгляд голубых близоруких глаз, теряющихся за очками в металлической оправе, высокий выпуклый лоб, который казался еще больше из-за сильного облысения, придавали ему вид нищего интеллигента. Пьер Кардо принес, как и обещал, доказательства своей правдивости. Свидетельство о рождении, подписанное кюре города Крнова, свидетельство о рождении матери, родившейся в городе Била-Вода в Судетах в 1908 году, которая в свою очередь была дочерью Марии Кардо, родившейся в 1872 году во Франции. Родство кажется неоспоримым. Остается только его проверить. Это очень трудное дело, поскольку Тереза Кардо, так же как и ее сын, не признана своим отцом. В обоих случаях речь идет о так называемых незаконных детях. Чем и объясняется тот факт, что рождение и Терезы и Пьера не было зарегистрировано в консульстве французского посольства в Чехословакии.

В подобных случаях решение остается за Парижем. Через шесть месяцев досье Кардо возвращается в Прагу. Пьера официально признали французом. Одновременно с паспортом консул вручает ему свидетельство о национальности, подписанное министром юстиции. Первый этап плана, разработанного чешской разведкой, прошел отлично.

Монтаж был безупречен. Из действительного происшествия чешская разведка, чтобы ввести во Францию "нелегала", сфабриковала безупречную легенду.

В результате предпринятых Парижем розысков была действительно обнаружена некая Мари Кардо – "бабушка" Пьера, – родившаяся в маленькой деревушке в Верхней Соне, которая вела довольно бурную жизнь. В 1895 году у молодой Мари Кардо от неизвестного отца родился сын. Она узаконила его в 1897 году, выйдя замуж за некоего Гийо. Год спустя у нее родилась дочь. Но супруги не ладили. В 1900 году Мари Кардо бросила мужа и детей и исчезла в Австро-Венгрии, где, похоже, стала зарабатывать на жизнь, поступив в прислуги.

Это было все, что смогло разыскать министерство юстиции Франции. Такими же сведениями подтверждались принесенные Пьером Кардо документы. Правда, лишь частично, потому что нигде не было и следа существования Терезы – "дочери" Марии и "матери" Пьера. Но после двух мировых войн очень многие книги записи актов гражданского состояния исчезли. Вполне понятно, что в истории семьи Кардо появились некоторые провалы. Единственным доказательством родственной связи Марии, Терезы и

Пьера были бумаги, представленные Кардо во французское консульство в Праге вместе со свидетельствами о рождении его самого и его матери. Две безупречные фальшивки, сработанные в недрах чешской разведки.

Никто так и не узнал, кем был Пьер Кардо на самом деле. Известно только то, что, когда в 1957 году он послал письмо в консульство, Кардо был уже вполне подготовлен к жизни "нелегала" в одной из специальных разведшкол.

Неловкий стиль и ошибки были специально вставлены в письмо, чтобы растрогать французов. Чехи понимали, что их "досье", хотя и очень хорошо скомпонованное, имело некоторые уязвимые места. Следовательно, надо было сыграть на сострадании. Эту роль и должен был исполнить Пьер. Он показался таким растерянным, таким несчастным от того, что ему приходилось жить в неродной стране, что французы просто обязаны были счесть своим долгом вытащить его из этой страны. Тем более что в те времена, в самый разгар "холодной войны", западные демократии не испытывали больших симпатий ни к Чехословакии, ни к другим социалистическим странам. Именно в таком политическом контексте Франция, не слишком внимательно приглядываясь, признала в Кардо одного из своих.

Пьер Кардо пересек границу на поезде в пограничном пункте Кехль 5 мая 1968 года. Началось выполнение его настоящего задания. Директивы, данные ему Центром, просты: раствориться в толпе, сделать так, чтобы о нем забыли, подождать возможности заняться работой в местах, интересующих Центр. А вот инструкции, полученные перед отъездом, весьма строги: регулярно писать своей старой подруге Миладе в Прагу (его "почтовый ящик"), купить приемник, который может ловить передачи на коротких волнах, чтобы раз в два месяца слушать то, что будет передавать для него Центр, достать у фотографа жидкий реактив, чтобы можно было читать тайные послания, написанные невидимыми чернилами на обыкновенных почтовых открытках, провести обследование двух парижских кафе на Больших Бульварах, одно из которых предназначалось для встреч со связным, а второе должно было служить "почтовым ящиком".

Имея два крупных счета в разных банках, "нелегал" Кардо мог сразу не бросаться на поиски работы. Обосновавшись в комнате для прислуги на седьмом этаже буржуазного дома на улице Каму (7-й округ), он записался на факультет права, чтобы получить эквивалент своего чешского диплома. Два года спустя он становится коммивояжером страховой компании. Кардо серьезен, пунктуален и даже старателен. Начальство ценит его. Очень скоро он начинает хорошо зарабатывать.

Гордясь тем, что стал французом, Пьер Кардо не забыл уладить с властями вопрос о прохождении воинской службы. В апреле 1961 года его призывают. Именно этой возможности он ждал, чтобы начать работать. По возрасту – ему почти 32 года – он не попадает в Алжир, где в самом разгаре война. Знание русского и чешского языков может пригодиться в другом месте. Три месяца обучения, и он оказался на базе ВВС в ФРГ, в центре радиотехнического подслушивания передач из Восточной Европы. И здесь им очень довольно начальство. Его командир даже настаивает на том, чтобы он остался на сверхсрочную службу. Кардо отказывается. Военная карьера не имеет никаких перспектив. Тогда его невероятно предупредительный командир пишет рекомендательное письмо и отправляет его на бульвар Мортье в 20-м округе, в Дирекцию службы разведки и контрразведки.

Шпионская карьера Пьера Кардо начинает вырисовываться. 15 августа 1962 года, освободившись от военной службы, он немедленно встречается со своим офицером-агентурником в Париже. По плану, разработанному в Праге, "нелегал" Кардо должен был поступить на службу в Организацию экономического развития и сотрудничества (ОЭСР), международную организацию, где имелась важная информация о сотрудничестве западных стран. Но поместить агента в самом сердце французской разведки представляется куда более интересным. Центр дает добро, хотя риск очень велик. Чешская разведка не может не понимать, что их агента подвергнут "проверке на безопасность", прежде чем принять на

службу. Его легенда может не выдержать слишком придирчивых проверок.

15 сентября 1962 года. Пьер Кардо поступает в СРК в качестве эксперта-аналитика. Через шесть недель он подписывает контракт. Шпион проник в крепость. Отличная профессиональная работа, если учесть, что понадобилось всего лишь четыре с половиной года, чтобы проникнуть в святая святых разведки.

Ошибка, та самая песчинка, которая в конце концов сорвала эту так прекрасно задуманную операцию по проникновению, была совершена чехами из-за излишней самоуверенности. Внедрение "нелегала" Кардо показалось им, без сомнения очень легким. Одновременно в разные западные страны – в частности, в Швейцарию – были внедрены и другие агенты. Швейцарская разведка раскрывает секрет. 2 мая 1962 года федеральный департамент правосудия и швейцарская полиция объявляют об аресте одного из агентов чешской разведки в Базеле. "Этот гражданин Чехословакии, – говорится в сообщении, – прошел длительную шпионскую подготовку в разведшколе в Праге, затем при помощи фальшивых документов выдал себя за незаконного сына швейцарки, умершей в Чехословакии, и устроился на работу в одну из базельских фирм под видом репатриированного. В соответствии с полученными инструкциями он обзавелся коротковолновым радиоприемником, оборудовал его выключателем репродуктора и наушниками, что позволяло ему спокойно принимать передачи из Праги".

В результате усилились подозрения всех западных контрразведок. Так что вскоре после поступления Кардо на службу в СРК его досье снова подвергли проверке, но уже совершенно под иным углом зрения, особенно все те факты, которые касались его прошения о предоставлении французского гражданства. Офицер спецслужбы не замедлил отыскать несоответствие в его свидетельстве о рождении. Кардо становится подозреваемым. Поскольку все происходит на французской территории, то дело поручают УОТ. Слежка, подслушивание, расспросы соседей – все пускается в ход, и все безрезультатно. У контрразведки нет никаких конкретных доказательств предательства Кардо, а без этого непременного условия невозможно арестовать и обезвредить его.

14 ноября 1962 года за неимением лучшего УОТ решает провести обыск в небольшой квартирке Кардо.

"Мне нечего прятать", – заявляет он трем инспекторам, вошедшим в его дом.

Начинается тщательный обыск, во время которого хозяин квартиры остается совершенно невозмутим. Но когда полицейские заинтересовались его радиоприемником, он потерял самообладание, сел перед умывальником и, отвернувшись к стене, заплакал.

Однако на улице Соссэ Пьер Кардо показал себя упрямым. Придя в себя, он упорно повторял свою легенду: его мать, его бабушка, его любовь к Франции... Он даже объявляет голодовку – как бы в подтверждение своей невиновности. Но на пользу ему это не идет: на шестой день допроса Кардо сломался физически. Он падает в обморок, и его срочно увозят в госпиталь, в палату Кюско, предназначенную для заключенных. Там он переживает психологический шок. Боялся ли он, что его подвергнут воздействию психотропных препаратов, как это, без сомнения, сделали бы в его стране? Оправившись от болезни, Кардо, во всяком случае, проявляет уже большее желание сотрудничать.

Пьер Кардо признал свою принадлежность к чешской разведке и раскрыл свою задачу во Франции, но продолжал утверждать, что он сын француженки Терезы Кардо, родившейся в 1908 году в Била-Вода, и т.п.

Что до доказательств, то углубленное изучение материалов, найденных у Кардо дома, позволило его уличить. В его радиоприемнике громкоговоритель был отключен, чтобы можно было пользоваться наушником. На кусках картона инспекторы нашли список координат, соответствующих сеансам радио Праги на коротких волнах – так он получал инструкции. В старом учебнике грамматики русского языка некоторые заново вклеенные страницы – это листы белой копирки для тайнописи. И наконец, оттиски шариковой ручки на его бюваре позволяют прочесть зашифрованные сообщения.

Здесь заканчивается карьера "нелегала" Кардо. 28 ноября 1962 года он предстал перед

судебным следователем и был обвинен в том, что "с целью передачи иностранной державе собирав сведения, использование которых могло нанести ущерб национальной обороне" (статья 74 Уголовного кодекса). Максимальное наказание, предусмотренной этой статьей – пожизненное заключение. Если даже предположить, что проникновение этого агента чешской разведки в разведку французскую и было вовремя пресечено, то за четыре года он отослал достаточно много сообщений и сведений своему Центру. Именно с учетом того фантастического ущерба, который Кардо смог бы нанести, останься он на прежнем месте, суд и должен был определить меру наказания. Чтобы отбить у чехов охоту начинать снова.

Бруно и Эрик

На сей раз у судей тяжелая рука. Приговор, вынесенный 27 апреля 1967 года Судом государственной безопасности, особенно суров:

- Петер Краник – 20 лет тюремного заключения;
- Рене Левин (по мужу – Краник) – 14 лет;
- Ганс Баммлер – 18 лет;
- Марианна Мюхль (по мужу – Баммлер) – 12 лет.

В своей заключительной речи помощник прокурора Ришар был категоричен: "Это опытейшие профессионалы, которые только ради нанесения вреда НАТО без колебания причинили ущерб Франции, выдав Восточной Германии сведения о перемещении французских частей в Берлине, о переговорах французского полномочного министра в бывшей столице рейха, подслушанных благодаря тайно установленному микрофону, а также о позиции Франции по отношению к НАТО и политических разногласиях между Бонном и Парижем по этому вопросу..." В течение целого часа помощник прокурора подробнейшим образом рассказывал о том, как работала эта группа, о важности переданных ею сведений и суммах, полученных обеими супружескими парами. Удивительная история, которая свидетельствует о том, что разведки социалистических стран были готовы пойти буквально на все, чтобы получить интересующие их данные.

Все началось раньше чем за 10 лет до этого дня, а точнее – в июне 1955 года. Петер Краник, которому тогда было 24 года, воспользовался отпуском, чтобы навестить свою мать в восточном секторе Берлина. Стена еще не была построена, так что сообщение между двумя секторами города осуществлялось без особых проблем. Итак, молодой человек беззаботно катит на велосипеде по улицам Восточного Берлина. Он не обращает никакого внимания на уличное движение, весьма, впрочем, слабое. Внезапно на перекрестке дорогу ему перекрывает машина. Обогнуть ее невозможно, и Петер со всего размаха в нее врывается. Это происшествие, на вид совершенно банальное, перевернет всю его жизнь.

Упавший на мостовую юноша встает без единой царапины. Он больше напуган, чем ушиблен. Внезапно он осознает, что врезался в машину автошколы восточногерманской полиции.

"Документы!"

Приказ отдан повелительным тоном. Петер Краник, которого тут же арестовали, оказался в одном из отделений службы разведки и контрразведки ГДР. Полицейский, который был за рулем автомобиля, рассчитывал использовать это происшествие. В особенности его интересовала профессия юноши: архивист пресс-службы французской военной администрации Западного Берлина.

Начинается допрос. Петер, родившийся 21 октября 1930 года в Берлине, в конце второй мировой войны был членом "Гитлерюгенд". Поражение нацистов, перед которыми он был приучен преклоняться, а через несколько лет и развод родителей в 1949 году совершенно выбили его из колеи. У его матери было несколько домов в советской зоне оккупации, и она предпочла жить в восточном секторе бывшей столицы. Будучи женщиной осторожной, мать,

однако, уговорила сына остаться на западной стороне. И так, оставшись почти совершенно один и, конечно же, для того, чтобы наконец совершить все те подвиги, о которых мечтал в юности, Петер, когда ему исполнился 21 год, завербовался в Иностраннный легион. Сначала Алжир, а потом и война в Индокитае полностью утолили его жажду подвигов. Раненный под Дьенбьенфу, Краник демобилизовался в ноябре 1954 года в чине сержанта и с 85%-ной пенсией по инвалидности. За храбрость он был награжден Военным крестом ВТВД (Внешнего театра военных действий) и получил две благодарности в приказе. Такой послужной список позволил ему без труда найти работу при французской военной администрации в Берлине сразу же после того, как Краник вернулся в Германию. Сначала он работал посыльным, а потом получил место в пресс-службе. Однако Петер не слишком был доволен своей должностью.

Полицейский, который его допрашивал, почувствовал это недовольство и воспользовался им.

"Французы вас презирают, – забросил он удочку. – Они вам подсунили второстепенную должность, хотя вы проливали за них кровь".

Петер хочет возразить, но в глубине души он и сам чувствует обиду.

"Сами виноваты, – продолжает полицейский. – Вместо того чтобы избрать Германию, вы перешли на сторону оккупантов. Для них вы всегда останетесь побежденным или, если предпочитаете, угнетенным".

На молодого человека подобные доводы подействовали. Полицейский настаивает, доверительным тоном говоря, что страна нуждается в нем, что он должен верить в будущее Германии, воссоединенной под знаменем социализма.

"Мы можем вам помочь получить работу, достойную ваших способностей, – предлагает он, – и с хорошей оплатой. Подумайте также и о вашей матери, которая живет здесь. Вы могли бы облегчить ее жизнь".

Это едва прикрытый шантаж. Петер уступает. Он становится агентом восточногерманской разведки.

По-настоящему он приступил к работе только в 1957 году. До этого времени под предлогом того, что он навещает мать, Краник каждую неделю ездил в восточный сектор, пользуясь этими поездками для обучения в разведшколе. Через шесть месяцев после дорожного происшествия он тайно вступает в СЕПГ, восточногерманский аналог компартии. И это не из-за оппортунизма, но по убеждению, ибо Петер действительно верит, что будущее страны – в социалистическом выборе.

Пресс-служба, в которой работает Краник, находится в том же здании, что и политический отдел французской военной администрации в Берлине. Вот что интересовало восточногерманскую разведку. Петер же оказался отличным агентом. Он работал тем более усердно, что очень рад предоставившейся возможности отомстить французам, которые им пренебрегли, и польщен, что играет столь важную тайную роль, наконец-то достойную его. Следуя приказам Центра, он установил подслушивающее устройство в зале собраний французских офицеров. Таким образом, в течение пяти лет – с 1957 по 1962 год – восточные немцы будут в курсе позиции Франции по Берлину, отношений Парижа с англичанами и американцами, решимости западных держав противостоять советскому нажиму в вопросе о бывшей столице, особенно во время кризисов 1959 и 1961 годов. Одновременно Петер передает на Восток копии секретных докладов военному командованию в Париже. Короче, для восточногерманской разведки он стал источником важнейших сведений. Его произвели в лейтенанты.

Сооружение в августе 1961 года берлинской стены и навязанные со стороны ГДР ограничения на передвижение между двумя секторами города усложняют работу Краника. Ему стало почти невозможно переходить на другую сторону, передавать сведения своему Центру, не опасаясь, что его заметят на западной стороне. Восточногерманская разведка обходит эту трудность, послав к нему связного, доверенного человека, вместе с которым Петер проработал вплоть до своего ареста 25 мая 1966 года.

Ханса Иоахима Баммлера, которому в то время было 36 лет, разведка ГДР завербовала в 1960 году. Поскольку он был членом СЕПГ с 1956 года, то сначала его попросили "понаблюдать" за артистами, среди которых у него было много знакомых, так как он работал рекламным агентом театра им. М.Горького в Восточном Берлине. На его согласие, возможно, повлияла наследственность: его отец, который тогда был директором школы самоходной артиллерии в Потсдаме, до войны руководил III отделом (контрразведка) абвера. Взятый в 1945 году в плен советскими войсками, он стал служить социализму, и Ханс, мать которого умерла в нацистском концлагере, пошел по его пути. Он очень хорошо выполнил свое первое задание. А потом Центр доверил ему роль курьера Краника в Западном Берлине.

В конце 1962 года политический отдел военной администрации переехал и оказался вне досягаемости Петера, который все еще работал в пресс-службе. Центру он стал менее интересен. Разведка ГДР проводит его "конверсию" с удивительным обилием привлекаемых для этого ресурсов, свидетельствующим о неуклонном стремлении социалистических стран проникнуть в некоторые западные организации. НАТО, штаб-квартира которой располагалась в то время в Париже, стала их следующей целью. Восточногерманской разведке понадобилось не больше года, для того чтобы разработать эту операцию и подготовить группы "Эрика" и "Бруно".

Что послужило им путеводной нитью? Рене Левин, 23 лет. Петер познакомился с этой красивой голубоглазой блондинкой, когда она работала редактором-машинисткой на французской службе в Берлине. Она стала его любовницей, потому что он был женат. Ради нее он в конце концов в 1959 году бросил жену. Но двумя годами позже девушка с родителями уехала в Париж. Благодаря связям родителей Рене удалось поступить на службу в посольство ФРГ в Париже, где она занималась вопросами возмещения убытков евреям. Проблему этого она знала хорошо, поскольку сама ребенком была как еврейка депортирована нацистами, что позволило ей получить пенсию от боннского правительства.

В Берлине Петер буквально умирал от скуки. Центр дал ему понять, что он может получить возможность соединиться с любовницей в Париже. Сначала ему дадут денег на развод с женой, а потом помогут устроиться во Франции. Однако при одном условии: Рене должна как следует постараться и найти работу в штаб-квартире НАТО. Восточногерманской разведке известно, что родители девушки знакомы с одним важным чиновником в Бонне, членом политического отдела Атлантического союза.

В 1963 году Краник, чтобы повидаться с любовницей, много раз ездил из Берлина в Париж и обратно. Во время одного из таких визитов он признался ей, что работает на ГДР. Девушка вовсе этим не шокирована, соглашается поехать с ним, чтобы познакомиться с его офицером-агентуристом. Именно тогда ей и приказывают устроиться на работу в НАТО.

Когда в конце 1963 года Петер Краник окончательно перебрался в Париж, Центр присвоил ему звание подполковника. Льготный вид на жительство во Франции, который он получил благодаря своему послужному списку, благоприятствует его устройству. Центр выдал Кранику 10 миллионов старых франков, чтобы он смог начать свое дело для оправдания доходов. Петер снял павильон в парижском пригороде Антони, вскоре к нему приехала Рене Левин. Восточногерманская разведка сдержала слово – пара соединилась, и теперь они могут пожениться. Между тем, повинувшись приказу, Рене добивается места машинистки в НАТО. Вновь помогли связи ее родителей.

В начале 1964 года Рене поступила на службу. Проверка на безопасность ничего не выявила. Умная, добросовестная, с отличными рекомендациями от прежних хозяев, с безупречным прошлым: все это говорило в ее пользу. Через несколько месяцев после начала работы ее назначили секретарем отдела информации, которым руководил граф Рене Адельман, директор главного секретариата Атлантического союза. Благодаря своим способностям и работе Рене Левин стала для восточногерманской разведки первоклассным агентом. Супруги разделили обязанности, и Петер, кодовое имя – Бруно, начал передавать в Центр сведения, собранные Рене. Прежде всего, биографические данные чиновников, с которыми она встречается. Затем, по мере того как она поднимается по служебной лестнице,

документы, все более секретные. Именно тогда на сцену выходит Эрик.

Когда Рене Левин поступила на работу в НАТО, некий Георг Вегнер приехал жить в Мюльхаузе. Этот сорокалетний холостяк-австриец открыл там магазинчик по продаже предметов искусства, в частности кукол-матрешек из Северной Европы. Любезный, но очень сдержанный торговец нелегко сходился с жителями городка. Через некоторое время после приезда он женился на молодой швейцарке Марианне Шнейдевинд, с которой недавно познакомился. Без сомнения, это любовь с первого взгляда.

Настоящее имя молодой женщины – Марианна Мюхле. Вегнер женился на ней во второй раз. Это часть плана, разработанного разведкой ГДР для того, чтобы внедрить во Францию упомянутую пару "нелегалов" и помочь Бруно, иными словами, Кранику.

22 месяца понадобилось восточногерманской разведке, чтобы осуществить операцию внедрения. 22 месяца, в течение которых Георг Вегнер, а это не кто иной, как Ханс Баммлер, связной Петера в Берлине, и его жена Марианна Мюхле проходили интенсивную подготовку, чтобы стать безупречными "нелегалами". Они научились принимать шифрованные радиопередачи, зашифровывать и дешифровывать переписку, переводить письма на микропленку (размер кадра 1,5 x 2 см позволяет, к примеру, спрятать ее под почтовой маркой), уходить от слежки и, наконец, выучили назубок свою легенду, разработанную для внедрения во Францию. Так Баммлер стал Вегнером – имя, принадлежавшее действительно существовавшему австрийцу, который много лет назад нашел пристанище в ГДР. Побывав в Австрии, Баммлер познакомился с местами, где жила настоящая семья Вегнер. Его даже на три недели послали в Египет, где много раз бывал настоящий Вегнер. Марианна Мюхле точно также училась быть Шнейдевинд – имя одной швейцарской семьи, историю которой ее обязали знать наизусть по крайней мере в пределах двух поколений.

После свадьбы в Мюльхаузе чета Вегнер, кодовое имя – Эрик, обосновывается в парижском пригороде Нуази-ле-Сек, чтобы быть ближе к источнику, к Бруно. По соображениям безопасности они еще пару раз меняют квартиру. Сначала живут в Нейи-Плезанс, потом на улице Пуле в Париже, там, где УОТ их и арестовало 25 мая 1966 года.

В течение двух лет они успешно выполняли свою задачу. Раз в 14 дней, в Люксембургском саду или в Данфер-Рошере, Краник передавал Баммлеру документы, которые его любовница выкрала в НАТО. Чета Эрик переводила их на микропленку и подклеивала под марку на конвертах, посылавшихся в один из "почтовых ящиков" в Европе. При пересылке некоторых важных документов для подстраховки в выпотрошенных куклах-матрешках устраивались тайники, и микрофильмы пересылались в них.

С момента переезда в парижский пригород Георг Вегнер оставил торговлю предметами искусства и нашел работу в типографии "Пантен", частично сохранив, однако, своих кукол для дальнейшего использования именно в этих целях.

Центр по радио извещал их, что "груз" пришел по назначению. Для супругов Краник передачи шли в 22.00 по воскресеньям, а для супругов Баммлер – в 22.30 по четвергам. Сначала Центр в Восточном Берлине передавал музыкальные позывные или морзянку на частоте и с типом модуляций, которые можно было поймать на обычном радиоприемнике. Подобные передачи предназначались всем нелегальным агентам, работавшим во Франции. После позывных некий голос называл три цифры. В соответствии со своим шифром Баммлеры определяли, предназначалась ли данная передача им или же другим агентам. Инструкции передавались в течение нескольких секунд.

Этот метод до последнего времени часто использовали разведки стран Восточной Европы и КГБ для связи со своими "нелегалами". Морзянка, предварительно записанная на перфоленту или на магнитную проволоку, за 10-20 секунд на очень большой скорости проходит в передатчике. Недостаточно тренированному уху эти краткие передачи могут показаться простыми помехами. Нужно быть постоянно наготове, чтобы уловить и записать их. Во всех западных контрразведках есть центры перехвата, чьей исключительной задачей является запись этих шумов. Затем записи следует обработать, чтобы сделать понятным

текст, иными словами, определить нужную скорость передачи, используемую тем, кто передает, с целью получить четкие сигналы. Разумеется, все передачи зашифрованы и практически недоступны, так как современная техника шифровки позволяет получить бесконечное число цифровых комбинаций. Тем не менее записи передач тщательно сохраняются в контрразведках в надежде на то, что однажды, после ареста какого-нибудь агента, они получат ключ для их расшифровки.

Именно так и получилось с группами Бруно и Эрика. Во время обыска в доме Баммлеров УОТ удалось найти кодовые таблицы. В первый четверг после их ареста восточногерманская разведка, ничего об этом не зная, устроила, как обычно, краткую передачу для Баммлеров. УОТ смогло ее расшифровать благодаря найденному в полый ручке отвертки коду.

В домах обеих супружеских пар обнаружили полный набор профессионального шпионского снаряжения. В куклах-матрешках Баммлера прятали необходимое для микрофильмирования оборудование, в которое входит и камера "Минокс". Кроме кодовых таблиц, в отвертке были спрятаны адреса "почтовых ящиков", куда отсылались документы НАТО, добытые Рене Левин.

УОТ, которое в течение многих недель вело наблюдение за обеими парами, установило микрофоны в квартире Баммлера на улице Пуле. Подслушивание позволило установить, что у них был передатчик, спрятанный, очевидно, где-то за ковром, если судить по шумам, записанным в тот момент, когда они доставали его из тайника. Однако, несмотря на тщательнейший обыск, передатчик так и не нашли. Может, Эрик чувствовал, что за ним следят, и перед арестом уничтожил его? Для того чтобы найти передатчик, нужно было по камешку разобрать квартиру. У УОТ было достаточно доказательств, чтобы установить виновность этой пары, поэтому они не сочли нужным искать слишком уж тщательно.

В павильоне, который занимали в Антони супруги Краник, полицейские обнаружили белую копировальную бумагу, порошкостворитель, при помощи которого можно было бесследно уничтожить бумаги, и передатчик. Вероятно, из чувства гордости Бруно сохранил поздравление своего Центра, когда за "великолепную работу" они были награждены высшими наградами ГДР.

"Я был только винтиком", – пытался защищаться Краник в Суде государственной безопасности.

Адвокат Краника тоже пытался разжалобить судей, подробно рассказывая об ужасных испытаниях, перенесенных во время войны Рене Левин, молодой еврейкой, подвергшейся нацистским преследованиям. Определив ей 14 лет тюрьмы, суд счел, что прошлое не служит оправданием настоящего.

Война, варварство нацистов, отчаяние ребенка, невинной жертвы ужасного мира взрослых, – вот аргументы адвокатов Джо Нордманна и Даниэль Суле-Ларивьер в этом же суде, но тремя годами позже, когда они пытались снять обвинение со своего клиента.

На скамье подсудимых – Ханс Фолькнер, 42 лет, тщедушный человек с печальным лицом и пустым взглядом. Он и вправду больше похож на жертву, чем на обвиняемого. Однако за этой внешностью скрывался крупный разведчик, подполковник управления информации одного из подразделений разведки ГДР.

"Родители Фолькнера оказали неоценимые услуги союзникам, – объяснил писатель Жиль Перро, свидетель защиты. – Я француз и считаю, что мы в долгу перед ними. И вот теперь у нас, может быть, появилась возможность отдать этот долг..."

Автор книги "Красная капелла" знал, о чем говорит. Мать Ханса Фолькнера – Кете, которая была танцовщицей, – и его отец – Йохан Подсиальто, акробат, – во время второй мировой войны работали в Париже в советской разведгруппе, которой руководил Леопольд Треппер. "Красная капелла" – так называли ее немцы.

Кете Фолькнер, которая стала советским агентом задолго до войны, была весьма дисциплинированной служащей. Уже в 1937 году по приказу Москвы она и ее друг Йохан осели в Париже. Их сыну Хансу было девять лет. В 1940 году в оккупированном Париже

Кете удастся устроиться секретаршей директора (немца) "Организации Ваукель", службы труда, в чью задачу входила мобилизация рабочей силы на службу рейху. В течение почти трех лет с помощью Йохана она передавала группе Треппера основные сведения о рабочем контингенте, намеченном для работы в разных странах, их размещении в самой Германии и об отраслях промышленности, которые нацисты считали приоритетными. Арестованные в начале 1943 года супруги были приговорены военным трибуналом люфтваффе к отсечению головы.

"Я счастлива, что смогла хоть что-то сделать для коммунизма!" – якобы воскликнула Кете Фолькнер, узнав о приговоре.

Вот вкратце то, о чем Жиль Перро говорил в Суде безопасности. Во имя воспоминаний писатель, который, кажется, только открывал для себя достоинства коммунизма, в то время как французские интеллектуалы постигали всю глубину его ужасов, попросту просил оправдать Ханса Фолькнера.

12 февраля 1971 года подполковника восточногерманской разведки приговорили к 12 годам тюрьмы. И на этот раз суд снова счел, что прошлое отнюдь не служит причиной для оправдания настоящего.

И все же какая странная судьба у этого человека! После казни родителей Ханса отдали в дом "перевоспитания" нацистской партии. В 1945 году, в возрасте 17 лет, он был мобилизован на Восточный фронт. После неудачной попытки дезертировать его сажают в тюрьму. После войны Фолькнер возвратился во Францию, в страну, к которой чувствовал себя ближе всего, потому что провел там юность. Коммунист, как и его родители, он скоро вступает в ФКП. В 1946 году власти высылают его из Франции за участие в политической манифестации. В соответствии со своими убеждениями он решил отправиться в советскую зону оккупации Германии, но почти сразу же после приезда его арестовали как "французского шпиона". И тем не менее пять лет концлагеря не заставили его разочароваться в "сияющем будущем" социализма.

В 1950 году, после освобождения страны, его завербовывает французский отдел разведки тогда еще совсем молодой Германской Демократической Республики. Знание Франции и французского языка всегда могут пригодиться. Много лет он занимался тем, что по заданию разведки принимал французских деловых людей, приезжавших на Лейпцигскую ярмарку. Именно там он завербовал Жака Л., служащего экспортно-импортной фирмы. Продажный тип без большого размаха, которого он соблазнил перспективой выгодных сделок внутри ГДР в обмен на некоторую информацию.

Хансу Фолькнеру приходилось ездить во Францию для того, чтобы познакомиться с информацией, собранной группой Жака Л. Французский бизнесмен, который сотрудничал также с одной из парижских газет, часто бывал на пресс-конференциях в штаб-квартире НАТО и на Кэ д'Юрсэ. Там он встречался с чиновниками, журналистами. Там он познакомился с секретаршей из министерства иностранных дел. Сестра Жака Л., Симона, стала связной между этой секретаршей и Фолькнером.

Однако поездки офицера восточногерманской разведки во Францию начали привлекать внимание УОТ. В 1964 году Фолькнеру пришлось поспешно покинуть Францию, хотя контрразведка и не смогла выйти на его группу. Дело его останется на улице Соссэ в ожидании лучших времен...

Случай представился в начале апреля 1969 года после смерти Жака Л. УОТ уже в течение нескольких месяцев интересовалось этим деловым человеком, часто выезжавшим за рубеж. Через него полицейские вышли на его сестру, а потом и на секретаршу с Кэ д'Юрсэ. Смерть Жака Л. лишь ускорила события. Контрразведка решила допросить обеих женщин. Именно этот, крайне неудачный момент выбирает Ханс Фолькнер для того, чтобы вернуться во Францию под фальшивым именем Ханса Рихтера и попытаться вновь наладить работу группы своего умершего агента. Он торопится установить контакт с обеими женщинами. И секретарша, ставшая весьма лояльной, выдала его французским полицейским.

УОТ с интересом узнало, что для выполнения своего последнего задания офицер

разведки ГДР хотел достать бланки министерства иностранных дел, официальные печати и образцы подписей некоторых высокопоставленных чиновников с Кэ д'Юрсэ. Полицейские пришли к выводу, что восточногерманская разведка намеревалась сфабриковать фальшивые официальные документы, конечно же, для того, чтобы начать кампанию дезинформации.

Арестованный 21 апреля 1969 года неподалеку от своей гостиницы в квартале Опера, Ханс Фолькнер не оказал никакого сопротивления. Он знал, что шпионов больше не казнят – во всяком случае, в демократических странах – и он избежит участи своих родителей, которым 26 лет назад отрубили головы.

Группа Карамана

"Со времен второй мировой войны во Франции не было дел, в которых с такой очевидностью проявилась бы решительность иностранной разведки, надежность ее методов и широта разведпланов. В этом смысле она составляет как бы единое целое. Преследуемые цели дополняют друг друга, а используемые для их достижения методы идентичны". Такая оценка группы Карамана, данная специалистом (Жаном Полем Мориа, который работал в УОТ в чине дивизионного комиссара), только подчеркивает важность этого дела, ставшего чем-то вроде учебного пособия для многих западных контрразведывательных служб.

"Все, кто оказался задействованным в группе, – сказал далее экс-комиссар, – не важно, стали они впоследствии агентами или нет, были отобраны в зависимости от занимаемых ими постов и тех возможностей, которые они предоставляли, по результатам предварительных исследований. Следовательно, каждый из офицеров разведки знал, с кем и с какой целью он должен установить связь". Просто ювелирная работа.

Михай Караман, мозговой центр группы, которая носила его имя, официально был первым секретарем и торговым советником в посольстве Румынии в Париже. Просто "прикрытие", чтобы замаскировать его настоящую работу руководителя отделения румынской спецслужбы (секуритате) во Франции. Это его первый заграничный пост, где Караман продемонстрирует, как опасно он эффективен.

Человек образованный, умеющий очаровать собеседника, Михай Караман был завербован румынской разведкой в возрасте 24 лет. Отличный студент и, что еще важнее, активный член коммунистической молодежной организации, он без колебаний согласился поступить в разведшколу. После шести лет усиленного обучения его сочли подготовленным к оперативной службе. Знание французского языка, по логике вещей, предполагало, что его направят на работу в Париж. Он появился там в 1958 году вместе с женой Марией, красивой брюнеткой, бывшей моложе его на девять лет.

Их приезд прошел незамеченным. В самом разгаре борьба с алжирским ФНО, и у УОТ другие первоочередные задачи, нежели наблюдение за новыми дипломатами, приехавшими с Востока. В первые два года во Франции Караман почти не проявлял активности. Если он не столь много занимался экономическими вопросами, как должен был бы, то и в области разведки у него нет особых успехов. Десятки опросных листов и досье, которые он собрал, чтобы найти и постараться завербовать "информаторов", ничего не дали. Молодой начальник отделения начинает беспокоиться за свою карьеру. Его Центр, как, впрочем, и все разведки стран Восточной Европы, судит о достоинствах своих агентов по их производительности. А производительность у него была весьма слабая, если не сказать нулевая.

В деле шпионажа случайность зачастую является очень важным фактором. В конце декабря 1960 года тот "рекрут", которого Караман понапрасну искал в течение многих месяцев, появился почти случайно.

Прием был в полном разгаре, когда в зале празднеств парижской ратуши, где муниципальный совет собрал дипломатический корпус в ознаменование Нового года, появились представители Румынии. Его превосходительство посол Румынии во Франции Н.Никуца попросил своего первого секретаря сопровождать его. Зная, что в подобной обстановке вполне можно завести полезные знакомства, Караман охотно принял

приглашение.

Его внимание привлек невысокий, щуплый и говорливый человек лет 30, стоявший рядом с буфетом в окружении группы южноамериканских дипломатов. Караман вступил в разговор. Этот человек (он француз), кажется, знал весь Париж. Иностранцам, в обществе которых он просто расцветает, француз рассказывал обо всех присутствующих знаменитостях. Караман пустил в ход все свое обаяние, чтобы завоевать его симпатии. В конце приема мужчины обменялись визитными карточками, договорившись встретиться снова. "Контакт" установлен.

В течение трех месяцев Караман собирал сведения о Роберте Б. В середине января он позвонил ему домой и пригласил позавтракать в большом ресторане неподалеку от площади Мадлен.

Потом встречи их станут еженедельными. Француз у льстило, что у него есть друг – румынский дипломат. А разведчик пользовался этим, чтобы психологически прощупать свою "жертву". Он казался ему умным, но ленивым и неустойчивым; женоненавистник, а возможно, и гомосексуалист; антимилитарист, а вернее – пацифист.

Человек осторожный, Роберт Б. только по прошествии многих недель признался, что работает в НАТО. Караман изображает удивление, хотя уже на следующий день после их первой встречи знал, что француз работает специалистом по подборке документации в "Бюро ордеров" Атлантической организации. Поскольку в его обязанности входит подготовка перед каждым заседанием документации для стран-членов Союза, то он имеет доступ к досье секретным, очень секретным и даже наиболее конфиденциальным под грифом "cosmic".

Румынский разведчик, наконец-то получивший первоклассный источник информации, не должен допустить ни малейшей ошибки в общении с ним. Он отличный профессионал и ошибки не совершит. При каждой встрече он по капельке будет выполнять свою задачу, чтобы подвести "новобранца" к сотрудничеству.

"Самой большой опасностью, грозящей сейчас миру, является экспансионизм – так вкратце можно изложить основную тему его разговоров. – На Востоке существует СССР, а на Западе – США. Ясно, что две сверхдержавы хотят поделить мир, а это приведет к войне. После чего места для маленьких наций не останется. Какова бы ни была идеология, которой они придерживаются, им прежде всего нужно, пока еще не поздно, сделать все, чтобы сохранить свою независимость. Франция может сыграть историческую роль, сближая, несмотря на принадлежность к различным блокам, другие нации, которые хотят сбросить иго супердержав. Как, например, Румыния. Таков единственный способ избежать столкновения и способствовать делу мира".

Роберт Б. восприимчив к подобным аргументам. А если добавить к этому некоторые денежные затруднения (сын богатых родителей, он уже растратил значительную часть их состояния), то Караман спокойно выкладывает карты на стол. "НАТО является военной машиной на службе у американцев. Если бы моя страна могла знать, что именно там затевают, мы бы расстроили их планы, – доверительно сообщает он однажды, – достаточно было бы нескольких документов. Тех, что попадут вам в руки. Конечно, я вознагражу вас за труды... например, миллион старых франков, выплаченных в три или четыре приема". Француз дал согласие.

В течение пяти месяцев он доставил Караману около 60 досье, 16 из которых были классифицированы как cosmic, или сверхсекретные: военные бюджеты стран-членов НАТО, система оповещения, принятая в НАТО, организация тыла в мирное и военное время... Не всегда отдавая себе в этом отчет, Роберт Б. нанес западным странам ощутимый урон.

В сентябре 1961 года он наконец осознал масштабы своего предательства и решил уйти из НАТО в частную фирму. Для Карамана он больше неинтересен, мало-помалу румын прекратил с ним всякие контакты.

Тем не менее в 1962 году агент секретности дважды напоминал Роберту Б. о себе. Первый раз для того, чтобы сказать, как он сожалеет о его уходе из Атлантической

организации. И второй, в октябре, в кафе неподалеку от площади Мадлен, чтобы пожаловаться на то, как трудно найти чиновников НАТО, столь же готовых к сотрудничеству, как он. Во имя прошлого и с намеком на шантаж в будущем, он просит его помощи. Француз снова уступает. Он открывает свою адресную книжку.

Благодаря Роберту Б. группа Карамана наконец-то по-настоящему сформирована.

Первая цель – одна из недавних коллег Роберта Б., работающая там же, где работал он. Мадам К. хочет продать достаточно ценную картину. Румынский разведчик является к ней в качестве потенциального покупателя. Он приходит еще несколько раз, чтобы взглянуть на картину, но главным образом для того, чтобы попытаться соблазнить сорокалетнюю хозяйку. Красивый мужчина, он без труда достигает своей цели и в конце концов даже покупает картину. Первая фаза – фаза контакта – прошла успешно, осталось только "подсечь" добычу.

Тонкий психолог, он долго изучал в разведшколе в Бухаресте все те силы, которые движут людьми. В данном случае Караман подозревал, что склонить мадам К. на предательство будет трудно. Он поручил сближение Роберту Б., который должен заставить мадам К. понять, что она сможет зарабатывать много денег, если согласится потрудиться для дела мира, для Румынии. Сначала она не казалась шокированной подобным предложением, но на следующий же день поставила в известность службу безопасности НАТО о том, что ее пытались завербовать от имени одного восточноевропейского государства. НАТО известила УОТ, а оно начало следствие по делу Роберта Б.

С середины декабря 1962 года до середины января 1963 года за бывшим специалистом по подборке документации Североатлантической организации ведется тщательная слежка, но полицейские ошиблись в расчетах. Очевидно, почувствовав опасность, Караман остерегался вступать в контакт с тем, кто стал его советником-вербовщиком. 16 января контрразведка решила задержать Роберта Б. Длительный допрос, очная ставка с мадам К. не сломили его. За неимением доказательств УОТ пришлось его отпустить, но следствие из-за этого не прекратилось.

Терпение – вот основное достоинство контрразведки. Через 14 дней после того, как он свободно покинул здание на улице Соссэ, Роберт Б. наконец встретился с Караманом в одном из кафе в квартале Сен-Жермен-де-Пре. Полицейские не отставали от него ни на шаг и стали свидетелями этой встречи. Француз подробно рассказал о своем допросе, о вопросах, которые ему задавали. Полицейские дали уйти румыну (его защищает дипломатический иммунитет), но задержали его друга – на этот раз уже надолго.

В соответствии со статьей 79, пункт б, Уголовного кодекса ("разглашение секретов, имеющих значение для безопасности государства") Роберт Б. в марте 1964 года был осужден на год тюремного заключения условно. Отделался он легко, если вспомнить, какие документы передавал, когда работал в НАТО. Но тогда в УОТ об этом не знали. В глазах полиции и правосудия Роберт Б. был виновен только в том, что сообщил иностранному "дипломату" о содержании своего допроса в службе контрразведки.

Михай Караман потерпел поражение. Но только на первый взгляд, ибо его группа сформировалась окончательно и начала выполнять все его задания.

Вторая избранная "мишень" не столь щепетильна, как мадам К. После девяти месяцев вербовки румынский разведчик наконец обрел новый источник натовских материалов.

"Добрый вечер. Извините за столь поздний визит. Меня зовут Мишель. Наш общий друг Роберт Б. вам, конечно, говорил обо мне?"

"Действительно, он предупредил, что вы зайдете".

Была половина восьмого вечера в декабре 1962 года, когда Караман позвонил в дверь квартиры на улице Вильедо за садами Пале-Рояль. У мужчины, открывшего ему дверь, весьма внушительная внешность, на грани тучности. Ему 33 года, но выглядит он старше из-за начинающегося облысения и огромных усов, как бы перечеркивающих его лицо. Задолго до этой встречи румын уже знал о нем все.

Женат, отец троих детей, Франсис Д. 10 лет проработал в НАТО. Как и Роберт Б., он поступил туда на работу в 1952 году. Сначала в качестве "атташе службы безопасности",

иначе говоря, простым охранником, затем в 1956 году стал старшим охранником. Повышением он обязан своей профессиональной смекалке. Он способствовал аресту одного итальянского журналиста, который фабриковал для чешской разведки фальшивые документы и печати НАТО. В результате внутрислужебного конкурса Франсиса Д. перевели в канцелярию. В первое время он работал правщиком восковок, а потом и специалистом по подбору документации.

Румынский шпион знал и о тайной мечте Франсиса Д.: вернуться на землю своих родителей в Керси, купить там небольшое дело, построить дом, чтобы было где жить в старости. Для этого он копил грош за грошем, подрабатывая тем, что продавал коллегам по работе печеночный паштет, который сам покупал в Ло.

Печеночный паштет. Вот то слабое место, которое решил использовать Караман. Тем вечером он назвался Мишелем, греческим бизнесменом, который работает в экспортно-импортной фирме и хочет наладить продажу гусиной печени в своей стране. Он соблазнил перспективой выгодной сделки Франсиса Д., который уже видит себя миллионером и землевладельцем в Керси.

"Господин Мишель" держит слово. Он снова и снова встречается со своим поставщиком печени. Однажды он даже сделал заказ на сумму 10 тысяч франков. Франсис Д. начал ценить столь щедрого клиента, поскольку он оставляет ему 30% маржи. Однако его беспокоит одна деталь. Он не понимает, почему нужно принимать такие предосторожности перед каждой их встречей. "Господин Мишель" всегда настаивал на том, чтобы встречаться во внутренних комнатах кафе. И вот в один прекрасный день он не выдержал и задал вопрос.

"Я вам не сказал правды, – признался Караман. – Я румын, и боялся, что вы откажетесь продавать мне гусиную печень, если узнаете об этом. Роберт Б. мне сказал, что вы работаете в НАТО, а когда работаешь в такой организации, то не рекомендуется встречаться с людьми из Восточной Европы. Я надеюсь, что наша сделка от этого не пострадает".

Наивный Франсис Д. польщен такой откровенностью. Частично открывая ему правду (Караман продолжает называть себя "господин Мишель"), Караман считал, что ничем не рискует. Его поставщик слишком заинтересован в тех деньгах, которые сможет заработать, чтобы смущаться подобными деталями. Внеся ясность в ситуацию, офицер секуритате теперь может перейти к вещам более серьезным. Ему нужно лишь дождаться подходящего случая.

Случай этот представился августовским вечером 1963 года, когда Франсис Д. оказался на некоторое время дома в одиночестве, как и многие отцы семейств в период летних отпусков. Чтобы его развлечь, румын приглашает Франсиса Д. в модный ресторан. После обеда и обильных возлияний он перешел в наступление.

"Я в большом затруднении, – внезапно очень серьезно заявил он. – Меня попросили составить доклад о хранении продовольствия, а я ничего об этом не знаю. Если бы я мог получить хоть какую-нибудь документацию! Но я даже не знаю, куда обратиться".

Как нарочно, Франсис Д. видел на работе доклад именно на эту тему. Он с удовольствием предоставит его румыну.

"Я не хочу, чтобы у вас были неприятности", – протестует Караман. Француз настаивает. Он завтра же передаст ему доклад. Что и делает, даже не осознавая, в какую ловушку попал.

Через неделю, возвращая ему досье, офицер секуритате передал еще и 250 франков. Франсис Д. пытался отказаться.

"Мне эти деньги выдали для оплаты документов, нужных для моего доклада, – объяснил Караман. – Благодаря вам я в них не нуждаюсь. Не глупите и соглашайтесь, иначе вы меня обидите".

Франсис Д. взял деньги, капкан захлопнулся.

Все лето румын не показывался. Опытный в обращении с людьми, он не хотел слишком нажимать на своего "новобранца". Он возобновил контакт только в октябре, сочтя, что Франсис Д. созрел для предательства. На сей раз он сказал, что ему поручили составить

прогноз вероятной реакции Запада на возможное решение Румынии выйти из советского блока.

"Мы хотели бы знать, – уточнил он, – готов ли Атлантический союз помочь нам или будет сидеть сложа руки, как в 1956 году в Венгрии". Это уже не разговор о продовольствии, а нечто иное. Согласившись, Франсис Д. по-настоящему становится шпионом. Такое досье действительно существовало. Через несколько дней он вынес его из здания НАТО в своем портфеле. Как бывший старший охранник, он знал, что при выходе служба безопасности никогда не обыскивает людей, работающих в НАТО, чтобы не задеть их самолюбие.

20 лет спустя Франсис Д. объяснит свое предательство так: "Иностранные разведки работают очень эффективно, они отлично знают жизнь и окружение того агента, который им нужен. Они наносят удар именно тогда, когда надо, в выбранный ими момент, после полной обработки агента, который не может от них ускользнуть. Это очень мучительно. И когда агент внезапно осознает, что он делает, бывает слишком поздно, потому что он уже зажат в тисках".

Его самого взяли в тиски в августе 1969 года, когда Франсис Д. был арестован УОТ. Однако за шесть лет Франсис Д. передал румынской разведке большое количество документов. Невинные отчеты о собраниях сотрудников или управлении столовой. Биографические карточки на высших чиновников НАТО. Секретные отчеты о заседаниях военного комитета Атлантического союза. Очень секретные итоги функционирования натовских баз, сверхсекретные прогнозы обороны Европы до 1975 года. Желания Михая Карамана удовлетворены полностью.

Для более эффективной работы он еще в 1964 году дал Франсису Д. маленький аппарат "Минокс" для микрофильмирования документов. Не понимая, как это опасно, Франсис Д. прятался за стопкой книг, лежащей на его столе, и фотографировал все, что попадало ему в руки. Примерно раз в месяц около семи часов вечера он встречался с румыном на станции метро "4 сентября" и передавал ему микрофильмы. А в обмен получал от 400 до 500 франков за поставку, причем 3/4 суммы – золотыми монетами. О гусиной печенке больше не было и речи, однако Франсис Д. предпочитал делать вид, что не знает, зачем нужны "господину Мишелю" подобные документы. В некотором роде он предпочитал "страусову политику".

Когда 16 октября 1967 года после решения генерала де Голля о выходе Франции из НАТО службы этой организации переехали в Брюссель, Франсис Д. отправился следом, оставив семью в Париже. Возвращаясь к ней на выходные, он попутно продолжал поставки документов.

Одним декабрьским днем 1968 года в кафе на авеню де л'Опера Караман внезапно сообщил ему плохую новость.

"Я должен вернуться в свою страну. Мы больше не увидимся, но меня кто-нибудь заменит".

Румынский разведчик сделал знак, и к ним присоединился человек, сидевший за несколько столиков от них.

"Познакомьтесь, это господин Жан, – сказал Караман. – Теперь вы будете вести дела с ним".

Начальник отделения секретности в Париже принял упомянутое решение после того, как несколько недель назад был арестован высокопоставленный турецкий чиновник из НАТО, которого он также курировал.

Однако, несмотря на свое заявление, Караман вовсе и не думал возвращаться в Румынию, просто из осторожности он предпочел уступить место одному из своих заместителей, настоящее имя которого Ион Томеску, а официальный пост – второй секретарь при ЮНЕСКО.

Но для Франсиса Д. колдовство рассеялось. С первым офицером-агентуристом его связывало сообщничество. "Мишель был моим другом, – заявил он после ареста, – а Жана интересовало только количество. Он беспрестанно требовал еще и еще".

Таким образом, за шесть месяцев он передал Томеску около 30 микрофильмов, получив

взамен примерно 20 тысяч франков. Новый офицер-агентурист, понимая, что не сможет заставить забыть своего предшественника, стремился прежде всего к повышению производительности. Он уже использовал этот довольно жестокий метод в работе с другим подопечным, которого получил по наследству годом раньше и который теперь входил в группу Карамана.

Человек блестящего ума, но слабохарактерный, Пьер Э. глупейшим образом попался в ловушку секуритате в 1965 году, когда был секретарем посольства Франции в Вашингтоне. Приехав в американскую столицу два года назад, сразу по окончании Национальной административной школы (НАШ), он стал жертвой своей чувствительности и политики сближения с Востоком, проводимой правительством генерала де Голля. Как и многие молодые дипломаты, Пьер Э. стал посещать клуб, куда приходили многие его зарубежные коллеги. Именно там он и подружился со вторым секретарем румынского посольства Виктором Доробанту, по совместительству еще и лейтенантом секуритате. Пьер Э. этого, конечно, не знал. Для него подобные дружеские контакты – почти продолжение его дипломатических задач. Разве Румыния не является одной из тех стран восточного блока, которую голлисты во имя утопической "Европы от Атлантики до Урала" уже видели освобождающейся от советской опеки? Для Доробанту, который реальнее смотрит на вещи, любые отношения с западным дипломатом могут вывести на хороший урожай сведений. Надо только уметь ждать.

И действительно, однажды встревоженный Пьер Э. доверился ему. Его подруга Ева – цветная, мать четырех детей, – с которой он познакомился в джазовом клубе, куда иногда ходит играть на трубе, беременна. Он хотел бы на ней жениться, но ему дали понять, что момент для этого неподходящий. Перспектива женитьбы французского дипломата на американке, да еще чернокожей, именно тогда, когда отношения между Францией и США стали весьма прохладны, явно пришлась не по вкусу на Кэ д'Орсэ. А Пьер Э., которого только что назначили секретарем посольства, не хочет, чтобы его карьера на этом закончилась. Единственное решение: Ева должна сделать аборт. Да, но где взять деньги? Вот что он рассказал своему другу Доробанту, с участием слушавшему его.

Великодушный румын одолжил Пьеру нужные 300 долларов. И так как друзья не стесняются, взамен он попросил подписать расписку, простое признание долга. Доробанту ликовал. Он поймал французского дипломата в ловушку способом, наверное, столь же старым, как и сама разведка.

В этом деле Пьер Э. был скорее сговорчивой жертвой, чем простачком, чьей наивностью воспользовались. В молодости он служил инспектором полиции в Службе общей безопасности в Тунисе (тогда еще французской колонии). Для своей диссертации в Национальной административной школе он выбрал темой разведку. Он не мог не видеть, что румын старается его "зацепить". Поскольку денежные затруднения продолжались, Пьер Э. снова и снова обращался к Доробанту, который все так же великодушно (и каждый раз получив расписку) выручал его.

То, что должно было произойти, произошло. В один прекрасный день румын заговорил с Пьером о сотрудничестве, "которое ни за что не заставит его нарушить долг, не обесчестит его...".

Ясно, что пришло время платить долги. Пьер Э. повинует; он становится информатором секуритате. В течение двух лет в обмен на деньги он добывал документы, пряча их в журналах или передавая из рук в руки во время совместных завтраков с глазу на глаз. Всего на сумму 800 долларов плюс невозвращенные долги и премия в 100 долларов перед отъездом из Соединенных Штатов. Конечно, больших секретов он не выдал – только несколько копий с депеш, которыми обменивались посольство и Кэ д'Орсэ, доклады о торговых франко-американских отношениях, обзоры голлистской дипломатии... Но румынская разведка делала вклад на будущее. В своей карьере Пьер Э., без сомнения, достигнет гораздо более высоких постов.

Весной 1967 года Ева снова беременна. Пьер Э. решил сохранить ребенка и женился на

ней. Он знает, что это решение приведет к его отзыву в Париж, но надеется, что таким вот образом избавится от опеки секуритате. В августе вместе с женой и ее четырьмя детьми он возвращается во Францию. По его просьбе МИД переводит Пьера Э. на работу в Международный банк. Едва он приступил к исполнению своих новых обязанностей, как ему позвонил "один из друзей Доробанту". Румынская разведка возобновила контакт. Имя его нового офицера-агентуриста – Ион Томеску, тот самый, который немного погодя станет опекуном Франсиса Д. Вплоть до дня своего ареста 5 августа 1969 года Пьер Э. делал все, что в его силах, пытаясь избежать Томеску, и отказывался передавать ему документы. Это был его собственный способ сопротивления, с помощью которого он старался забыть прошлое.

Тем временем группа Карамана работала с полной отдачей. Начальник отделения секуритате в Париже с дьявольской ловкостью соткал настоящую разведпаутину. Среди его подопечных:

Помощник секретаря с Кэ д'Орсэ, который был шифровальщиком, то есть кодировал депеши, передававшиеся в посольства по всему миру, – некто Поль Х., племянник одного из самых высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел, будущего посла Франции. Озлобившись и считая, что его способности недооценивают, он в феврале 1965 года вступил на путь предательства. Поль передал биографии высших чиновников МИД, отчеты о беседах генерала де Голля с руководителями Латинской Америки, документы, подготовленные для голлистской дипломатии, с анализом положения в странах восточного блока (среди которых проект официального визита главы государства в Румынию). Интересно, что Полю Х., которого арестовали 17 августа 1969 года и пять дней допрашивали в УОТ, так и не было предъявлено никакого обвинения. Его имя даже не упоминалось на различных процессах над французами – членами группы, прошедших в 1971-1972 годах. После его ареста Кэ д'Орсэ, пытаясь смягчить впечатление от его предательства, распространил коммюнике, в котором утверждалось, что "все работники МИД, замешанные в этом деле, занимали весьма незначительные посты". Полю Х. повезло, так как он принадлежал к семье, пользовавшейся высоким политическим покровительством в голлистском правительстве.

Чиновник-австриец из Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), расположенной в замке Мюэтт в Париже, Клаус Ф. Впервые с ним вошли в контакт в марте 1964 года на одном из приемов в ЮНЕСКО и заставили работать на секуритате после гнуснейшего шантажа, связанного с его моральным обликом. Администратор фискального комитета этой организации, он в течение четырех с половиной лет передал 155 конфиденциальных досье о перспективах экономического развития западных стран и о некоторых передовых технологиях. В августе 1969 года, после ареста, УОТ выдало Клауса Ф. австрийским властям, осудившим его.

Чиновник министерства экономики и финансов (из отдела внешнеэкономических связей) – мадемуазель Сильви Г. Соблазненная красивым румыном Михаем Симулой (рост 180, черные глаза и черные как смоль волосы), вторым секретарем Румынского представительства в ЮНЕСКО, которого она встретила на приеме, Сильви пошла на предательство из-за любви. После долгого периода выжидания ее любовник в один прекрасный день сказал ей, что якобы вынужден заниматься шпионажем, иначе его отзовут обратно на родину. Чтобы не потерять его, Сильви Г. согласилась достать экономические досье, к которым она имела доступ: доклады Французской нефтяной компании о перспективах на Среднем Востоке, итоги и прогнозы развития французской экономики, подробности некоторых торговых соглашений Франции с зарубежными странами. А потом жизнь ее становится просто идиллией. В августе 1967 года любовники даже едут вместе в отпуск в Португалию. Позволив своему агенту эту поездку, румынская разведка показала, что весьма дорожит таким источником сведений. Однако по возвращении Симула внезапно исчез, его отозвали домой. Охваченная отчаянием, Сильви Г. разыскивает его и в ЮНЕСКО, и в дипломатическом представительстве на улице Экспозисьон. Чтобы утешиться, она

находит другого дипломата – второго секретаря посольства Михая Георгеску. Но душа ее не лежит к нему. Сведения, которые она поставляла своему новому любовнику вплоть до самого ареста в августе 1969 года, гораздо менее интересны.

Старший офицер ВВС в отставке с хорошими связями в некоторых электронных компаниях – полковник Ж. Это исключительный человек, герой эскадрильи "Нормандия-Неман", которая сражалась в СССР во время второй мировой войны, так и остался просоветски настроенным. Во имя своих идей, "для сохранения мира" он согласился работать на румынскую разведку. Его побуждала к этому и его любовница, которая также симпатизировала социалистическим странам. Забеременев, она сделала аборт в Румынии с помощью Иона Якобеску, третьего секретаря представительства в ЮНЕСКО, офицера-агентуриста, в задачу которого как раз и входила работа с полковником Ж. Они встретились "случайно", майским вечером 1965 года, во время обеда в пивной "Липп". Эта встреча без ведома полковника была устроена одной из его подруг, которая уже давно работала на румынскую разведку. В дальнейшем Якобеску часто встречался с ним, прежде чем привлечь к активному сотрудничеству. "Руководить с осторожностью" – так он доложил своему начальнику Караману. После их первой встречи полковник включился в работу, передав сначала материалы с анализом французской политики, затем содержание доверительных бесед с некоторыми знакомыми ему депутатами и, наконец, несколько биографических справок на влиятельных лиц, у которых он бывал. Сперва ничего слишком серьезного. Но благодаря бывшим сослуживцам, устроившимся в электронной промышленности и особенно в промышленности оборонной, он получил доступ к важным досье по радионаведению и навигации французских самолетов, включая и военные. С его помощью эти сведения попадали в руки румынской разведки. Однажды вечером, будучи приглашенным в гости бывшим сослуживцем, который работал в области французских ракетно-ядерных сил, он сфотографировал аппаратом "Минокс", который дал ему Якобеску, весьма секретное досье с тактико-техническими характеристиками французского реактивного снаряда.

Полковник Ж. стал для Карамана первоклассным источником сведений. Арестованного, как и все остальные французы группы Карамана, в августе 1969 года, прежнего героя "Нормандии-Неман" ждал трагический конец. Когда его привезли на улицу Соссэ, в УОТ, полковник сначала отрицал свое предательство. Но под грузом улик он в конце концов признался. Через четыре дня он стал даже очень разговорчивым... И вот, для того чтобы забрать один важный документ, якобы оставшийся у него дома, полковник в сопровождении двух инспекторов возвратился в свою квартиру в Иври-сюр-Сен. Воспользовавшись их минутной невнимательностью, он бросается на кухню и прыгает в окно. Бесчестьем полковник Ж. предпочел смерть.

Михай Караман в работе не полагался на волю случая. Он выбирал свои "мишени" в зависимости от того, что было нужно Центру. А так как румын интересовало буквально все, в поисках информаторов и стремясь удовлетворить свое начальство в Бухаресте, он вращался в самых разных кругах.

"Возьмем, к примеру, экономику, – продолжает Жан Поль Мориа, бывший комиссар УОТ. – Интерес, который проявляла резидентура румынской разведки во Франции как к общим экономическим проблемам, так и к торговым и банковским отношениям (особенно Франции и некоторых восточно-европейских стран), существовал постоянно. В данном же деле этот интерес просматривался уже с 1964 года в тех вопросах, которые Караман задавал Франсису Д., Симула – своей любовнице Сильви Г., а Томеску – Пьеру Э., как только он получил назначение в Международный банк. Под предлогом того, что Румыния установила официозные контакты, зондируя возможность своего приема в этот банк, Томеску потребовал анализа возможных преимуществ и неудобств подобного шага для Румынии. Но интересы Румынии обязывали также знать, что смогли или попытались сделать в данной области экономических отношений другие коммунистические страны. И Георгеску, сменивший Симулу при Сильви Г, заставлял ее добывать сведения об отношениях Югославии со странами Общего рынка, а также о сроках кредитов, предоставленных

Францией СССР в рамках некоторых банковских соглашений. Одновременно секретарше попросила Поля Х., работавшего на Кэ д'Орсэ, уточнения целей французской политики: отношения с Востоком, подготовка визита генерала де Голля в Румынию и т.д.

В кризисном 1968 году просьбы станут еще более настойчивыми. Томеску понадобилось получить через Пьера Э. сведения о личности представителя Международного банка, который будет вести полуофициальные переговоры с Румынией. Параллельно Георгеску попытался через Сильви Г. узнать, были ли предоставлены Чехословакии особые условия и не могла бы Румыния также воспользоваться ими.

Во всех случаях охват поиска достаточно широк, чтобы румынское правительство получило максимально точное представление о намерениях Франции в области экономических отношений с Востоком, а также о том, что в действительности известно французам в данной области.

Таким образом, благодаря информации, собранной группой Карамана, румынское правительство в интересующих его сферах могло предвещать реакцию Франции, предвидеть ее, а это и есть основа основ искусства владеть положением.

Прекрасное здание, так терпеливо возводившееся начальником отделения секретарше в Париже в течение почти 10 лет, внезапно рухнуло в середине июля 1969 года. Однако сам он не совершил ни единой ошибки.

Слабое звено в цепи представлял Ион Якобеску. Официально он был третьим секретарем румынской миссии в ЮНЕСКО, а на деле – капитаном секретарше и заместителем Карамана. Сломался именно этот человек. Отозванный Центром в Румынию, он вместе с женой и ребенком предпочел "выбрать свободу". Опасаясь стать жертвой хороших франко-румынских отношений, он счел более благоразумным попросить политического убежища в посольстве Англии в Париже. В атмосфере полной тайны, даже не предупредив французское правительство, англичане тут же вывезли его из Франции. Через шесть дней после бегства Якобеску британская контрразведка сообщила УОТ, что у нее в руках очень интересный "груз". Немедленно три французских комиссара направились в Шотландию, где в надежном убежище содержался Якобеску, для того чтобы выслушать его исповедь.

С целью доказать свою искренность и превратить в деньги свое бегство на Запад – как и всякий восточноевропейский разведчик, который отважился принять подобное решение, – капитан секретарше не заставил себя упрашивать, выдал коллег и назвал информаторов. Группа Карамана как на ладони перед тремя чинами УОТ, сохранявшими невозмутимость, но крайне довольными: всего 23 человека, из них 11 – те, кем манипулируют, сознают они это или нет, а 12 – офицеры-агентуристы.

За две первые недели августа 1969 года контрразведка арестовала всех французских, задействованных в группе. Двоим было предъявлено обвинение, и они попали в тюрьму (Роберт Б. и Франсис Д.), другие оставлены на свободе до суда (Пьер Э. и Сильви Г.), но некоторые вышли сухими из воды благодаря своим связям (Поль Х.) или за неимением достаточных улик. С румынской стороны 14 "дипломатов", или на два человека больше, чем назвал Якобеску, потихоньку отозваны Бухарестом. Кэ д'Орсэ настоял на том, чтобы дело не предавали огласке, надеясь, несмотря ни на что, сохранить хорошие отношения с Румынией...

На судебном процессе в ноябре 1970 года Роберт Б. косвенно признал, что с него началась вся группа. "Когда я ушел из НАТО в 1961 году, Караман рассердился, но я уже ничем не мог быть ему полезен, – уточнил он. – Караман потребовал последней услуги – список персонала НАТО. Тогда я передал ему мой личный справочник, подчеркнув 12 имен и уточнив, каковы их политические взгляды и семейное положение". Его приговорили к восьми годам тюремного заключения.

В январе 1971 года Франсис Д. в свою очередь предстал перед Судом государственной безопасности. Заместитель прокурора Агиттон произнес очень суровые слова в адрес человека, шесть лет предававшего свою страну: "Это самое серьезное дело за последние

годы. Последствия неблагоприятных поступков Франсиса Д. будут ощущаться еще очень долго. НАТО пришлось сменить коды, видоизменить структуру и уничтожить большую часть архивов. И все это за несколько тысяч франков – цена тщеславия, недостатка ума малозначительного существа, у которого нет ни размаха, ни достаточных моральных устоев". 20 лет тюрьмы.

Пять месяцев спустя в том же суде Пьеру Э. повезло гораздо больше. Учитывая его семейное положение (отец пятерых детей, так как он усыновил детей Евы) и особенно его пассивное сопротивление Томеску, когда он работал в Международном банке, суд приговорил его только к трем годам условно.

За исключением четвертого обвиняемого, наименее значительного, полицейского по профессии, также осужденного, других юридических преследований по группе Карамана не было.

В этом деле советская разведка работала рука об руку с секуритате, что и подтвердил в своем признании Якобеску. "В первую очередь мы должны были обслуживать КГБ. Проникать в те структуры, которые оттуда укажут. Сопоставлять и классифицировать собранную информацию, а затем в первоочередном порядке передавать ее в СССР". Он даже уточнил, что информация, полученная от Роберта Б. в бытность того специалистом по подбору документации в НАТО, привела советскую разведку в изумление. Что касается полковника Ж., который покончил жизнь самоубийством, то Якобеску руководил им совместно с офицером ГРУ, "дипломатом" из Посольства СССР во Франции Владимиром Архиповым.

Однако данная история на этом не закончилась. Настоящий конец наступил лишь 15 лет спустя, 22 ноября 1984 года, во время телепрограммы Мишеля Онорэна "Товарищ шпион", прошедшей по каналу "Антенн-2".

Бывший капитан секуритате, бежавший во Францию в апреле 1982 года, Матей Павел Гайдуку, 36 лет, подробно рассказывал в ней о своей семилетней работе в качестве офицера разведки во Франции.

Как и Караман, Гайдуку был завербован румынской разведкой в 1969 году после окончания университета. "Мое обучение длилось четыре года, – рассказал он, – в течение которых я работал на предприятии "Мекано-экспорт-импорт" и одновременно проходил курс наук в разведшколе. Я учился всему. Как уйти от слежки, как изготовить аппарат для микрофильмирования при помощи простого колпачка от шариковой ручки, как, снимая раствором на основе ацетона желатин с обыкновенной пленки, получить пленку мягкую, чтобы можно было потом спрятать ее в переплете книги, как пользоваться белой копиркой и т.п."

Основательно подготовив, его в июле 1975 года отправляют во Францию. Для этого секуритате сфабриковала ему диссидентское прошлое. Гайдуку немедленно связался с румынскими эмигрантами. Он во всеуслышание заявил о своем отвращении к режиму Чаушеску. Французское Бюро защиты беженцев и апатридов, и глазом не моргнув, предоставило ему статус беженца, который позволил Гайдуку разъезжать по всей Европе. "На деле не Франция была моей целью, – объяснил он в телепередаче. – Мои начальники хотели, чтобы я устроился в Южной Африке. Но южноафриканцы не принимают беженцев из стран Восточной Европы. Тогда мне приказали остаться во Франции, пустить там корни и собирать информацию по передовым промышленным технологиям".

Цели своей он достиг в 1976 году, став торгово-техническим агентом в компании по производству промышленных кранов, специализировавшейся на установке вентильного оборудования на престижных стройках: аэропорт Руасси, завод по переработке топлива в Ла-Аг, атомные станции и еще столько же проектов, которые весьма интересовали секуритате. С приводящей в замешательство легкостью Гайдуку передавал в Бухарест некоторые французские промышленные секреты. "Что касается Руасси, то это было очень просто, – рассказывал он. – Я подружился с одним инженером-эксплуатационником. Однажды он просто попросил меня подменить его, и я сфотографировал все, что хотел. И с планами

ядерных установок все оказалось просто, как в детской игре: под предлогом того, что надо составить перечень оборудования, которое мы им поставили, я просто затребовал точную схему установок".

В феврале 1982 года из этого промышленного шпиона секуритате решила сделать убийцу. Его вызвали в Бухарест, где генерал Плечита, начальник разведцентра, приказал уничтожить двух противников режима, живущих в Париже: Пауля Гома и Виргила Танасе. Гайдуку даже вручили яд, не оставляющий никаких следов. Вернувшись во Францию, он все рассказал УОТ. Контрразведка симулирует отравление Гома и похищение Танасе – дело это в то время широко освещалось в печати, – чтобы иметь возможность лучше разоблачить методы румынской разведки и дискредитировать ее.

Став перебежчиком, Гайдуку вынужден прятаться, избегая мести своего Центра. 10 лет спустя с согласия УОТ Мишель Онорэн нашел его для своей передачи. "Сегодня моя главная защита – полная откровенность, – говорит Гайдуку. – Подпольное существование – это не выход. Теперь, если со мной что-нибудь случится, все будут знать, кто нанес удар".

Прежде чем снова исчезнуть или даже изменить лицо, "товарищ шпион" оставляет в качестве завещания маленькую журналистскую "бомбу". Команда "Антенн-2" спрятала перед посольством Румынии в Париже камеру, и Гайдуку на экране перед миллионами зрителей разоблачил некоторых из своих бывших коллег:

– Бадеа, начальника отделения секуритате;

– Бишойю, официально работавшего в качестве советника, но особенно посла Румынии во Франции Димитру Анинойю. Старого знакомого УОТ.

Когда в августе 1969 года была разгромлена группа Карамана, Бухарест, как мы уже говорили, отозвал 14 "дипломатов". Все они являлись офицерами разведки. В списке фигурировал и Димитру Анинойю, хотя он и не был прямо замешан в этом деле. Сей неприятнейший инцидент не помешал его назначению послом во Францию в апреле 1982 года. Как это могло случиться? "Прежде чем вернуться во Францию, Анинойю работал послом Румынии в Австрии, – уточнил в передаче Онорэна Жан Поль Мориа, бывший комиссар УОТ. – Именно поэтому на Кэ д'Орсэ приняли его верительные грамоты. И уж во всяком случае, МИД никогда не запрашивает мнения УОТ по вопросам аккредитации дипломатов".

Вернувшись в некотором роде на место преступления, Димитру Анинойю, к несчастью, встретил на своем пути Матея Павла Гайдуку.

Через неделю после передачи, в которой было объявлено о его причастности к разведке, посол посещает Кэ д'Орсэ с прощальным визитом. Дипломатия обязывает: министерство внешних сношений сочло необходимым уточнить, что этот неожиданный отъезд не является следствием каких-либо демаршей с французской стороны... Дело Карамана закрыто окончательно.

ГЛАВА 3. ЭФФЕКТ "МЫШЬ"

Как КГБ вербует агентов

Полковник Олег Пеньковский – исключение или почти исключение. Он один из тех редчайших высших чинов советской разведки, которые передавали сведения на Запад, до конца оставаясь на своем посту: в Общем управлении ГРУ он отвечал за работу в Канаде, США, Великобритании и Южной Америке. Это один из самых известных "кротов", которого западным спецслужбам удалось завербовать по другую сторону "железного занавеса".

На Западе вербовались и другие советские офицеры. В качестве примера может служить подполковник Попов из ГРУ, работавший на ЦРУ с 1953 года по 16 октября 1959 года, когда его арестовал в Москве КГБ, но ни одна разведка не пожелала в этом публично признаться. Подобный источник сведений бесценен. А малейшая ошибка, малейшая

нескромность могут стать для них роковыми. В отличие от стран демократических в коммунистических странах не шутят с "предателями". Агента, уличенного в том, что он стал "кротом", ждет расстрел. Олег Пеньковский был официально расстрелян 13 мая 1963 года. По свидетельству некоторых очевидцев его казни, в действительности он был сожжен заживо.

С 21 апреля 1961 года, когда состоялась его первая встреча с английским и американским агентами в гостинице "Монт роиял" в Лондоне, и до его ареста в октябре 1962 года в Москве этот полковник ГРУ передал более пяти тысяч документов, многие из которых были в высшей степени секретными. В виде завещания он оставил также записки, в которых подробно рассказал о механизме советской разведки и предостерег свободный мир от козней СССР.

После Пеньковского западные разведки изменили тактику борьбы с КГБ и разведками социалистических стран. Они перешли от "сдерживания" советского шпионажа к политике более наступательной, выражавшейся в том, чтобы, обнаружив узкое место противника, проникнуть в его разведслужбу и нейтрализовать ее.

Эти операции по так называемой обработке, самые деликатные из всех, проводятся с целью сначала засечь вражеского агента, затем выяснить его вероятные слабости, всесторонне прощупать его и, наконец, попытаться склонить на свою сторону. После удачно проведенной "обработки" агента используют либо в качестве источника информации, либо как фактор разложения внутри его собственной разведки. За последние несколько лет попытки подобной вербовки приняли постоянный характер и превратились в основное оружие в борьбе против разведок Восточной Европы.

Но "обработка" есть предприятие всегда опасное. Ни одна контрразведка не может быть полностью уверена, что по-настоящему перевербовала агента. Вместо того чтобы разлагать вражескую разведку, разведка-"манипулятор" рискует сама быть обманутой своим "кротом". У американцев есть горький опыт подобного рода с двойным советским агентом, завербованным в 1962 году под кодовым именем Федора.

Профессиональный дипломат и в то же время агент КГБ, Федора в течение многих лет работал в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. ФБР, которое занимается делами контрразведки на американской территории, считало его первоклассным агентом. На самом же деле "крот" играл тройную роль: он морочил голову американцам, которых убеждал, что работает только на них. Дело о "досье Пентагона" было одной из самых больших его удач. В самый разгар войны во Вьетнаме в печать просочились сведения о секретных операциях американской армии. Назревал скандал, публикуемая информация была одновременно пристрастной и неполной. Белый дом счел самым лучшим обнародовать документы, для того чтобы в зародыше прекратить эту кампанию, дискредитирующую американскую армию. Но в "досье Пентагона" содержались и настоящие военные тайны. Предать их гласности означало информировать северовьетнамцев о расположении американских войск на юге. Именно в этот момент Федора информировал ФБР о том, что советскому посольству в Вашингтоне уже известно полное содержание досье. Значит, и северовьетнамцы, которых поддерживал СССР, были в курсе всех дел. В этом-то и заключался обман. Президенту Никсону доложили об информации, полученной от "крота". Враг оказался в курсе событий, и ничто больше не препятствовало публикации секретов Пентагона. Белый дом дал "добро", и досье предали гласности. К явной выгоде Северного Вьетнама, положению и моральному духу американских войск был нанесен большой ущерб.

ФБР стало сомневаться в честности Федоры в 1978 году. Началось расследование, но за неимением достаточных улик тройной агент смог преспокойно уехать в СССР. Кто это был, так и осталось тайной. Но речь, очевидно, идет о Викторе Лесовском, одном из помощников Курта Вальдхайма, бывшего тогда генеральным секретарем ООН.

Вообще-то степень надежности какого-либо советского "крота" оценить тем более трудно, что КГБ – это служба совершенно непроницаемая. За неимением других источников, которые позволили бы провести сравнения и сгруппировать информацию, практически

невозможно оценить значимость сведений, полученных от завербованного агента. Западным разведкам приходится брать его информацию, как говорится, "за наличные" и в придачу к ней опасность дезинформации, которую влечет за собой подобное положение дел. Еще труднее бывает убедить "крота" остаться на своем старом месте. Ведь вербовка, на которую зачастую уходят годы, проходит в основном в западной стране, где конкретный разведчик работает. Через пять лет, как правило, Центр отзывает его на родину. Это роковой момент. Возвращение в свою страну зачастую представляет опасность. Центр может узнать о его предательстве. Из страха большинство "котов" предпочитают сжечь мосты и остаться на Западе. Для контрразведки перебежчики подобного рода, конечно, представляют интерес: "крот" выдаст всю ту информацию о своей разведке, которую по соображениям собственной безопасности не мог выдать, когда продолжал прежнюю работу. Однако переход на Запад является ощутимой потерей для будущего, брешью, которую еще только предстоит заделать, если принять во внимание те сведения, которые этот разведчик, вернувшись домой, мог бы передавать, работая в своей разведке. Тем более если бы он еще и продвинулся по служебной лестнице...

Бегство – реакция логичная, так как двойная игра – ужасное испытание для психики, требующее стальных нервов. Агент, предающий свой Центр, немного похож на шизофреника: он должен продолжать вести себя как примерный офицер разведки, чтобы не возбудить подозрений на службе, и в то же время выполнять требования своих новых хозяев. В подобном режиме некоторые люди ломаются. Например, в 70-е годы УОТ был завербован один офицер чешской разведки. В конце концов, после многих месяцев контактов и большого объема переданной информации, у него началась нервная депрессия. Его отозвали в Чехословакию, где он и исчез.

Если ни одна контрразведка не может на все 100 процентов быть уверена в чистосердечии "крота", то перебежчики, напротив, заслуживают большего доверия. Эти разведчики, которые сами приняли решение перейти на Запад, не будучи ранее завербованными какой-либо западной разведкой, являются основным источником информации. Как бы в подтверждение искренности своего желания "выбрать свободу" они чаще всего приносят с собой досье, служащие доказательством их правдивости. Идет ли речь о деятельности их коллег в той стране, где они просят убежища, или об идентификации граждан этой страны, являющихся шпионами КГБ, или, наконец, об интересе, проявляемом советской разведкой к некоторым конкретным сведениям, – любую их информацию можно проверить. Риск дезинформации гораздо меньше. Перебежчики сделали для знакомства с советскими секретными службами то же, что диссиденты – для, понимания феномена тоталитаризма.

Уже в 1930 году подрывная деятельность СССР была разоблачена первыми перебежчиками, такими, как генерал Александр Орлов, автор фундаментального советского учебного пособия по шпионажу. В 1938 году пришла очередь перейти на Запад генералу Вальтеру Кривицкому, бывшему начальнику армейской разведки в Западной Европе. Еще до того, как в феврале 1941 года он был таинственным образом убит в вашингтонской гостинице, Кривицкий написал мемуары и ряд статей об СССР, в одной из которых предсказал германо-советский пакт 1939 года.

Игорь Гузенко принадлежит к числу наиболее значительных перебежчиков послевоенных лет. Шифровальщик советского посольства в Оттаве, он перешел на Запад в 1945 году, выкрыв секретные документы из референтуры дипломатического представительства СССР. Сначала он попытался войти в контакт с газетами, но его там сочли лжецом. Канадская полиция также не поверила ему. Спрятавшемуся у себя дома Гузенко в конечном счете чудом удалось избежать нападения НКВД. Его квартира была разгромлена, и только тогда Королевская канадская конная полиция начала принимать его всерьез. Именно с Гузенко начался провал многих разведгрупп в научных кругах, к которым, в частности, принадлежали Алан Нан Мей, Клаус Фукс, Гарри Голд, Дэвид Грингласс и супруги Розенберг. С помощью именно этих групп СССР стали известны секреты

американской атомной бомбы, в результате чего появилась новая ядерная держава. Гузенко также дал показания, позволившие разоблачить Кима Филби. Однако тогда британская разведка не придавала этому значения.

В конце 1960 года другой знаменитый перебежчик, поляк Михал Голениевский, передал американцам 300 страниц микрофильмированных документов: списки имен, органиграммы, доказательства столкновений между КГБ и разведкой Варшавы. Благодаря ему британская контрразведка обнаружила двух шпионов на сверхсекретной военно-морской базе в Портленде (Гарри Хафтона и Этель Джи), которыми руководил советский "нелегал" Гордон Лонсдейл, чье настоящее имя – Конон Молодой, внедренный КГБ в Великобританию в 1955 году. Он также помог опознать советского "крота" в британской разведке Джорджа Блейка, арест которого ускорил бегство Филби в Москву в 1963 году.

В конце 60-х годов офицер советской разведки, известный под именем Олега Лялина, выдал англичанам всю разведсеть КГБ на британской территории. После его бегства на Запад в сентябре 1971 года Лондон решил выслать 105 "дипломатов" из советского посольства – рекорд, так никогда и не превзойденный другими западными странами.

Благодаря Станиславу Левченко, перешедшему на Запад в октябре 1979 года, был полностью разоблачен так называемый отдел активных действий КГБ ("дезинформация", см. главу четвертую).

Работая в Японии под видом корреспондента советского журнала "Новое время", Левченко завербовал с десятков "агентов влияния", японских политиков и журналистов, которые были нейтрализованы после его бегства в США.

Левченко, бывший в глубоком моральном разладе с советским режимом, как и многие нынешние перебежчики, больше не верил в то, что делал. Следует думать, что отныне радужное коммунистическое будущее больше не делает сборов даже среди самых верных своих слуг. И если за последние годы число перебежчиков возросло, то причину следует искать скорее в провале советской системы, чем в привлекательности Запада. Перебежчику, впрочем, редко удается в полной мере воспользоваться своей новой жизнью на Западе. После окончания долгой и изнурительной фазы допросов, отчетов и т.д., где он выдает всю имеющуюся у него информацию, ему приходится сменить свою биографию, иногда даже лицо, жить почти в подполье, чаще всего под постоянной охраной полиции, чтобы избежать мести своего бывшего Центра. Поэтому переход на Запад никогда не бывает похож на легкую и приятную прогулку.

"Полностью "нормальных" перебежчиков нет, – объяснил один бывший офицер ЦРУ. – Причины, побудившие человека сделать этот шаг, обычно связаны с серьезными психологическими проблемами. У перебежчиков постоянно что-то не ладится, и это "что-то" всегда имеет очень важное значение. Игорь Гузенко, например, стоил канадцам примерно семь миллионов долларов. Он был алкоголик и, когда выходил из дома, мог за один раз истратить сотни тысяч долларов". У Штатов существовали также проблемы с Михаилом Голениевским. "Во время допросов, – рассказал другой офицер ЦРУ, – его охватило настоящее безумие. Он на полную мощность включал пластинки со старыми европейскими песнями и напивался до потери сознания". Голениевский кончил тем, что вообразил себя наследником дома Романовых и обвинил Генри Киссинджера в том, что он советский шпион.

Во всяком случае, у всех перебежчиков есть отвратительная склонность видеть повсюду агентов КГБ. Было бы слишком просто считать это обыкновенным проявлением паранойи. Подобное состояние является следствием как морального состояния перебежчика, так и методов, которые контрразведка, принявшая его, применяет во время допросов. Западные разведслужбы настолько жаждут все знать о КГБ, его механизме, методах работы и способах проникновения в демократические страны, что требуют иногда слишком многого от разведчика, перешедшего на их сторону. Со своей стороны этот разведчик, который полностью сжег мосты (в большинстве случаев еще и оставив своих близких в СССР, а следовательно, в руках КГБ), старается оправдать свой поступок и набить себе цену, приукрасив свою прошлую деятельность. Между обеими сторонами возникают отношения

взаимозависимости – двусмысленные, а иногда и вовсе не здоровые. Разведка хочет знать все до мелочей, а перебежчик жаждет рассказать даже то, чего он не знает, лишь бы не разочаровать своих собеседников. Таким образом, ему и самому начинает казаться, что он стал незаменимым, нашел причину для службы новому делу. Отсюда происходит та бессознательная и очень опасная эскалация отношений, которая может оказаться разрушительной.

Именно так, по всей вероятности, и произошло в отношениях ЦРУ и одного из наиболее значительных за последние 30 лет советских перебежчиков, Анатолия Голицына. Мнения о нем в кругах западных разведок существуют самые разные. Одни считают, что Голицын, перебежавший в 1961 году, бесспорно, предоставил возможность обнаружить значительное число советских "кротов" во многих западных странах, а также дал показания, вполне достаточные для обезвреживания целых разведгрупп внутри многих организаций на Западе, включая и секретные службы.

Для других, кроме обезвреживания нескольких шпионов, Голицыну, который думал, что он все знает, удалось парализовать на долгие годы работу многих западных разведок, в том числе и ЦРУ, заразив их своей одержимостью "кротами".

Отношения этого перебежчика с американской разведкой являются в некотором роде образцом данного жанра. Это по-настоящему удивительная история, в которой первостепенную роль сыграла Франция.

Анатолий Голицын привлек внимание ЦРУ уже в 1954 году в Вене (Австрия), где он начинал свою карьеру в КГБ. Один из его коллег, Петр Дерябин, только что перешел на Запад. Как всегда в подобных случаях, ЦРУ потребовало от него назвать имена офицеров КГБ, которые могли бы захотеть работать на американцев. Имя Анатолия Голицына стояло вторым в списке, составленном перебежчиком. По мнению Дерябина, Голицын был особенно уязвим. Его взбалмошную жену вполне можно было использовать для того, чтобы расшатать его психику, а еще он страдал чем-то вроде мании величия. Коллеги ненавидели его. Но Голицына отозвали в Москву, прежде чем ЦРУ смогло войти с ним в контакт. В результате его досье до лучших времен осело в архивах Центрального разведывательного управления.

Голицын, назначенный в Первое главное управление КГБ (ПГУ) в Москве, сначала занимался разведоперациями против США и Великобритании. Затем его перевели в одно из подразделений, занимавшихся оценкой информации, поступавшей из НАТО.

Дерябин не ошибся: его коллега очень хотел перебраться на Запад. Как Голицын потом рассказывал в ЦРУ, он думал об этом уже тогда, готовясь превратить в деньги свое предательство. Он начал тщательно анализировать донесения (анонимные) шпионов КГБ, внедренных в Организацию Североатлантического договора. С тем чтобы потом, очутившись на Западе, по характерным признакам опознать этих советских "кротов".

Однажды, в декабре 1961 года, начальник отделения ЦРУ в Хельсинки с удивлением увидел, как в его кабинет с пачкой документов под мышкой входит некто Климов. Он просит политического убежища в Штатах. Климов, за несколько месяцев до этого приехавший на работу в советское посольство вместе с женой и ребенком, надеялся, что его завербует ЦРУ. Разочарованный долгим ожиданием, он решил сделать шаг первым. Никто из персонала ЦРУ в Хельсинки не вспомнил о Голицыне и о Вене 1954 года и не связал с ним Климова.

Сначала начальник отделения проявил недоверие. "Подарок" кажется слишком уж хорошим, речь может идти о провокаторе, 48-часовой допрос убедил его, что он имеет дело с важным перебежчиком. Сведения, которые Климов передал о советском посольстве в Хельсинки, позволяют судить о серьезности его намерений.

Итак, Голицына можно переправить в Лэнгли, пригород Вашингтона, где расположена центральная штаб-квартира ЦРУ. И с этого момента все в высшей степени усложняется.

Голицын, которым занялось подразделение стран советского блока, начал с того, что отверг многих американских офицеров, считая их идиотами или недостойными выслушивать его "признания". В конце концов его передают одному из асов подразделения контрразведки

в ЦРУ – Джеймсу Джебасу Энглтону. Эти двое созданы для того, чтобы договориться. Перебежчик утверждал, что "кроты" есть буквально повсюду; американец, большой специалист по КГБ, убежден, что советская разведка дьявольски хитра и способна проникнуть прямо в сердце демократических государств на самом высоком уровне. Между ними установились те исключительные отношения, которые и привели ЦРУ и многие западные разведки на самый край пропасти.

Что говорил Анатолий Голицын?

О Канаде – что один из ее послов в СССР, пойманный на гомосексуализме, является предателем. Расследование ни к чему не привело.

О Великобритании – что существует группа из пяти советских агентов. Двоих уже раскрыли – это Гай Берджес и Дональд Маклин. Они укрылись в Москве в 1951 году. Третий – Ким Филби – не замедлит к ним присоединиться. Четвертый, сэр Энтони Блант, хранитель Королевского музея, сознался, что работал на СССР. Его признание послужило поводом для помилования. Что касается пятого, то британская разведка ищет впустую, перерывая сотни биографий агентов, которые могли бы быть в контакте с теми четверьмя. Голицын говорит также и о "кроте" в адмиралтействе. Благодаря откровениям другого перебежчика, Юрия Носенко, англичане в 1962 году арестовали высокопоставленного чиновника Королевского флота Джона Вассала.

Кроме того, Голицын утверждает, что в ЦРУ есть агент КГБ под кодовым именем Саша, который информирует обо всех операциях, проводимых из ФРГ в странах за "железным занавесом". И опять придирчиво рассматриваются сотни досье. В конце концов подозрения пали на некоего Игоря Орлова, который долгое время работал в Берлине. Однако он так никогда и не признался.

Но гораздо серьезнее заявление перебежчика о существовании еще одного "крота", на этот раз в самых высших эшелонах ЦРУ. Доказательством, по его мнению, служит загадочное путешествие в Соединенные Штаты, совершенное в 1957 году В.М. Ковчуком, начальником первого отделения первого отдела Второго главного управления КГБ, иными словами – человека, в чьи задачи входила вербовка агентов среди американцев в посольстве США в Москве. А если, пояснил Голицын, столь важная шишка из КГБ рискнула приехать на вражескую территорию, то лишь с целью встретиться с очень важным агентом. По его мнению, речь может идти только о лице, завербованном много лет назад, еще в посольстве США в Москве, сотруднике ЦРУ, который впоследствии поднялся по иерархической лестнице управления и который в 1957 году пожелал возобновить контакты с КГБ. По словам Голицына, это разоблачение настолько важно, что КГБ, без сомнения, не замедлит заслать ложных перебежчиков, попытаться дискредитировать его и помешать выяснить настоящие причины поездки Ковчука в ГИТА.

Действительно, вскоре после побега Голицына еще два сотрудника советского представительства в ООН попросили убежища в США, а в июне 1962 года ушел на Запад офицер КГБ, сопровождавший советскую делегацию на Женевской конференции по разоружению. Голицын немедленно заподозрил Юрия Носенко, с помощью которого был разоблачен Джон Вассал из Британского адмиралтейства, в том, что именно он и есть ожидаемый "provocateur". ЦРУ нейтрализует нового перебежчика, продержав его взаперти почти четыре года. Носенко допрашивали не менее 292 дней (с применением детектора лжи), стремясь добиться признания, что он подослан Москвой для введения в заблуждение американцев. В конце концов обвинения с Носенко сняли, но он подвергся тяжелому испытанию.

Охота на "кратов" достигла своего апогея. Голицын и Энглтон изучают до мельчайших деталей тысячи биографий. В их списке подозреваемых – десятки имен. Эти двое проводят сотни допросов, контрдопросов. Не пощадили они ни одного сотрудника, каким бы ни был его послужной список или пост, занимаемый в ЦРУ. Даже самого Энглтона, который на

закате своей карьеры обнаружил на себе подозрения в том, что он и есть знаменитый "крот".

Таким образом, огромная машина американской разведки была на несколько лет почти парализована. Все подозревали всех; невозможно было работать из-за опасений, что о деталях проводимых операций через своего "крота" узнает КГБ. Некоторые начали подумывать: не является ли Голицын агентом-provokatorом, засланным, чтобы парализовать ЦРУ?

На этот вопрос так и не нашлось ответа. Даже сегодня подозрения развеяны далеко не полностью.

Перебежчик не остановится на полпути. Навязчивая идея проникновения "кротов" захватила, помимо американской, все западные разведки. "Он был убежден, – рассказывал один бывший ответственный чиновник ЦРУ, – что КГБ обладает неограниченными возможностями и может обмануть не только американское, но и все остальные западные правительства. Этот заговор был детищем специального подразделения КГБ – "Управления дезинформации", которое внедряло своих агентов в высшие эшелоны власти разных государств, не ограничиваясь их органами разведки".

По мнению Голицына, Канада, Великобритания, Западная Германия и Австралия стали жертвами этого обширного заговора. Лучшие специалисты контрразведок упомянутых стран собрались в Вашингтоне, в ЦРУ, чтобы лично услышать то, что он скажет. Домой они увезли основные материалы, которые должны были позволить им начать собственное расследование, с целью обнаружения одного или нескольких предателей у себя дома. Так разведки этих стран были в свою очередь парализованы "откровениями" перебежчика.

Однако нигде, кроме Франции, дело это не достигло такого размаха. Правительство и спецслужбы были потрясены откровениями Голицына. Началась эра подозрений, последствия которой ощущаются до сих пор.

В основу подозрений легло личное письмо Джона Фитцджеральда Кеннеди генералу де Голлю, которое весной 1962 года доставил в Елисейский дворец специальный курьер. В послании, которое должно было быть вручено непосредственно главе государства, американский президент ставил де Голля в известность о том, что, по утверждению некоего информатора, которому он полностью доверяет, французские разведывательные службы и даже правительство де Голля полны советских агентов. Серьезность угрозы, уточнял Джон Кеннеди, служит объяснением того, почему он предпочел вручить письмо напрямую. Ибо теперь официальные каналы попали под подозрение. Американский президент уверял своего французского коллегу в чистоте своих намерений и обещал предоставить информатора в распоряжение любого эmissара, которого генерал сочтет достойным доверия и пошлет в Соединенные Штаты.

Письмо произвело эффект разорвавшейся бомбы. Через два дня после его получения генерал де Голль лично избрал генерала де Ружмона, начальника 2-го бюро (разведка) генерального штаба сил национальной обороны, для выполнения "исследовательской" миссии в США. Через неделю, окруженный чрезвычайной секретностью, французский офицер появился в Вашингтоне. Ни СРК, ни УОТ, ни Посольство Франции в США не были информированы о его миссии. Впрочем, за исключением горсточки людей, облеченных доверием де Голля, никто ничего не знал о тех серьезных претензиях, которые выдвинул Кеннеди.

В Вашингтоне генерала де Ружмона свели с Анатолием Голицыным. Сначала он слушал Голицына с недоверием. Как правоверный голлист, он пытался найти за всем этим делом какой-то американский маневр, направленный на то, чтобы осложнить проведение политики де Голля. Через три дня, после многочасовых бесед, де Ружмон убедился в искренности перебежчика. Угроза серьезна, даже огромна.

Вернувшись в Париж, генерал явился с докладом непосредственно к генеральному секретарю Елисейского дворца – Этьену Бюрен де Розье. Он сделал вывод, что перебежчик говорил правду, и полагал, что нужно как можно скорее послать в США команду, специализирующуюся по контрразведке, поручив ей собрать приметы советских агентов,

проникших в самое сердце французского государства, а затем все тщательнейшим образом проверить. На следующий день по приказу генерала де Голля Бюрен де Розье собрал в Елисейском дворце руководителя СРК генерала Поля Жакье и директора УОТ Даниэля Дустена, чтобы поставить их в известность о серьезности положения. Немедленно была сформирована совместная команда СРК – УОТ из шести специалистов. Через неделю они выехали в Соединенные Штаты.

Слушания Голицына будут длиться месяцами, одно за другим, до самого конца лета.

Две недели контрразведчики провели с Голицыным. Все допросы записывались на пленку. Вечером шестеро французов сами расшифровывали магнитофонные пленки. Ежедневно их резюме отсылалось в СРК и УОТ в Париж по специальной системе кодирования, которую французы привезли с собой. После этого первого этапа другие контрразведчики по нескольку раз приезжали из Парижа в Вашингтон с целью показать перебежчику списки имен, биографии, соответствующие данным им приметам. Ибо Голицын не знал, кто те агенты, которых он изобличал. Он никогда лично не занимался разведсетью КГБ. В его задачу входила оценка сведений, поступавших от разных агентов. По типу информации и источникам документов, которые он получал, Голицын мог попытаться оцепить этот источник, а следовательно, и информатора. В Москве он присутствовал также на обобщающих совещаниях, где мог составить представление о работе некоторых групп во Франции и других западных странах. Но и в этом случае он не мог назвать никаких имен. Следуя подобным, более или менее расплывчатым показаниям, и должна была работать французская контрразведка. Кротовья работа, если можно так выразиться.

Десятки подозреваемых прошли перед ними. Одного за другим французы представляли их Голицыну, называя должность, вид выполняемой работы, места пребывания, а перебежчик рылся в глубинах своей памяти. Потом ему задавали роковой вопрос: "Он?" Осторожный Голицын отвечал: "Может быть, на него это похоже". Или полностью оправдывал того, над кем нависли тяжкие подозрения. Полицейские, депутаты, высшие чиновники, дипломаты, высшие офицеры и даже министры – в обстановке величайшей секретности их жизнь была просеяна сквозь сито, их связи проанализированы, их грехи и добродетели исследованы.

Допросы всегда проходили в присутствии представителей ЦРУ. Перед ними проходила добрая часть французов, занимавших важное положение в политике, высшей администрации и спецслужбах. Создавалось ужасное впечатление, что все они один подозрительнее другого. Услышав это перечисление имен, американцы могли подумать, что все французское государство, как гангреной, поражено просочившимися советскими агентами. И кроме того, не приняты никакие меры, никто не арестован, как будто правительство, самые высокопоставленные политические власти буквально парализованы в результате такого, почти невероятного проникновения.

С этого времени началось охлаждение во франко-американских отношениях, которое является отличительной чертой голлистского периода. Итак, одним из наиболее вредных последствий разоблачений Голицына стала постоянная подозрительность, появившаяся в отношениях между Вашингтоном и Парижем, сильно ослабившая Атлантический договор.

Какое доверие могли питать американцы к политике генерала де Голля, когда им казалось, что французское государство находилось под колпаком могущественных и тайных советских агентов влияния? Выход Франции из НАТО в 1966 году только подтвердил самые худшие опасения Вашингтона. Не явилось ли это подтверждением апостериори тайной работы "кротов"? Многие за океаном думали именно так, даже если подобное объяснение и покажется слишком простым.

Много лет спустя, в 1976 году, другой перебежчик, Алексей Мягков, капитан КГБ, без колебаний написал, что подобная смена курса Франции была огромной победой советских секретных служб. "Выход Франции из НАТО является примером эффективности подрывной деятельности КГБ в Западной Европе, – сказал он. – Вербуй агентов среди журналистов и членов Общества франко-советской дружбы, КГБ активно внедрял в политических кругах

мысль о том, что политическая независимость страны страдает от принадлежности Франции к НАТО. Этот факт (выход Франции из НАТО) использовался в качестве примера при обучении в школах КГБ. В 1968 году директор школы N 311 КГБ в прочитанной будущим офицерам лекции о деятельности организации за границей прямо заявил, что для Кремля выход Франции явился положительным результатом усилий Советского правительства и КГБ".

Что касается Франции, подспудный антиамериканизм большей части голлистского политического персонала (и отвращение де Голля к англосаксам вообще) был только обострен в результате дела Голицына. Им руководило ЦРУ, и было весьма соблазнительно считать его подрывным орудием американского империализма, провокатором на жалованье Вашингтона, который пытался парализовать правительство и его политику именно в тот момент, когда Франция хотела несколько отдалиться от своего союзника.

После недолгого периода удивления и даже подавленности французские власти отнеслись к откровениям советского разведчика с большим недоверием. Контрразведка быстро осталась в одиночестве со своими поисками "кротов" и не пользовалась никакой политической поддержкой. Что бы ни думали о достоверности данной перебежчиком информации, в подобных условиях расследование имело очень мало шансов закончиться каким-либо результатом. Так оно и получилось за некоторыми редкими исключениями.

Вот основные ключи, данные Анатолием Голицыным, и результаты, полученные после нескольких лет расследования.

В НАТО

По утверждению перебежчика, в НАТО действовал советский агент, внедренный на такую важную должность, что КГБ может очень быстро получить любой натовский документ, включая и документы с грифом "cosmic". Производительность агента такова, заявлял он, что КГБ использует точно такую же нумерацию, как и в НАТО, чтобы избежать ошибок в классификации.

Голицын, которому поручили определить ценность этих документов, видел многие из тех, которые были украдены в Париже.

Чтобы установить истинность его утверждения, французская контрразведка устроила ему проверку. Однажды Голицына познакомили с 30 самыми секретными досье НАТО, среди которых несколько сфабрикованных специально фальшивок. Он должен указать те досье, с которыми ознакомился еще в Москве. Советский агент не сделал ни единой ошибки: все выбранные им документы – подлинные. Вывод: он говорил правду.

Параллельное расследование, предпринятое в августе 1963 года, приводит к аресту Жоржа Пака, самого значительного "крота", когда-либо обнаруженного во Франции. Однако вопреки всему тому, что сказано или написано до сих пор, Пак не был тем самым советским агентом в НАТО, которого изобличил Голицын. По одной простой и очевидной причине: перебежчик оказался на Западе в декабре 1961 года, тогда как Пак поступил на работу в НАТО в октябре 1962 года. Иными словами, почти на год позже. Значит, Голицын не мог знать о его существовании. Эта важная деталь, однако, не означает, что Пак не использовал свою службу в НАТО, чтобы передавать необходимые документы в КГБ. Напротив, его арест послужил доказательством того, что он был активным шпионом внутри самой организации.

Действительно, Жорж Пак, работавший на СССР с послевоенного времени, был особенно продуктивен, когда работал в генштабе сил национальной обороны в качестве ответственного за информацию. Другими словами, в конце 50-х годов. Впрочем, во время своих отчетов Голицын разоблачил и этот источник КГБ во Франции. Следствие закончилось безрезультатно, и не без причины: когда в конце 1962 года начались расследования, Пак перешел из генштаба в НАТО. Путем сопоставления фактов, сведя воедино поиски "крота" в НАТО и "крота" во французском генштабе, УОТ в конце концов им заинтересовалось.

Совпадение было по меньшей мере странным. Но мы увидим, что если бы не одна мелкая деталь, то Жорж Пак так никогда и не подвергся бы аресту.

Итак, кто же был тем "кротом" в НАТО, которого разоблачил Голицын? В течение многих лет под подозрением находился один из высокопоставленных дипломатов. Многие в его биографии соответствовало тому, что говорил перебежчик о французском агенте КГБ: близкий к генералу де Голлю во времена Сопротивления, этот человек испробовал себя в политике, прежде чем избрать иной путь. Затем он вступил на дипломатическое поприще. После недолгой работы в ООН карьера подозреваемого считалась более чем почетной. Он занимал различные ответственные должности в министерстве иностранных дел. Прошло уже довольно много времени после разоблачений Голицына, а контрразведка все еще продолжала расследование по делу этого дипломата.

Женившись на одной известной женщине, он прервал карьеру по соображениям личного порядка. С приходом к власти социалистов его назначили главой одного второстепенного посольства, и лишь по прошествии некоторого времени он получил звание посла Франции. Против него не смогли собрать достаточных улик. Контрразведчики, однако, были убеждены в том, что он работал на СССР в течение всей своей карьеры.

Но так же, как и Пак, он не был "кротом" КГБ в НАТО. Итак, оставался все тот же вопрос: кто?

Загадка была в конце концов решена, но уже много лет спустя. В ноябре 1979 года. И если быть совсем точным, то после ареста в Канаде почтенного профессора квебекского университета Лаваль – Хью Джорджа Хэмблтона.

Хэмблтона выдал советский агент, перевербованный ФБР. Вскоре после ареста он во всем сознался канадской полиции, обусловив свое признание тем, что останется безнаказанным. Его и оставили сначала на свободе, но потом, в июне 1982 года, все-таки арестовали. Однако сделано это было на английской территории и британской полицией. Лондонский трибунал приговорил его 6 декабря 1982 года по обвинению в шпионаже в пользу СССР к 10 годам тюрьмы.

Так закончилась карьера одного из самых значительных советских шпионов послевоенного периода.

Хью Дж. Хэмблтон был завербован КГБ в начале 50-х годов. Весной 1956 года он поступил на работу в НАТО по совету своего офицера-агентуриста, майора Алексея Трищина, который несколько лет спустя будет также руководителем Пака. Хэмблтон только что получил докторскую степень по экономике в Париже.

Вначале его работа в НАТО состояла в том, что он анализировал сильные и слабые стороны, экономический потенциал стран-членов Атлантического договора. Через несколько месяцев он без труда получает доступ к самым секретным документам НАТО. Его первая передача сведений в КГБ датируется ноябрем 1956 года. И вплоть до самого ухода из этой организации (в мае 1961 года) он по собственной инициативе передал советской разведке более 1200 сверхсекретных документов. Он выносил их из здания НАТО целыми связками в своем портфеле, потом отдавал своему офицеру-агентуристу на перроне станции метро и через час забирал обратно. За это время документы переснимали в советском посольстве.

В 1958-1959 годах производительность труда Хэмблтона такова, что КГБ решает переоборудовать целый грузовик в "темную комнату", чтобы фотографировать документы рядом с местом встреч и таким образом избежать поездок в посольство и обратно. Ядерная стратегия, равновесие сил, политические конфликты между странами-членами НАТО – в этот период у НАТО не было никаких секретов от Кремля.

15 лет спустя, в июне 1975 года, Хэмблтона во время одной его тайной поездки в Москву поздравит лично Юрий Андропов (шеф КГБ).

После ухода из НАТО Хэмблтон в течение многих лет будет жить в Израиле и Латинской Америке. Он продолжит работу на КГБ, посылая им в основном политические и экономические анализы. Для Советов он уже не представлял прежнего интереса. Окончательно разведка прекратит с ним контакты в 1978 году, за несколько месяцев до того,

как Хэмблтона арестовала канадская полиция.

Без всякого сомнения, Хэмблтон и был тем самым "кротом" в НАТО, о котором говорил Голицын. В этом деле французскую контрразведку постигла неудача. К тому времени, как началось следствие, Хэмблтон уже давно покинул НАТО, следовательно, предъявить ему обвинение оказалось невозможно.

В научных кругах

Голицын утверждал, что один ученый, азиат по происхождению, был завербован КГБ на конгрессе в Лондоне. И опять – никакого имени, только некоторые его приметы.

После многих недель поисков УОТ уже собиралось прекратить расследование, и вдруг представитель научных кругов сообщил в контрразведку, что желает исповедаться. На смертном одре он сознался в том, что в молодости его завербовали и он вступил в ряды Сопротивления по приказу Москвы. Доктор наук, до войны он был техническим директором в одном из министерств, которое работало и на армию. Прибыв в 1940 году в Лондон, он впоследствии поссорился с де Голлем и отправился в Алжир к Жиро (к тому же Жиро больше нравился СССР, чем раздражительный генерал). После войны упомянутый ученый стал журналистом и приобрел мировую известность.

Имел ли перебежчик в виду именно этого человека? Несомненно, нет. Тем не менее, с его известностью и положением в обществе, ученый имел доступ к самым секретным исследованиям во всех областях и во всем мире и информировал о них КГБ.

В правительстве

На одном из совещаний в КГБ Голицын узнал о том, что бывший министр, близкий к генералу де Голлю, два или три члена госаппарата или парламента работали на СССР. Хотя их имена и не были названы, столь точные сведения позволили сузить круг поисков. Но дознание следует вести с ловкостью и соблюдением глубочайшей тайны.

"Крот" – министр? Глава государства был не такой человек, чтобы принять подобное предположение без доказательств. Контрразведка должна быть твердо уверена, прежде чем назвать какое-либо имя в Елисейском дворце. Сотрудники УОТ впряглись в дело с безмятежной добросовестностью и, однако, не получили ничего, кроме кучи предположений, недостаточных для доклада де Голлю.

Голицыну на экспертизу были представлены многие имена, и каждый раз звучал роковой вопрос: "Он?" Перебежчик остерегался давать четкие ответы. Знал ли он хоть что-нибудь на самом деле? Не шла ли в данном конкретном случае речь скорее о провокаторе, чем об информаторе? Эти вопросы составляют часть тайны Голицына. Ничего конкретного из всех дознаний известно не стало. УОТ всегда хранило каждое дело в тайне. Таким образом, остается только вспомнить предположения, высказанные в печати и некоторых книгах. По мнению названных источников, один из "котов", выданный Голицыным, был военным соратником генерала де Голля и в 1944 году мог занимать пост министра или близкий к этому пост во временном правительстве генерала. И наконец, за время своей политической карьеры "крот" побывал в Москве.

Основываясь на таких признаках, сначала называли имя Жака Фоккара, члена кабинета де Голля, занимавшегося африканскими делами. Тщательно проверяя его, контрразведка заметила, что он был связан с одним французским бизнесменом югославского происхождения, который поддерживал широкие коммерческие связи с СССР. Благодаря ему Советский Союз получал западные технологии, запрещенные к экспорту.

Подобное доказательство выглядело несостоятельным: ведь если ты друг человека, который работает на Москву, это вовсе не означает, что ты и сам советский агент. Подозрения с Жака Фоккара были сняты благодаря трем важным обстоятельствам: прежде всего, он не был сотрудником де Голля во время войны. Затем, после освобождения страны

он не входил в состав кабинета де Голля (в то время он руководил гаражом министерства снабжения). И наконец, предпринятое расследование позволило установить, что он никогда не был в Москве. А все эти составные фигурировали среди примет, данных Голицыным для опознания "крота".

Тогда зачем же вообще было подозревать Жака Фоккара? Вероятно, он стал обыкновенной жертвой заговора, организованного французскими спецслужбами. Во время недавно закончившейся войны в Алжире Фоккар принудил эти службы к участию в борьбе против ФНО. Многим контрразведчикам не понравилось изображать из себя параллельную полицию. Подсунув его в качестве подозреваемого американцам, которые все время присутствовали на допросах Голицына, разведка решила отомстить Фоккару, скомпрометировав его в глазах союзников Франции. Поступок весьма подлый.

Луи Жокс – второе имя, названное перебежчику. В данном случае соответствие приметам казалось гораздо серьезнее. Во время войны Жокс был близок к генералу де Голлю (занимал пост генерального секретаря Комитета национального освобождения в Алжире с 1942 по 1944 год), а после освобождения страны выступал почти в министерской роли секретаря временного правительства республики в 1945-1946 годах, что позволяло ему присутствовать на заседаниях совета министров без права участия в обсуждениях. Кроме того, Луи Жокс с 1952 по 1955 год был послом Франции в Москве. Три признака, которые отлично подходили к портрету "крота". Ко всему этому добавлялся еще и тот факт, что Жокс – левый голлист – всегда с пониманием относился к политике СССР. (В дальнейшем он стал национальным президентом ассоциации "Франция – СССР".) Сделать из всего этого агента... И все-таки понадобились настоящие доказательства, а не простые совпадения.

Так же как и Жак Фоккар, Луи Жокс стал, несомненно, жертвой заговора. Государственный министр по делам Алжира. Его роль в урегулировании конфликта нравилась не всем. За несколько месяцев до описываемых событий в подпольной листовке ОАС его обвинили без малейших доказательств в том, что он "советский агент". И сам факт, что он фигурировал в списке подозреваемых, переданном Голицыну, слишком похож на маневр с целью дискредитировать человека, которому было поручено выполнение Эвианских соглашений 1962 года, по которым Алжир получал независимость.

Подозрения, однако, не помешали Луи Жоксу продолжить политическую карьеру и сохранить доверие генерала де Голля.

Чем больше контрразведка занималась прошлым людей, окружавших главу государства, тем больше запутывался след. При ближайшем рассмотрении многие голлисты походили на идеального "крота", нарисованного перебежчиком. Другой подозреваемый, Жорж Горс, – государственный секретарь по иностранным делам (1961-1962), потом министр по делам сотрудничества в правительстве Помпиду. Этот бывший депутат-социалист от Вандеи входил в состав кабинета де Голля в Алжире, а ранее от имени Французского комитета национального освобождения выполнял различные поручения в Москве. Как и Луи Жокс, Горс никогда не скрывал своих симпатий к Советскому Союзу. Впоследствии он также стал членом национального руководства ассоциации "Франция-СССР".

В конечном итоге под подозрение попало столько людей, что Франция стала походить на кротовник или – хуже того – на филиал КГБ.

Существовал ли в действительности подобный агент в самом сердце французского государства?

Поскольку весьма мало вероятно, что Голицын когда-нибудь снова повторит свои признания, то и дело это навечно останется одним из самых таинственных в истории шпионажа.

Однако много лет спустя, в начале 80-х годов, один французский политик дал возможность хоть частично разрешить загадку. Он сам попросил УОТ выслушать его и признался, что работал на КГБ. Человек, близкий к де Голлю, член его кабинета в первые годы президентства, он был завербован во время войны. Он признал, что передавал

секретную информацию. Но так как это признание было добровольным, то старика оставили в покое. Он мирно дожил свои дни.

И еще контрразведка узнала курьезный факт. Раскаявшийся "крот" переправил в Москву экземпляр "Мемуаров" де Голля с дарственной надписью автора. Труд, в котором, конечно, нет ничего секретного... Но который давал руководителю 5-го отдела ПГУ КГБ (в чьи задачи входит работа во Франции) возможность похвастаться перед подчиненными: "Мы так хорошо внедрили в политические круги Франции, что даже получили книгу с автографом главы государства".

В разведывательных службах

Именно по этой сфере разоблачения Голицына ударили сильнее всего. По его словам, внутри службы разведки и контрразведки (СРК) действовала разведгруппа КГБ под кодовым названием "Сапфир", за которым скрывалась добрая дюжина офицеров.

Во время допросов перебежчик доказал, что он на редкость хорошо знаком с французскими разведслужбами. Он подробно описал предпринятую несколько лет назад реорганизацию с привязкой по отделам. Он знал имена многих руководителей. Такая информация могла быть получена только с помощью источника внутри СРК.

Известие о существовании "Сапфира" для специалистов-контрразведчиков было подобно удару молнии. Оно явилось недостающей деталью головоломки. Если советский разведчик говорил правду, если КГБ и на самом деле проник в СРК, тогда многие тайны обретали разгадку. Существование "Сапфира", в частности, позволяло объяснить, почему в нескольких весьма деликатных делах разведка потерпела сокрушающий провал.

Например, операция "Минос", проводившаяся в 1950 году совместно с ЦРУ. Ее цель: внедрить за "железный занавес", а именно в Чехословакию, группу боевиков-антикоммунистов для организации партизанской борьбы. Эта экспедиция – амбициозная и рискованная – финансировалась американцами, они же поставляли материально-техническое обеспечение и вооружение. Группа, которую должны были выбросить на парашютах в Словакии, тренировалась во Франции (в Люзарш, департамент Валь-д'Уаз, и в Серкотт в Луаре) под руководством специалистов службы "Аксон" СРК. Все командос были добровольцами. Все бежали из Чехословакии после захвата власти коммунистами в 1948 году. Из-за того, что предполагалось парашютировать группу в лес, им пришлось тренироваться в течение нескольких недель. Чтобы свести риск до минимума, американцы соорудили специальные комбинезоны, в которых наиболее уязвимые части тела предохранялись прокладками. Только четыре человека знали об ультрасекретной операции "Минос", и все-таки, несмотря на все предосторожности, о ней узнали и чешские власти. В день "Х" парашютистов, направив на них автоматы, ждал весьма оригинальный комитет по встрече. Их взяли в плен, и больше никто ничего о них не слышал. Несколько дней спустя службе радиоперехвата СРК удалось поймать передачу одного из командос. Но она, без сомнения, велась под контролем чешской разведки. Американцы тогда сочли, что провал "Миноса" был следствием утечки информации из недр СРК. Было проведено безрезультатное расследование. В дальнейшем ЦРУ еще очень долго с недоверием относилось к французской разведке.

Через четыре года Николай Хохлов из отдела ОС-2 КГБ, в чьи функции входили убийства (сейчас этот отдел распущен), перебежал на Запад и попросил убежища в США. Он получил приказ ликвидировать во Франкфурте (ФРГ) Игоря Околовича, лидера НТС (Национального трудового союза) – оппозиционной партии, объединяющей эмигрантов из СССР. Для этой операции КГБ вручил Хохлову специальное оружие: пакет сигарет, стреляющих пулями с цианистым калием. Очутившись на Западе, Хохлов отказался выполнить приказ. В Штатах во время одного из допросов он рассказал о том, что его друг, Волокитин, работающий в Париже, мог бы согласиться сотрудничать с западными разведками или по меньшей мере бежать на Запад. Американцы предупредили СРК и УОТ, а

те собрали сведения о "дипломате". Началось наблюдение, установили подслушивающие устройства, чтобы точнее определить момент, когда без риска для Волокитина можно вступить с ним в контакт. Через несколько недель ЦРУ решило привезти в Париж Хохлова, чтобы он сам установил контакт со своим другом. Доклад службы подслушивания категоричен: Волокитин лично, без посредства коммутатора посольства, отвечает на телефонные звонки. Было решено, что Хохлов позвонит Волокитину и договорится о встрече. Но в назначенный день все идет не так, как задумано. Трубку снимает телефонистка, которая заявляет, что "дипломат" отсутствует. Новая попытка, предпринятая через несколько часов, опять не приносит результатов. Американцы и французы решили на завтра начать все сначала. Слишком поздно. Ранним утром посольская машина покинула Париж, увозя с собой Волокитина. В Орли "дипломата" посадили на самолет "Аэрофлота". Французские полицейские попытались вмешаться, но Волокитин, со всех сторон окруженный коллегами, заявил, что добровольно возвращается в СССР. О нем больше никто и никогда не слышал. ЦРУ ясно, что КГБ был предупрежден о попытке перевербовки. И снова только утечка из французской разведки, или, еще точнее, из СРК, могла объяснить этот провал.

Два дела, два провала, две загадки. Может быть, все объяснялось существованием "Сапфира"? Но с чего начать? Как найти? Голицын не дал никаких точных указаний.

При помощи УОТ в СРК немедленно создали специальное подразделение в отделе контрразведки, поставив задачу как можно быстрее определить, кто именно скрывается под этим кодовым названием. В мельчайших подробностях изучены сотни биографий, допрошены десятки агентов... то есть происходило абсолютно то же самое, что и в ЦРУ. Атмосфера в разведке совершенно отравлена навязчивой мыслью о существовании "крота". Подозрительными становятся буквально все, никто никому не доверяет. В конце концов французская разведка, как и американские службы, оказалась полностью парализованной. Если такова была настоящая задача Голицына, то она успешно выполнена.

"Сапфир" навсегда сохранил свои секреты. В УОТ так и не нашли никакого "крота". По крайней мере официально. Потому что в 1970 году, под предлогом реорганизации разведслужбы, при довольно странных обстоятельствах были отправлены в отставку два самых высокопоставленных руководителя разведки. Никто напрямую не обвинил их в предательстве, но подозрения на их счет тем не менее оставались.

У первого из этих двоих около 20 лет назад была связь с женщиной, о которой разведка знала, что она советский агент. В начале 50-х годов он ушел из УОТ и был назначен военным атташе в посольство Франции в Праге. По мнению некоторых западных разведслужб, именно тогда он совершил и поездку СССР. Официально - в отпуск, что, учитывая его служебные обязанности в Чехословакии, выглядело по меньшей мере странным. Через некоторое время он снова совершает непонятные перемещения в сопровождении своей любовницы, работавшей на КГБ. Другие источники указывают также и на то, что он был связан с упомянутым выше бизнесменом югославского происхождения, который торговал с СССР и другом которого был Жак Фоккар. Кстати, именно благодаря Фоккару он и был назначен на ответственный пост в СРК.

Еще более странным образом дело обстояло со вторым подозреваемым. В биографии этого офицера, поступившего в СРК в 1948 году, множество темных мест. Профессиональный военный, во время войны работавший в службе пропаганды Филиппа Анрио, он после освобождения Франции стал жертвой чистки. Однако месяц спустя тот же самый офицер из организации "Франтиреры и партизаны", который применил к нему эту санкцию, вновь принимает его в армию. Второй признак: военным атташе в Югославии он был назначен с помощью Шарля Тийона (коммуниста, министра вооружений в 1945-1946 годах). По всей вероятности, именно тогда у него завязались связи с югославской разведкой. В 1969 году агент СРК, уличенный в шпионаже в пользу Белграда, дал понять, что этот офицер уже давно состоит на югославской службе. Третий признак: у этого высокопоставленного руководителя СРК были многочисленные связи с женщинами - гражданками социалистических стран. В молодости он даже соорудил для себя фальшивый

паспорт, чтобы ездить за "железный занавес" на свидания к завоеванным им дамам. Для разведчика такое – безумная неосторожность. Наконец, и это главное, имя офицера фигурировало среди тех четверых, кто во Франции знал о подготовке операции "Минос". Когда Голицын сообщил о существовании группы "Сапфир", этого человека много раз допрашивали специалисты УОТ. Безрезультатно.

Ни тот, ни другой не признались, что совершили предательство в пользу СССР. Но когда в 1970 году их отстранили от работы, они не потребовали никаких объяснений. И не протестовали. Этот случай особенно настораживает. Если признать, что они могли принадлежать к группе "Сапфир", придется также признать и то, что у СРК в течение почти 20 лет не было ни одного секрета от КГБ. Становится страшно лишь от одного подобного предположения.

Некоторые расследования, начатые после бегства Анатолия Голицына, все еще продолжаются. И однако, если подытожить все разоблачения этого перебежчика, то полученные результаты окажутся весьма скудными, практически прозрачными. Ни одного значительного "крота" во Франции не засекли и не обезвредили, за одним лишь исключением: Жорж Пак. Одно из двух: или Голицын солгал, или наша разведка до крайности неэффективна. По правде говоря, выбрать что-то одно непросто.

Разумеется, Анатолий Голицын – очень крупный перебежчик, один из самых лучших среди тех, кто когда-либо попадал на Запад. Объем информации о работе КГБ, полученной от него западными разведками, огромен. Даже и сегодня то, что мы знаем о механизме советской разведки, о напряженности, которая может существовать внутри нее, идет в основном от Голицына. Но к несчастью, от него захотели слишком многого. Из информаторов Голицына произвели в эксперты. Под впечатлением того, что он знал, ЦРУ пожелало заполучить его мнение о некоторых достаточно сомнительных делах, о подозрительных личностях, о которых он априорно не имел ни малейшего представления. Для него было весьма лестно сыграть такую роль. В результате пошла по нарастающей волна ложной информации, в чем он в конечном счете не был так уж виноват.

Он видел столько досье, ознакомился с таким количеством дел, что просто больше не мог отличить свои действительные знания от информации, привнесенной гораздо позже. Многие невинные люди, имена которых прошли перед ним, попадали затем под подозрение, так как Голицын был более не способен отличить врожденные знания от благоприобретенных, если можно так выразиться. Что и произошло во время поисков "крота" в ЦРУ и его многочисленных встреч с французскими контрразведчиками. Двигаясь по этой сумасшедшей спирали взаимоинтоксикации, буквально все должны были стать виновными в измене.

Другое смягчающее обстоятельство. В Москве Голицын должен был оценивать информацию, поступавшую из некоторых западных стран и НАТО. Он не только не знал имен агентов, но и работал в основном с обзорными документами. Отсюда вполне возможно, что досье, с которыми он знакомился, не имели какого-то единого источника, одного и того же шпиона. Отсюда и те ошибки, которые он мог совершить, пытаясь на основе этих сведений определить "кратов". И значит, с самого начала он мог исходить из неверной посылки о предателе, которого необходимо найти.

Так что и вопрос о неэффективности французской разведки не так уж прост. Если бы все в этом деле зависело от УОТ, то многие высокопоставленные военные, чиновники, дипломаты и политики были бы отстранены от ответственных постов, которые они занимали, а некоторые еще занимают и до сих пор.

Контрразведка всегда предпочитала придерживаться политики наименьшего риска вместо того, чтобы быть ослепленной доказательствами. Иными словами, лучше предотвратить, чем лечить. Действительно, жизнь показала, что у шпиона, пойманного за руку, обычно бывает достаточно времени для того, чтобы причинить огромный ущерб, и его обычно нейтрализуют тогда, когда бывает уже слишком поздно. Но чтобы предупредить, нужно еще добиться согласия высших властей страны. А если не считать случая с тем

высокопоставленным дипломатом, который в течение нескольких последних лет был под сильным подозрением и которого отправили в отставку (возведя, однако же, в ранг посла Франции), власть, у кого бы в руках она ни была, никогда не любила принимать превентивных мер. Это – следствие примиренчества, которым всегда отличался французский правящий класс перед лицом подрывных действий советской разведки, что происходит по трем основным причинам.

1. Из чувства солидарности. Политический мир – это микрокосм, и все те, кто его составляет, сплачивают ряды, как только могут быть задеты интересы, которые они считают жизненно важными. Так было в случае с прошлым – весьма сомнительным – нескольких руководителей или опасными связями некоторых политиков с СССР. В каждой партии есть люди, которые не хотели бы, чтобы слишком пристально изучались их биографии или слишком интересовались их знакомствами. Со всеобщего молчаливого согласия мир политики предпочитает не касаться подобных тем. Власть как эманация этого микрокосма повинуетя тем же правилам. Тот или иной лидер, депутат или высокопоставленный чиновник, подозреваемый в том, что он поддерживает отношения с иностранной державой, становится в силу этого почти неприкасаемым – во имя статус-кво, выгодного в конце концов для всех. В худшем случае – закрывают глаза, в лучшем – предпринимают какие-нибудь меры предосторожности, зачастую незначительные и запоздалые. Пальцев обеих рук не хватит, чтобы сосчитать, скольких политиков – со времени окончания второй мировой войны – нужно было бы отстранить от ответственных постов во имя безопасности страны.

2. Чтобы не повредить престижу Франции. Власть всегда воображала, что ее репутация за границей пострадает в результате шпионских дел. Предательство Филби в Великобритании, Гийома в Западной Германии не повредило имиджу этих стран. Для людей, кто хоть немного знаком с подрывной политикой СССР, не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что западные страны стали ее жертвой. И отрицание этого факта – из терпимости или осторожности – скорее заставит относиться к Франции с подозрением. Возьмем случай с Голицыным. Мы уже видели, с каким недоверием американцы восприняли то, что не было принято никаких мер, даже символических, по отношению к лицам, бывшим под наибольшим подозрением. В борьбе против советского шпионажа страусиная политика, без сомнения, является наихудшей.

3. Из-за незнания СССР. В основном власти считают, что с Москвой можно поддерживать такие же отношения, как и с любой другой столицей. Ведомство на Кэ д'Орсэ всегда было самым непримиримым сторонником чисто дипломатической сдержанности. Это ошибка вдвойне. СССР воспринимал подобное молчание не как жест доброй воли по отношению к себе, а прежде всего как слабость с нашей стороны. Кроме того, Советы понимают только отношения с позиции силы, такие, какие они всегда практикуют сами. Доказательство: когда Франсуа Миттеран выдворил из Франции 47 их "дипломатов", СССР не только не предпринял никаких репрессивных мер, но понял и принял сигнал. В результате деятельность КГБ во Франции на несколько месяцев поутихла. Подобная чистка, по правде говоря, почти полностью обезглавила его французскую базу.

И наконец, не могло быть эффективной борьбы против советского шпионажа без элементарного понимания глубочайших мотиваций руководства СССР. Как это ни банально, для него коммунизм все еще оставался светлым будущим человечества. Таков неизбежный закон Истории. Его миссия, так же как и смысл его существования, заключались в том, чтобы способствовать приближению этого лучезарного будущего. В эпоху "равновесия страха" столь далеко идущее намерение невозможно реализовать при помощи только грубой силы. Политика Советского Союза была направлена на то, чтобы обойти эту трудность, чтобы навязать свою волю, не прибегая к войне, чтобы расширить свое политическое господство без борьбы. И в такой обстановке шпионаж и подрывная деятельность становились необходимыми орудиями.

КГБ – настоящая военная машина, которая должна проникнуть в лагерь противника, чтобы подорвать основы его существования, ослабить и в конце концов уничтожить его.

Подобных целей легко достичь в открытых обществах, особенно если они не верят в существование опасности.

Сколько людей в западных странах попались в ловушку, расставленную Советами, даже не отдавая себе отчета в том, что они предают свою страну? Сколько – из любезности или по дружбе – простодушно согласились сообщить с виду совершенно безобидную информацию советским дипломатам, журналистам, ученым? Без сомнения, таких людей – неисчислимо количество. И что же, нужно их всех осудить? Об этом никто не помышляет. Однако они помогли, пусть самую малость, Советскому Союзу в его беспрестанной подрывной работе против "классового врага".

Для КГБ нет малозначительной информации или неинтересных контактов. Любая информация систематически собирается, анализируется, используется, хранится. Любоим советский человек, который по служебным или личным делам встречается с человеком из капиталистической страны, должен составить для разведки отчет, уточнив повод для встречи, предмет беседы и, если возможно, сведения о профессии, семейном положении и психологическом состоянии своего собеседника. Эти биографические данные, которые поступают в компьютеры Центра в Москве, используются затем для новых вербовок.

Вербовка – приоритетная задача КГБ. "Без вербовки невозможна никакая операция, – писал еще в 30-е годы в учебнике о подрывных методах СССР генерал Александр Орлов. – Если бы было возможно на каком-то одном примере объяснить, как функционирует машина советского шпионажа, то следовало бы выбрать именно вербовку".

Эта работа ведется ПГУ КГБ, которое занимается операциями на Западе. Оно подразделяется на несколько отделов. Франция относится к 5-му отделу, так же как Италия, Испания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург и Ирландия. Именно этот отдел засылает в перечисленные страны своих офицеров и руководит их операциями. Именно здесь хранятся в архивах досье завербованных или тех, кто может быть завербован. Именно этому отделу подчиняется резидент, который из посольства СССР в Париже руководит работой всех офицеров КГБ в городе. И наконец, именно с этим отделом он консультируется, прежде чем принять какое-либо решение.

Офицеры 5-го отдела, возглавляемые резидентом и работающие, что называется, "в поле", составляют "линию ПР" (политическая разведка). Их поле деятельности весьма широко: проникновение в политические круги, прессу, религиозные и политические движения; эксплуатация агентов влияния, необходимых для проведения активных мероприятий, чаще называемых "дезинформацией" (см. главу четвертую). Но "линия ПР", как и "линия Х" (научный и технологический шпионаж), прежде всего сосредоточивает усилия на работе по вербовке, без которой его сотрудники не смогли бы добывать информацию.

Любая вербовка проходит в три этапа: определение и оценка выбранного объекта, установление личных контактов, установление тайных отношений.

Обычно офицер КГБ не идет на контакт с человеком, вербовка которого возможна, не собрав тщательнейшим образом сведений о нем и в большинстве случаев опираясь на биографические справки, поставляемые уже действующими агентами. Эти справки весьма интересны, почти так же, как и те сведения, которые агенты собирают на своей работе. Именно из этих соображений офицер-агентурист всегда требует от своих подопечных сведений об их окружении. Шпион КГБ в административном органе, фирме похож на раковую клетку в здоровом теле: он дает метастазы, распространяется, способствует вербовке других агентов, которые в свою очередь... и т.д.

Первый этап вербовки, когда определяется и оценивается вероятный объект, является наиболее деликатным. Отсюда пойдет все остальное. "Искусство вербовщика состоит в том, чтобы найти уязвимое место в броне, – полагает бывший комиссар УОТ. – А это не будет ни легким, ни быстрым делом. Но время не в счет, когда надо держать в памяти невообразимое количество мельчайших деталей, изучать чье-то поведение, чтобы знать, что такой-то инженер чувствителен к почестям и деньгам, а такой-то военный или дипломат не согласен с

внешней политикой своего правительства. Все эти с виду не обоснованные сплетни, которые добропорядочные люди именуют бульварщиной, и станут теми нитями, которые завяжет в узел Центр. И возможно, настанет день, когда один инженер продаст анализатор атомной пыли, другой даст сведения о ракете или химическом веществе, а кто-то еще предоставит информацию, разглашение которой поставит под удар всю систему обороны; профсоюзы и газеты будут тайно финансироваться из-за границы с единственной целью – сделать из них орудие в борьбе против профсоюзов и газет, финансируемых другой иностранной державой, а кости будут подделаны, и партия выиграна еще до того, как начата игра..."

Каждый офицер КГБ получает солидную психологическую подготовку, которая позволяет ему распознать и использовать все человеческие слабости. Он будет играть на них, чтобы завербовать агента и управлять им. Тогда предательство становится несчастьем для слабого, который не смог или не знал, как сопротивляться в определенных обстоятельствах своим наклонностям или чувствам – и самым благородным, и самым низменным. Стать их жертвой может любой. Вот почему так много людей на Западе предали, предают или предадут, иногда не осознавая своего предательства, а чаще всего – попав в ловушку собственных грехов, что их не извиняет, но позволяет все-таки понять, каким образом они дошли до этого.

В своем рассказе о методах КГБ перебежчик Станислав Левченко, который в 1979 году остался на Западе, вспоминает, что в разведшколе в Юролове, неподалеку от Москвы, один полковник-инструктор подытожил причины, по которым люди становились его агентами. Для него все сводилось к четырем буквам, MICE, американский акроним слова "мышь": Monnaie – деньги, Ideologie – идеология, Chantage – шантаж, Ego – Я.

"В идеале, – сказал Левченко, – хороший офицер КГБ должен уметь сыграть на всех четырех факторах сразу".

За пригоршню франков

А если это была шутка? А если это была провокация французской службы безопасности? Жак П., шифровальщик посольства Франции в Белграде, не знает. Но и сомневаясь, он сохраняет отличные рефлексии. Он немедленно ставит свое начальство в известность о том, что стал жертвой странной попытки вербовки. Так начинается дело Волохова.

Юрий Рылев, помощник военного атташе посольства СССР в Париже и вдобавок полковник ГРУ, совершил самую грубую ошибку в своей жизни. Специально приехавшему в югославскую столицу для выполнения четко поставленной задачи разведчику до странности изменило знание психологии. Из-за торопливости и желания понравиться руководству он провалил одну из самых изящных операций по вербовке, которую когда-либо проводила во Франции советская разведка.

Вечером 30 августа 1971 года он неожиданно появился в доме Жака П. После того как Рылев передал хозяину дома рекомендательное письмо от его зятя Дмитрия Волохова, в котором тот просил принять его друга, шифровальщик доверчиво допустил его в свой дом. После нескольких банальных фраз о кончающемся лете Рылев приступает прямо к делу. Он приехал в Белград не как турист. Гораздо больше его интересуют коды, используемые посольством Франции для сообщения с Кэ д'Орсэ в Париже, кодовые таблицы и схема шифровальных цепей. Конечно, за всю эту информацию он готов хорошо заплатить. Жак П. огорошен. Еще через несколько минут, придя в ярость от слов посетителя, из которых следовало, что его можно купить, он выгнал Рылева из дома. Несолоно хлебавши Рылев возвратился в Париж, молясь всем святым, чтобы дело на этом закончилось.

На следующий же день Жак П. проинформировал МИД. Провокация показалась ему столь чудовищной, что он в конце концов подумал о ней как об очередной проверке на безопасность. Поэтому он рассказал обо всем, включая и рекомендательное письмо своего зятя. Служба безопасности МИД ставит в известность УОТ. Через неделю, 8 сентября,

контрразведка задерживает Дмитрия Волохова, 39 лет, инженера-атомщика по профессии.

Очутившись в УОТ и явно испытав огромное облегчение от самого факта своего ареста, Волохов немедленно обо всем рассказал: о своей вербовке, встречах, переданных документах. Так закончились 12 лет предательской деятельности в пользу СССР. 3 мая 1973 года Суд государственной безопасности приговорил его к 10 годам заключения.

Вербовка Волохова прошла в 1959 году гладко, как в учебнике. Ему тогда было 27 лет, и он проходил военную службу в инженерном подразделении в Анжере. Волохов – выпускник Школы восточных языков, лицензиат естественных наук, обладатель диплома о высшем образовании Института ядерных исследований, где перед самым призывом в армию защитил докторскую диссертацию. Офицеры ценили его. Русское происхождение Волохова – родители его эмигрировали во Францию после революции 1917 года – заинтересовало одного из них, который однажды спросил, не хочет ли Волохов сделать для своих товарищей по службе обзор советских пятилетних планов. Если нужно, то этот офицер может дать ему специальное разрешение, чтобы съездить за материалами в Париж. Волохов с радостью согласился.

Первый контакт Волохова с ГРУ состоялся в Советском информационном бюро, располагавшемся в то время в доме N 8 по улице Прони, в 17-м округе. Молодой человек пришел туда за материалами для своего сообщения. Его принял заведующий бюро Алексей Стриганов, на самом деле офицер ГРУ. Завязалась приятная беседа. После нескольких ловких вопросов Стриганов узнал о Волохове все, что ему нужно. Его русское происхождение, его учеба – все это чертовски интересовало разведчика. Ученый высокого уровня не каждый день вот так запросто, ни с того ни с сего, появлялся в Информационном бюро. Беседа продолжалась до того момента, когда Стриганов расставил ловушку. Дело в том, что ему нужен переводчик. О, сущие пустяки, но это так упростило бы ему жизнь, если бы молодой человек смог помочь. Конечно, за вознаграждение. Волохов ни секунды не колеблется. Он недавно женился и успел уже стать отцом семейства, так что ему очень трудно содержать жену и ребенка на свое солдатское жалованье. В этот раз он уходит, держа под мышкой несколько переводов и не осознавая, что процесс его вербовки уже начался.

Он много раз приходил за переводами на улицу Прони. Стриганов казался довольным его работой. Он хорошо платил. Впрочем, одна деталь могла бы насторожить Волохова: каждый раз Стриганов просил у него расписку в получении денег. "Можно на любое имя, – говорил он. – Это не имеет значения. Это для отчетности". Молодой человек выполнял его просьбу и не задавал ни единого вопроса. Такие невинные встречи продолжались в течение многих недель.

Из инженерного полка в Анжере Волохова перевели в Обервилье в военно-технический отдел, а точнее – в лабораторию радиационных измерений. Для советской разведки он становился все более и более интересен. Но офицер ГРУ совершил оценочную ошибку. Его подопечный еще не готов к предательству. Едва лишь ему начинали задавать вопросы о работе, как Волохов пугался, внезапно осознавая, что из него пытаются вытянуть сведения, составляющие военную тайну. Он перестал встречаться со Стригановым.

История могла бы на этом и кончиться, и Дмитрий Волохов никогда бы не стал агентом ГРУ, но советская разведка отличается цепкостью и хитростью. О молодом человеке ей известно главное: он нуждается в деньгах.

Через несколько недель некий Поройняков возобновил контакт якобы для новых переводов, более высокооплачиваемых, чем у Стриганова. Поройняков, более хитрый, чем его предшественник, не торопил события. Он понимал, что сначала должен получить возможность оказывать влияние на вербуемого, чтобы успешнее склонить его к сотрудничеству. После нескольких бесед он находит обходной путь. Глубоко верующий молодой человек религиозен до страсти. Однажды Поройняков признается ему в своем атеизме. Волохов произносит длинейший монолог о счастье веры и упорно хочет привести к Богу эту заблудшую овцу. Офицер ГРУ готов на игру, дав понять, что и ему в душу иногда закрадываются сомнения. Между ними возникает некое сообщничество, даже дружба. Для

друга предать легче, чем просто продаться. С Порожняковым Волохов может удачно сочетать оба варианта: он помогает другу обрести прямой путь и одновременно значительно увеличивает благодаря ему свою зарплату.

Так продолжалось в течение четырех лет – с 1960 по 1964 год. Освободившись от военной службы, Волохов стал работать инженером-атомщиком в фирме, которая занималась строительством завода по разделению изотопов в Пьерлатт. Завод давал Франции возможность стать ядерной державой. Эти четыре года, когда он работал по указке Порожнякова, были самыми продуктивными для ГРУ.

В мае 1964 года Волохов оставил свое предприятие для новой работы, менее интересной в плане развития. Он также сменил офицера-агентуриста. Вместо Порожнякова появился Леонид Морозов, и, хотя у инженера нет больше дружбы в качестве предлога, он продолжал предавать. Морозова заменил Владислав Архипов, потом его место занял Иван Трушин. В октябре 1970 года Юрий Рылев становится пятым офицером-агентуристом Волохова.

По словам адвоката, инженер в совокупности получил за свое предательство 30 тысяч франков. (Во время процесса гражданский истец говорил о 48 тысячах франков.) Учитывая важность переданных сведений, оплата представляется совсем незначительной. Благодаря Волохову в СССР получили полный план завода в Пьерлатт и предварительный проект "60", который позволил определить, еще даже до установки оборудования, количество обогащающего урана, предполагавшегося получать на заводе, или – в конечном счете – количество атомных бомб, которыми будут располагать французы. Для Москвы это была наиважнейшая информация. Волохов также передал технические карточки из библиотеки Сакле и Комиссариата по ядерной энергии (КЯЭ).

Для ГРУ инженер, без сомнения, был первоклассным источником сведений. Для своей шпионской работы он получил лучшее из оборудования, производимого в КГБ. Прежде всего, фотоаппарат "Контакт Д" с треногой, йодовой лампой и фотоэлектрической ячейкой для легких работ, затем, аппарат, специально созданный для пересъемки технических карточек в библиотеке Сакле. Этот аппарат, величиной с бумажник, открывался снизу вверх. Его нужно было просто положить на переснимаемую карточку под углом 45°. Вспышку заменяла встроенная лампочка. Достаточно нажать на спуск, чтобы заснять карточку на пленку 1 см шириной. Для микрофильмов библиотеки КЯЭ Волохову дали специальный маленький металлический ящичек 2 см толщиной и величиной с почтовую открытку. Необходимо вставить туда микрофильм, закрыть и сфотографировать. Детская игра.

Передача документов также не составляла трудности. "Вначале почтовые ящики, указанные офицером-агентуристом, располагались неподалеку от места работы Волохова, в зоне Шатене-Малабри, – рассказывает один из инспекторов УОТ, длительное время допрашивавший Волохова после ареста. – Первый был устроен у подножия дерева в лесу Верьер, второй – под большим камнем в лесу Кламар и третий – под корнями дерева с тремя стволами в лесу Медон. Для того чтобы предупредить, что в том или ином тайнике находятся документы, Волохов пользовался довольно простыми сигналами. На бульваре Малерб, на тротуаре у церкви святого Августина, стояли три скамьи. Мелом он чертил вертикальную линию на спинке первой скамьи – для первого тайника, и так далее. В случае крайней необходимости, к примеру для срочной встречи, такую черту надо было обозначить до 17.00 на четвертой скамье, стоявшей на грунтовой земле на углу бульвара Малерб и улицы Бьенфезапс. Свидание в таком случае должно было состояться этим же вечером во дворе русской церкви на улице Дарю. Если знак был проставлен после 17.00, то свидание происходило в том же месте, но на следующий день. Юрий Рылев, ставший его опекуном в 1970 году, внес некоторое разнообразие в эту систему. Просьба о встрече с ним отмечалась на светофорном столбе на углу улицы Гренель и проспекта Бурдонне. Свидание происходило вечером следующего дня в 19.00 на станции метро "Либерте", на платформе в сторону Мезон-Альфор. Если же Рылев не мог прийти на встречу, то он прикреплял небольшую синюю наклейку на рекламном щите на станции метро "Мишель Бизо", с

которой Волохов каждый день ездил на работу. Тогда свидание происходило на следующий день, также на станции "Либерте".

Однажды инженер рассказал Рылеву об одном из своих родственников – шифровальщике посольства Франции в Белграде. Весьма заинтересовавшись, офицер попросил прощупать его, чтобы выяснить, не согласится ли он сотрудничать с ГРУ. Волохов заводит с зятем разговор на эту тему в тоне шуток, приманивая перспективой больших денег. Жак П. не поддержал разговора, который, как он думал, был просто шуткой дурного тона. Когда Рылев захотел узнать, какой оказалась реакция шифровальщика, Волохов поведал о его молчании. Советский разведчик имел глупость истолковать его как знак согласия. Он взял у инженера рекомендательное письмо, заплатив, однако, за него 1500 франков, и отправился в Белград, уверенный, что завербует нового агента. Столь неуместное усердие обернулось для Рылева высылкой из Франции, а Волохов отправился размышлять в тюрьму.

Через год после ареста инженера УОТ занималось другим делом о шпионаже, в котором главной побудительной причиной опять были деньги. Этот случай остался неизвестен широкой публике и юридических последствий не имел. Наверняка из высших политических соображений. Контрразведка, затратившая больше года на то, чтобы распутать все нити, и глазом не моргнув, снова проглотила пилюлю.

И опять все началось с ошибки советской разведки, точнее, КГБ. Из-за пренебрежения самыми элементарными правилами безопасности один из офицеров разведки буквально на тарелочке преподнес своего подопечного французской контрразведке.

Чтобы понять, как все произошло, следует рассказать о некоторых методах работы офицеров КГБ в Париже и способах, применяемых УОТ, для того чтобы проследить за ними.

Прежде чем вынуть "груз" из тайника для посланий и документов или отправиться на встречу с агентом, любой офицер КГБ проверяет, нет ли за ним слежки. Он покидает свое место работы (посольство, консульство, ЮНЕСКО, Совинформбюро и т.д.) обычно за четыре часа до назначенного свидания, с тем чтобы оторваться от возможного "хвоста". Если он едет на машине, то оставляет ее, например, возле метро, затем делает две или три пересадки, выходит из метро, садится в такси. Потом снова метро, снова такси. И так два или три раза. Все это время он внимательно наблюдает за тем, что происходит сзади него. На месте встречи один из его коллег, который также прибегал к подобным мерам безопасности, обеспечивает его прикрытием, наблюдая за окрестностями, чтобы вовремя засечь любое подозрительное присутствие. Если путь свободен, то встреча может состояться. Если нет, то все аннулируется. Оба офицера возвращаются, не встретившись с агентом, у которого был приказ пассивно ждать встречи, не проявляя никакой инициативы. В случае срыва встречи предусмотрены две новые явки, в условленном месте и в заранее оговоренное время.

Прежде чем отправиться за рубеж, каждый офицер КГБ и ГРУ в течение нескольких месяцев изучает в Москве технику, позволяющую ему оторваться от слежки, выполняя тренировочные упражнения. Если соблюдены все правила, то практически невозможно постоянно следовать за профессионалом в таком большом городе, как Париж. Причем исключено, чтобы он не заметил и не оторвался от слежки. Однако для контрразведки крайне важно знать, кто и что делает и кто и куда направляется во вражеской службе. В целях преодоления этой трудности УОТ разработало так называемую технику "сетки". Полицейских, связанных друг с другом по радиотелефону, размещали в стратегических точках столицы – мосты, крупные магистрали, обязательные места проезда, – чтобы на большом расстоянии проследить путь офицера, вышедшего на задание. Если "сетка" сделана хорошо, то он не мог ускользнуть. Если он в течение длительного времени не появлялся там, где должен появиться, то становилось ясно, что он сделал остановку. Значит, встреча должна произойти в периметре, который уже просто рассчитать. Затем все полицейские стягивались в определенное место и проводили незаметный осмотр квартала, чтобы засечь встречу и постараться опознать французского агента.

Техника "сетки" очень эффективна, но она не всегда срабатывает. Полицейские могут слишком поздно прибыть на место встречи. Офицеру КГБ иногда удается проскользнуть

сквозь ячейки сети, если полицейские не смогут опознать его среди тысяч незнакомых людей, проходящих перед ними. И наконец, советская контрразведка может принять собственные меры, чтобы помешать таким наблюдениям. В каждом советском посольстве есть отдел КГБ, который специально занимается подобными делами. Этот отдел, называемый "линия КР", одновременно контролирует советских подданных (наблюдение) и обеспечивает безопасность офицеров КГБ на задании (контрразведка). Когда, например, кто-либо направляется на встречу с агентом, сотрудники отдела прослушивают радиочастоты, на которых работает полиция. Если они отмечают ненормальное увеличение количества выходов в эфир, то отзывают офицера, которого явно засекли. Они могут также одновременно вывести нескольких офицеров, чтобы перегрузить наблюдение. Эти добавочные офицеры должны водить за собой полицейских, пока где-то в городе не состоится настоящая встреча, не обнаруженная французской службой контрразведки.

В деле, о котором пойдет речь, КГБ не использовал ни одного из подобных методов для прикрытия Виктора Соколова, третьего секретаря посольства СССР и заместителя директора Советского информационного бюро. Этот вышедший на тропу войны офицер просто-напросто совершил роковую ошибку, когда пренебрег всеми мерами безопасности и прямо направился к месту встречи.

Все началось 8 июля 1971 года в Булонском лесу. "Сетка" позволила контрразведчикам засечь машину советского посольства в одной из аллей. Встреча? С десяток полицейских прибыли на место и обнаружили спрятавшегося за кустом своего старого знакомого Виктора Соколова. Он не делал ничего недозволенного: пожилал глазами группу полуголых молодых женщин, загорающих на лужайке. Офицер КГБ довольно долго наблюдал за ними, а потом сел в машину и поехал по направлению к Нейи. Он не предпринимал никаких мер предосторожности. В 19.25 Соколов оставил свою машину на бульваре Инкерманн. Совершив обход квартала и даже не обратив внимания на возможную слежку, он направился прямо к месту встречи на углу бульвара и улицы Перроне. Его агент уже там: высокий мужчина, одетый в колониальном стиле. Они устроились в ближайшем кафе. После получасовой беседы и обмена документами, за чем издали наблюдали сотрудники УОТ, они разошлись. Двое инспекторов последовали за незнакомцем, который, сев в машину, в конце концов от них ускользнул. Однако полиция располагала двумя важными фактами: регистрационным номером автомобиля и фотографией агента.

УОТ хватило недели, чтобы узнать его имя и профессию. Венсан Грегуар, врач, работавший в Южном Вьетнаме. (Поскольку дело так никогда и не было передано в суд, то это псевдоним). Проездом в Париже Грегуар вместе с женой и ребенком остановился в гостинице, прежде чем отправиться на свою виллу в Вар. Тщательное расследование и несколько подслушанных разговоров убедили контрразведку в том, что они напали на очень интересный след. В середине августа Грегуар снова возвратился в Париж, но уже не встречался с Соколовым. В начале сентября вместе с семьей он уехал в Сайгон.

Терпение – одно из достоинств контрразведки. УОТ отложило досье Грегуара в уголок и заняло выжидательную позицию. До утра 12 июля 1972 года, когда Грегуар вновь вместе с женой приехал в Париж в отпуск. Он остановился в том же отеле, что и ранее. Теперь полицейские заняли соседнюю комнату, чтобы лучше наблюдать за ним. Ждать им пришлось недолго. Во второй половине дня врач сказал жене, что должен встретиться с другом и вернется только к ужину.

Именно тогда КГБ совершил вторую ошибку. Встреча проходила в том же кафе, что и в прошлом году. Задача УОТ упростилась. В ожидании контакта инспекторы рассыпались по кварталу, твердо решив поймать Грегуара и офицера-агентуриста с поличным.

В этот день Владимир Нестеров, третий секретарь посольства СССР, заменил Соколова. Более осторожный, чем его коллега, он отправился на встречу в сопровождении еще одного человека из посольства – Георгия Слюченко – в качестве охраны. Прежде чем принять решение, оба разведчика долго патрулировали Нейи вокруг места встречи. В 18.00 Нестеров подошел к Грегуару.

Ни один закон не запрещает встречаться с человеком из СССР, будь он хоть сто раз из КГБ, и инспекторам пришлось ждать до тех пор, пока француз не передал разведчику конверт, который держал в руке, и только тогда произошло вмешательство и был осуществлен арест с поличным. В таких случаях секунды кажутся часами.

После пятнадцатиминутной беседы конверт начал переходить из рук в руки. Нестерова и Грегуара тут же окружили полицейские.

Георгий Слюченко, который оставался в сотне метров от места встречи, мог только наблюдать за происходящим.

Пользующихся дипломатической неприкосновенностью Нестерова и Слюченко через несколько дней отозвали в СССР. Правительство также дало понять Москве, что возвращение во Францию уехавшего в отпуск Виктора Соколова нежелательно. Что касается Венсана Грегуара, то он без сопротивления признался в предательстве.

"Завербованный в 1976 году Вьетконгом в Сайгоне, – рассказывает инспектор УОТ, который присутствовал на допросах, – он сначала передал немного денег, потом медикаменты, а затем постепенно начал передавать политическую и военную информацию, поскольку имел доступ в правительственные круги. Грегуар, которого все считали надежным человеком, в июне 1967 года впервые поехал в Москву. Там он получил законченное шпионское образование: использование белой копирки, тайные встречи, фотографирование документов и т.п. Конечно, в Москву он поехал не из Парижа и не из Сайгона. Транзитом он прибыл в Нью-Дели, где в консульстве СССР ему выдали въездную визу на вкладном листочке. Никаких следов в паспорте... В 1968 году он точно так же проехал через Вену, а в 1969 году – через Хельсинки. В обмен на свою информацию Грегуар получал большие суммы денег. Он снял в Сайгоне шикарную квартиру, организовывал там приемы для генералов и политиков. По приказу Центра он в 1969 году купил специальный фотоаппарат "Олимпус", и, когда полковник Минг, заместитель командующего специальными операциями в Южном Вьетнаме, оставил в кресле свою записную книжку, набитую адресами и заметками, это был настоящий праздник. Для передачи документов, если речь шла о сведениях местного значения или деталях тактических военных операций, Грегуар определенным образом ставил свою машину рядом с домом. На следующий день к нему на прием приходил безымянный больной и забирал материалы. Для сведений более важных Грегуар при помощи белой копирки писал письмо и отсылал на условленный адрес в Сингапур. В 1969 году в Москве сочли, что дальнейшие поездки в СССР могут стать опасными и раскрыть его. В дальнейшем встречи проходили уже в Париже: до 1970 года – неподалеку от вокзала Аустерлиц, а потом – в Нейи, где ошибки Соколова взорвали всю эту отличную механику".

В конверте, переданном Нестерову до задержания, были важные документы о военной и политической обстановке в Южном Вьетнаме, финансовый отчет об использовании фондов, полученных от КГБ в предыдущем году, и использованная белая копирка.

С 1967 по 1972 год Венсан Грегуар получил за свое предательство 20 тысяч долларов. Судебный следователь, который вел дело, запросил мнение МИД и военного ведомства, чтобы оценить значение информации, в течение пяти лет передававшейся в КГБ. Ему ответили, что врач не повредил ни военным, ни дипломатическим интересам Франции. Венсана Грегуара освободили за отсутствием состава преступления. А то, что он помогал СССР в военных усилиях против союзника Франции (Южного Вьетнама), которого поддерживал другой ее союзник (США), было в глазах властей фактом абсолютно незначительным.

Ностальгия уже не то, чем она была

События 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии, рассказы диссидентов о советской реальности, и особенно свидетельства Александра Солженицына, открыли глаза большинству людей на Западе на сущность коммунизма. За исключением нескольких

закоренелых "попутчиков", тех, кто верит, что на Востоке куется светлое будущее человечества, осталось совсем немного. В наше время просто невозможно найти таких людей, как Филби, Берджес, Маклин, которых завербовали в 30-е годы и которые действовали из любви к социализму. На свой лад и в своей области деятельность КГБ тоже является жертвой гибели идеологий, которая характерна для конца нынешнего столетия. Дело Жоржа Бофиса, о котором мы уже упоминали, составляет исключение; свою страну больше не предают – или почти не предают – из-за верности партии социализма.

Но у КГБ отличные адаптационные способности. Он проявлял безграничную изобретательность при вербовке своих агентов. Если коммунистическая идеология больше не является достаточной побудительной причиной, то, чтобы поймать в силки людей, их заинтересовавших, офицеры КГБ играют на других чувствительных струнах:

– Пацифистские чувства. Подспудный антиамериканизм многих европейцев, страх перед войной могли заставить человека выбрать социалистический лагерь, чтобы помочь сохранить равновесие сил и "расстроить планы империалистов".

– Культурные корни. В кругах русской эмиграции этот подход может иметь успех. Достаточно убедить интересующего вас человека в том, что Россия и СССР – одно и то же. Это совсем нетрудно. Известнейшие "специалисты" по СССР разве не утверждают того же, пытаясь объяснить советский режим, исходя лишь из одной русской традиции?

– Обида. Человеку кажется, что его не оценили по достоинству. Неудовлетворенность своей работой, желание отомстить начальству или отплатить за допущенную несправедливость – все это может привести к предательству. Офицеры КГБ отлично умеют подметить подобные чувства. Сначала они разжигают обиды, потом льстят самолюбию, дав понять, что агент наконец-то сможет сыграть роль, достойную его ума и его возможностей.

Советская разведка применяет этот метод с постоянством, а иногда и с успехом. Ослепленный своими обидами, агент больше не понимает, что он предатель. Полковник ВВС Швеции Стиг Эрик Веннерстрём, арестованный в 1963 году после разоблачений Голицына, был именно таким шпионом. Военная карьера шведа застопорилась в результате его пронацистской позиции во время второй мировой войны. Сначала КГБ раздул его обиду на начальство, потом, когда он начал работать на ГРУ, Веннерстрёму было присвоено звание генерала Советской Армии. Москва дала ему чин, в котором отказал Стокгольм. Как дисциплинированный военный, он слепо повиновался своим тайным руководителям, выдав им самые основные элементы оборонительной системы страны.

Несколько лет назад во Франции произошел просто хрестоматийный случай предательства, в котором, чтобы завербовать агента, Советы сыграли одновременно на чувстве обиды, культурных корнях и пацифизме. Его вербовка явилась столь большим успехом, что вопреки всем правилам безопасности, обычно применяемым советской разведкой, ГРУ сделало его руководителем группы.

Со времени побега в Канаду Семена Гузенко (в 1945 году) советская разведка старается сделать так, чтобы агенты не были знакомы и не контактировали друг с другом. Гузенко выдал имена нескольких шпионов, которых он знал. После ареста эти люди выдали целые группы. Урок пошел на пользу. С этих пор КГБ и ГРУ тщательно изолируют каждого агента, сводя на нет все возможные контакты между ними. Внутри отдельной группы существует своего рода непроницаемая переборка. Агент знает только своего офицера-агентуриста, иными словами, "легала", обычно работающего на разведку под дипломатическим прикрытием. В случае ареста он не сможет назвать никаких имен. Что касается офицера, то, если его задерживают с поличным, он никогда не выдаст своих подопечных. Он знает, что в лучшем случае дипломатический иммунитет просто позволит ему вернуться в свою страну, а в худшем – его обменяют через несколько месяцев.

В этом деле ГРУ поступило иначе. По той простой причине, что главой группы был француз, который должен был руководить несколькими агентами вместо "легала".

Уникальный случай в анналах советского шпионажа во Франции. Контрразведка напала на след в 1975 году, после того как от одного перебежчика была получена

информация, подобная той, что позволила арестовать Жоржа Бофиса. Из его слов следовало, что ГРУ в промышленных кругах, где-то в парижском пригороде, имело очень важный источник информации. Агент, имя которого он не знал, работал в компании SERGI. Это была просто аббревиатура; существовало три предприятия с подобным названием. После двух долгих лет поисков УОТ обнаружило настоящего виновника. Сергей Фабиев, 54 лет, русский по происхождению, принявший французское гражданство, генеральный директор компании, занимавшейся, кроме того, исследованиями в области общего и промышленного производства. Она располагалась в городе Бюк, в Ивелин.

Фабиев был арестован 15 марта 1977 года в аэропорту Орли в тот самый момент, когда по делам службы собирался лететь в Алжир. В УОТ он сразу же признался в предательстве, выдав попутно псевдонимы агентов своей группы: Макс, Рекс и Жан, – а потом и их настоящие имена. 17, 20 и 21 марта контрразведка арестовывает Джованни Ферреро, 54 лет, итальянца по национальности, редактора в компании "Фиат-Франс"; Роже Лавалья, 74 лет, бывшего аэронавигационного диспетчера генерального секретариата гражданской авиации (ГСГА); Марка Лефевра, 50 лет, инженера Межпрофессионального информационного центра, расположенного в Ханивелл-Булл. Пятый виновный, Раймон Х., 45 лет, руководитель производства в издательстве медицинской литературы, ставшем "почтовым ящиком" группы, был отпущен под залог.

Группа Фабиева работала с 1963 года до конца декабря 1974 года, когда деятельность ее по таинственным причинам прекратилась. В этот период Сергею Фабиеву не удалось установить условленный контакт в Цюрихе, чтобы нелегально уехать в СССР. После бегства офицера, информировавшего УОТ, ГРУ, без сомнения, обрубил все концы.

Вербовка Сергея Фабиева в 1963 году тоже может быть принята за образец подобного рода дел. Его офицер-агентурист, советник посольства Иван Кудрявцев, поддерживавший с Фабиевым коммерческие связи, поочередно приводил в действие различные психологические рычаги, чтобы склонить коммерсанта к предательству.

Прежде всего, его культурные корни. Сын эмигранта, Фабиев свободно говорил по-русски. Ему было приятно разговаривать с Кудрявцевым на родном языке. "Я открывал Святую Русь, о которой мне столько говорили родители. Передо мной был не советский человек, а соотечественник. У меня возникла романтическая необходимость обрести Родину", – объяснял он на суде.

Затем – обида. До 1967 года Сергей Фабиев был человеком без гражданства, апатридом. Французские власти долгое время отказывали ему в предоставлении гражданства под предлогом его поведения во время второй мировой войны. Он родился в Нише, в Югославии, от русских родителей, которые затем эмигрировали во Францию. Молодой Фабиев вместе с отцом до 1943 года был рабочим-добровольцем в Германии. Потом он вернулся в парижский пригород, где оккупанты направили его на работу в комендатуру Сен-Клу.

Советская разведка сумела использовать как сожаления Фабиева о столь бесславном прошлом, так и обиду на Францию, отказывавшуюся простить ему ошибки молодости. Во время первой нелегальной поездки в СССР в 1965 году (потом он еще два раза ездил туда) Фабиев получил советское гражданство и чин в Советской Армии. Таким образом ГРУ удовлетворило его потребность в обретении Родины и его желание забыть сотрудничество с нацистами. То, что он стал воином "доблестной Советской Армии", было для него явным реваншем над историей.

На суде Фабиев попытался использовать как довод эту особую ситуацию, заявив: "Меня завербовали, когда я был апатридом, дали русское гражданство и поручили выполнение разведздания. Я согласился, и в течение многих лет у меня не возникало чувства, что я предаю Францию, поскольку гражданином ее я стал только в 1967 году. С этого момента я начал осознавать свою ошибку. После предоставления гражданства я не сообщил властям о своей деятельности, так как не хотел становиться двойным агентом. Я никогда не служил Советскому Союзу, но только России".

Само собой, что эксплуатировались и его чувства пацифиста. В качестве офицера Советской Армии Фабиев должен был вносить свой вклад в дело установления равновесия сил и препятствовать тому, чтобы его новую Родину обогнали в военном и экономическом отношении западные державы.

К несчастью для советской разведки, их агент не имел доступа к секретной информации. Его прежде всего использовали как вербовщика на тех предприятиях, которые интересовали советскую разведку: "Матра", "Дассо", "Норд-Авиасьон", Научно-исследовательское общество по баллистическим ракетам (НИОБР). Затем, после специальной подготовки в школе ГРУ в Москве, в 1965 году ему поручили руководство группой агентов, завербованных разными советскими офицерами.

– Марк Лефевр, с которым познакомился в сентябре 1962 года на празднике "Юманите" Валентин Григорьев, помощник военноморского атташе посольства СССР. Этот инженер-электронщик фирмы "Матра", а затем "Ханивелл-Булл" пошел на предательство по политическим убеждениям. Близкий по взглядам к ФКП, Лефевр обычно проводил отпуск в Югославии, на Кубе, в СССР и других социалистических "райских уголках". Работа на ГРУ не тяготила его совесть. "В то время я был убежденным социалистом, – говорил он на суде. – Я считал нормальным, что СССР старается защитить себя, так как против него вооружались западные страны".

– Джованни Ферреро, редактор в компании "Фиат-Франс", был завербован полковником Алексеем Лебедевым, военно-воздушным атташе посольства СССР, на одном из приемов в 1961 году. Человек, продажный до мозга костей, он пошел на предательство ради денег. 100 тысяч франков за восемь лет. До 1971 года, когда управление вооружений и авиации фирмы ФИАТ, где он работал, было поглощено государственной авиакомпанией "Аэра Италия". Секретарь и доверенное лицо руководителя этого управления, бывшего генерала итальянской армии, Ферреро имел постоянный доступ к самым секретным документам компании, включая и те, что приходили из НАТО.

– Роже Лаваль, авиадиспетчер в отставке, был завербован в 1966 году Вячеславом Сафроновым, сотрудником торгпредства. Он жил в крайне стесненных условиях в пансионате для холостяков недалеко от Лионского вокзала и пошел на предательство буквально за пригоршню франков – пять тысяч в год. Как бывший служащий гражданской авиации, он сохранил знакомства в этой сфере. По заданию ГРУ Лаваль побывал на многих авиабазах, разбросанных по всей Франции, под тем предлогом, что хочет повидаться с бывшими коллегами. Он использовал поездки для того, чтобы делать съемку установок.

После ареста он во всем признался, и УОТ смогло в полном объеме представить тот вред, который нанесли стране эти агенты. Список весьма впечатляет.

С помощью Марка Лефевра – несомненно, самого значительного агента группы – ГРУ удалось получить отчеты НИОБР, планы компьютеров для пусковых установок, компьютеров, контролировавших запуск ракет класса "земля-земля" (баллистическо-стратегических), патент на электронное отключение посадочных полос. Короче, он дал возможность "связать по рукам и ногам наши ударные силы", как выразился в обвинительной речи заместитель прокурора Колетти.

Джованни Ферреро передал почти 1,5 кубометра документов, в частности касающихся: автоматической системы НАТО для наземного управления средствами ПВО; консультативной промышленной группы НАТО (организации, занимающейся стандартизацией промышленного оборудования для армий стран НАТО); программы совместных исследований в области вооружений (американской организации, занимающейся осуществлением некоторых военных проектов стран-членов НАТО); организации снабжения вооруженных сил НАТО; европейской научно-исследовательской организации по ракетам; сведений об американском самолете "F-104", в числе которых отчет о летных испытаниях, сопоставительный доклад ВВС США о летных испытаниях американского истребителя "Т-33" и итальянского истребителя "G-91 Fiat"; отчетов о различных совещаниях и исследованиях ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития, штаб

которой находился в Париже).

Во время допросов у Роже Лавалья начались провалы в памяти. Его поместили в психиатрическую лечебницу с диагнозом "слабоумие". На суде он не появился. По словам Фабиева, Лаваль передал ГРУ подробные планы около сотни французских аэродромов, гражданских и военных; документы о радарх из управления авиабазами в генеральном секретариате гражданской авиации (ГСГА); различные документы управления аэронавигации, технической службы гражданской авиации; досье архивно-библиотечной службы ГСГА; планы центра телекоммуникаций национального флота в Росне, учреждения, очень интересного с точки зрения обороны страны.

При обыске, проведенном дома у Сергея Фабиева, были обнаружены химические вещества для тайной переписки (симпатические чернила, белая копирка и т.д.) и частичная отчетность группы с 1969 по 1974 год. Он брал деньги, предназначенные для оплаты агентов из специально оборудованных тайников в лесах Виль-д'Авре и Медона. Контрразведка также конфисковала ультрасовременное радиооборудование, выданное ГРУ, для того чтобы получать приказы и передавать закодированные сообщения – либо в советское посольство в Париже, либо прямо в Москву; приемно-передающую коротковолновую радиостанцию и передатчик, замаскированный в автомобильном радиоприемнике, – для тайной связи с посольством. В военной миссии в Париже Фабиев за 48 часов получил специальную радиоподготовку. Поскольку за зданием миссии постоянно ведется наблюдение, то вполне понятно, что ГРУ пошло на такой риск только ради своего исключительно ценного агента.

В распоряжении Фабиева имелись также многочисленные "почтовые ящики" в Париже и один "живой почтовый ящик" для передачи наиболее объемистых документов. Этот "ящик" содержал Раймон Х., попавшийся крайне глупо. Он сам об этом рассказал вскоре после того, как был отпущен под залог.

"Для меня все началось в 1967 году, – утверждал он. – В то время я делал в одном издательстве серию рекламных открыток для фармацевтической фирмы. На каждой открытке был изображен туристический корабль и указаны его технические характеристики. Я хотел, чтобы моя коллекция была по возможности более полной. У меня уже имелись "Франс", "Куин Мэри", греческие корабли, итальянские. Отсутствовали только советские теплоходы, курсирующие по Черному морю. Я поступил так же, как и с западными компаниями, которые запрашивал: позвонил в посольство СССР.

Мне посоветовали связаться с торговой миссией, а точнее, с "Морфлотом" на улице Фезандери. Я пошел туда, показал открытки, которые мы издаем, объяснил цель нашей работы. Сказал, что это, конечно, послужит и рекламой для их компании. Уточнил, что мы не сможем заплатить за авторские права, но в знак благодарности предоставим сотню открыток без рекламных надписей. Мой собеседник, Игорь Мосенков, пообещал проинформировать свою дирекцию, сказав, что сделает все возможное, чтобы мне помочь. Я много раз возвращался к этому вопросу. В один прекрасный день он мне объявил: "У меня есть для вас два диапозитива с нашими кораблями". Он мне также передал их технические характеристики, число пассажиров, название линии и т.п. Мосенков попросил меня поместить аббревиатуру его компании на открытки. Закончив работу, я вернул ему документы: он был восхищен качеством репродукций. Я остался доволен, он дал мне понять, что его компания могла бы мне сделать кое-какие заказы.

Через несколько дней Мосенков снова встретился со мной, для того чтобы попросить у меня эскиз с эмблемой его компании. Возможный клиент? Я с удовольствием дал Мосенкову этот эскиз. Он пригласил меня выпить по стаканчику. Потом мы еще раз ходили в ближайший ресторан пообедать без всяких формальностей. Говорили о детях, о спорте, о делах тоже. "Увидимся", – сказал он мне, когда мы прощались. И мы действительно встречались еще не раз. Наши встречи стали дружескими. Однажды он пришел с крайне встревоженным видом. "У меня сложности, – признался он. – Я хотел бы получать письма от одной приятельницы, но так, чтобы жена ничего не знала". Я посоветовал ему получать письма до востребования, но он заявил, что как иностранец не имеет на это права. Я поверил

ему на слово. Тогда я сказал, что, возможно, кто-то из его сослуживцев мог бы ему помочь. "Невозможно, – ответил он, – я знаю только директоров, генеральных директоров. А ты мой приятель, и я счастлив, что у меня есть друг-француз, с которым я могу говорить обо всем на свете..." Тогда я согласился.

Через две недели я получил первое письмо в зеленом конверте, отправленное из пригорода. Это действительно было похоже на любовную переписку. Я поспешил передать его Мосенкову. Через три недели – новый зеленый конверт, и так дальше в течение нескольких месяцев. Один раз я решил, что хватит быть почтовым ящиком. Он пообещал что-нибудь придумать. Но ничего не изменилось, письма продолжали приходить ко мне – примерно одно письмо в месяц. Потом Мосенков перестал говорить дружеским тоном. Он начал мне передавать небольшие суммы за оказанные услуги. Тогда-то я и подумал в первый раз о шпионаже. Предупредить полицию? Я колебался. Я зашел уже слишком далеко и боялся, что меня арестуют. Что тогда будет с моей женой и дочерью? Они останутся одни, без средств к существованию. Петля затянулась. Такой шпион, как я, остается один на один со своим страхом. Он не осмеливается поговорить с женой, с родителями или друзьями. Он один, совсем один".

Суд государственной безопасности, рассматривавший в январе 1978 года дело группы Фабиева, принял во внимание его смятение. Раймон Х. был осужден к двум годам тюрьмы, из них полтора с отсрочкой.

Что касается остальных членов группы, то заместитель прокурора Колетти потребовал примерного наказания. "Сурово осудив этих людей, – сказал он, – вы дадите понять остальным, тем, кто во тьме продолжает аналогичную работу, что их ждет". Генеральный прокурор Бетей был еще суровее: "Из этого зала я обращаюсь к тем, кто плетет гигантскую агентурную сеть, лишь одной из составляющих которой является группа Фабиева. Вы должны знать: если человек говорит о себе, что он француз, и продает большие и маленькие секреты Франции, то ему дорого будут стоить "радости белой кофирки" и служение советской стороне".

Ранее Дезире Паран, заместитель директора УОТ, пояснил: "Впервые после второй мировой войны мы видим группу ГРУ, полностью состоящую из французов. Ее целью было систематическое ограбление наших передовых технологий. Никогда во Франции мы не встречали ничего подобного, но уверены, что существуют, к несчастью, и другие, те, которых мы еще не обнаружили".

Исключительной группе – образцовое наказание. Сергей Фабиев приговорен к 20 годам тюрьмы, Марк Лефевр – к 15 годам, Джованни Ферреро – к восьми годам, а потом (через год, после обжалования приговора) его срок был сокращен до шести лет.

Дело Вальдимара Золотаренко (несколько лет спустя) во многом похоже на дело группы Фабиева. Также как и в случае с деловым человеком из SERGI, КГБ сыграл на русском происхождении этого нового агента, с тем чтобы заставить его служить матери-родине, даже если сегодняшний СССР и не имеет ничего общего с той Россией, которую столь чтит Золотаренко.

Для него первый контакт состоялся во второй половине дня в ноябре 1962 года на улице Бюси в Париже, в библиотеке "Глоб", специализирующейся на русских и советских книгах. Золотаренко, довольный тем, что есть возможность поговорить на родном языке, легко поддавался очарованию корреспондента ТАСС, который в лирических выражениях говорил о вечной России. Они встретились еще несколько раз, разговаривали о литературе, музыке, религии. Андрей Зыков, отлично подготовленный офицер КГБ (под журналистской крышей), сразу почувствовал слабое место этого сына эмигрантов. "Никогда в разговоре со мной он не произносил слов "Советский Союз" или "коммунистическая партия", – рассказывал Золотаренко на суде в феврале 1984 года, вспоминая четырех офицеров-агентуристов, которые вели его в течение 17 лет предательства.

От изящных искусств они в своих беседах незаметно переходили к политике. Тому способствовала и международная обстановка. Кубинский кризис, наглость американцев; при

каждом удобном случае "журналист" играл на самой чувствительной струне и бичевал непонимание западными странами того факта, что русский народ хочет только мира. Этим он просто приспособлялся к вкусам своего наивного слушателя то великолепное дихотомическое видение мира, которое свойственно советской идеологии. И это отлично срабатывает. Золотаренко оценил его речи. Вскоре он созреет для того, чтобы помочь Святой Руси расстроить планы противника, другими словами, для того, чтобы сотрудничать с СССР против стран Атлантического договора.

Вальдимар Золотаренко работал в Консультативной группе по научным исследованиям в области авиации – организации НАТО, специализирующейся на авиационных исследованиях и разработках. Он поступил туда шофером три года назад, в 1959 году. С тех пор он продвинулся до должности специалиста по множительной технике, делал фотокопии документов. Место весьма незначительное. Если не считать того, что Золотаренко получил допуск с пометкой "НАТО – весьма секретно", позволявший ему знакомиться с самыми секретными документами организации, чтобы копировать их. Это превзошло все ожидания Зыкова. Достаточно одной лишней фотокопии, чтобы удовлетворить советскую разведку. Чем и занимался Золотаренко вплоть до 20 октября 1980 года, когда его арестовало УОТ.

В 1964 году его нового офицера-агентуриста звали Валентин Львов. Он пользовался теми же идеологическими уловками, что и Зыков, усилив свой цинизм до того, что заставил Золотаренко подписать документ, в котором он обязывался служить Советскому Союзу. "Это напомнило то время, когда мне было восемь лет и я учился в кадетской школе в Версале. Мы принесли присягу на верность Царю и Отечеству, что вполне в славянском характере", – попробовал он оправдаться перед судьями.

Золотаренко в течение нескольких лет играл в шпионов по старым добрым правилам этого жанра. "Когда Львов хотел меня видеть, он чертил букву V на стене неподалеку от моего дома. Это означало: встреча в Пантен, улица Пре-Сен-Жерве, в третью среду месяца до 20 часов. Если я не мог прийти, то мелом рисовал крест на стене", – рассказал он на суде. Этот маневр осуществлялся два или три раза в год для передачи документов. Мелочи, пустяки, по его мнению. Не зная английского языка, рабочего языка НАТО, Золотаренко, вполне вероятно, не всегда понимал всю ценность и важность того, что он передавал КГБ: досье по "Дассо", "Мессершмитту", Национальному обществу конструирования и производства авиационных двигателей, биографические данные персонала (очень полезные для КГБ при вербовке новых агентов); все документы с грифом "НАТО-секретно", "НАТО-конфиденциально" или "НАТО – для ограниченного пользования", которые он должен был фотокопировать; "План 2000", в котором сведены в единый комплекс стратегические цели Атлантического договора (как гражданские, так и военные) на территории СССР в 2000 году, даже список участников ультрасекретного совещания в НАТО, прошедшего в Дании.

Подобная производительность не мешала, однако, Золотаренко думать, что его офицеры-агентуристы встречались с ним просто ради удовольствия. "Я заметил в них одну вещь, – говорил он. – Они навещали меня, чтобы просто поговорить. Мне казалось, что им скучно дома..." Что же касается 100 тысяч франков, которые он получил в обмен на документы, то это были "просто подарки к праздникам; так принято на Востоке".

Классическая система защиты. На деле Золотаренко не так уж невинен, как хотел показать. Если вначале он и попал в ловушку из-за своей ностальгии по Святой Руси, то, вероятнее всего, быстро понял, что КГБ использовал его чувствительность. Но каким образом можно остановить ужасные колеса? Однако прояви он хоть чуточку доброй воли, то в 1969 году мог бы это сделать. Вызванный в УОТ во время следствия по делу о румынской шпионской группе в НАТО (группе Карамана), он побоялся признаться в своем предательстве. Тогда его вызвали в контрразведку из-за дружеских отношений с Франсисом Д., который служил главным источником информации для Карамана внутри НАТО. Золотаренко поступил в консультативную группу НАТО по рекомендации самого Франсиса Д. Дружба эта его и погубит... Через 11 лет контрразведка вспомнит о ней. Когда в УОТ узнали благодаря перебежчику об утечке информации в организации, то Золотаренко стал

первым из подозреваемых. Через несколько недель расследования сомневаться в его виновности уже не приходилось.

7 февраля 1984 года Суд присяжных города Парижа приговорил этого мучимого ностальгией по прошлому человека к 10 годам тюремного заключения.

Западня для посла

Хорошо известному у себя в стране французскому преподавателю, очевидно, на всю жизнь запомнится его пребывание в Ленинграде в начале 50-х годов. Находясь на стажировке в одном из университетов бывшей столицы Российской империи, он стал жертвой чудовищной провокации со стороны советских спецслужб, которые хотели бы видеть в его лице своего агента. Надо сказать, что, будучи предупрежденным о возможных кознях, наш преподаватель был, как говорится, постоянно настороже. Он знал, что ему следует остерегаться всех и вся, даже (и в особенности) милых студентов, с которыми он постоянно общался. Его контакты с ними никогда не заходили дальше обычной беседы или предложения пообедать в университетской столовой. Несколько раз он отказывался от приглашений провести вечер в компании со своими знакомыми. Его образцовое поведение не давало ни малейшего повода для кривотолков. Но ведь и на старуху бывает проруха.

Однажды поздним вечером, когда этот преподаватель работал в своей комнате, кто-то постучал в его дверь.

– Кто там? – спросил он по-русски.

– Ольга, – ответил хорошо знакомый ему женский голос. Он принадлежал одной очаровательной студентке, с которой ему не раз приходилось работать в университете. – Откройте дверь, – умоляла молодая женщина. – Мне обязательно надо с вами поговорить.

– А вы не можете подождать до завтра? Я уже лег в постель, – попытался отговориться он.

– Нет, это очень срочно. Это вопрос жизни и смерти...

За дверью послышались ее всхлипывания.

Невозможно было оставаться безучастным к страданиям молодой женщины. Он поколебался еще несколько секунд. Рыдания между тем усилились.

Когда преподаватель открыл дверь, вид заплаканной Ольги вызвал у него неподдельную жалость. И тут он совершил ошибку, позволив ей войти в комнату.

Едва только закрылась дверь, как молодая женщина быстро скинула с плеч пальто. Под ним не было совершенно никакой одежды. Прежде чем наш бедняга пришел в себя от неожиданности, девушка истошным голосом закричала: "Помогите! Насилуют!"

"По случайности", как раз в это время, неподалеку находились трое милиционеров. Ловушка неумолимо захлопнулась.

В ближайшем отделении милиции ему дали понять, что положение крайне серьезно. По советским законам попытка изнасилования карается очень сурово. Преподавателя ожидало длительное тюремное заключение, не говоря уже о том, что оказалась затронута его честь.

Заявлять о своей невинности было бесполезно. Он решительно потребовал связаться с консульством Франции, хорошо понимая, что и в этом элементарном праве всех иностранцев, арестованных в чужой стране, ему также будет отказано. Он осознал весь трагизм своего положения после первых же криков Ольги. Но, отнесясь к своему положению философски, он приготовился выслушать те предложения, которые ему будут сделаны, чтобы затем, приняв их для видимости, попытаться вырваться из этого кошмарного водовила.

Спустя несколько часов, проведенных под стражей, ему был предложен компромисс: гуманное советское правосудие готово забыть его достойные осуждения порывы при условии, что со своей стороны он также проявит добрую волю. Для этого вполне бы подошли некоторые безобидные сведения о французских колониях в Ленинграде и в Москве, куда он зачастую ездил по делам. Ему дали также понять, что впоследствии, возможно, от

него потребуются еще кое-какие услуги.

Очевидно, убитый горем, наш бедняга с облегчением поторопился принять эти условия.

Едва оказавшись на свободе, он поспешил в консульство Франции, чтобы рассказать там о своих злоключениях. Несколько дней спустя ему удалось незаметно покинуть Советский Союз. Все это время никто с ним ни словом не обмолвился о КГБ, но он отлично понимал, что отныне въезд в СССР ему будет запрещен.

Хитроумный замысел провалился потому, что преподаватель принял единственно верное решение, заключающееся в немедленном извещении французских представителей о возникших чрезвычайных обстоятельствах. А сколько было французов, которые из-за стыда, по глупости или по незнанию попались в похожие ловушки? Надо думать, немало, если учесть, что это лишь один из наиболее предпочитаемых советскими спецслужбами методов вербовки иностранных агентов на территории страны.

Такой работой занимается Второе главное управление КГБ, в задачу которого входит наблюдение за советскими и иностранными гражданами на территории СССР. Около 30 тысяч офицеров и информаторов работают в его двенадцати отделах, службе политической безопасности, отделе охраны промышленных тайн и в группе технического обеспечения. В задачу отделов входит вербовка агентов среди иностранных дипломатов и осуществление контроля за советскими гражданами с целью предотвращения их нежелательных контактов с иностранцами. Распределение работы между отделами осуществляется по географическому принципу:

1-й отдел: США и Латинская Америка.

2-й отдел: Великобритания и страны Британского Содружества.

3-й отдел: ФРГ, Австрия, Скандинавские страны.

4-й отдел: все остальные европейские государства, включая и Францию.

5-й отдел: Япония, Австралия.

6-й отдел: развивающиеся страны.

7-й отдел осуществляет наблюдение за всеми иностранными туристами независимо от их национальной принадлежности.

В ведении 8-го отдела сосредоточена вся информация об иностранцах, находящихся на территории СССР.

9-й отдел занимается иностранными студентами (именно с работой этого отдела "посчастливилось" познакомиться нашему преподавателю).

И наконец, 10-й отдел ведает наблюдением и вербовкой (если это возможно) иностранных журналистов, работающих в Москве.

Два оставшихся отдела ведут работу среди советских граждан, выезжающих за границу, и проводят расследования наиболее крупных преступлений, связанных с коррупцией и хищениями на государственных предприятиях.

Все отделы, занимающиеся вербовкой иностранцев, работают в тесном контакте с Седьмым управлением КГБ, в котором насчитывается около пяти тысяч сотрудников. Данное управление также подразделяется на отделы по географическому принципу, как это сделано в рассмотренной выше схеме. Немного изменены функции четырех отделов:

7-й отдел: материально-технические средства наружного наблюдения (автомобили, телекамеры, фотоаппаратура, магнитофоны, оборотные зеркала...).

10-й отдел: наблюдение за общественными местами, посещаемыми иностранцами (парками, музеями, театрами, магазинами, вокзалами, аэропортами...).

11-й отдел: снабжение разного рода аксессуарами, необходимыми для ведения слежки (париками, специальной одеждой, другими предметами для маскировки и изменения внешности...).

12-й отдел: проведение особых операций, связанных с наблюдением за высокопоставленными иностранными гражданами.

Вся эта сложнейшая структура создает впечатление, что КГБ опутал всю страну не видимой простым глазом паучьей сетью, с тем чтобы попытаться поймать в нее неосторожных иностранцев. Можно, нисколько не преувеличивая, сказать, что все гостиницы, все общественные места находятся под тщательным наблюдением. Учитывая общую малочисленность городов, разрешенных для посещения иностранными дипломатами, бизнесменами, журналистами и просто туристами, создание столь гигантской и уникальной в своем роде системы контроля представляется относительно несложным делом.

Рассмотрим несколько примеров. Вы остановились в одной из гостиниц Москвы, Ленинграда или Киева. Вполне вероятно, что ваш номер нашпигован микрофонами. Некоторые комнаты оборудованы специальными зеркалами, позволяющими снимать наиболее интимные моменты вашей жизни. Горничная, круглосуточно дежурящая на вашем этаже, фиксирует все ваши передвижения. Она также может, в случае получения на то указаний, провести во время вашего отсутствия тщательный обыск в вашей комнате. Или смазать подошвы ваших ботинок особым веществом, позволяющим специально обученной собаке следить за всеми вашими передвижениями, несмотря на предпринятые вами ухищрения. Или посыпать ваши карманы специальным порошком, который будет обязательно присутствовать на всех отправленных вами письмах. Это делается для того, чтобы при необходимости их можно было легко отсортировать на почте и узнать их содержание. Если вы сядете в такси, водитель будет обязан по первому требованию компетентных органов сообщить о маршруте вашей поездки. Если вы возьмете напрокат какую-нибудь машину, ее легко можно будет оснастить специальным устройством для слежки с большого расстояния. Если вы сядете в автобус, поезд или самолет, работники транспорта обязательно сообщат по первому требованию контролирующих инстанций о цели вашей поездки.

Конечно, речь не идет об обязательном использовании подобных методов наблюдения в отношении каждого иностранца. Ежегодно СССР посещают десятки тысяч иностранных граждан (в основном организованным порядком), не привлекая к себе особого внимания со стороны КГБ. Но весь этот механизм постоянно присутствует и в случае необходимости может быть мгновенно приведен в действие. Для чего? Прежде всего, чтобы быть в курсе, кто и чем занимается, то есть чтобы контролировать и предупреждать все несанкционированные контакты с советскими гражданами. А также для того, чтобы выявить возможные уязвимые стороны у интересующего КГБ иностранца. Для этого советские спецслужбы располагают на его пути разного рода "соблазны": спиртное, наркотики, женщин, мужчин... Если это срабатывает и он попадает в ловушку, с помощью шантажа можно легко добиться от него согласия сотрудничать.

Такая форма вербовки существует не только в шпионских романах. И кстати, немало иностранцев попадают на такие уловки, несмотря на многочисленные предупреждения. Небольшая сигарета с марихуаной в стране, где самым строгим образом наказывается любое употребление наркотиков, любовница для женатого мужчины (особенно когда можно пошантажировать с абортom), любовник для одинокой секретарши, партнер-гомосексуалист для проявляющих к тому определенную склонность мужчин – все эти "трюки" проходят даже с выходцами из высокоразвитых западных государств, отличающихся чрезвычайно либеральными нравами.

Один офицер КГБ, попросивший в 1963 году политического убежища в США, подробно описал исключительно сенсационную операцию такого рода, проведенную в отношении высокопоставленного дипломата, работавшего в Москве. Речь идет о после Франции в СССР Морисе Дежане, занимавшем этот пост с 1955 по 1964 год. Свидетельства упомянутого перебежчика, Юрия Кроткова, лично участвовавшего в этой операции, тщательно изучались в американском сенате в ноябре 1969 года. На основании его

свидетельств, а также после длительных личных бесед с самим Кротковым журналист и писатель Джон Бэррон подробно описал проведенную акцию в своей книге "КГБ: тайная работа советских секретных агентов", являющейся на сегодняшний день лучшим произведением о советских спецслужбах. Прежде чем опубликовать эту историю, он уточнил полученные сведения у самого Мориса Дежана. Вот лишь основные ее моменты, приведенные в книге Бэррона:

"КГБ предпринял одну из наиболее значительных со времен второй мировой войны операций в надежде внедрить своего агента в самые верхние эшелоны французской власти. Русские надеялись поставить рядом с генералом де Голлем человека, который был бы способен направлять политику Франции таким образом, чтобы нанести максимальный ущерб всему западному блоку. Более сотни офицеров и агентов КГБ (среди которых были и блистательные интеллектуалы, и элегантные проститутки) участвовали в этом заговоре, приведшем к настоящей осаде посольства Франции и смерти одного почтенного гражданина Франции. Операция шла полным ходом, когда ее главный исполнитель со стороны КГБ неожиданно покинул страну и открыто выступил со своими разоблачениями. Благодаря этой информации, подтвержденной и уточненной затем другими перебежчиками, а также на основании проведенного самими западными спецслужбами тщательного расследования стало возможным воссоздание всего хода грандиозного проекта, направленного на заманивание посла в подготовленную ловушку с целью его последующей вербовки.

В один из особенно теплых июньских дней 1956 года Юрий Васильевич Кротков был приглашен в гостиницу "Москва" для встречи со своим непосредственным начальником, полковником КГБ Леонидом Петровичем Кунавиным. Высокий шатен с карими глазами и суровым лицом, Кунавин был известен особым рвением и жестокостью. Во время одного футбольного матча Кротков видел, как он избил двух болельщиков, которые оскорбляли команду КГБ. Он отличался фантастической работоспособностью, а его истинной страстью были интриги КГБ.

За последние годы Кроткову приходилось участвовать в стольких операциях КГБ, что, казалось, его вряд ли чем можно было удивить. И все же он удивился, когда услышал от Кунавина, что КГБ собирается подкупить посла Франции. "Приказ получен от высшего руководства, – сообщил полковник, явно воодушевленный столь дерзким планом. – Сам Никита Сергеевич [Хрущев] хотел бы, чтобы француз попался в нашу ловушку".

Кротков поинтересовался, кто был послом Франции. "Его зовут Морис Дежан, – ответил Кунавин. – Нам о нем все известно".

И в самом деле, КГБ располагал самой исчерпывающей информацией о нем. С момента начала второй мировой войны, когда Дежан занимал важные посты в эмигрантском правительстве генерала де Голля в Лондоне, КГБ завел на него персональное досье. Оно постепенно увеличивалось благодаря сведениям, полученным советскими разведчиками в Нью-Йорке, Париже, Лондоне и Токио, то есть в городах, где приходилось работать Дежану. После приезда посла и его жены в Москву в декабре 1955 года КГБ установил за ним постоянное наблюдение. Микрофоны, спрятанные в квартире и в здании посольства, улавливали все их разговоры, включая и самые интимные из них. Русский шофер, предоставленный в распоряжение посла по линии МИД СССР, являлся информатором КГБ, так же как и личная служанка госпожи Дежан. Во время дипломатических приемов офицеры КГБ, представленные как мидовские чиновники, могли, что называется, вплотную наблюдать за поведением супружеской четы. И тем не менее, несмотря на столь долгую и кропотливую работу, специалисты КГБ не смогли выявить у Дежана ни малейшей предрасположенности к предательству. Впрочем, было замечено, что пятидесятилетний посол, элегантный мужчина и умница, был не совсем безразличен к женскому очарованию. И это не могло не сделать его потенциальной жертвой КГБ.

В подобного рода операциях Юрий Кротков был настоящим специалистом. С момента окончания войны он попытался завлечь в свои ловушки довольно внушительное количество иностранных дипломатов и журналистов из таких стран, как США, Австралия,

Великобритания, Канада, Франция, Индия, Мексика, Пакистан и Югославия.

Драматург и сценарист по образованию, Кротков не был кадровым разведчиком. Но можно сказать, он с самого детства находился в постоянной связи с органами государственной безопасности. Начальное образование он получил в Тбилиси, где его отец работал художником, а мать – актрисой. В 1936 году отец нарисовал портрет Лаврентия Берию, бывшего тогда руководителем Компартии Грузии. Работа Берия была высоко оценена самим Сталиным, который вскоре назначил его руководителем службы государственной безопасности (НКВД, в 1954 году переименованного в КГБ). Его портрет можно было встретить во всех уголках страны, и вплоть до самой смерти художника Берия оставался его покровителем.

Приехав в Москву для поступления в литературный институт, Кротков попытался отыскать старых друзей своих родителей, работавших в органах государственной безопасности, и попросить их помощи. В 1941 году, когда немецкие войска находились на самых подступах к Москве, его вместе с другими студентами эвакуировали из города. Вернувшись спустя восемнадцать месяцев в столицу, он обнаружил, что его комната занята другой семьей. После обращения в органы НКВД он добился ее выселения. С той же помощью Кротков был принят на работу, сначала в ТАСС, а позднее – на Московское радио.

В 1946 году Кротков еще больше сблизился со спецслужбами, после того как у него появились первые контакты с иностранцами. В 28 лет он согласился стать одним из бесчисленных секретных агентов НКВД. Таким образом, он смог продолжить изучение литературы, так как, чем больше у него было дипломов, тем полезнее он считался для органов госбезопасности. Но с этого момента он больше уже не мог считать себя независимым по отношению к своим покровителям.

Как писатель, интеллигент и друг семьи Бориса Пастернака, Кротков был хорошо принят среди иностранных дипломатов, работавших в Москве. Этот высокий худощавый мужчина с темно-русыми волосами и выразительными чертами лица мог свободно вести беседы как на русском, так и на английском языках по самым разнообразным темам, будь то искусство, история или руководители страны. Он уже вполне научился использовать стремление иностранцев расширять свои контакты с советскими гражданами.

В качестве первых заданий Кротков должен был вербовать красивых девушек, которые могли бы быть использованы спецслужбами для заманивания иностранцев. Он набирал их главным образом среди актрис, с которыми ему постоянно приходилось сталкиваться по работе. В качестве поощрения им обещали лучшие роли, деньги, красивую одежду или немного свободы и развлечений – все то, что отсутствовало в обычной жизни. Подобные сотрудники назывались "ласточками". Для выполнения заданий они использовали так называемые ласточкины гнезда – специально оборудованные двухкомнатные квартиры. В одной комнате девушка соблазняла иностранца, которого она должна была затем скомпрометировать, а в другой специалисты разведслужбы фиксировали все происходящее на фотопленку.

Два дня спустя после объявления о начале операции Кунавин снова вызвал к себе Кроткова для передачи ему некоторых уточнений. "Посол – наша главная цель, – объяснил он, – но нас также интересует помощник военно-воздушного атташе".

Кунавин подробно рассказал о прошлом посла и его жены, при этом он неоднократно цитировал целые фразы из их бесед, записанных с помощью подслушивающих устройств.

Через несколько дней Кунавин познакомил Кроткова с другим секретным сотрудником КГБ, который должен был соблазнить жену помощника военно-воздушного атташе. Этим человеком был Михаил Орлов – известный актер и певец, идол московской молодежи. Высокий рост и цыганская внешность делали его первоклассным соблазнителем, и эти его качества зачастую использовались для заманивания в ловушку иностранных представительниц слабого пола. Незадолго до того КГБ предоставил ему квартиру в качестве вознаграждения за оказанные услуги при проведении операций с американками.

На третьей встрече присутствовал Борис Черкашин – молодой лейтенант КГБ, который

выдавал себя за дипломата и проходил под фамилией Карелин.

Несколько месяцев назад Черкашин и Орлов получили приказ сопровождать группу французов, направлявшихся к Черному морю, играя одновременно роль отпускников-холостяков. Там Черкашину "случайно" удалось познакомиться с госпожой Дежан, и по возвращении в Москву ему уже довольно часто приходилось с ней встречаться на официальных приемах. К тому времени КГБ посчитал, что уровень их знакомства вполне достаточен, чтобы он мог пригласить ее на прогулку со своими друзьями и поближе свести ее с Кротковым. Проконсультировавшись со своим мужем, госпожа Дежан приняла приглашение, уточнив, что она поедет вместе с двумя своими подругами.

Сценарий прогулки был разработан Кунавиным и Кротковым самым тщательным образом. В их распоряжение был передан милицейский катер вместе с милиционером, которому предстояло отвезти всю компанию на Химкинское водохранилище. Катер был предварительно перекрашен и основательно переоборудован, для того чтобы не догадаться о его функциональной принадлежности. В специализированных магазинах КГБ были закуплены вина, сыры, фрукты, пирожные, а также солидное количество шашлыка.

Едва катер отчалил от пристани, Кротков, как предусматривал план операции, завел непринужденный разговор с госпожой Дежан.

"Расскажите о ваших впечатлениях о Советском Союзе", – попросил он.

"Мы просто восхищены, – ответила госпожа Дежан. – Все, с кем мы встречались, оказались так любезны. Недавно у меня была долгая беседа с Шепиловым (Дмитрий Шепилов – министр иностранных дел СССР с июня 1956 по май 1957 года), он мне показался довольно обаятельным мужчиной".

Катер пристал к небольшому пустынному острову, где чекисты вместе со своими гостями прекрасно провели время, прогуливаясь по берегу, купаясь и дегустируя блюда с кухни КГБ.

На обратном пути благодаря выпитому вину и коньяку все смеялись и пели.

Когда катер причалил к городской пристани, госпожа Дежан, обращаясь к своим друзьям, сказала:

"Мне хотелось бы поблагодарить вас за вашу любезность и пригласить всех 14 июля в посольство на празднование Дня взятия Бастилии".

Руководство КГБ расценило это приглашение как крупный успех. Черкашин, который во время своего последнего пребывания в Париже "засветился" как советский разведчик, отказался от приглашения. Кротков и Орлов пообещали прийти.

Во время приема госпожа Дежан сразу же представила их своему мужу, который проявил в разговоре довольно сносное знание русского языка. Хотя посол не был ни высок ростом, ни красив лицом, по его живой взгляд, здоровый цвет лица и седеющие волосы свидетельствовали о нем как о человеке достаточно порядочном и уравновешенном. Чуть позже Кротков обратил внимание на то, как Дежан вместе с Хрущевым (который присутствовал на приеме в качестве почетного гостя) пили шампанское, обмениваясь шутками и время от времени, смеясь, по-дружески обнимали друг друга.

Вечер закончился новым успехом Кроткова: госпожа Дежан и ее подруги согласились принять участие в пикнике, который должен был состояться на следующей неделе.

Руководители КГБ приняли необходимые меры, чтобы подготовить к осени свой "второй фронт". Это был один из основных этапов плана, который предусматривал появление в посольстве Франции человека, отвечавшего за весь ход операции: генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова, руководителя Второго главного управления КГБ.

Коренастый, с обозначившейся лысиной, всегда в мятых брюках и в очках без оправы, Грибанов был похож на типичного представителя советской бюрократической системы. В тот период он считался довольно смелым теоретиком, одним из семи или восьми наиболее влиятельных руководителей КГБ. За организацию и проведение массовых арестов в ходе венгерского восстания 1956 года он был отмечен наградой (вместе с Кунавиным) за "особые заслуги перед социализмом". Блестящий расчетливый ум и чрезвычайное самолюбие

снискали ему славу "маленького Наполеона".

Чтобы ввести в заблуждение чету Дежан, Грибанов должен был предстать под именем Олега Михайловича Горбунова, "одного из ответственных работников Совета Министров". Ему надлежало появиться в сопровождении своей "супруги" – майора КГБ Веры Ивановны Андреевой.

В его планы входила организация встречи с супругами Дежан при посредничестве своей "жены": это выглядело бы более естественно. Кроме того, решено было воспользоваться услугами двух известных "помощников" КГБ: Сергея Михалкова, писателя, одного из авторов Государственного гимна СССР (который в 1970 году стал председателем Союза писателей России) и его жены, Натальи Кончаловской, автора популярных рассказов для детей. Во время одного из дипломатических приемов майор Вера была представлена в качестве "госпожи Горбуновой, переводчицы при министерстве культуры, супруги высокопоставленного работника из Совета Министров".

Пухленькая, словно матрона, Вера свободно говорила по-французски благодаря тому, что в течение долгого времени работала в Париже. Ее теплые воспоминания о Франции очень понравились супругам Дежан. Она много рассказывала о своем "муже", представляя его человеком, чрезвычайно обремененным государственными делами, одним из приближенных советских руководителей. С такого рода людьми был бы не прочь познакомиться любой посол. И поэтому супруги Дежан с огромной радостью приняли приглашение встретиться с семьей Горбуновых.

Чтобы оказать достойный прием послу, по приказу КГБ были реквизированы и соответствующим образом обставлены просторные апартаменты, которые должны были служить московской квартирой Горбуновых. Кроме того, сам председатель КГБ, Иван Александрович Серов, передал для нужд операции свою дачу в Куркино-Машкино, которая располагалась в 20 километрах от столицы. Она представляла собой старинную бревенчатую избу с портиками, резными оконными рамами и огромными комнатами. Эта дача стала местом восхитительных встреч, на которые семья Горбуновых, специально для своих французских друзей приглашала писателей, художников, актеров и актрис, а также некоторых "политиков". На самом же деле все они были агентами КГБ, или "ласточками". Время от времени Грибанов сообщал послу некоторые подлинные сведения, которые могли бы быть ему полезны, в то время как Вера возила по экскурсиям его жену "для знакомства со страной".

Все это время Кротков с помощью своих агентов продолжал встречаться с госпожой Дежан.

К началу 1958 года, то есть спустя полгода после начала операции, ни один из подготовленных планов по компрометации французского посла так и не был реализован. Единственным серьезным козырем в игре оставалась дружба между Кротковым и госпожой Дежан. Поэтому Грибанов решает воспользоваться успехами Кроткова, чтобы подготовить ловушку для посла.

Женщину, которую Грибанов выбрал для этой цели, звали Лидия Хованская. Разведенная, на вид лет 30, веселая и чувствительная по натуре, она приобрела западные манеры и вполне приличное знание французского языка, живя долгое время в Париже, где ее муж работал дипломатом. Грибанов воспользовался стремлением супругов Дежан расширять свои связи, с тем чтобы внедрить Лидию в их окружение.

Грибанов попросил в министерстве культуры организовать эксклюзивную постановку балета "Жизель", пригласив на нее посла для того, чтобы тот смог познакомиться с выдающимися деятелями советского кино. Кротков, назначенный распорядителем встречи, подготовил список приглашенных. Среди прочих там значилась "Лидия Хованская, переводчица". Чтобы придать особый блеск этому вечеру, руководство КГБ пригласило на него нескольких балерин Большого театра, среди которых была знаменитая Майя Плисецкая.

Во время представления, которое проходило в одном из старинных зданий в Гнезниковском переулке, Лидия, как никогда восхитительная и благоухающая, сидела

неподалеку от господина посла. Затем она присоединилась к Кроткову, чтобы помочь ему в качестве переводчицы в его беседе с госпожой Дежан.

Через три дня Кротков позвонил госпоже Дежан, чтобы пригласить ее на новую встречу. "В пятницу я организую ужин, – начал он. – Господин посол произвел большое впечатление на моих друзей, и вы бы оказали мне большую честь, если бы смогли убедить его прийти на этот вечер".

Для проведения операции КГБ снял главный зал ресторана "Прага" и выложил на угощение 900 рублей. Хотя вечер организовывался с единственной целью предоставить Лидии еще одну возможность попытаться соблазнить посла, Кунавин и Кротков попутно познакомили его с двумя другими "ласточками": Надей Чередниченко и Ларисой (Лорой) Кронберг-Соболевской.

За полчаса до начала ужина Кунавин разместил своих людей по всему ресторану для наблюдения за ходом вечера и предотвращения любых неожиданностей. Лидия, Надя и Лора были восхитительны. Известный сценарист Георгий Мдивани, также работавший на КГБ, играл роль этакого бунтаря и весь вечер произносил за столом довольно дерзкие и насмешливые тосты в адрес социализма. Дежан вел себя как настоящий дипломат, а также как учтивый и искусный танцор. Ему настолько понравился вечер, что он решил пригласить всю компанию посетить посольство на следующей неделе.

Во время ужина в посольстве супруги Дежан показали себя такими хлебосольными хозяевами дома, что Кротков, Мдивани и три "ласточки" чуть было не позабыли о своем задании. Испытывая самое искреннее удовлетворение от того, что они находятся среди русских людей, которых они считали своими самыми близкими друзьями, посол вместе со своей супругой показали гостям внутреннее убранство здания посольства, прекрасно обставленного старинной французской мебелью.

Спустя какое-то время Вера пригласила госпожу Дежан совершить небольшую поездку по стране. Кротков же тем временем позвонил послу. "Один старый друг моей семьи, грузинский художник Ладо Гудиашвили, организует свою выставку в Москве. В свое время он обучался во Франции и безумно полюбил вашу страну. Теперь это уже старый человек, и для него было бы очень важно, если бы вы смогли посетить его выставку в ближайшее воскресенье".

Посол согласился и приехал на выставку в черном посольском "шевроле", за рулем которого сидел водитель из КГБ. Там он присоединился к Кроткову и Лидии и с удовольствием принял предложение, чтобы она помогла ему в качестве переводчицы. Дежан высказал несколько хвалебных замечаний старому художнику, который в то время находился в немилости у властей, так как в его картинах, излишне романтических, не хватало "социалистического реализма".

В тот момент, когда Дежан уже собирался было покинуть выставку, Лидия попросила его проводить ее до дома и пригласила выпить с ней по чашечке кофе.

На следующее утро Кротков позвонил Кунавину. "Посол проводил Лидию до ее дома".

Руководители КГБ совершенно не собирались использовать этот факт в качестве средства шантажа.

"Продолжайте укреплять отношения, но не будьте слишком назойливы", – приказал Кунавин. Лидия постаралась в точности исполнить это указание. Во время официальных приемов, на которых число членов группы Кроткова становилось все больше и больше, она стремилась выглядеть достаточно любезной и почтительной по отношению к послу.

В мае 1958 года заговор против посла принял неожиданный для КГБ оборот. Советские разведчики в Париже предупредили, что вскоре генерал де Голль должен снова вернуться к власти. Руководители КГБ предполагали, что в таком случае Дежан, продолжая оставаться одним из приближенных генерала, неминуемо должен получить важный государственный пост. "Эта операция всегда имела для нас важное значение, – говорил Кунавин Кроткову. – Теперь ее значимость увеличилась в десятки раз".

В июне, во время одного из вечеров в посольстве, на котором присутствовал и Кротков,

Дежан провозгласил тост за генерала де Голля и новую великую эру, которую тот пророчил Франции.

Кротков считал, что КГБ в ближайшее время захлопнет ловушку с Дежаном. Каково же было его удивление, когда Кунавин ему объявил: "Мы должны вывести Лидию из игры".

"Что?" – воскликнул Кротков.

"Она в этом не виновата, ошибку совершили мы, – заметил спокойно Кунавин. – Для успеха нашей операции следовало, чтобы женщина была замужем. К несчастью, муж Лидии был довольно известен в Париже, и в посольстве, несомненно, есть люди, которые знают, что они разведены".

Он приказал Лидии предупредить Дежана, что она должна на некоторое время покинуть Москву, чтобы участвовать в съемках какого-то фильма. В качестве замены Грибанов решил остановить свой выбор на одной из актрис, которая в свое время уже представлялась послу: это была Лариса (Лора) Кронберг-Соболевская.

По легенде КГБ, она была замужем за геологом, который большую часть года проводил в экспедициях в Сибири. Грибанов посоветовал Лоре, чтобы та в своих разговорах с Дежаном представляла мужа чрезвычайно жестоким и патологически ревнивым человеком.

После "отъезда" Лидии Лора снова стала появляться на приемах, организованных Кротковым в честь французского посла. Отношения последнего с молодой женщиной стали более последовательными, чем те, которые у него были с Лидией.

Когда госпожа Дежан уехала на отдых в Европу, Грибанов решил воспользоваться случаем, чтобы завершить операцию, длившуюся к тому времени уже более двух лет.

Лоре было приказано прекратить дней на десять все контакты с послом. Грибанов же в это время вызвал в Москву одного татарина по имени Миша, который использовался КГБ в качестве профессионального убийцы, и отозвал Кунавина из отпуска.

Были организованы специальные посты наблюдения, а технари из КГБ установили специальную аппаратуру в квартире, примыкавшей к той, где было намечено проведение операции.

Грибанов собрал свою группу в одном из номеров гостиницы "Метрополь". В нее входили: Кунавин, Лора, Вера и еще несколько агентов КГБ. Расположившись за богато уставленным столом, он давал им последние инструкции. "Я хочу, чтобы вы его сломили, – сказал Грибанов Кунавину и Мише. – Сделайте так, чтобы он понастоящему почувствовал боль. Наведите на него ужас. Но Боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас засажу тогда в тюрьму".

На следующее утро Кротков вместе со своей "очень хорошей знакомой" Аллой Голубовой, а также Дежаном и Лорой отправились за город. Оба автомобиля находились под самым пристальным наблюдением КГБ. В конце концов Кротков нашел для пикника какую-то лесную опушку, возвышавшуюся над небольшим ручьем.

Тем временем Грибанов, Кунавин и Миша, находившиеся в соседней с Лориной квартире, получали донесения от своих агентов, скрывавшихся в лесу. Миша, игравший роль мужа Лоры, и Кунавин, его "друг", были одеты как настоящие геологи: ботинки с шипами, за плечами – рюкзаки.

Часа в три дня Кротков предложил вернуться в город, чтобы продолжить там свой отдых.

Как только они оказались в квартире Лоры, что располагалась в доме N2 по Ананьевской улице, она им объявила: "Я получила телеграмму от моего мужа: он завтра возвращается в Москву".

Слушая шум, доносившийся из квартиры Лоры, Грибанов с нетерпением ждал условленного сигнала. "Почему она не говорит пароль?" – непрерывно повторял он. Наконец она произнесла долгожданное слово: "Киев". И сразу же Миша вместе с Кунавиным бросились в соседнюю квартиру.

Они набросились на Дежана и принялись его с остервенением лупить. Кунавин, ненавидевший французов, наслаждался сполна этим занятием. Немного перепало и Лоре.

Во время всего этого спектакля, она плакала и кричала: "Прекратите! Вы сейчас его убьете! Это же посол Франции!" Со своей стороны Миша орал, что он подаст на обидчика в суд.

Дежану в конечном счете все-таки удалось в сопровождении своего шофера спешно покинуть место сражения.

Квартира Лоры после этого события напоминала раздевалку футбольной команды, только что завоевавшей кубок чемпионов: шампанское лилось рекой в фужеры и на пол.

В тот же вечер Дежан отправился на дачу Серова на званый ужин. Его там ждали как желанного гостя те, кто три часа тому назад устроил ему хорошую взбучку. Этот ужин был специально организован Грибановым, выступавшим в роли Горбунова: руководство КГБ хотело предоставить Дежану возможность самому попросить помощи, в которой он отчаянно нуждался.

Посол, испытав сильнейшее потрясение, за весь вечер ничем не выдал своего волнения. Только перед самым уходом он отвел Грибанова в сторону и произнес те слова, которые так долго ожидали в КГБ. "У меня серьезные неприятности. Мне нужна ваша помощь". Он рассказал о своих злоключениях и попросил вмешаться, чтобы муж Лоры забрал свою жалобу.

Руководство КГБ наградило Кунавина еще одним орденом Красной Звезды. Не остались без внимания и заслуги Кроткова. Был организован великолепный ужин в одном из залов ресторана "Арагви". В промежутках между закусками, подачей цыплят и сыров – все обильно сдобренное грузинскими винами и лучшими коньяками – несколько генералов КГБ воспроизводили вместе с Кунавиным и Кротковым основные этапы "плана Дежана". В конце ужина один из генералов взял слово: "Эту операцию можно отнести к разряду наиболее блистательных, когда-либо проведенных органами государственной безопасности. Без вашего активного содействия, Юрий Васильевич [Кротков], мало вероятно, чтобы нам удалось достичь цели".

Генерал сделал паузу и вытащил из кармана наручные часы "Докса", целиком изготовленные из золота (они были конфискованы у одного иностранца). "От имени Комитета государственной безопасности и Совета Министров СССР я с удовольствием вручаю вам этот подарок. Рассматривайте его как знак благодарности за вашу патриотическую деятельность. Сожалею только, что мы не можем выгравировать на этих часах ту причину, по которой они вам вручены".

Тайна, в которую были посвящены Грибанов и Дежан, привела к установлению особых отношений между ними. Посол чувствовал себя одновременно признательным и обязанным генералу: "муж" Лоры в конце концов согласился "замять" дело.

Пока стратегия КГБ заключалась в управлении этими дружескими связями. Чем ближе были их отношения, тем легче впоследствии было нанести заключительный "укол".

Грибанов старался больше не напоминать Дежану о той кошмарной истории. Что же касалось посла, то он и в мыслях не мог допустить, что его дорогой друг Горбунов, к которому он испытывал абсолютно полное доверие и с которым консультировался по всем вопросам, был в действительности руководителем Второго главного управления КГБ. Для Дежана было вполне нормальным обсуждать со своим русским другом поступки и качества других западных дипломатов, с которыми он встречался в Москве, пересказывать их беседы. Также было нормальным явлением то, что он передавал в Париж информацию, полученную от своих русских друзей.

Так как Грибанов не мог все свое время заниматься одним только Дежаном, он взял себе в помощники красивого и элегантного офицера КГБ Алексея Сунцова. Когда в мае 1960 года Дежан отправился в Париж на конференцию "четверки" (собрав представителей США, СССР, Франции и Великобритании для поиска путей урегулирования кризиса, возникшего вследствие уничтожения американского самолета-шпиона "У-2" над территорией Советского Союза, эта конференция закончилась неудачей), Сунцов также отправился вслед за ним. По возвращении в Москву он всегда был рядом с Дежаном, если у Грибанова были другие

неотложные дела. Однажды, когда Сунцов неожиданно заболел и надо было ехать на прием, организованный индийским посольством в одной из московских гостиниц, Грибанов взял себе в помощники Юрия Носенко (который в июне 1962 года попросил политического убежища в Женеве). У индийцев было не принято подавать спиртное, но у официантов, которые все были агентами КГБ, имелся некоторый запас водки, разлитой в безобидные бутылки из-под минеральной воды. Заметив Дежана, Грибанов приказал, чтобы ему принесли одну из таких бутылок. Двое мужчин, улыбаясь друг другу, распили ее в стороне от шумных компаний, как два старых злоумышленника.

Все это время многочисленные агенты КГБ пытались найти себе жертву среди сотрудников посольства. Предпринимались неоднократные попытки добиться здесь успеха, хотя руководство КГБ отлично понимало, что шансы в этом плане у них невелики. Кротков, к примеру, получил приказ соблазнить одну маленькую секретаршу, но она даже отказалась от встречи с ним. Несмотря ни на что, КГБ продолжал вести подрывную работу и прощупывать сотрудников посольства. Летом 1961 года советской разведке все же удалось отыскать слабое звено – это был военный атташе. Но, очень быстро разобравшись в махинациях КГБ, французский полковник предпочел пустить себе пулю в висок прямо в своем кабинете в посольстве.

Самоубийство полковника вызвало панику во Втором главном управлении КГБ. Все боялись, как бы он не оставил записки, объяснявшей, в какую ловушку он угодил. Как только стало известно, что эти опасения напрасны, руководство КГБ вздохнуло с облегчением и приказало распустить слух среди работников дипкорпуса, что военный атташе решился на такой шаг, находясь в состоянии нервной депрессии.

Для Кроткова смерть полковника была не самоубийством, а убийством. Он еще больше укрепился в своем решении, вынашиваемом в течение последних месяцев: покончить с этой жизнью посредством писателя, с этими постоянными предательствами, со всей этой грязной моралью. Он начал тайно вести записки и снимать на микро пленку историю своих связей с КГБ. Одновременно он искал возможность покинуть Советский Союз.

2 сентября 1963 года он вместе с другими писателями и художниками прибыл в Лондон в составе небольшой туристической группы. Через 11 часов после приезда он покинул дешевый лондонский отель, в котором разместилась советская делегация. Затерявшись в толпе на улице Бейсуотер, он направился в сторону Гайд-парка, где его следы окончательно исчезли. В тот же вечер, находясь под самой надежной охраной, он начал передавать свои секреты представителям британских спецслужб. Полученная информация ошеломила их. Тут же был приглашен один из руководителей французской контрразведки. После двухчасовой беседы француз оказался настолько встревожен, что немедленно выехал в Париж, чтобы в срочном порядке представить свой доклад на самом высоком уровне. Он добился конфиденциальной встречи с одним из ближайших соратников де Голля. Спустя некоторое время, обеспокоенный, но решительный, генерал лично отдал приказ самым тщательным образом разобраться во всей этой истории и добраться до истины, какой бы суровой она ни была.

Англичане, американцы и французы внимательно изучили показания Кроткова, так как они затрагивали проблемы, одинаково важные для всех трех стран. Говорил ли перебежчик правду? Если да, то не продвинулся ли КГБ в "деле Дежана" дальше, чем это было известно Кроткову? И не является ли перебежчик одним из агентов КГБ, посланных на Запад с целью испортить отношения между союзниками и отвлечь внимание служб контрразведок западных стран, бросив тень на невиновного человека?

9 февраля 1964 года парижская газета "Монд" сообщила, что посол Морис Дежан отозван из Москвы. В статье отмечалось, что расставание проходило "в сердечной обстановке, сложившейся во многом благодаря личным связям, которые господин Дежан установил с советскими руководителями за те восемь лет, что он провел в стране". Так как он уже довольно долго работал в Москве, никто не удивился его отъезду.

После возвращения во Францию Дежан был подвергнут (в обстановке полной

секретности) самому строгому допросу со стороны офицеров контрразведки. Были тщательно изучены все дипломатические депеши из Москвы, опрошены все сотрудники, упоминавшиеся Кротковым.

Проанализировав собранные данные, французская служба безопасности пришла к выводу, что история с Кротковым в основном была подлинной. Но ей не удалось найти ни малейшего факта, свидетельствующего о преднамеренности в действиях Дежана по отношению к Франции. КГБ переоценил степень его влияния на де Голля. Слишком надеясь на то, что Дежан займет какой-нибудь пост в правительстве, который де Голль вовсе не собирался ему доверять, КГБ потерпел здесь неудачу.

Убедившись в правдивости рассказа Кроткова, англичане, которые пока продолжали держать его в тюрьме, должны были решить его судьбу. Перебежчик неумолимо твердил, что он оставил свою страну, чтобы покаяться и рассказать все о своих поступках.

Эксперты из западных контрразведок были обеспокоены возможными последствиями этой истории. С явной тревогой они констатировали тот факт, что КГБ неумолимо продолжает двигаться к главной своей цели: добиться раскола между Францией и странами Атлантического союза. В Париже агенты КГБ постоянно пытались пробудить у де Голля старые обиды, которые он испытывал при общении – не всегда безоблачном – с англосаксами.

В то же самое время, когда Кротков передавал свои секреты, агенты КГБ стремились убедить де Голля, что американцы и англичане плетут интриги за его спиной. Англичане опасались, как бы обнародование этой истории не убедило де Голля в том, что речь идет о заговоре против него и что кто-то стремится задеть генерала, связав его имя со скандалом, в котором оказался замешанным его друг. Поэтому они потребовали от Кроткова полного молчания.

В Париже де Голль, изучив отчет службы контрразведки, пригласил своего старого друга в Елисейский дворец. Сняв очки и взглянув на него с высоты своего огромного носа, генерал принял отставку Дежана, заметив: "Итак, Дежан, пора на покой!"

Кунавин был уволен из органов КГБ еще до предательства Кроткова за алкоголизм и взяточничество. Грибанов помог ему устроиться администратором в гостиницу "Интурист", специально предназначенную для приема иностранцев.

Что касается Грибанова, этого "героя" Будапешта и мастера всякого рода ловушек, то он исчез в глубинах КГБ, и Горбунов, его двойник, также прекратил свое существование вместе с ним.

Дежан уединился в своей уютной парижской квартире. Он отказался от всяких комментариев и свидетельств по поводу того, что произошло в Москве. Но позднее он стал президентом Франко-советского общества по промышленному сотрудничеству, продолжая навещать в Советский Союз.

Кротков опубликовал свою книгу о жизни в Советском Союзе, ни словом не упомянув о своем сотрудничестве с КГБ. В 1969 году подкомитет сената по вопросам безопасности пригласил его в Вашингтон для дачи свидетельских показаний по различным делам, в том числе и по "делу Дежана". С тех пор он обосновался в Соединенных Штатах, занимаясь писательской работой. В ходе моих многочисленных бесед с ним мне показалось, что теперь он больше занят рассуждениями о смерти и потребности в Боге. "Я знаю, что нас ожидает Страшный суд. И не рассчитываю на милость", – сказал он.

Некоторые из его друзей утверждают, что в последние годы он нашел новый смысл в своей жизни. Франция и другие демократические страны обязаны ему многим".

На этом заканчивается рассказ Джона Бэррона.

Морис Дежан, похоже, не был сердит на советских людей за их козни. Спустя немного времени после своего отъезда из Москвы он стал одним из руководителей ассоциации "Франция-СССР", где проявил себя активным сторонником улучшения взаимоотношений между двумя странами. Параллельно он выступал за развитие экономического сотрудничества с СССР. Он был назначен генеральным директором одного небольшого

завода по производству часов "Слава", созданного немногим более 20 лет назад в Безансоне исключительно на советские капиталовложения.

Морис Дежан умер в Париже 14 января 1982 года в возрасте 82 лет. По поводу его кончины не было сделано ни одного официального комментария. В некрологе, опубликованном 16 января 1982 года в газете "Монд", все же прозвучало упоминание о его московских злоключениях: "В декабре 1955 года он был назначен послом в Москве. Занимая этот пост в течение восьми лет, Дежан был выбран в начале 1964 года дуайеном (старейшиной) дипломатического корпуса в советской столице. Генерал де Голль вынужден был, однако, отозвать его вследствие разоблачений, сделанных одним бывшим агентом КГБ относительно его сентиментальных приключений, компрометировавших звание посла".

Несколько дней спустя, 20 января, в той же газете посол Эрве Альфан отдал последнюю дань уважения его памяти, особо отметив его замечательную политическую прозорливость. Статья заканчивалась следующим: "...затем он был в течение восьми лет послом в Москве, где, по выражению генерала де Голля, "достойно и с честью представлял интересы Франции". Итак, во время своей долгой, разнообразной и бурной карьеры Морис Дежан проявлял то редкое качество, которое, по правде сказать, нечасто встретишь у людей, несмотря на утверждение Декарта: "Я имею в виду здравомыслие и, я бы еще добавил, отвагу".

Хотя шантаж, связанный с вопросами нравственности, и является одним из предпочитаемых методов работы КГБ при заманивании в ловушку представителей западных стран, его применение всегда сопряжено с большими трудностями. Поощрение гомосексуальных наклонностей или подталкивание к супружеской неверности требует, как это мы только что видели, огромных усилий и средств. Впрочем, если речь идет об СССР, такие проблемы отсутствуют, так как ни время, ни затраты не являются серьезным препятствием для КГБ. На Западе же такие операции прокручивать гораздо труднее: не хватает соответствующей инфраструктуры и находящиеся там советские разведчики более ограничены в средствах. Для вербовки своих помощников они предпочитают действовать более жестко и с максимально быстрым получением результатов.

Одним из основных элементов в этой целенаправленной охоте за новыми кадрами являются сведения биографического характера, поставляемые о своем окружении уже завербованными агентами. Выбранная жертва, сама того не подозревая, оказывается полностью беззащитной перед такого рода "рентгеновским облучением". Если речь идет об уже пожилom политическом деятеле, крупном чиновнике или журналисте, КГБ самым тщательным образом просеивает его прошлое, чтобы отыскать в нем темные пятна, которые могли бы быть использованы против него. Недавняя история Франции знала достаточно тревожных периодов, позволяя отыскать там неплохой материал для шантажа. Советские разведчики никогда от этого не отказываются, для них не существует никаких сроков давности. На всех досье КГБ есть даже такая надпись: "Хранить вечно".

В такого рода поисках у советских разведслужб есть еще один ценный источник: нацистские архивы, захваченные Красной Армией во время взятия Берлина в 1945 году. Все эти досье были тщательно изучены и при необходимости использованы даже спустя несколько десятков лет. Сколько их было, людей, живших в западных странах, которых посетил "любезный" человек из КГБ, для того чтобы напомнить им об "ошибках молодости"? Сколько мужчин и женщин согласились предать свою родину, пытаясь не допустить возвращения прошлого? В ФРГ, например, многие из бывших нацистов уступили под натиском подобного шантажа и согласились работать на советскую разведку, включая и тех, кто был связан с западногерманскими секретными службами.

В конце 60-х годов служба УОТ как раз разбирала один из таких случаев: речь шла о высокопоставленном чиновнике министерства обороны. В том грязном деле, правда, шантаж с прошлым не был единственным рычагом: свою немаловажную роль также сыграли продажность и чрезмерное самолюбие.

Контрразведка вышла на него совершенно случайно, расследуя факты незаконной

торговли оружием. Упомянутый чиновник, назовем его господином Х., оказался замешанным в связях с темными личностями – бывшими коллаборационистами, сотрудничавшими с нацистами во время оккупации Франции. Это показалось странным, так как господин Х., кавалер ордена Почетного легиона, всегда хвастался тем, что в прошлом он якобы был участником движения Сопротивления. Впрочем, он провел два года в одном из концентрационных лагерей, что явилось первым сюрпризом.

В служебном досье этого чиновника страницы, относившиеся к военному периоду, странным образом исчезли; по всей видимости, они были попросту оттуда выдраны. Военные и оккупационные архивы, равно как и картотека Сопротивления, тоже оказались пустыми. Органам контрразведки стало известно, что в 1964 году одна из разведслужб союзников передала генеральному директору национальной полиции важное досье на господина Х., отметив его сомнительные связи. Но никто тогда не обратил на него никакого внимания. Более того, спустя немного времени он был назначен на очень высокий государственный пост, дававший право на доступ к "секретам военного характера", что обычно предоставлялось наиболее надежным чиновникам после тщательнейшей проверки службы безопасности.

Преодолев огромное количество административных препон, полиции удалось в конце концов получить в министерстве юстиции, хранившем наиболее важные досье о бывших пособниках нацистов, подлинную биографию господина Х. Оказалось, что он никогда не был участником Сопротивления, а, как раз наоборот, являлся агентом гестапо под регистрационным номером 290. С этого момента стало возможным воссоздание полной картины его прошлого.

Работая чиновником в период перемирия 1940 года, наш "герой" ожидал от режима Виши значительного продвижения по службе. Однако из-за подозрений в связях с масонами (что было на самом деле) его, наоборот, понизили в должности. Взбешенный, господин Х. жаждет мести и, чтобы навредить Петену, вступает в контакт с оккупантами. Он становится агентом СД (нацистской службы безопасности) и выполняет приказы некоего Бауэра, обосновавшегося сначала в городе Вьерзоне, а затем в Блуа. Бауэр сводит его также с представителями гестапо в Руане. Что он смог сообщить оккупантам? Вероятно, сведения о политических тенденциях внутри руководства Виши, а также рекомендации по вербовке того или иного чиновника. Параллельно он внедряется в одну из подпольных организаций Сопротивления, которой руководил один из бывших министров III Республики. Вполне вероятно, он информировал гестапо о деятельности этой организации.

К своему несчастью, господин Х. становится жертвой небольшой войны, которую вели между собой СД и абвер – две нацистские секретные службы. Некто Ришар был внедрен абвером в ту же самую подпольную организацию, что и господин Х. Несколько месяцев спустя этот агент выдает имена всех ее членов, в том числе и господина Х., чье истинное задание было ему неизвестно. И вот в августе 1942 года его арестовали вместе с другими, настоящими подпольщиками. Гестапо готово было вступить за него, но немедленное освобождение означало бы его конец как секретного агента. Нацисты организовали ложный судебный процесс. Господина Х. осудили на полтора года тюрьмы за "разглашение государственных секретов по неосторожности"(!).

Преследуемый злым роком, наш бедняга, как обычный заключенный, переводится в Германию. Дахау, Бухенвальд, Ордруф, снова Бухенвальд: он мотается от одного концентрационного лагеря к другому вплоть до самого освобождения страны. На его досье стоит гриф "ZS", то есть "беречь за оказанные услуги". Но это мало помогает. К моменту своего возвращения в 1945 году в Париж ему уже многое пришлось пережить за годы заключения. И все же он боится требовать для себя звания "Участник Сопротивления" и других наград.

Одна из сотрудниц Бауэра, арестованная после бегства немцев из Франции, выдвигает серьезные обвинения против господина Х. По ее утверждениям, за 100 тыс. франков он предоставил в распоряжение СД важные секретные документы, касавшиеся французского

флота в Тулоне, а также информацию о связях между Виши и Лондоном. 5 апреля 1946 года министр юстиции отдает распоряжение расследовать это крупное дело, связанное с пособничеством нацистам, что, впрочем, никак не повлияло на судьбу господина Х.

Тем временем он не сидит сложа руки. Вступив в СФИО (Французскую социалистическую партию), он становится близким другом одного из депутатов от этой политической группировки, и тот оформляет ему благодарственный сертификат, свидетельствующий о его героическом поведении во время войны. Благодаря все тому же депутату господин Х. награждается медалью "Участник Сопротивления" и орденом Почетного легиона. Как окажется впоследствии, его покровитель сам был в свое время агентом гестапо. Господин Х. знал это, и у него даже было досье о его прошлом, с помощью которого он и смог "восстановить" свою невиновность.

К тому времени, когда служба УОТ обнаружила столь скандальное досье, правосудие уже давно перестало рассматривать дела бывших коллаборационистов. Этот высокопоставленный чиновник не мог быть привлечен к суду и по факту незаконного присвоения награды. Но его прошлое вполне могло наложить определенный отпечаток на его настоящее. Было ясно, что господин Х. мог бы стать легкой добычей тех иностранных разведок, которые имели после войны доступ к архивам гестапо. Речь идет о спецслужбах США, Англии и СССР. УОТ понимало теперь причину замешательства английской контрразведки (МИ-5), когда Париж попросил у нее информацию о прошлом господина Х. МИ-5 использовала его в качестве информатора. Так же, впрочем, как и американцы. Но французскую контрразведку больше обеспокоили подозрительные контакты этого чиновника с советскими дипломатами, чья принадлежность к КГБ была очевидна. Советской разведке, несомненно, было известно прошлое Х., и она его на этом долгое время шантажировала. Он работал на СССР, что могло иметь серьезные последствия для безопасности страны.

Арест господина Х. был произведен глубокой ночью 21 марта 1968 года в обстановке строжайшей секретности. Это было сделано для того, чтобы позволить следствию до конца распутать весьма деликатное дело, не испытывая какого-либо политического нажима, который, однако, не замедлил проявиться: некоторым силам было важно спасти этого известного и уважаемого человека. Несмотря на принятые меры предосторожности, информация об аресте господина Х. быстро попала на первые газетные полосы. В первых статьях его характеризовали как германофила (он частично обучался в Германии перед войной) и обвинили всего лишь в некоторой болтливости, небеспольной для ФРГ: кто-то уже пытался приуменьшить значение данного дела.

И все же после многочисленных допросов и сопоставлений УОТ удалось установить истинные масштабы его преступления и определить степень его предательства.

Господин Х. действительно работал по собственной инициативе на американские и английские спецслужбы. Они не подвергали его никакому шантажу. Первым он довольно дорого продал подборку разведсведений общего характера, не представлявших особой важности. Вторым он передал информацию о том, что министерство внутренних дел якобы поддерживает тайные связи с советскими спецслужбами. Ошеломленные такой новостью англичане все-таки поверили ему. В тот период многие западные разведки подозревали, что КГБ ведет подрывную работу в высших эшелонах голлистского государства (при этом они ссылались на разоблачения Анатолия Голицына, рассмотренные нами выше). В его доме полицейские обнаружили обширную переписку с видными западногерманскими политическими и государственными деятелями, в которой речь шла о внутренней и внешней политике Франции. Этот человек определенно питал страсть к сбору разведанных. Но в конечном счете все его контакты были всего лишь широкомасштабной ложной операцией, затеянной КГБ для заметания своих следов. Так как господин Х. выступал главным образом как советский агент.

Его вербовка состоялась в 1959 году. С КГБ его свел один бывший французский дипломат, находившийся не у дел с 1953 года из-за своих подозрительных контактов с одним советским полковником. Свои первые задания он получил от Сергея Кузнецова, первого

секретаря посольства СССР, занимавшего этот пост с сентября 1959 по май 1964 года. Затем, до января 1967 года, его курировал Игорь Усачев, советник-посланник посольства. После Парижа в качестве вознаграждения за работу во Франции Усачева направили послом в Заир.

В ходе допросов господин Х. признался, что Кузнецов шантажировал его коллаборационистским прошлым. Советские разведчики обнаружили его Досье в архиве Главного управления германской службы безопасности в Потсдаме. По его собственному признанию, он передал КГБ сведения биографического характера о некоторых видных деятелях Франции и Германии, информацию о политике французского правительства по отношению к Германии, о позиции Парижа по "берлинскому вопросу", а также информацию о франко-алжирских отношениях.

Но оставался неясным один довольно важный вопрос. УОТ знало, что Сергей Кузнецов дважды бывал в доме господина Х., а это было запрещено по правилам безопасности, принятым в КГБ (разведчик никогда не должен встречаться со своими агентами у него на квартире). Почему Кузнецов вел себя так неосторожно? Эта загадка становилась еще более интересной, если принять во внимание то обстоятельство, что один из визитов состоялся в ночь с 14 на 15 августа 1963 года, на следующий день после ареста Жоржа Пака (высокопоставленного натовского чиновника, о котором речь пойдет в следующей главе). В ту ночь Кузнецов вышел от господина Х. с каким-то объемистым свертком в руке. Когда его неоднократно спрашивали о тех загадочных визитах и о том свертке, господин Х. сразу же начинал путаться в собственной лжи и никогда не раскрывал всей правды.

Наиболее вероятная гипотеза такова: сразу после войны господин Х. попытался любыми путями уничтожить все материалы, свидетельствовавшие о его сотрудничестве с гестапо. Отсюда – пустые досье, обнаруженные УОТ в начале расследования. Занимаясь своими поисками, он обнаружил некоторые биографии довольно сомнительного характера. Он начал создавать свою личную картотеку. Затем господин Х. установил связь с бывшими немецкими агентами гестапо. Благодаря им ему стали известны другие случаи пособничества оккупантам. Это могло стать прекрасным орудием шантажа, а при необходимости и защиты, если кто-то слишком пристально начинал интересоваться его собственным прошлым. КГБ, зная, несомненно, о существовании такой картотеки, за большие деньги приобрел ее. Когда был арестован Жорж Пак, посольство СССР в Париже охватила настоящая паника. КГБ явно опасался новых арестов, в том числе (почему бы и нет?) и господина Х. Было целесообразнее переправить его картотеку в более надежное место. Кузнецов решил взять на себя риск и лично забрал ее у француза.

Этот высокопоставленный чиновник сам косвенно подтвердил существование картотеки. Когда его взяли под стражу, он произнес такую фразу: "Вместе со мной полетят многие головы. Они меня вызволят отсюда!"

И он был прав.

Вслед за его арестом развернулась широкая волна негодования со стороны организаций, представлявших участников движения Сопротивления, которые не могли допустить, чтобы кто-то поставил под сомнение заслуги одного из борцов с нацизмом, а также со стороны некоторых влиятельных сановников, действовавших в угоду своим сугубо кастовым соображениям, и в особенности со стороны масонских групп, которые выступали в защиту своего "брата", попавшего в беду.

И тем не менее господин Х. был обвинен в "сговоре с агентами иностранных разведок, который мог бы нанести ущерб военному и дипломатическому положению Франции, а также ее экономическим интересам", и приговорен в конце октября 1968 года к семи годам тюрьмы.

Но его друзья на этом не успокоились. Господин Х. воспользовался их неутомимой поддержкой и сложившимися обстоятельствами. Вначале его дело было направлено на пересмотр вследствие нарушения судебной процедуры. Спустя немного времени уходит в отставку генерал де Голль. Президентом становится Жорж Помпиду. А новый президент – это, значит, амнистия.

Закон об амнистии, принятый 30 июня 1969 года, содержал некоторые существенные отличия по сравнению с предыдущими законами. Кроме лиц, осужденных до его избрания, президент мог своей властью амнистировать и тех, чьи дела находились в суде и по которым еще не был определен приговор, – независимо от того, каким было совершенное преступление. Это новое положение было применено и в отношении господина Х., чье дело как раз находилось на пересмотре.

И случилось то, что должно было случиться: господин Х. был амнистирован.

Он сразу же поторопился воспользоваться своим правом на пенсию и даже смог вернуть себе все свои награды и звания.

В данном случае безопасность государства была вынуждена уступить перед лицом государственных интересов.

"Крестоносец" мира

Анатолий Голицын как-то заявил: "В одном из подразделений национальной обороны Франции работает шпион. Он, в частности, передал КГБ один очень важный документ НАТО. Этот агент имеет доступ к самым секретным досье. Благодаря ему вопросы обороны Франции и других западных государств не представляют больше никакого секрета для Москвы".

Отобрав около сотни подозреваемых – слишком много, чтобы быть уверенным в успехе, – французская контрразведка решила проверить искренность перебежчика, предложив ему 30 секретных досье НАТО, среди которых было несколько фальшивых. Голицын не совершил ни одной ошибки. Все отобранные им досье, которые он якобы уже держал в своих руках в Москве, оказались подлинными.

С этого момента УОТ перешло ко второму этапу поисков. Предстояло уточнить продвижение документа НАТО, переданного в Москву через одну из служб национальной обороны Франции. Достаточно было выяснить, кто из работников знал о его существовании, прежде чем он попал в руки КГБ. Преступник, несомненно, находился среди них. После многих месяцев поиска в списке подозреваемых осталось 14 фамилий. Это тоже было слишком много. А время торопило. Речь шла о безопасности всего западного мира.

Следующий этап отбора позволил оставить уже пять человек: четверых военных и одного гражданского. Были самым тщательным образом изучены биографии этих людей, их связи, наклонности (даже самые интимные) – все безрезультатно. По той или иной причине любой из них мог быть потенциальным преступником. Кого выбрать? Как решиться? Допросить по очереди каждого? Слишком рискованно. Настоящий "крот", заподозрив неладное, сразу бы забился в нору, и расследование потерпело бы неудачу. Кроме того, допрос подозреваемых лиц (каждое из которых занимало высокие посты и имело влиятельных друзей) мог бы иметь серьезный резонанс в политических кругах. Ситуация – хуже не придумать.

Оставалось только наблюдать за ними в надежде, что предатель совершит какую-нибудь ошибку. Круглосуточная "опека" пятерки потребовала бы привлечения как минимум пятисот полицейских и десятка автомобилей, чего невозможно обеспечить для одного-единственного дела, каким бы ни было его значение. В подобных случаях применялось так называемое зондирование, при котором слежка за подозреваемыми проводилась в течение лишь нескольких часов, например в один день – с десяти до тринадцати, затем, на следующий день, – с пятнадцати до девятнадцати и так далее, чтобы быть в курсе их привычек и времяпрепровождения. Такой тип наблюдения требовал меньшего количества полицейских, но все равно оставался недостаточно надежным. Настоящий преступник мог выйти на связь, когда за ним не было слежки, и спокойно продолжить свое темное дело. Это как раз и случилось в данной ситуации. Прошло несколько месяцев, а УОТ так больше и не продвинулось в своем расследовании. Наблюдение не дало никакой дополнительной информации.

Пришлось возвращаться к исходной точке, то есть к воспоминаниям Голицына, чтобы добиться от него более точных сведений. Небольшая следственная группа вылетела в США и представила ему список из пяти фамилий.

Это был правильный ход.

"Вы не могли бы повторить эту фамилию?" – неожиданно попросил перебежчик.

"Пак, Жорж Пак. Вам она что-нибудь говорит?" – спросил французский комиссар.

"Да, но я не могу сказать что. Я где-то ее уже слышал, вот и все".

У полицейских, возвращавшихся в Париж, наконец-то была теперя зацепка.

Они снова проштудировали досье Пака, с тем чтобы найти в нем ответ на вопрос: могли ли этот человек работать на советскую разведку?

Жорж Пак родился в 1914 году, в Шалон-сюр-Саон, в семье ремесленников. Он мог бы гордиться своими достижениями, своей карьерой. В 1935 году он поступил в педагогический институт, который закончил с дипломом учителя итальянского языка. С 1940 по 1941 год он преподает в Ницце, с 1941 по 1942 год – в Рабате. Высадка союзников в Северной Африке взволновала его. Он отправляется в Алжир, чтобы присоединиться к партизанам генерала Жиро, соперничавшего с генералом де Голлем. Там он встречается со своими институтскими друзьями, в частности с Пьером Бутаном, который помогает ему стать политическим редактором радиопрограмм, помощником Андре Лабарта. В этот период Пак выступал на волнах Сопrotивления под псевдонимом Рене Версаль.

После освобождения Франции он работал в целом ряде министерств. Вначале, с 1944 по 1945 год, начальником канцелярии министра военно-морского флота, затем в госкомитете по делам мусульман. Вскоре он становится помощником начальника канцелярии у Рене Коти, бывшего тогда министром городского строительства и реконструкции (1946-1948). Год спустя его назначают руководителем секретариата заместителя министра здравоохранения, потом он переходит в секретариат премьер-министра Бидо. С 1950 по 1954 год Пак руководил журналом "Продуксьон франсэз", выпускавшимся Французской ассоциацией за увеличение производства, директором которой был он сам. И тем не менее он продолжает занимать важные государственные посты в ряде правительств IV Республики. В период с 1953 по 1958 год он назначался последовательно начальником канцелярии в министерстве торгового флота, техническим советником в госсекретариате по вопросам финансов и экономики, затем в госсекретариате по вопросам энергетики и, наконец, в министерстве промышленности и торговли в первом правительстве де Голля в 1958 году. В это время в его карьере наметился новый поворот. После назначения его в октябре 1958 года руководителем справочной службы ге обороны он начал интересоваться военными вопросами. Назначенный в июле 1961 года на пост начальника канцелярии Института национальной обороны (ИНО), он оставался на нем до октября 1962 года, то есть вплоть до того момента, когда был переведен в систему НАТО помощником начальника пресс-службы. Сам Жорж Горс (министр кооперации) ходатайствовал за него перед полномочным представителем Франции в НАТО Жаном Даниэлем Жюргенсоном.

В общем, обычный безупречный послужной список. Даже под микроскопом невозможно было выявить ни малейшего признака предательства. Однако те должности, которые он занимал в генеральном штабе, а затем в ИНО, прекрасно соответствовали тем постам, которые мог бы занимать "крот" КГБ, разоблаченный Голицыным. К тому же его последняя работа в НАТО давала ему доступ к документам организации, которые перебежчик видел в Москве. Отвечая за связи с прессой, Пак должен был на самом деле отфильтровывать поступавшую информацию, определяя, какую из нее можно было опубликовать, а какая должна была оставаться секретной. Для этого он имел доступ к самым важным досье.

Тем не менее контрразведка должна была действовать крайне осторожно. За годы службы Пак познакомился со многими авторитетными политическими деятелями. И если бы полицейские допустили ошибку, им бы этого не простили никогда. Широкая общественность не замедлила бы представить Пака жертвой новой "охоты за ведьмами".

И все же, по каким-то причинам он мог бы стать предателем?

Из-за денег? Квартира в 16-м округе Парижа, приобретенная за 40 миллионов франков, а также два автомобиля свидетельствовали: его уровень жизни был несколько выше того, что ему могло позволить жалование натовского служащего. Однако проведенное расследование показало, что его супруга, итальянка по происхождению, работала этнологом и что ее личное состояние позволяло им приобрести такую квартиру. И потому данная версия не "проходила".

Из-за каких-то политических убеждений? Активный католик и интегрлист, Пак был совершенно не похож на сторонника СССР. Пылкий и циничный в своих высказываниях, он, наоборот, придерживался скорее правых взглядов, слыл ярким антимарксистом и противником алжирской политики де Голля. Когда он начинал в 1951 году политическую карьеру в своем родном городе Шалон-сюр-Саон на стороне независимого депутата Андре Муане (бывшего летчика эскадрильи "Нормандия-Неман"), Пак попытался организовать кампанию против "антинационального коммунизма". Он не был избран депутатом и затаил обиду, к которой потом добавилась какая-то смутная неприязнь к политикам, чью подноготную Пак прекрасно знал благодаря близкому общению с ними в министерских кабинетах IV Республики. Как и многие французы, восхищавшиеся де Голлем и желавшие его возвращения к власти, даже если впоследствии они и осуждали некоторые аспекты его политики, он слыл противником США, хотя это вовсе не означало, что Пак придерживался просоветских взглядов. Некоторые из его друзей, тайно допрошенных УОТ, отмечая эту особенность его политического портрета, уточняли, что за маской реакционера Пак скрывает довольно либеральные идеи. Это противоречие заинтересовало контрразведку, но оно не могло быть предъявлено в качестве доказательства его предательства.

Был ли он жертвой шантажа? Будучи любящим мужем и отцом маленькой дочки, которую боготворил, он не имел любовницы и тем более каких-то гомосексуальных наклонностей. Что касалось его прошлого, то оно выглядело безупречным.

Но какая-то причина все же была. Однако пока не поддавалось объяснению, почему Жорж Пак мог бы стать агентом КГБ.

И тем не менее в этой истории существовал один интересный факт. Основатель УОТ Роже Вибо, который ушел из контрразведки в 1958 году, любил говорить: "Все шпионы занесены в наши картотеки. Достаточно только их там отыскать". Итак, имя Жоржа Пака почти случайно попало в одно из досье УОТ. В 1954 году он был допрошен полицией в ходе расследования дела об утечке секретной информации. Контрразведка пыталась тогда определить, кто информировал вьетнамцев о планах французской обороны во время войны в Индокитае (см. главу первую). Пак был допрошен, как и многие другие высокопоставленные чиновники, и признан невиновным.

Начиная с середины августа 1963 года, то есть спустя год после разоблачений перебежчика, УОТ решает ускорить расследование "дела Пака".

И вот через пять дней в руки контрразведки наконец-то попадает долгожданная улика.

В субботу, 10 августа 1963 года, в 9 часов 30 минут утра четверо дежуривших инспекторов были немало удивлены, увидев Пака выходящим из своего дома в столь ранний час. Им были прекрасно известны его привычки. Обычно по выходным он проводил утренние часы в кругу семьи. Их удивление еще больше усилилось, когда они обратили внимание на папку для бумаг, которую тот держал в руках: Пак не принадлежал к типу людей, любящих посещать свои кабинеты во вне рабочее время. Некоторые, как раз наоборот, считали его скорее ленивым.

Полицейские двинулись за ним двумя группами по два человека: одна группа – пешком, другая – в автомобиле.

Пак остановился возле бывшего вокзала Пасси, у остановки автобуса N32, который следовал по маршруту Ворота Пасси – Восточный вокзал. Он выглядел спокойным и беззаботным.

Через полчаса он вышел из автобуса у вокзала Сен-Лазар и прогуливался в течение 10

минут по залу ожидания. Затем Пак уселся за стойку буфета и заказал себе бутерброд и стакан вина, что было совсем на него не похоже. Оставаясь настороже, двое инспекторов внимательно следили за малейшим его жестом, одновременно прошупывая находившихся неподалеку от него прохожих, в надежде узнать среди них силуэт какого-нибудь резидента КГБ, работавшего под "крышей" посольства СССР. Учитывая большое скопление людей, столпившихся на вокзале в то субботнее утро, данное место представлялось идеальным для разного рода тайных свиданий. Два других инспектора, оставшихся сидеть в ничем не примечательной машине, были готовы при необходимости в любой момент прийти на помощь своим коллегам.

Когда до 11 часов оставалось совсем немного времени, Пак направился в сторону билетных касс.

"Один билет во втором классе до Версаля и обратно", – услышал инспектор.

Надо было действовать молниеносно. Он быстро купил себе билет и побежал предупредить остальных полицейских. Два автомобиля должны были успеть к прибытию поезда, чтобы продолжить там слежку. Добраться до Версаля на поезде можно было за 20 минут. Это гораздо быстрее, чем на автомобиле. Предстояла настоящая гонка наперегонки со временем.

На всякий случай полицейский не стал садиться в тот же вагон, что и Пак. В 11.25 поезд прибыл в Версаль. Инспектора оказались на высоте: оба автомобиля были уже на месте. Пак сразу же направился к автобусной станции, обслуживавшей соседние деревни. Предстояла встреча в открытом поле? КГБ редко применял этот метод. Гораздо надежнее было встретиться где-нибудь в Париже. Но указания были достаточно категоричны: ни на шаг не отпускать Пака от себя, куда бы он ни пошел.

Старинный колокол на башне церкви XII века в селе Фешероль, что располагалось в кантоне Марли (департамент Ивелин), отзвонил полдень, когда Пак вышел из автобуса и начал медленно подниматься по единственной в поселке улице. Почти безлюдное село плохо подходило для слежки. Группа наблюдения должна была рассредоточиться, чтобы не быть обнаруженной. Один из инспекторов расположился в своей машине у въезда в село, второй – у выезда, третий – за изгородью, чтобы наблюдать за всей дорогой, и, наконец, четвертый обосновался в единственном в Фешероле кафе, которое находилось на главной площади поселка, как раз напротив автобусной остановки. Он заказал себе стаканчик "Дюбонне", купил газету с информацией о скачках и сделал вид, будто она его страшно увлекает.

Потекли томительные минуты ожидания. Эти моменты всегда особенно трудны, так как малейшая ошибка или неосторожность может спугнуть подозреваемого и испортить все дело.

Дойдя до края села, Жорж Пак повернул в сторону грунтовой дороги, которая шла параллельно основной улице, чтобы вернуться по ней назад. Его странное поведение окончательно убедило инспекторов: он приехал в этот глухой уголок на встречу. Застать его здесь на месте преступления и успешно завершить трудное расследование – вот о чем мечтали в те минуты полицейские.

Им оставалось сделать только два шага до победного финиша.

Не прошло и десяти минут, как в Фешероль медленно въехал голубой "пежо-403" с парижским номером. Инспектор, расположившийся у въезда в село, узнал внешне ничем не примечательный автомобиль. Он принадлежал представительству СССР при ЮНЕСКО. Внутри него находились двое мужчин и женщина. Инспектор смог также заметить мимоходом, что за рулем сидел Владимир Хренов, второй советник представительства, давно известный УОТ как резидент КГБ. Все свидетельствовало о том, что арест с поличным был не за горами.

"Пежо" медленно двигался по главной улице. В то же самое время Жорж Пак возвращался по параллельной улице к центру села.

Агенты КГБ не могли его видеть. Доехав до конца поселка, автомобиль не стал останавливаться и поехал дальше. Чувство глубокого разочарования охватило полицейских.

Между тем погода испортилась, и пошел сильный дождь. Пак, вернувшись к своей исходной точке, решил забежать в кафе, чтобы переждать непогоду. Инспектор, который там находился, снова углубился в чтение газеты.

В этот момент произошло нечто такое, что окончательно развеяло сомнения по поводу истинной цели этой прогулки за город. На другом конце села снова появился "пежо-403" и все так же медленно стал спускаться по основной улице Фешероля. Женщины в кабине уже не было. Мужчины же внимательно смотрели по сторонам, выискивая кого-то на дороге. Остановившись возле автобусной остановки, Хренов опустил боковое стекло и принялся тщательно рассматривать небольшой навес в поисках какого-то знака или указателя среди многочисленных надписей на его стенах. Находясь метрах в 50 от того места, Пак ничего не мог разглядеть за запотевшими окнами кафе.

И вдруг на площадь Фешероля выкатывает машина версальской полиции. Досадная случайность: полицейские приехали расследовать какое-то дело об украденных чеках. Как только Хренов увидел полицию, его охватил настоящий ужас. Он до отказа нажал на газ, и машина молнией вылетела из села. Встреча не состоялась.

Но инспекторам о ней было уже известно достаточно. Присутствие резидента КГБ в том же самом селе и в то же самое, что и Пак, время нельзя отнести к разряду случайностей. Когда его машина проезжала в первый раз по поселку, они могли бы еще посчитать это обычной для конца недели прогулкой трех членов советского представительства при ЮНЕСКО. Во второй же раз стало очевидно, что резидент Хренов искал здесь встречи со своим агентом. Его задержка перед автобусной остановкой была дополнительным тому подтверждением. Как только дождь закончился, Пак вышел из кафе и направился к навесу, чтобы попытаться отыскать там какой-то знак среди прочих настенных надписей.

Арест Жоржа Пака решено было провести в понедельник, 12 августа, в 18.30 при выходе его из здания НАТО, которое располагалось на бульваре Ланн.

Он не оказал ни малейшего сопротивления и даже, казалось, нисколько не удивился.

Очутившись в здании УОТ, он, несмотря на предоставленные ему улики, попытался вначале отрицать свои связи с советской разведкой.

"Я хотел посетить исторический памятник. В Фешероле находится прекрасная романская церковь", – заявил он в оправдание своей субботней поездки.

"А вот пометка в вашей записной книжке, что это такое?" – спросил его комиссар, который вел допрос.

На той странице, где стояла дата "10 августа, 13.00", Жорж Пак сделал пометку "М-3". Тем же таинственным знаком были помечены еще несколько дней, в частности "20 августа, 21.00". Речь шла, несомненно, о дате повторной встречи, о которой всегда договариваются разведчик и его агент на случай, если их первая встреча не состоится.

"Нам известно, кто скрывается за "М-3". Бесполезно это отрицать", – продолжил комиссар.

"Ну хорошо. Да, мне однажды приходилось встречаться с советским атташе по культурным связям. Вот и все, клянусь вам".

"Это происходило не один раз!"

Спустя полчаса Пак уже рассказывал историю своего давнего предательства, которое началось почти 20 лет тому назад.

В один из моментов он внезапно остановился.

"Я хотел бы исповедаться и причаститься, – сказал он. – Многие годы я жил во лжи. Я чувствовал себя недостойным совершать эти таинства..."

Один из инспекторов, славный мальчик, отправился за священником в церковь св. Маделены, расположенную неподалеку от улицы Соссэ.

Опасаясь скрытых микрофонов, Пак отказался исповедоваться в здании УОТ. Весь ритуал проходил во дворе. Затем в одной из комнат был подготовлен импровизированный алтарь. Сам комиссар, в молодости певший в церковном хоре, помогал священнику. После причащения душа Пака сразу же успокоилась.

Он устроился в одном из кабинетов и написал свою вторую исповедь, теперь уже для контрразведки.

В контакт с советской разведкой Жорж Пак вступил по своей собственной инициативе. Это произошло в Алжире в 1943 году. Его знакомый врач, Имек Бернштейн, бывший участник войны в Испании, представил его Александру Гузовскому, советнику Посольства СССР в Алжире. Шла война с нацистами, и в таких контактах между союзниками не было ничего предосудительного. Постепенно между ними завязалась дружба. После освобождения страны связь с Паком в Париже уже поддерживал Иван Авалов. Его настоящее имя было Иван Агаянц. Он сумел добиться у своего подопечного желания сотрудничать. Прекрасный разведчик, Агаянц, ставший впоследствии начальником отдела "Д" в Москве, был организатором самых известных операций по дезинформации, которые КГБ проводил против Запада. Когда в конце 40-х годов Агаянц покинул Париж, его сменил Александр Алексеев. Затем Сергей Гавричев, Алексей Тришин (который одновременно курировал и Хэмблтона, когда тот работал в НАТО), Николай Лысенко и, наконец, Василий Власов.

20 лет – довольно внушительный отрезок времени. Достаточный, чтобы нанести значительный ущерб. В Алжире Пак информировал Гузовского о политическом курсе комитета "Свободная Франция". В Париже, работая в министерских канцеляриях IV Республики, он предоставил в распоряжение советской разведки более двухсот биографий различных политических деятелей, высокопоставленных чиновников, дипломатов и журналистов. Начиная с 1958 года, когда он получил доступ к военным секретам вначале в генеральном штабе национальной обороны, затем в ИНО и, наконец, в НАТО, им всерьез заинтересовался КГБ.

За четыре последних года шпионской карьеры его сведения носили самый разнообразный характер: оборонительные концепции и планы западных стран; принципы построения отношений НАТО со странами советского блока; система обороны Западного Берлина; план размещения американских радаров в Турции; разведбюллетени НАТО и информация западных спецслужб о социалистических странах, о государствах Африки и Кубе; данные об экономических исследованиях западных специалистов и, наконец, самое важное – план обороны НАТО для всей Западной Европы.

Принимая во внимание значительную продолжительность его подрывной деятельности и важность постов, которые ему приходилось занимать, можно сказать, что Жорж Пак был самым крупным советским шпионом, когда-либо арестованным во Франции.

Как и ко многому другому, Пак подходил к шпионажу, что называется, по-дилетантски. Советские разведчики очень быстро поняли, что бесполезно требовать от него соблюдения элементарных мер безопасности, а также научить его пользоваться самыми последними методами сбора разведанных. Напрасно его руководители пытались познакомить его с белой копиркой, микропленкой, "мертвыми почтовыми ящиками". КГБ даже снабдил его специальным фотоаппаратом, обращаться с которым мог бы научиться любой ребенок. По форме и размерам он был похож на обычную пачку из-под сигарет. Достаточно было провести им три раза туда и обратно по листку бумаги (он был оснащен маленькими колесиками) – и снимок был готов. Но Пак отказался от этого "подарка". Несмотря на серьезный риск, он предпочитал прямые контакты и передачу документов из рук в руки.

Встречи обычно проводились один раз в две недели, или в девять часов утра, или в девять часов вечера, на одной из станций метро, которую заранее определял сам разведчик КГБ ("Пон-де-Нейли", "Порт-де-Клиши", "Анатоль Франс"...).

Два последних разведчика, Лысенко и Власов, назначали встречи в пригородных районах Парижа, например в Медонском лесу. В случае каких-либо затруднений новая встреча должна была состояться 10-го, 20-го или 30-го числа того же месяца в девять часов вечера на левом тротуаре улицы Тампль, если двигаться в сторону Ратуши. При необходимости резидент посылал ему безобидное письмо за подписью "Грасиа" или звонил в его отсутствие на квартиру и оставлял ему записку, подписанную тем же именем. Пак знал, что в этом случае он должен был явиться в тот же день в 9 часов вечера на улицу Тампль и

ждать там связного на левом тротуаре. Со своей стороны в случае необходимости он мог позвонить в советское посольство и сказать такую условную фразу: "Я хотел бы поговорить с месье Ваго, это звонит Жюльен". "Вы ошиблись, месье, здесь находится советское посольство", – должно было прозвучать в ответ. Он вешал трубку. Предупрежденная телефонистка сообщила руководству о звонке, и в тот же вечер он встречался с советским разведчиком на улице Тампль.

На случай крайней опасности руководство КГБ даже предусмотрело для него специальный план бегства (при угрозе ареста, при обострении напряженности в международных делах). После получения письма за подписью "Бамбо" он должен был немедленно выехать в Рим. В ближайшее 20-е или 21-е число в девять часов утра возле церкви Санта Мария Маджоре, находившейся в итальянской столице, его должен был ждать связной с газетой "Орор" в руках, чтобы затем тайно переправить его через границу в Восточную Европу.

Существование этого чрезвычайного плана свидетельствовало о том, насколько важной считалась работа Жоржа Пака для КГБ. Только наиболее крупные агенты, такие, как Филби, Берджес или Маклин, имели такие планы бегства.

И логично было бы предположить, что, учитывая всю тяжесть обвинения и масштабы его предательства, Жоржу Паку грозила смертная казнь. В июле 1964 года он предстал перед судом. Вначале его приговорили к пожизненному заключению, но несколько месяцев спустя этот срок сократился до 20 лет. В мае 1970 года он был досрочно освобожден из тюрьмы по личному распоряжению Жоржа Помпиду, который так же, как и Пак, обучался в педагогическом институте. В общей сложности Жорж Пак провел в тюрьме семь лет.

Как же такой умный и образованный человек мог попасться в ловушку, поставленную КГБ?

УОТ рассчитало правильно. Пак предавал не из-за денег (за 20 лет своей работы он получил всего лишь 10 тысяч франков) и не из-за шантажа. Он играл в шпионов не столько по каким-то идейным мотивам, сколько из-за своего тщеславия. Этот далекий от марксизма христианин считал, что с СССР можно иметь дело, как с любым другим государством, и даже в некоторой степени влиять на решения, принимаемые руководителями Кремля.

Именно здесь находился ключ к пониманию мотивов предательства Жоржа Пака. Его адвокат сказал: "Мой клиент постоянно вел переговоры на высшем уровне с самим собой".

Другими словами, речь идет о гордыне, честолюбии и претензиях на роль исторической личности.

И советские разведчики, начиная с Гузовского в Алжире, с успехом использовали эти его качества. Находясь в алжирской столице, где всюду шумели политические страсти, Пак "купился" на некоторые высказывания советского "друга". В то время СССР выступал союзником Франции. Надо было теперь думать о сохранении мира после всех ужасов войны. Но можно ли доверять самоуверенным и властолюбивым американцам? Такому умному человеку, как Пак, нетрудно было догадаться о грозящей опасности, и он мог бы способствовать построению лучшего мира, без войн и насилия. Льстивые речи приятно ласкали его слух: Паку безумно хотелось стать важной персоной. Он был целиком во власти своих амбиций, которые не могли удовлетворить ни его друзья, ни начальство. Никто не мог оценить его по достоинству, считал он. И тогда Пак решил действовать только ради своих собственных целей и играть только ту роль, которую он считал достойной себя, не отдавая отчета, что он превращается в послушную игрушку в руках советских спецслужб.

"Я миролюбивый человек, – сказал он на суде. – Я не люблю русских, но я также убежден, что и американцы в силу своих довольно примитивных концепций являются опасными поджигателями войны. И тогда я подумал, что для предотвращения международного конфликта, который неизбежно привел бы к глобальной катастрофе, необходимо поддерживать паритет между ними. Именно эта движущая сила всегда вдохновляла меня!"

На вопрос, почему он предоставил КГБ план обороны Западного Берлина в самый

разгар кризиса, когда уже началось возведение берлинской стены, он ответил с приведшей всех в замешательство наивностью: "Автомобильная дорога была заблокирована, полеты самолетов становились небезопасными. Хрущев прощупывал боевые порядки союзников. В тот момент у меня как-то возникла дискуссия с одним советником посольства, с которым мне регулярно приходилось встречаться. Он мне сообщил, что его правительство в этом конфликте решило идти до конца. Я ему ответил, что у союзников существует такая же непоколебимая решимость. Он тогда спросил меня, могу ли я предоставить ему конкретные тому доказательства. И тогда я передал ему упомянутые документы. Через две недели он мне заявил, что если бы положение Хрущева ослабло, то это произошло бы из-за той информации, которую я ему передал. Я поступил так, чтобы спасти мир, и благодаря мне он бы спасен".

20 лет спустя он заявил: "Я даже получил личное письмо от Хрущева. А еще раньше я получил такое же письмо от Сталина".

Лесть, умело расточавшаяся КГБ, стала настоящим бальзамом для этого самонадеянного человека, который любил повторять: "В жизни тот, кто не является первым и ничего не делает, чтобы стать таковым, обычно остается вторым и потом заканчивает последним".

Благодаря той скрытой роли, которую Пак рассчитывал сыграть в своих отношениях с русскими, ему казалось, что он как раз и является самым первым. Неважно, что во Франции никто не знал о его истинных заслугах. Он был убежден, что необходим для поддержания равновесия сил в мире, чего ему было вполне достаточно.

И до самого последнего момента он верил в это.

"Я подвергался большому риску, чтобы обеспечить мир на земле, – сказал Пак судьям перед объявлением приговора. – Я никогда не был советским агентом. Я не преклонялся ни перед русской культурой, ни перед культом марксизма. Я думал о высшей жертве в интересах Франции. Если, по-вашему, я был не прав – вам решать, но я считаю, что усилия, направленные на спасение людей, заслуживают иной участи, чем быть поставленным к стенке".

В своей книге "Как вор" (Georges Pague. Comme un voleur. Julliard, 1971) он еще больше развил эту идею. "Так как я принадлежу к западному лагерю, – писал он, – я попытался известить другой лагерь о намерениях и побудительных мотивах первого, с тем чтобы не допустить разжигания войны из-за какого-то недоразумения".

Короче, он считал себя не шпионом, а одним из главных действующих лиц Истории...

Но нельзя безнаказанно играть с КГБ. Постепенно Жорж Пак окончательно уверился в том, что, действуя в интересах русских, сделал правильный выбор. Он косвенно признал это в одной из фраз своей книги: "Где мой лагерь? Среди бедных, среди побежденных, среди угнетенных, раздавленных деньгами, избитых полицией, заточенных в тюрьмах, истребленных в Гернике, Лидице и Орадуре". Вспоминая о наступлении советских войск во время последней войны, он восклицает: "Наконец наши войска перестали отступать!"

После своего освобождения в 1970 году он несколько раз посещал СССР и был окончательно покорен этой страной. Он даже выучил русский язык. Тогда он видел в коммунизме самый верный и самый гуманный ответ на важнейшие экономические и социальные проблемы.

Превратности судьбы: как только он перестал быть полезным, советская машина размельчила, проглотила и переварила этого мегаломана, считавшего себя наделенным какой-то исторической миссией. Тайный советник стал обычным пропагандистом. Довольно жалкая награда.

И еще одна деталь. Об аресте Пака было сообщено в конце сентября 1963 года, то есть через полтора месяца после самого ареста. Почему? Это никак не было связано с ходом следствия. Он во всем признался, и у него не было сообщников: Власов, на которого он выходил в последнее время, был уже отозван в Москву.

В действительности такая отсрочка свидетельствует о постоянных проволочках властей в подобных делах. Две концепции столкнулись тогда.

Для одних, ссылавшихся на интересы государства, признание существования шпиона внутри НАТО означало ослабление позиций Франции. Это правда, что в тот период генерал де Голль лелеял надежду добиться от американцев согласия на осуществление так называемого смешанного руководства Атлантическим союзом. Свидетельства Голицына о ближайших соратниках руководителя Франции совершенно не побуждали Вашингтон идти на уступки де Голлю, в чем состояла одна из причин, ускоривших выход Франции из НАТО и перенос штаб-квартиры организации из Парижа в Брюссель.

Другие же, занимавшие более реалистичные позиции, считали, что скандал все равно рано или поздно станет достоянием гласности. И поэтому не было никакого смысла его скрывать. Не будем забывать, что все допросы Голицына проводились французской контрразведкой в присутствии представителей ЦРУ. Когда перебежчик заговорил о советском агенте, внедрившемся в самое сердце французской национальной обороны, они были рядом и все слышали. Замалчивая результаты расследования, французские власти тем самым способствовали бы росту недоверия к голлистскому правительству.

И все же логика восторжествовала...

В истории советского шпионажа во Франции Жорж Пак считался в некотором роде французским Филби.

ГЛАВА 4. ЛОЖЬ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЖИ

Дезинформация

40 миллиардов франков – во столько оценивается годовой торговый оборот такой фирмы, как "Мишлен". Это в полтора раза больше суммы, расходуемой ежегодно министерством внешних сношений Франции на обеспечение своей жизнедеятельности и поддержание на должном уровне авторитета страны в международных делах.

40 миллиардов – такую сумму ежегодно расходовал Советский Союз на "активные меры" и "дезинформацию", бывшие своеобразным острием копья идеологической войны, которую он вел против демократических стран с целью их дестабилизации.

Термин "активные меры" появился в советском лексиконе в 50-х годах для обозначения некоторых средств воздействия (официальных и тайных) на ход каких-либо событий или на политику некоторых иностранных государств. Действуя окольными путями, СССР стремился оказать давление на решения правительств других стран, подорвать доверие народа к своим руководителям и органам власти, вызвать напряженность в международных делах, дискредитировать своих противников или по меньшей мере ослабить их позиции. Обычно "активные меры" создают искаженное видение реальности, с тем чтобы ввести в заблуждение "объект воздействия", то есть чье-то правительство, политические круги или общественное мнение какого-нибудь государства.

Есть два вида "активных мер". Открытые, используемые в официальной пропаганде и в обычных дипломатических отношениях, и тайные, когда речь идет о скрытой пропаганде, о письменной или словесной дезинформации, о деятельности агентов, занимающих важные государственные и общественные посты, и, наконец, о массовых общественных организациях, контролируемых советскими спецслужбами.

В 80-е годы "активные меры" стали приоритетными направлениями в подрывной деятельности СССР, так же как научный шпионаж и вывоз западных технологий. Борьба против "дезинформации" сегодня становится важнейшим условием самого выживания демократических стран. Но в нашем открытом и свободном обществе решение этой проблемы является делом чрезвычайно сложным. Свободный обмен информацией, право каждого думать, говорить и писать все, что он хочет, систематически использовались СССР для подрыва общественного мнения и правительств западных стран.

Зачастую бывает очень сложно установить разницу между собственно

"дезинформацией" и обычным выражением чьих-то мнений. Советский Союз умело прикрывался этой трудностью, с тем чтобы тайно протолкнуть свои пропагандистские идеи или одурманить общественность с помощью "агентов влияния", которые являлись или его прямыми пособниками (так как щедро им оплачивались), или просто были им оболванены (еще Ленин их называл "полезными идиотами"). Франции хорошо известны такого рода примеры, о которых мы поговорим ниже.

В Москве по крайней мере две тысячи человек занимались "активными мерами". Для выработки, планирования и распространения "дезинформации" Советский Союз в этом плане располагал довольно сложной организационной "структурой", где каждая ячейка была связана с "верхушкой" – Политбюро партии. И именно эту пирамидальную структуру с многочисленными ответвлениями нам предстоит сейчас рассмотреть в первую очередь.

На вершине пирамиды находились: Международный отдел Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (МО), которым руководил кандидат в члены Политбюро Борис Пономарев. МО был создан в 1943 году после роспуска Коминтерна. Он несколько раз менял вывеску, прежде чем в 1957 году окончательно обрел постоянное название. Что касается Бориса Пономарева, этого коминтерновского работника с довоенным стажем, то его можно рассматривать как одного из идеологов КПСС, такого же уровня, как и Михаил Сулов, умерший в 1982 году. По мнению Роя Годсона и Ричарда Шульца, авторов одной очень подробной книги о советских "активных мерах" (Editions Anthropos, 1985), "МО собирал и анализировал сведения, представлявшие интерес для советской внешней политики, которые он получал от министерства иностранных дел, КГБ и различных аналитических групп, действовавших под прикрытием Академии наук. Он размещал также своих представителей во многих посольствах за границей для изучения политических тенденций в той или иной стране и установления контактов с прогрессивными организациями и видными общественными и политическими деятелями тех стран, где им приходилось работать. В условиях идеологической войны все мероприятия Международного отдела осуществлялись в тесном контакте с аналогичными отделами в странах восточного блока, с коммунистическими партиями, находящимися в оппозиции, с другими революционными движениями. В действительности МО не только покровительствовал некоторым крупным международным объединениям, но также размещал своих агентов в советских посольствах за границей, с тем чтобы те подстрекали эти партии и движения на политические акции и пропагандистские кампании, открытые или тайные, в интересах Советского Союза.

Добавим к сказанному, что под эгидой этого отдела в Праге издавался ежемесячный журнал "Проблемы мира и социализма", который выходил на 37 языках и распространялся в 45 странах мира... Этот журнал был настоящим катехизисом советской идеологии для иностранных читателей, и в особенности для "братских" партий и революционных движений. МО также выпускал раз в два месяца "Информационный бюллетень", распространявшийся исключительно по подписке.

И наконец, Международный отдел контролировал, координировал и финансировал деятельность целого ряда массовых организаций, которые в свою очередь были призваны оказывать влияние на международное общественное мнение, всемерно популяризируя разного рода пропагандистские кампании, разработанные Москвой для поддержки своих политических целей.

1. Всемирный совет мира. Создан в 1949 году, штаб-квартира в Хельсинки. Объединял 135 организаций. Печатные органы: "Новые перспективы" и "Курьер мира". Имеет представительства в ООН (Нью-Йорк, Женева) и ЮНЕСКО (Париж).

2. Всемирная федерация профсоюзов. Создана в 1945 году, штаб-квартира находится в Праге. Объединяла 90 организаций. Печатные органы: "Всемирное движение профсоюзов", "Профсоюзные новости", Школы профдвижения: в Москве, Софии, ГДР и на Кубе.

3. Организация солидарности народов Азии и Африки. Создана в 1957 году, штаб-

квартира – в Каире. Объединяла 91 организацию. Печатный орган: "Солидарность". Информационные центры: в Женеве, Никозии, Ханое, Багдаде.

4. Всемирная федерация демократической молодежи. Создана в 1945 году, штаб-квартира – в Будапеште. Объединяла 210 организаций. Печатные органы: "Всемирная молодежь", "Новости ВФДМ".

5. Международный союз студентов. Создан в 1946 году, штаб-квартира – в Праге. Объединял 118 организаций. Печатный орган: "Новости студенческого мира".

6. Международная организация журналистов Создана в 1952 году, место пребывания – Прага. Объединяла 114 организаций. Печатный орган: "Демократические журналисты". Представительства: в Париже, Будапеште.

7. Христианская конференция за мир Создана в 1958 году, штаб-квартира – в Праге. Объединяла 86 организаций. Печатный орган: "Христианская конференция за мир". Региональные представительства: на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке.

8. Международная демократическая федерация женщин Создана в 1945 году, штаб-квартира – в Восточном Берлине. Объединяла 129 организаций. Печатный орган: "Женщины мира". Имела 11 представительств во всем мире, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и Азии.

9. Международная ассоциация юристов-демократов Создана в 1946 году, штаб-квартира – в Брюсселе. Объединяла 64 организации. Печатный орган: "Журнал по современному праву". Имеет представительство в ООН (Нью-Йорк).

10. Всемирная федерация научных работников. Объединяла 33 организации. Печатное издание: "Мир науки". Региональные представительства: в Алжире, Восточном Берлине, Дели.

Для оказания помощи Международному отделу по указанию высших партийных инстанций в 1978 году была создана новая организация: Отдел международной информации, которым руководил член Центрального Комитета Леонид Замятин. Этот отдел, отвечавший за пропагандистскую работу, контролировал подготовку радиопередач на зарубежные страны (две тысячи часов радиовещания еженедельно на 40 языках), работу важнейших газет, таких, как "Правда" (орган ЦК КПСС), и двух агентств печати: ТАСС – официального рупора Советского правительства, имевшего свои представительства в 83 странах мира, и "Новости", созданного в 60-х годах для пропаганды советского общественного мнения. По данным американского правительства, "агентство печати "Новости" (АПН) осуществляет обмен информацией со 101 международным и национальным агентством, 120 издательствами, с более чем 100 радио– и телекомпаниями, с более чем 700 наиболее крупными газетами и журналами. Его представительства и корреспонденты работают в 80 странах. Как утверждает руководство АПН, оно ежегодно передает в зарубежные средства массовой информации 60 тысяч текстов и два миллиона фотонегативов. По договоренности с рядом правительств АПН предоставляет необходимый материал для 52 журналов, восьми газет и 119 информационных бюллетеней, рассказывающих о Советском Союзе, но целиком выходящих за границей. Всего же эти статьи расходятся общим тиражом в 2 миллиона 700 тысяч экземпляров.

В последнее время за границей работали более 500 советских журналистов. Многие из них в действительности являлись разведчиками КГБ, одна из служб которого занимается исключительно "активными мерами".

Отдел "А" Первого главного управления КГБ. Созданный в начале 70-х годов самим Юрием Андроповым, данный отдел, значительно увеличив свои возможности, стал преемником отдела "Д" того же управления, появившегося в конце 50-х годов для проведения операций "дезинформационного" характера против Соединенных Штатов и стран – членов НАТО. Отдел "А", который координировал и одновременно контролировал работу аналогичных отделов разведывательных служб в странах Восточной Европы, превратился в одно из наиболее важных подразделений КГБ.

Работники отдела подбирались среди лучших офицеров КГБ, и все они должны были быть прекрасными аналитиками и редакторами. В их задачу входило практическое осуществление решений по "активным мерам", принятым Политбюро, и зачастую они работали в тесном контакте с Международным отделом, которым руководил Борис Пономарев. Ни один из офицеров отдела "А" не работал за границей. Непосредственное выполнение "активных мер", подготовленных в штаб-квартире КГБ в Москве, возложено на агентурную сеть за рубежом, местные компартии и "массовые организации", подчиненные, как мы уже видели, Международному отделу. Но в каждом крупном агентурном центре (особенно это касается западноевропейских столиц) находился офицер, занимавшийся исключительно вопросами политической разведки, который получал от Отдела "А" инструкции и распределял работу среди разведчиков-агентуристов. Именно таким образом "приводились в действие" "агенты влияния", завербованные преимущественно среди крупных политических деятелей, преподавателей, профлидеров, священнослужителей и, если повезет, среди журналистов.

Когда вербовка этих агентов проводилась в СССР, отдел "А" обращался за помощью к Второму главному управлению КГБ, чьи многочисленные подразделения осуществляли наблюдение за дипломатами и другими иностранными гражданами на территории Советского Союза с двойной целью – пресечение нежелательных контактов с советскими гражданами и выявление лиц, склонных к сотрудничеству с советскими спецслужбами, что зачастую достигалось после заманивания таковых в специально подготовленные ловушки, как показано в предыдущей главе.

Напомним, что распределение функций наблюдения и вербовки среди подразделений управления осуществляется по географическому принципу:

- 1-й отдел – Соединенные Штаты, Латинская Америка;
- 2-й отдел – страны Британского Содружества;
- 3-й отдел – ФРГ, Австрия, Скандинавия;
- 4-й отдел – все остальные западноевропейские страны, включая и Францию;
- 5-й отдел – Австралия, Япония;
- 6-й отдел – развивающиеся страны.

Для иностранных граждан, кроме дипломатов, существует также градация по мотивам их пребывания в стране.

- 7-й отдел – занимается туристами;
- 9-й отдел – студентами;
- 10-й отдел – журналистами.

Журналисты, работающие в Москве, считаются самыми желанными целями КГБ. Они являются идеальными потенциальными распространителями советской пропаганды, как официальной, так и тайной. В СССР они живут компактными группами в строго охраняемых жилых кварталах – так советским спецслужбам легче оказывать на них давление. От степени их понятливости – или скорее услужливости – будет зависеть, как быстро, например, им предоставят разрешение на поездку по стране для подготовки необходимых репортажей.

Одним из направлений деятельности Международного отдела во главе с Пономаревым и КГБ было также знакомство иностранных журналистов с обладателями "достоверной" информации для их последующего "оболванивания". Так, например, некоторые информаторы утверждают, что Политбюро делилось на "голубей", сторонников разрядки в отношениях с Западом, и на непримиримых "ястребов". Целью таких манипуляций являлось оказание через прессу постоянного давления на западные правительства, чтобы те становились более покладистыми в отношении СССР как в области политики, так и экономики, что в свою очередь необходимо для укрепления позиций "голубей" и

сдерживания "ястребов" – сторонников "холодной" и прочих войн!

В этом смысле представление западной прессой Юрия Андропова во время его прихода к власти в 1982 году служит одной из самых блистательных операций по одурманиванию, когда-либо предпринятых в отношении западных журналистов. Многие из них, сами того не подозревая, стали послушными орудиями упомянутых манипуляций. То, что бывшего шефа КГБ, ответственного за "психиатризацию" своих противников, вдохновителя почти полной ликвидации диссидентского движения в СССР, удалось представить в глазах всего мира таким либералом, приверженцем западной культуры, большим любителем джаза и виски, является, несомненно, одним из главных успехов политики "дезинформации".

В числе самых известных агентов КГБ в сфере "одурманивания общественности" – Виталий Евгеньевич Луи, который больше знаком под именем Виктора Луи. Будучи официально корреспондентом лондонской газеты "Ивнинг ньюс" и некоторых других западных изданий, он был также замешан в целом ряде "громких историй", сфабрикованных советской разведкой для обмана международной общественности. К примеру, именно из-за него на Западе затормозилась кампания в поддержку академика Сахарова. В конце лета 1984 года, когда весь мир обеспокоенно следил за состоянием здоровья нобелевского лауреата в области укрепления мира, проживавшего с января 1980 года в городе Горьком, Виктор Луи продал западногерманской газете "Бильд" за баснословную цену несколько снимков и даже фильм (который мог отснять только КГБ), показывавший "ежедневную жизнь" Андрея Сахарова и его жены Елены Боннэр в ссылке. Большинство западных средств массовой информации показало эти кадры, где Сахаров выглядел очень похудевшим, но вполне здоровым. Общественность успокоилась, и сразу же пошла на убыль кампания в поддержку Сахарова. Цель КГБ была достигнута.

Виктор Луи родился в 1922 году. В начале 50-х годов он был осужден за спекуляцию. Есть много свидетельств заключенных о его поведении в тот период. В лагере Виктор Луи являлся "стукачом". Он вступал в контакт в основном с заключенными-интеллигентами, завоевывал их доверие, фиксировал их откровенные высказывания, затем сообщал о них руководству лагеря. В 1956 году он был освобожден. По данным майора КГБ Юрия Носенко, бежавшего на Запад в 1962 году, Виктор Луи с конца 50-х годов начал сотрудничать с советскими спецслужбами. Вначале его использовало управление КГБ по Москве, а не Второе главное управление, занимавшееся, как нам известно, наблюдением и проведением определенных операций в отношении иностранцев, проживающих в СССР. Руководитель этого управления, генерал Олег Грибанов, который подготовил ловушку для посла Дежана, относился к нему с недоверием. И многие офицеры КГБ презирали его из-за репутации Иуды, которую он получил, находясь в лагерях. "В 1960 году, – рассказал Носенко, – Виктор Луи начал искать возможность вступить в контакт с одним американцем, которого я попытался завербовать через своих агентов. Грибанов приказал руководству управления КГБ по Москве убрать его из операции и держать подальше от американца. Но надо отметить, что местный КГБ был связан с этим делом лишь самым косвенным образом. В глазах своих руководителей Луи был важной персоной. Его участие в операциях с иностранцами было признано довольно эффективным, и местный КГБ надеялся с его помощью "провернуть" ряд крупных дел. Нам постоянно твердили: "Этот Луи – прекрасный агент, он лучший из тех, что мы имеем". Его постоянно продвигали по службе".

И он в конце концов добился своей цели. Став "журналистом", он повел такой образ жизни, о котором многие советские люди могли лишь мечтать, включая и тех, кто относился к так называемой номенклатуре. Став владельцем нескольких иностранных автомобилей, шикарной квартиры в Москве и дачи с бассейном, расположенной неподалеку от столицы, он утверждал, что обязан всем этим лишь своей предприимчивости. КГБ, разумеется, помог ему подняться по социальной лестнице, чтобы он встречался с иностранными журналистами и в то же время продолжал выполнять свою подрывную работу. Он их, впрочем, довольно охотно принимал у себя, попутно предоставляя им возможность встретиться с некоторыми более или менее официальными представителями советской интеллигенции. В меню: виски,

икра и немного конфиденциальной информации о тайнах Кремля. Время от времени КГБ сообщал ему свои маленькие секреты, которые он затем торопился пересказать своим иностранным коллегам, тем самым поднимая свой авторитет и значимость в их глазах. Например, Виктор Луи был первым, кто в свое время сообщил об отставке Никиты Хрущева.

В международный аспект его деятельности входила дискредитация врагов СССР и сдерживание кампаний в поддержку советских диссидентов. Еще задолго до высылки Солженицына из СССР он неоднократно пытался дискредитировать писателя – как в самом Союзе, так и на Западе. Весной 1968 года он попытался продать в Европе копию в то время еще не изданного "Ракового корпуса". Русскому эмигрантскому издательству "Грани" удалось тогда вовремя разгадать его маневр. Если бы Луи удалась эта операция, у КГБ появился бы предлог для ареста Солженицына и запрещения его книги "за антисоветскую пропаганду за рубежом". 16 марта 1969 года в газете "Вашингтон пост" Луи также опубликовал подложное интервью Солженицына, в котором писатель хнычущим тоном жаловался на свою судьбу (что совершенно на него не похоже). В нем Солженицын также с одобрением отзывался о нападении немцев на Советский Союз и утверждал, что только Берия был виноват в существовании концентрационных лагерей, при этом он попутно пытался оправдать действия Сталина.

Другим крупным специалистом по одурманиванию общественности является Юрий Жуков. Бывший главный редактор "Правды", он долгое время работал ее корреспондентом во Франции. И сейчас он продолжает совершать частые поездки в Париж, где у него сохранились большие и маленькие друзья во многих министерствах. Он обедает с известными парламентариями, крупными чиновниками, собирает тут и там по крупицам важную информацию, но больше заботится о распространении "благой вести" о Советском Союзе. Будучи кандидатом в члены ЦК КПСС и председателем Советского комитета защиты мира, Жуков работал не на КГБ, а, скорее всего, на Международный отдел Пономарева или Отдел международной информации Замятина. Во время одной из его поездок во Францию в 1976 году Жукова сопровождал Вадим Загладин, помощник Пономарева. Воспользовавшись поездкой, Жуков встретился с многими видными деятелями страны, в частности с Эдгаром Фором, бывшим тогда председателем Национального собрания, и Робером Эрсаном, владельцем влиятельной газеты "Фигаро". Этот "большой друг Франции", как он любит себя представлять, не стеснясь, занимался пропагандой и дезинформацией при каждом удобном случае, лживо заявляя, например, о нацистском прошлом Солженицына в тот самый момент, когда он должен был получать Нобелевскую премию по литературе. Почти сразу же после прихода к власти Горбачева Жуков снова приехал во Францию для рекламирования достоинств нового хозяина Кремля. Он встречался с многими главными редакторами газет, стараясь убедить их в искренности и открытости Горбачева.

Юрий Рубинский, чародей и умница, прекрасно говорящий пофранцузски, известен, кроме того, и как эксперт в области дезинформации. До своего отъезда в Москву в ноябре 1985 года он в течение долгого времени работал советником в посольстве СССР в Париже и принадлежал к тем партийным функционерам, которые занимались анализом французской политики и одновременно пытались повлиять на нее посредством своих связей. Благодаря помощи одной довольно известной в издательском деле дамы он получил доступ к самым различным влиятельным кругам (политическим, преподавательским, журналистским, артистическим). Он усердно посещал парижские салоны для сбора разного рода информации и передачи ее в ЦК, в Москву. Но он также занимался распространением советской "благой вести", подобно Жукову и Виктору Луи.

Функционирование этой гигантской машины, о которой мы вам только что рассказали, было подчинено вполне определенным целям, которые сегодня не столь трудно определить благодаря работе американских спецслужб. Они задолго до французов осознали всю опасность, которую представляли "активные меры".

Используя все свои официальные и тайные пропагандистские каналы, СССР стремился: – Оказать давление на общественное мнение в Соединенных Штатах, в странах Европы

и остального мира с тем, чтобы убедить его в том, что главными причинами всех конфликтов на планете являются политические, экономические и военные происки Соединенных Штатов.

– Доказать агрессивный, милитаристский и империалистический характер Соединенных Штатов.

– Расколоть Атлантический союз и бросить тень на те страны, которые сотрудничают с ним.

– Дискредитировать вооруженные силы и спецслужбы США (в особенности ЦРУ) и других стран – членов НАТО.

– Доказать, что политические цели Соединенных Штатов несовместимы с интересами развивающихся стран.

– Ввести в заблуждение мировую общественность по поводу истинной природы советских амбиций в мире и создать благоприятную атмосферу для проведения своей международной политики.

Для осуществления тайных "активных мер", которые на данный момент представляют для нас больший интерес, советские спецслужбы широко использовали метод "дезинформации". Он основывался на распространении ложных сведений с целью введения в заблуждение противника (главным образом это касается общественного мнения и правительств западных стран) и одновременном использовании "агентов влияния", в задачу которых входило создание положительного образа стран социализма и дискредитация капиталистических государств.

Как говорится в одном пособии, предназначенном для офицеров КГБ и рассмотренном американским конгрессом в 1980 году, "дезинформация является средством, полезным при выполнении разного рода заданий в интересах государства, и имеет целью ввести противника в заблуждение по следующим вопросам:

- 1) основные направления национальной политики;
- 2) экономическая и военная обстановка;
- 3) достижения СССР в области науки и техники;
- 4) политика, проводимая некоторыми империалистическими государствами в отношении между собой, а также в отношении других стран;
- 5) специфическая контрразведывательная деятельность органов госбезопасности".

Ладислав Биттман, бывший заместитель начальника службы дезинформации чехословацкой разведки (Восьмого отдела), перешедший на Запад в 1968 году, отмечает, что этой же цели подчинена вся работа разведорганов коммунистических стран. "В первое время мы получали директивы и указания через советников КГБ, работавших на всех руководящих уровнях. Обычно от нас требовалась выработка программ действий по дискредитации Соединенных Штатов и стран Западной Европы, по разжиганию противоречий между членами НАТО и созданию трудностей во взаимоотношениях США с развивающимися странами. Наша группа собиралась вместе и подготавливала определенное количество оперативных планов в соответствии с полученными инструкциями: Но, прежде чем перейти к их практическому осуществлению, мы должны были получить одобрение прикрепленного к нашему отделу офицера КГБ. Все контакты, которые я с ним поддерживал, носили строго профессиональный характер. Я был обязан узнать его мнение, и он мог внести какие-то изменения или дать свои рекомендации. С другой стороны, мы знали, что он мог и запретить любой из наших проектов. Как правило, я должен был с ним встречаться каждый день".

В последние годы американской разведке удалось выявить целый ряд фальшивок, распространенных КГБ на Западе, которые прекрасно иллюстрируют истинные намерения Советского Союза.

– Ноябрь 1981 года: многие журналисты, следившие за работой мадридской Конференции по выполнению хельсинкских соглашений, получили по почте фотоконии

личного письма Рональда Рейгана, адресованного королю Хуану Карлосу, в котором американский президент предостерегал последнего в отношении отдельных особ из его окружения, выступавших против присоединения Испании к НАТО. Рейган советовал испанскому монарху избавиться от этих людей и тем самым ускорить процесс интеграции своей страны в североатлантическую организацию. Москва стремилась таким образом добиться ухудшения отношений между двумя странами в момент, когда испанское общественное мнение было чрезвычайно расколото в вопросе о членстве страны в НАТО.

– Ноябрь 1981 года: примерно с десятков американских и зарубежных журналистов, работавших в Вашингтоне, получили идентичные телеграммы, в которых им предлагалась эксклюзивная информация о секретном договоре между США и Швецией, свидетельствовавшем о том, что американские военные корабли использовали шведские базы для своих разведывательных операций в Балтийском море. На этот раз советская разведка преследовала сразу несколько целей: добиться ухудшения отношений между обеими странами, поставить под сомнение нейтралитет Швеции и отвлечь внимание международной общественности, озабоченной в тот период сообщениями ВМС Швеции об обнаружении нескольких "неопознанных" (по всей видимости, советских) подводных лодок вблизи ее секретных военно-морских баз.

– Январь 1982 года: в распоряжение нескольких греческих газет попали два интересных документа. В первом, подготовленном каким-то "исследовательским институтом", якобы связанным с госдепартаментом США, содержался анализ ситуации в Греции. Его авторы высказывали предположение, что Вашингтон поддержит военный переворот в стране, если премьер-министр Папандреу (социалист), пришедший к власти в сентябре 1981 года, не продлит договор об американских базах в Эгейском море, на что он намекал в ходе своей предвыборной кампании. Второй документ воспроизводил письмо заместителя госсекретаря Уильяма Кларка, адресованное послу США в Афинах, в котором последнему рекомендовалось предпринять самые неотложные меры в соответствии с прогнозами вышеупомянутого института. Учитывая тот факт, что американо-греческие отношения и так уже были начиная с 1974 года чрезвычайно натянутыми (из-за тайной поддержки Вашингтоном заклятого врага Греции – Турции в ходе кипрского конфликта), эти фальшивки должны были еще больше настроить новое социалистическое правительство и общественное мнение Греции против Соединенных Штатов.

– Апрель 1982 года: бельгийский еженедельник левого толка "Де ниве" опубликовал письмо, датированное 29 июня 1979 года, которое было направлено генеральному секретарю НАТО Джозефу Лунцу генералом Хейгом, бывшим в тот период главнокомандующим вооруженными силами союзников в Европе. Составленное в самом дружеском тоне, послание давало понять, что они оба работали рука об руку над тем, чтобы заставить западноевропейские страны согласиться на размещение евро ракет ("Першингов-2" и крылатых ракет) на своих территориях. Генерал Хейг уточнял в письме, что западные страны могли бы первыми использовать ядерное оружие, из чего следовала необходимость модернизации существовавшей боевой техники и укрепления связей между Вашингтоном и его союзниками. Этот фальшивый документ подтверждал худшие опасения пацифистов, объединившихся по всей Европе против размещения евро ракет: установка "Першингов-2" отвечала исключительно интересам американцев и превращала Европу в арену ядерного противостояния СССР и США.

– Июль 1983 года: итальянский еженедельник левого толка "Паче е гуэрра" опубликовал две депеши, отправленные в Вашингтон посольством Соединенных Штатов в Риме, в которых подводился итог кампании по одурманиванию международной общественности, организованной ЦРУ с целью возложить всю ответственность за покушение на папу Иоанна Павла II на СССР и Болгарию. В то время как результаты расследования и признание самого турка, стрелявшего в папу римского, прямо указывали на "болгарский след", фальшивые телеграммы должны были отвлечь внимание общественного мнения, убедив его в существовании некой широкомасштабной американской операции,

нацеленной на то, чтобы несправедливо бросить тень на Софию и Москву.

Эти несколько примеров прекрасно свидетельствуют о целях советских органов дезинформации: ослабить связи Соединенных Штатов со своими союзниками (в случае с Испанией и Грецией), подорвать авторитет НАТО (в случае с Бельгией) и постараться замаскировать подрывную деятельность СССР (в Швеции и Италии).

Что же касается методов их осуществления, то в общих чертах они мало отличались друг от друга. Советские спецслужбы распространяли многочисленные фальшивки в надежде, что какой-нибудь печатный орган проглотит наживку. Неважно, что вместе с ним на крючок попадет и определенный круг читателей. Как только ложная информация будет опубликована, ею сразу же воспользуется огромная советская пропагандистская машина, с тем чтобы, подтвердив ее истинность, еще больше усилить свою дезинформационную работу.

В книге, появившейся в Соединенных Штатах в 1962 году и озаглавленной "Советское посольство изнутри", Александр Казначеев, бывший советский дипломат, работавший в свое время в Бирме, подробно описывает такого рода манипуляции: "Работа была несложной. Статьи писались в штаб-квартире КГБ в Москве. Затем, полученные в виде микрофильмов, они фотокопировались в посольстве. Моя работа заключалась в их переводе на английский язык. Другой член группы, Возный (первый секретарь посольства), находил через наших местных агентов способ опубликовать полученную статью в одной из бирманских газет. Эта газета переводила статью на бирманский язык, добавляя от себя небольшие стилистические правки, и публиковала ее, к примеру, с пометкой "От нашего специального корреспондента в Сингапуре". Но моя работа на этом не заканчивалась. Я брал уже опубликованную статью и сравнивал ее с русским оригиналом. Затем я делал окончательный вариант и отправлял его в Москву. Выполнение заключительной фазы операции возлагалось на советское Информбюро, ТАСС, Московское радио и на дипломатические представительства СССР за рубежом. Их задача заключалась в распространении данного материала во всех странах, как будто речь шла о подлинном документе, опубликованном в бирманской прессе".

Согласно наглядному объяснению Бранко Лазича в мартовском номере журнала "Эст э Уэст" за 1984 год, метод, использованный Казначеевым более 20 лет назад, продолжает оставаться таким же эффективным и сегодня. "Одна из последних фальшивок касается Гренады, – писал Лазич, – точнее, убийства премьер-министра Гренады Мориса Бишопа своими товарищами из ЦК партии. Это убийство вызвало чувство омерзения даже среди латиноамериканских коммунистов. А не проще ли было избавиться от подобного груза, взвалив всю вину на ЦРУ? В качестве посредника избрали индийский еженедельник "Нью уэйв", который имел наглость опубликовать следующую советскую версию: "Как нам стало известно из достоверных источников, Морис Бишоп был убит агентом ЦРУ С.Сен-Полем, являвшимся начальником личной охраны премьер-министра..." Советское агентство "Новости" поспешило "взять на вооружение" и распространить это "разоблачение" по всем миру. Вскоре в еженедельнике гваделупских коммунистов "Этэнсель" за 7 января 1984 года можно было прочитать статью, озаглавленную "Морис Бишоп был убит агентом ЦРУ", которая начиналась такими словами: "Агентство печати "Новости" предлагает статью из индийского еженедельника "Нью уэйв", которая воссоздает обстоятельства смерти премьер-министра Гренады Мориса Бишопа".

В данном случае подделка выглядела довольно грубой. Но в других случаях русские прекрасно умеют скрывать свой "монтаж", если воспользоваться термином, выведенным в заголовок одного известного романа Владимира Волкоффа, посвященного дезинформации. Ни один из журналистов, каким бы осторожным он ни был, не застрахован от ловушки в виде фальшивки. Известный американский политический обозреватель Флора Льюис убедилась в этом на собственном опыте, после того как в одной из своих статей в газете "Нью-Йорк таймс" за 6 марта 1981 года она сослалась на заявление группы чиновников из госдепартамента США, осудивших официальную политику Рейгана в Сальвадоре и в Центральной Америке. По мнению этих чиновников, Соединенные Штаты могли быть

втянутыми в новый Вьетнам. Через три дня для Флора Льюиса вынуждена была принести публичные извинения: упомянутых в статье чиновников попросту не существовало и их заявление было ложным.

"Условия, при которых печатный орган может принять какой-нибудь фальсифицированный или поддельный документ, признать его подлинным и в конце концов напечатать, зависят главным образом от характера его содержания, порядка его представления, а также от того, насколько умело он был составлен", – уточняют Годсон и Шульц, авторы книги о советских "активных мерах". В общем, КГБ тщательно выбирает то или те средства массовой информации, которые способны опубликовать фальшивку, и умеет использовать политическую конъюнктуру в той или иной стране для организации операции по дезинформации. Однако из сотни фальшивок, которые он ежегодно готовит, лишь десяток достигают своей цели. Почему? Занимающийся этим делом отдел "А" подвержен тем же болезням, что и все советское общество: подчас работа выполняется на очень низком уровне. Большинство подделок содержит слишком много ошибок в синтаксисе, орфографии и формулировках, чтобы ввести в заблуждение даже неспециалистов. Многомесячные усилия отдела "А" (не только чтобы добыть бланки и печати, необходимые для производства фальшивок) зачастую становятся напрасными из-за допущенной небрежности или простых ошибок в редактировании. Так что и КГБ может ошибаться.

Не следует забывать еще и такой фактор, как алчность некоторых людей на Западе, на которую также очень рассчитывает советская разведка. Несмотря на грубейшие ошибки, содержащиеся в некоторых фальшивках, их распространение может иметь самые неожиданные последствия даже спустя многие годы после их первого появления. Вот два ярких тому примера:

– В 1967 году появился сборник псевдодокументов, озаглавленный "Жертва для Европы", в котором американцы якобы предлагали использовать ядерное оружие даже на территории стран – участниц Североатлантического союза. Таким образом, Европе предназначалось стать первой жертвой наступательной или оборонительной ядерной войны. Вначале фальшивый сборник процитировала какая-то норвежская газета, затем ее примеру последовали многие другие европейские газеты. В 1981 году статьи на эту тему появились в Голландии, Норвегии, Бельгии, Греции, Великобритании, Франции и на Мальте. В сентябре 1982 года самая крупная финская газета опубликовала письмо, подписанное тремя врачами, которые осудили ядерную угрозу, причем они строили свои доводы исключительно на упомянутой фальшивке. Всего же на этот документ ссылались около 20 раз.

– В 1975 году одна турецкая газета воспроизвела на своих страницах несколько отрывков из Устава сухопутных войск США. Предполагалось, что данный документ должен был содержать директивы для служб военной разведки, действовавших в тех странах, где размещались американские войска. В действительности же речь шла о практических методах вмешательства в дела местных органов власти, завоевания симпатий крупных чиновников и военных, а также оказания влияния на деятельность разного рода левацких организаций. Предполагаемая цель: сохранить позиции США в тех союзнических государствах, где коммунисты могли бы войти в состав правительства. В 1978 году фальшивку перепечатали два испанских издания. Позднее эту тему затрагивали органы печати в более чем двадцати странах, в том числе и в США.

Если верить советской пропаганде, то дезинформация совершенно чужда тем методам, которые использовал СССР против западных демократий. Как раз наоборот, это чистой воды изобретение капитализма, и предназначено оно для обмана "эксплуатируемых масс" и дискредитации "родины социализма". После войны Большая Советская Энциклопедия впервые упомянула слово "дезинформация" на своих страницах, для того чтобы предостеречь народы мира от подобной опасности. При этом она дает следующее ее определение: "Распространение (в прессе, по радио и т.д.) ложных сведений с целью ввести в заблуждение общественное мнение. Капиталистическая пресса и радио широко используют дезинформацию для того, чтобы обманывать народы, опутывать их ложью и изображать

новую войну, подготовляемую американско-английским империалистическим блоком, как оборонную, а мирную политику СССР, стран народной демократии и других миролюбивых стран – как якобы агрессивную".

С тех пор в Советском Союзе появились десятки произведений, изобличавших западную дезинформацию. В этой связи журнал "Эст э Уэст" напечатал в своем мартовском номере за 1984 год полный перевод статьи из советского журнала "Огонек" (за декабрь 1983 года), посвященной книге некоего Михаила Озерова. Она называлась "В перекрестье прицела: мозги и души", и в ней в очередной раз резко критиковался названный выше порок капитализма. Здесь интересно привести доводы этой статьи, в особенности из-за комплимента, адресованного одному французскому журналисту, чьи антиамериканские взгляды всем хорошо известны. Книга Михаила Озерова, подчеркнута в статье, заканчивается словами знаменитого французского журналиста Клода Жюльена, главного редактора ежемесячного журнала "Монд дипломатик", о том, что одной из наиболее беспокоящих форм ущемления общественных свобод является дезинформация населения. Свобода агитации, по его словам, превратилась в свободу изливать на головы людей потоки информации, составленные из лживых, демагогических и тенденциозных заявлений с единственной целью помешать людям понять то, что происходит вокруг них.

Автор статьи пишет, что хорошо знаком с автором этих строк, который неоднократно высказывал эту свою точку зрения во время их встреч в Париже. Однако Жюльен, продолжает он, является своего рода исключением в той армии потрошителей мозгов и душ в мире буржуазной прессы, которых еще называют бандитами пера или идеологическими террористами. В своей новой книге Михаил Озеров говорит именно о них, и говорит увлекательно, с конкретными фактами, приводя неопровержимые доказательства преступной деятельности западной пропаганды.

Кроме ложных сведений и подтасованной информации, "активные меры" включают в себя деятельность так называемых агентов влияния, видных общественных и политических деятелей, которые, используя свое социальное положение, связи, занимаемую должность или заслуженное доверие, оказывают определенную помощь (правда, не всегда законными путями) некой иностранной державе в достижении ею своих целей.

Особенно скрытые и трудные для обнаружения операции такого рода могут выполняться как завербованными по всем правилам и действующими по прямому приказу агентами, так и некими "доверенными агентами", которые хотя формально и не завербованы, но готовы добровольно служить какой-нибудь стране. Можно, наконец, воспользоваться услугами некоторых лиц таким образом, что те даже не догадается об отведенной им роли.

Социалистические страны не являлись единственными, кто прибегал к услугам "агентов влияния", но они гораздо активнее, чем остальные, стремились закрепить свои отношения с ними какими-то договорными обязательствами. Во Франции, как мы увидим позднее, в этом плане особую активность проявляли советские и румынские спецслужбы.

Журналист, действующий по чьей-то указке, является идеальным "агентом влияния" (или доверенным агентом) благодаря своим многочисленным контактам, а также эффекту, который могут вызвать его публикации в том органе массовой информации, где он работает. "КГБ особенно интересуют обозреватели, прекрасно разбирающиеся в политических, экономических и военных вопросах, – объяснил Станислав Левченко, бывший офицер КГБ, занимавшийся "активными мерами" в Японии, перед тем как перебежать на Запад в 1978 году. – Четверо из агентов, которыми я руководил в Японии, были достаточно известными в своей стране журналистами. Они поддерживали отношения с лидерами социалистической и либерально-демократической партий, а также с высокопоставленными чиновниками и министрами. Кроме того, эти журналисты добывали мне секретные документы и сведения из правительственных источников. Я им также поручал различные операции по оказанию давления на некоторых влиятельных политических деятелей".

Завербованный журналист не должен выступать простым рупором советской пропаганды, чтобы не быть быстро разоблаченным и, следовательно, обезвреженным.

Левченко уточняет, в каких условиях он работал со своими агентами, чтобы добиться умелого распространения советской пропаганды в японских средствах массовой информации: "Я им давал лишь общие указания, лишь основные темы; я снабжал их только общей информацией. Но они всегда должны были сами писать свои статьи. Мне казалось неловким навязывать им заранее составленные тексты. Причина тому была проста: у каждого журналиста есть свой стиль, своя собственная манера представления фактов. В этих условиях статья, написанная мною или кем-то другим в Москве, неизбежно привлекла бы внимание японской контрразведки. В общих чертах я представлял лишь направление, тему, определял цель. Впрочем, я мог дать некоторые советы, как лучше достичь намеченной цели..."

Бывший заместитель начальника службы дезинформации чехословацкой разведки Ладислав Биттман, перешедший на Запад в августе 1968 года, подтверждает такие высказывания: "Насколько мне известно, ни одному из наших агентов не передавались заранее подготовленные статьи. В оперативном плане это было бы оплошностью, способной разоблачить наши с ними связи. Я особо выделяю этот нюанс, так как крайне трудно сымитировать стиль другого человека. В сущности, я передавал лишь общий план, которому агент должен был следовать. Речь шла о двух или трех страницах, где уточнялись задачи статьи, а также некоторые темы, которые следовало раскрыть. Затем, получив указания, агент должен был лишь сформулировать их в своей статье. Иногда, чтобы помочь ему лучше справиться со своей работой, я снабжал его определенной документацией".

Касаясь характера этой работы, Биттман, в чьем подчинении находилось достаточно много журналистов, конкретно указывает цели, преследовавшиеся чехословацкой разведкой в Европе, которая в свою очередь действовала по прямым указаниям КГБ: "Главной задачей журналистов было написание статей, в которых им следовало не столько активно поддерживать политику СССР, сколько поносить Соединенные Штаты и НАТО, с тем чтобы создать атмосферу недоверия между Западной Германией и Францией или между США и их союзниками. К примеру, если речь шла о Федеративной Республике Германии, то Соединенные Штаты обвинялись не только в преднамеренном игнорировании интересов немцев во время всего периода оккупации, но также в стремлении навязать глубоко чуждые им политические и культурные институты. И наоборот, во Франции и других европейских странах мы представляли Западную Германию как нацию, сохранявшую сильные нацистские тенденции, в правительстве которой важные посты занимали многочисленные военные преступники. Такое положение вещей должно было создать видимость серьезной угрозы для всей Европы". Мы увидим дальше, что для подкрепления тезиса о нарождавшемся нацизме чехословацкие спецслужбы решились даже на организацию убийства во Франции.

Деньги, убеждения, шантаж и особенно лезть (с целью создать у "агента влияния" впечатление, что он играет основную роль в поддержании мира) – вот лишь некоторые из методов, обычно использовавшиеся советской разведкой и спецслужбами восточноевропейских стран с целью добиться согласия на сотрудничество (сознательное или неосознанное) от некоторых журналистов. Вербовка "агента влияния" осуществляется теми же методами, что и "обычных" агентов. Но гораздо труднее доказать предательство какого-нибудь журналиста, политического или профсоюзного деятеля, тайно пропагандирующего просоветские идеи, чем предательство шпиона, переправляющего секретные документы на Восток. Ведь, если не считать фальшивок, дезинформация по своей природе неосязема: никому не запрещено заявлять, что СССР является свободной страной, а в Соединенных Штатах царит диктатура. Некоторые, впрочем, так и поступали, хотя и не являлись советскими "агентами влияния" в том значении этого термина, каким мы его определили.

Франция в течение долгого времени была наиболее желанной мишенью для советской дезинформации. Генерал Иван Агаянц, первый руководитель службы "Д" Первого главного управления КГБ, созданной в 1959 году для организации ряда крупных дезинформационных операций против Запада, был с 1945 по 1949 год резидентом КГБ в Париже. За четыре года он смог довольно близко познакомиться с нашей страной, установить множество контактов и

организовать разветвленную агентурную сеть. Все это было им использовано при тайном распространении дезинформации, подготовленной его подчиненными в Москве.

Впрочем, Франция стала излюбленной мишенью для дезинформации еще задолго до появления самого этого термина в советском лексиконе. Использование Советским Союзом "активных мер" стало насущной необходимостью после того, как марксизм-ленинизм перестал владеть умами большинства представителей западной интеллигенции, и когда Москва перестала быть Новым Вавилоном для левых сил. Сегодняшний "агент влияния" в некотором смысле пришел на смену вчерашнему "соратнику", такому полезному СССР и социалистическому лагерю до середины 50-х годов. Однако после кровавого подавления венгерской революции произошла решительная переоценка ценностей в сознании многих людей на Западе.

Раньше советская дезинформация могла без особых ухищрений проникнуть в средства массовой информации и в конечном счете в сознание людей. Если взять за основу тот факт, что, как пишет Анни Кригель в предисловии к книге Годсона и Шульца, "дезинформация есть техника, нацеленная не на замену истинной информации ложной, а на замену информации идеологией", то, несомненно, "золотым веком" этой формы подрывной деятельности является период с 1917 по 1956 год. За почти сорокалетний отрезок времени идеология не только позволила извратить истинную природу советского режима, что прекрасно показал Кристиан Желан в своей книге "Ослепление" (Christian Jelen. L'Aveuglement. Flammarion, 1984), но она также использовалась для разного рода "разоблачений" врагов СССР, изоляции и подрыва их позиций. Это всегда было главной целью Кремля, которую он стремился осуществить посредством "активных мер".

Многие операции по дезинформации, проводимые во Франции, делали ставку на непреодолимое влечение французской интеллигенции к коммунистической идеологии. ФКП, другие массовые организации, такие, например, как Всемирный совет мира, опутанные советскими спецслужбами, в течение многих лет играли первые роли в подобных спектаклях, делая невозможными любые дебаты о советской угрозе и о будущем западных демократов.

СССР в умах людей

С 24 января по 4 апреля 1949 года Париж был похож на центр грандиозного паломничества. Лучшие представители прогрессивной интеллигенции предстали перед уголовным судом департамента Сены, для того чтобы высказать свое восхищение в адрес СССР и осудить действия сорокачетырехлетнего Виктора Кравченко, чья вина заключалась в написании антисоветского бестселлера "Я выбрал свободу".

Сразу же после ее выхода в свет книгу ожидал ошеломляющий успех, который был одновременно и удивительным и неожиданным. Удивительным потому, что все темы, подробно описанные в ней, – сталинский террор, лагеря, миллионы умерших от голода и насильственной коллективизации – уже нашли свое отражение более чем в 20 произведениях, вышедших за период начиная с 20-х годов и переведенных на французский язык. Неожиданным же он был потому, что к моменту ее появления, как показал опрос, проведенный французской службой изучения общественного мнения, 35 процентов французов считали, что положение дел во Франции гораздо хуже, чем в СССР. Значит, можно было верить в счастливую жизнь советских людей, прекрасно зная о том аде, в котором они находились. Интересный парадокс.

Бывший член советской комиссии по закупкам в Соединенных Штатах, где он 4 апреля 1944 года попросил политического убежища, Виктор Кравченко предпринял в начале 1949 года поездку в Париж в надежде добиться справедливости и положить конец недоброжелательству и клевете, которыми его осыпали некоторые органы печати в течение двух лет.

Его беды и несчастья начались задолго до появления вышеупомянутой книги. Никто из

наиболее крупных парижских издателей не согласился принять (исключительно по политическим мотивам) его рукопись из 338 страниц. Никто из них не хотел рисковать ухудшением отношений с ФКП – в то время самой крупной партией во Франции, чьи представители входили в состав правительства. Им не хотелось также бросать тень на престиж СССР – вчерашнего союзника по борьбе с нацизмом, страны, потерявшей 19 миллионов убитых, родины героических защитников Сталинграда.

Лишь небольшое издательство "Сельф" согласилось в конце концов напечатать данное произведение во Франции. Как потом написал в своем предисловии к книге ее отважный издатель Жан де Керделан, за этим решением последовали многочисленные ночные телефонные звонки и прямые угрозы "скорой расправы с применением самых изощренных пыток".

Едва книга вышла из печати, как ее тут же встретил настоящий заградительный огонь. "Я признаю, что ненавижу племя отступников и ренегатов", – писал Андре Пьер в своей рецензионной статье, опубликованной в газете "Монд" 25 июля 1947 года. "Если Кравченко выступает против режима, значит, он является его конституционным противником. И все последующие факты служат лишь тому оправданием", – заметил Пьер Дебрэ в газете "Темуаньяж кретьен" 29 октября 1947 года. "Рожденные среди злоупотреблений, его мысли бросаются на эти злоупотребления и провоцируют новые злоупотребления", – заявил Мишель Кок в журнале "Аж нуво" за 23 октября 1947 года. Пять дней спустя, 28 октября, 12 тысяч демонстрантов-коммунистов штурмом взяли зал Ваграм, где в то время проходил митинг в память "народов, находящихся под гнетом Советов". Было зарегистрировано 300 раненых.

Изгнанная 4 мая 1947 года из состава правительства, коммунистическая партия в соответствии с директивами, полученными в ходе конференции коммунистических партий в Склярска-Пореба (Польша) в сентябре 1947 года (см. главу первую), строила свою стратегию применительно к условиям "холодной войны". Обеспокоенные успехом, с которым, несмотря на резкую критику в прессе, была встречена книга "Я выбрал свободу", французские коммунисты, бессильные опровергнуть приведенные там свидетельства, собирались бросить все свои силы – и немалые – в кампанию по дискредитации Кравченко.

13 ноября 1947 года коммунистический еженедельник "Леттр франсэз", руководимый Клодом Морганом, вышел с огромным заголовком на первой полосе: "Как была сфабрикована книга Кравченко". Автор этих разоблачений, некий Сэм Тома, являвшийся в свое время, по данным газеты, агентом американских секретных служб, попытался раскрыть некоторые мерзкие черты характера бывшего советского служащего. Он утверждал, что книга Кравченко является обычной фальшивкой и полнейшим вымыслом. Сэм Тома представил ее автора хроническим алкоголиком, часто напивавшимся до беспомысленности в своем кабинете, а также вдрызг проигравшимся игроком. Незадолго до своей измены он, по утверждению Тома, должен был быть отозван в Москву, чтобы ответить за свои финансовые злоупотребления и даже за факты саботажа. Короче, Кравченко мог бы быть "идеальным простаком" для разного рода темных дел. Им якобы заинтересовались американские спецслужбы, предложившие организовать его побег и оплатить все его долги в обмен на... книгу. Но бывший чиновник оказался неважным писателем. За несколько недель он смог написать лишь "около 60 неудобочитаемых и практически непригодных для опубликования страниц". В конце концов его попросили лишь подписать какую-то рукопись, примерно в тысячу страниц, якобы подготовленную "меньшевистскими друзьями", из которой получилась книга "Я выбрал свободу", "Кравченко не мог показаться на людях, – писал в заключение Тома, – потому что он не был автором своей книжонки. И всем идиотам пора бы это уже понять".

Кравченко, который, опасаясь репрессий со стороны советской разведки, скрывался в Соединенных Штатах под вымышленным именем Питера Мартина, немедленно перешел в контратаку. Он обвинил "Леттр франсэз" в клевете. И этот спор должен был разрешить уголовный суд департамента Сена, начавший свою работу 24 января 1949 года, то есть через

четырнадцать месяцев после появления вышеупомянутой статьи.

За эти четырнадцать месяцев коммунистическая пресса не скупилась на клевету. В серии статей, опубликованных в ноябре 1947 года в ежедневной газете ФКП "Се суар", руководимой самим Арагоном, Жорж Сориа так описывал "защитников свободы", нашедших себе пристанище в Соединенных Штатах: "К ним относятся: усташ Мачек, сотрудничавший с немцами и боровшийся против Тито, болгарские ренегаты, которые борются против народной демократии Димитрова, венгерские перебежчики а-ля Ференц Надь и предатели типа Кравченко, чья книга была написана американскими специалистами из ФБР и ЦРУ и вышла во Франции роскошным изданием тиражом в 80 тысяч экземпляров". За несколько дней до начала процесса "Се суар" снова вышла с заголовком во всю первую полосу: "Одна книга за подписью Кравченко уже появилась при Гитлере в 1941 году". В качестве доказательства газета воспроизвела форзац произведения некоего Р.Кравченко, изданного в Дрездене под названием "Я был заключенным у Сталина". По мнению авторов коммунистического издания, речь шла об одном и том же авторе. Доминик Дезанти в другом печатном органе ФКП, журнале "Аксьон" (за 5-20 января 1949 года), попытался обосновать эту версию: "Я навел справки и узнал, что фамилия Кравченко в СССР встречается так же редко, как Бразийак во Франции (ссылка на этого писателя, расстрелянного после освобождения Франции, по всей видимости, была не случайной).

Шансы омонимии, по мнению специалистов, определяются как один к миллиону". Неважно, что в 1941 году Виктор Кравченко находился в СССР; неважно, что его фамилия на Украине, откуда он родом, распространена так же, как Дюпон у нас, – клевету не смущают никакие детали.

Вот в каких условиях открывался процесс, затеянный Кравченко против "Леттр франсэз". И он не мог оставить равнодушными ни прессу, ни общественное мнение.

Из-за значительной продолжительности этого процесса мы не будем здесь подробно останавливаться на нем. Полный отчет о процессе, опубликованный в свое время издательством "Альбен Мишель", смог уместиться "лишь" на 1326 страницах. Кроме того, многие авторы скрупулезно изучили это крупное событие, например Гийом Малорр в своей превосходной книге "Дело Кравченко" (Guillaume Malaurie. L'Affaire Kravchenko. Robert Laffont, 1982), появившейся в 1982 году.

Нас же здесь больше интересуют механизмы советской дезинформации. Данный процесс позволяет их оценить в самой полной мере.

Влияние ФКП в обществе, воздействие коммунистической идеологии на сознание интеллигенции, ослепление лучезарным будущим советской системы, усиленное "мифом Сталинграда" – символом победы над нацизмом, – не могли объяснить всех особенностей той ситуации. За фасадом этого процесса, с момента его начала и вплоть до его завершения, был использован целый ряд методов дезинформации, которые нашли здесь самую благодатную почву для своего применения и развития.

Начнем с главного свидетеля обвинения – Сэма Тома, "бывшего американского секретного агента". За все десять недель процесса представители "Леттр франсэз" так ни разу и не смогли предоставить ни малейшего доказательства его существования. Но ни один из свидетелей защиты среди тех бесчисленных интеллектуалов, вызвавшихся помочь коммунистическому еженедельнику, похоже, совершенно не был удивлен данным обстоятельством. Все они приходили в суд только для того, чтобы заклеить "изменника" и "ренегата" Кравченко, а не для того, чтобы узнать истину.

А истина заключалась в том, что Сэм Тома никогда не существовал. "Это псевдоним одного американского журналиста", – утверждали представители "Леттр франсэз". Ложь. Многие годы спустя Клод Морган, бывший главный редактор еженедельника, признал это в автобиографии: "Андре Ульманн принес мне статью о Кравченко, которую я затем опубликовал без подписи. [...] В ней Ульманн выступал под именем Сэма Тома и обвинял Кравченко во лжи и пьянстве" (Claude Morgan. Don Quichotte et les autres. Roblot, 1979).

Итак, Сэм Тома и Андре Ульманн были одним и тем же человеком. Откуда же он

достал такую информацию? "Из американских источников, которым Ульманн вполне доверял", – ответил Пьер Дэкс, другой бывший главный редактор "Леттр франсэз" (с 1948 года), в обращении "К читателю", написанном к переизданной в издательстве "Оливье Орбан" книге "Я выбрал свободу". "Я должен особо отметить, – заявил он, – что в том случае не было никакой подтасовки. Обычное использование журналистом-профессионалом сенсационного материала, полученного, по мнению Ульманна, из достаточно надежного источника".

Вполне приемлемое объяснение. Но почему же тогда адвокат "Леттр франсэз" ни словом не обмолвился об этом в ходе процесса? Почему не пригласили в суд для дачи свидетельских показаний самого Андре Ульманна? Почему даже не было произнесено его имя? Для чего его надо было скрывать? Ни Клод Морган, ни Пьер Дэкс не дают никакого ответа на эти вопросы.

В действительности же "дело Ульманна-Сэма Тома" является гораздо более запутанным, чем его представляют упомянутые выше свидетели. Вполне вероятно, что во всей этой истории журнал "Леттр франсэз" выступал лишь непосредственным исполнителем в кампании дезинформации, направленной на дискредитацию Кравченко. Но кто же тогда "дергал за веревочки"? Какова истинная роль Ульманна? Вот те настоящие вопросы, которые следовало тогда поставить, даже если бы было трудно найти на них исчерпывающие ответы.

Пьер Дэкс допускал, что Андре Ульманн вполне мог быть кемто "подставлен": не исключено, что его информатор являлся агентом Москвы, замаскированным под американца. Это вероятно, но совершенно неудовлетворительно. В таком случае Ульманн должен был играть роль "полезного идиота", а это совершенно не соответствовало его характеру. Именно здесь находится ключ к пониманию всей аферы, всей правды, о которой мы уже, несомненно, не узнаем никогда.

Кто же такой Андре Ульманн? Официальная биография этого журналиста и писателя, умершего в 1970 году, внешне выглядит довольно безупречной. Первые шаги в журналистике он сделал в 30-е годы, сначала в качестве секретаря в редакции журнала "Эспри", руководимого Эммануэлем Мунье, а затем в еженедельнике "Вандреди", стоявшем на позициях, близких к Народному фронту. Позже он сотрудничал с "Энформасьон сосьяль". Попав в 1940 году в плен к немцам, он был в 1942 году освобожден по болезни и стал активным участником национального движения военнопленных и депортированных лиц. Арестованный в 1943 году гестапо, он был заключен под вымышленным именем в лагерь Маутхаузен. После освобождения Франции он работал во Временном консультативном собрании и одновременно являлся главным редактором ежедневной газеты "Этуаль", которая, впрочем, очень быстро прекратила свое существование. В 1946 году он становится главным редактором "Трибюн де насьон" – еженедельника, основанного в 1934 году и занимавшегося главным образом вопросами внешней политики. Этот пост Ульманн занимал вплоть до самой своей смерти. После этого "Трибюн де насьон" временно перестал выходить в свет до того момента, когда в марте 1971 года у "руля" журнала встал его сын Фабрис Ульманн. Под его руководством еженедельник просуществовал еще вплоть до 1983 года. Андре Ульманн являлся автором пяти книг: "Полиция – четвертая власть" (1935), "Заговор интриганов" (1946), "Гуманизм в XX веке" (1948), "Совместное управление и власть" (1968), "Лагерные поэмы" (1969).

Представляя себя левым гуманистом, Андре Ульманн никогда не являлся членом коммунистической партии, хотя и был к ней достаточно близок, как и многие интеллектуалы послевоенного периода. Однако в его случае довольно трудно говорить об обычном "товариществе". Похоже, его сотрудничество выходило далеко за рамки простого восхищения ФКП. "Все свои силы и способности, – объяснял Пьер Дэкс, – он собирался посвятить делу, оправдывавшему, как ему казалось, те опасности, которым он подвергался, будучи участником Сопrotивления, и сливавшегося в его глазах с рациональным будущим человечества: *помощи Советскому Союзу*" (выделено автором).

Многие свидетельства сходятся в одном: существовала прямая связь между Ульманном

и Москвой. Являясь, по некоторым данным, глазами и ушами советского посольства в Париже, он никогда не имел дело с ФКП, так как был непосредственно связан с русскими. Его еженедельник "Трибюн де насьон" строго придерживался линии Кремля, что позволило ему стать французским изданием (после тех, что принадлежали ФКП), наиболее часто цитируемым самым официальным печатным органом – газетой "Правда".

"Ульманн отнюдь не казался сталинистом, – уточняет Пьер Дэкс. – Он совершенно не был похож на коммуниста. Это был прогрессивный интелlectual, но без какого-либо утопического вздора во взглядах, характерного для подобной категории людей". Бывший главный редактор "Леттр франсэз" добавляет дальше ключевую фразу, которая, вероятно, лучше всего объясняет характер Ульманна и, следовательно, его истинную роль: "Возможно, таких людей следует искать в англосаксонских странах. Вне всякого сомнения, его нельзя считать ни Филки, ни Берджесом, ни Алджером Хиссом, *но его образ мышления вряд ли намного отличался от их образа мышления*".

Был ли Андре Ульманн советским "агентом влияния"? Мы не сможем однозначно утверждать, но его роль в деле Кравченко остается довольно странной. Если бы Ульманн был искренен, ничто бы не помешало ему предстать перед судом, не раскрывая источников своей информации, как это имеет право сделать любой журналист. Но так как он умышленно остался в тени, его молчание тем самым подтверждает версию о сознательной лжи, о подготовленной со знанием дела советской операции по дезинформации.

В ходе процесса СССР проявлял все большую активность в отношении Кравченко. Перед началом судебного разбирательства советский посол в Париже Александр Богомолов провел конфиденциальную беседу с Клодом Морганом и Андре Вюрмсером (являвшимся тогда литературным критиком в еженедельнике "Леррт франсэз") и потребовал от них использовать все возможности судопроизводства для того, чтобы отложить слушание дела. Затем Москва попыталась с помощью газеты "Юманите" дискредитировать свидетелей, названных бывшим советским чиновником. 21 февраля 1949 года Советский Союз передал в министерство внешних сношений Франции следующее требование: "В соответствии с резолюциями ООН правительство СССР требует от французского правительства немедленной выдачи трех военных преступников, свидетелей В.А.Кравченко". Вопреки всем дипломатическим нормам газета французских коммунистов в тот же день перепечатала это на своих страницах. Но Париж не уступил советскому нажиму. Упомянувшиеся свидетели в свое время прошли через нацистские концлагеря. После войны они предпочли остаться на Западе, отказавшись вернуться на родину. Чтобы изобличить "предателей", Москва снова прибегла к подлогу.

Что же касается контрдоводов защитников "Леттр франсэз" в отношении Кравченко, то они прекрасно свидетельствуют об умонастроениях того времени, а также об официальных и тайных методах советской пропаганды.

Кравченко сначала обвинили в обычном дезертирстве. Избрав свободу в апреле 1944 года, в самый разгар мировой войны, он, по мнению коммунистов, самовольно покинул поле боя. Более того, свидетели от "Леттр франсэз" считали, что он чуть ли не перешел на сторону нацистов, хотя Соединенные Штаты тогда считались союзником СССР.

Затем он был представлен отпетым лгуном, ослепленным своими антикоммунистическими взглядами. Миллионы умерших от голода, лагеря, массовые истребления людей – ложь! Тоскующие по старому режиму, лишенные своих бывших привилегий и богатств, он и его свидетели теперь хотят дискредитировать "родину социализма" с тем, чтобы отомстить за себя.

И наконец, Кравченко изображался поджигателем войны, так как, обвиняя СССР, он тем самым нападал на всех сторонников мира.

Этот последний аргумент явился предвестником широкомасштабных кампаний, проводившихся советской пропагандой в 50-е годы с участием пацифистов, поддерживавших Стокгольмское воззвание и выступавших против атомной бомбы, а также с организацией массовых демонстраций против "американского империализма" в период

корейской войны. Большинство из свидетелей от "Леттр франсэз" потом вольются в эту борьбу или в качестве "соратников" ФКП, или в качестве сознательно или неосознанно манипулируемых "агентов влияния".

Вот лишь наиболее яркие фигуры среди них:

– Ученый Фредерик Жолио-Кюри. Отстраненный несколько лет спустя от руководства комиссариатом по атомной энергии, он получит в 1951 году Сталинскую премию за свой вклад в дело мира. Председатель ассоциации "Франция – СССР", председатель Всемирного совета мира (массовой организации, контролируемой, как мы видели, советскими спецслужбами), и Общества франко-польской дружбы, Жолио-Кюри служил в 50-е годы символом сотрудничества с СССР.

– Журналист Эммануэль д'Астье де ля Вижери, депутат Национального собрания, сочувствовавший коммунистам. Мы о нем упоминали при рассмотрении дела об утечке секретной информации (см. главу первую). Напомним, что этот бывший министр внутренних дел во временном правительстве де Голля (в сентябре 1944 года) основал и руководил ежедневной газетой "Либерасьон", которая финансировалась ФКП вплоть до своего закрытия в 1964 году. Заместитель председателя Всемирного совета мира, лауреат Ленинской премии "за укрепление мира" в 1957 году, д'Астье де ля Вижери до самой своей смерти оставался близок к СССР.

– Политик Пьер Ко, бывший министр в правительстве Народного фронта, прогрессивный депутат. Член комиссии по иностранным делам в Алжирском консультативном собрании, он был послан генералом де Голлем с информационной миссией в СССР (в феврале-июле 1944 года). Представленный им отчет является настоящим панегириком родине социализма: "Во всех публичных выступлениях и произведениях советских руководителей звучит постоянная забота о человеке. [...] Дела не расходятся со словами. Без этого обновленного культа гуманизма Советский Союз не смог бы преодолеть выпавшие на его пути испытания. [...] И если бы мне пришлось одним словом охарактеризовать эту цивилизацию, я, скорее всего, обозначил бы ее словом "гуманизм", а не "мощь", так как именно гуманизм лежит в основе мощи". Далее он заявил следующее: "Советское государство – диктатура одного класса, представляющего большинство населения. [...] После своего установления в 1918 году эта диктатура постоянно "разжималась" и становилась все более либеральной. [...] Кривая свобод – как и кривая критического ума – постоянно падает при капитализме и неуклонно растет при социализме". Этот пламенный поклонник Советского Союза основал в 1951 году совместно с Клодом Морганом, главным редактором "Леттр франсэз", журнал "Дефанс деля пэ" ("Защита мира". – прим. ред.), выходивший на 13 языках и имевший свой специальный фонд (нетрудно догадаться, из какого источника он финансировался).

– Генерал Пети, бывший начальник генерального штаба французских сил освобождения, бывший руководитель французской военной миссии в СССР (1941-1944), прогрессивный сенатор. Главный редактор журнала "Арме франсэз", находившегося под контролем ФКП, член постоянной комиссии "Движения за мир" (пацифистской организации прокоммунистического направления), заместитель председателя ассоциации "Франция – СССР", генерал Пети принадлежал к старшим офицерам, которые целиком и полностью находились на стороне коммунистов, к таким, как контр-адмирал Муллек или Малере-Жуэнвиль (получивший за свое участие в подпольном движении звание генерала сразу же после освобождения страны).

– Католик Пьер Дебрэ, участник Сопrotивления, журналист, сотрудничавший в еженедельнике "Темуаньяж кретьен". Член национального секретариата ассоциации "Франция – СССР" и постоянной комиссии "Движения за мир", автор хвалебного сочинения о советском режиме, озаглавленного "Возврат СССР к католицизму" (1950), Пьер Дебрэ в течение долгого времени являлся "вожаком" прогрессивных интеллектуалов-католиков, которых охотно использовали коммунисты для пополнения рядов своих сторонников из числа верующих. Позднее он вынужден был порвать с ФКП.

– Ив Фарж, журналист, участник Сопротивления, бывший комиссар республики в Лионе, где в сентябре 1944 года помог оформить фальшивые французские паспорта двум важным советским агентам – Лэну и Шандору Радо, игравшим заметные роли в "Красной капелле" в Швейцарии (см. главу первую). Подчиняясь директивам ФКП, Фарж основал в марте 1948 года организацию "Борцы за свободу", переименованную в ноябре того же года в "Борцы за мир и свободу". В январе 1951 года он возглавил "Движение за мир".

Все эти "соратники" выступали против Кравченко.

"Мое выступление выглядело как неплохое шоу, – сказал Ив Фарж. – Благодаря мне многие газеты вышли рекордными тиражами. Мне вежливо поаплодировали, но и только. Не было никаких кампаний против кремлевских тиранов, и я был уверен, что в судебном решении об СССР не будет сказано ни слова", – разочарованно сообщил он в интервью "Иси Пари" 28 марта 1949 года, за несколько дней до вынесения приговора. Его прогноз вполне оправдался.

Конечно, в обнародованном приговоре с Кравченко снимались все обвинения в мошенничестве, пьянстве, сотрудничестве с американскими спецслужбами, которые ему были предъявлены невидимым Сэмом Тома. Оклеветанный, он получил в качестве возмещения убытков 500 тысяч франков (по старому курсу). Журнал "Леттр франсэз" обязывался уплатить ему в качестве штрафа пять тысяч франков (через год, после апелляции, обе суммы были сокращены).

Но если касаться глубины проблемы, сущности советского режима, а значит, правдивости его свидетельских показаний, то Кравченко здесь проиграл. В своем объявленном на манер Понтия Пилата приговоре суд довольствовался лишь напоминанием о том, что в ходе процесса столкнулись две точки зрения об СССР. Он даже упрекнул автора книги в том, что тот "выбрал свободу" в неподходящий момент, в самый разгар войны и решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы выступить с обвинениями против своей страны.

Принимая во внимание все вышеперечисленные факты, можно сказать, что Советский Союз выиграл этот процесс. Его престиж не только не упал, а как раз наоборот – вырос. "Предатель" Кравченко позволил коммунистам сформировать вокруг себя некий "священный союз", мобилизовать все слои французской интеллигенции, превратить просто симпатизировавших в ярких пропагандистов советского строя. Одновременно поднятая вокруг процесса шумиха отвлекла внимание общественности от того, что происходило в самих странах социалистического блока, которые снова погружались в пучину кровавых чисток. Прекрасный успех.

Насмешка истории: приговор был вынесен 4 апреля 1949 года, то есть ровно пять лет спустя после того, как Кравченко выбрал свободу. В тот же день, 4 апреля 1949 года, в Вашингтоне состоялось подписание договора о создании Североатлантического союза. Мир вступал в период "холодной войны". И каждому предстояло сделать выбор между американским империализмом, олицетворявшим абсолютное Зло, и коммунистическим лагерем – символом Добра. Этот манихейский подход еще долго использовался для замалчивания любой правды об СССР. Он также создавал прекрасное поле деятельности для советской пропаганды и дезинформации.

Комментируя приговор, осудивший еженедельник "Леттр франсэз" за клевету, газета "Юманите" 7 апреля 1949 года вышла с огромным заголовком: "Нет, господа, мир осудить нельзя!"

Тон был задан.

Интересно отметить, что "добрые души", которые так рьяно клеймили "предателя" Кравченко, остались безмолвными, когда во Франции и в других странах Запада все чаще стали появляться подделки, посвященные СССР. Все эти "произведения" создавали благоприятное впечатление о жизни в Советском Союзе и о его руководителях и не беспокоили "подголосков" коммунистического режима. Однако речь тогда шла о настоящих дезинформационных операциях, направленных на то, чтобы ввести в заблуждение

общественное мнение и одновременно изолировать всех, кто свидетельствовал об ужасной советской действительности.

Всего за период с 1947 по 1955 год появилось около 30 произведений такого рода, не считая бесчисленных газетных статей, чьи авторы неизменно представлялись "известными советологами". Борис Суварин и Бранко Лазич были едва ли не единственными во Франции журналистами, кто попытался изобличить этих самозванцев в журнале "Бюллетэн д'этюд э д'энформасьон политик энтернасьональ" (БЕЭПЭ, который с 1956 года стал называться "Эст э Уэст"). Их работа долгое время оставалась конфиденциальной, пока упорство не одержало верх над фальсификаторами. Но сколько вреда последние успели совершить! Некоторые из авторов даже стали влиятельными советниками, к мнению которых внимательно прислушивались многие политические деятели того времени.

Среди этих фальшивок отметим следующие:

– "Я выбрал виселицу" (Париж, "Юнивер", 1947), чье авторство приписывалось советскому генералу Власову, казненному в 1946 году за измену, выразившуюся в том, что он воевал против СССР на стороне нацистской Германии.

– "Моя работа в советском Генштабе" (Париж, 1949) Ивана Крылова.

– "С вами беседуют советские маршалы" (Париж, "Сток", 1950) Кирилла Калинова.

– "Истинный Сталин" (Париж, "Же сэр", 1950) Ива Дельбара.

– "Мой дядя Сталин" (Париж, "Денель", 1952) Буду Сванидзе, представленного в качестве племянника "отца народов".

– "Разговаривая со Сталиным" (Париж, "Колбер", 1953) все того же Буду Сванидзе.

– "Записи в дневнике" (Лондон, 1955), авторство приписывалось Максиму Литвинову, бывшему советскому наркому по иностранным делам. Предисловие к этой фальшивке принадлежало Э.Карру, считавшемуся в тот период в Великобритании крупнейшим специалистом по Советскому Союзу.

В июньском номере еженедельника "Карфур" за 1948 год была опубликована вымышленная "Переписка между Сталиным и Тито", а газета "Комба" (11 мая 1953 года) опубликовала приобретенное за бешеные деньги так называемое "Завещание Сталина".

"Фальсификаторы стараются следовать неизменному правилу: никогда не нападать на Советский Союз и обязательно представлять руководителей Кремля в благоприятном и сочувственном свете", – отмечал Бранко Лазич. В книге "С вами беседуют советские маршалы", например, ее автор рисовал идиллическую картину Красной Армии и ее Генерального штаба, выступавшего с прекрасными пацифистскими намерениями. Произведения же племянника Сталина (которого никогда в реальности не существовало) представляли диктатора таким отважным и сентиментальным дядюшкой, любившим поиграть на балалайке и в бильярд с Молотовым (бывшим тогда министром иностранных дел). "Переписка между Сталиным и Тито" подтверждала троцкистские симпатии югославского руководителя, о которых постоянно твердила советская пропаганда. "Завещание Сталина" наглядно показывало, что политика его последователей осуществлялась в той же самой плоскости, что и политика всеми любимого почившего "вождя".

Указанные произведения, вышедшие под фамилиями Власова, Калинова, Сванидзе, были, однако, написаны одним и тем же человеком: Григорием Беседовским, бывшим советским дипломатом, сбежавшим перед войной на Запад. Беседовский создал настоящую фабрику по производству фальшивок – некое общество под названием "Паж энтернасьональ", в задачу которого входила реализация по очень дорогим ценам всех этих "мемуаров" и прочих "откровений" друзей и близких руководителей Кремля. Кроме того, "Паж энтернасьональ" снабжало многие газеты разного рода "эксклюзивными" комментариями, написанными в благоприятных для советской политики тонах. Среди его постоянных клиентов фигурировали "Фигаро", "Трибюн де Женев", "Карфур".

Ив Дельбар, бывший редактор газеты "Матэн" (сотрудничавшей с немцами во время войны), автор книги "Истинный Сталин", в течение долгого времени являлся компаньоном

Беседовского. Используя многочисленные псевдонимы (Ник Дел, Ник Деларни, Жан Перрени, Никола Косяков), Дельбар сотрудничал с многими газетами, такими, как "Франсуар", "Пари-пресс", "Комба" и "Журналь де Женев". Являясь страстным поклонником Сталина, он и после смерти последнего продолжал выступать его пылким защитником, предрекая советской системе самое радужное будущее. В своей статье "Смятение Запада и логика СССР", появившейся в газете "Комба" 29 апреля 1953 года, он попытался объяснить, как Сталин все смог предвидеть заранее. "Последовательность действий русской дипломатии отличается необыкновенной ясностью. Лишь предвзятость западных наблюдателей мешает им заметить это. Ее (дипломатии) нынешние шаги являются прямым продолжением политики Сталина, проводившейся им с 1945 года. [...] Нынешняя тактика правительства СССР является лишь осуществлением плана действий, предвиденного самим Сталиным на последующий, после его смерти, период". Через несколько месяцев, в сентябре 1953 года, Дельбар заявил в одном влиятельном ежемесячном журнале, "Франс-иллюстрасьон", что СССР выиграл у Соединенных Штатов "битву калорий" благодаря неисчерпаемым возможностям своего сельского хозяйства, развитие которого, похоже, ориентировано на опережение темпов роста численности населения [...] и его запросов, и так уже удовлетворяемых достаточно полно. [...]. Если ничто не помешает реализации плана, оставленного в наследство самим Сталиным, СССР станет обладателем наиболее действенного оружия, отвечающего самым насущным потребностям большинства людей, тем 59,5% голодающих, число которых имеет тревожную тенденцию к увеличению".

После публикации данной статьи многие другие западные журналисты также громогласно повторили эти пророчества, но уже больше по незнанию истинной ситуации в СССР, чем преднамеренно. Произведения Ива Дельбара и Григория Беседовского всегда выглядели как умелое оправдание политики СССР. Борис Суварин не колеблясь назвал их просоветскими агентами. Как и многих других в ту эпоху. Несомненно, но для них дезинформация являлась ремеслом, средством существования, а не обычной идеологической слепотой. Беседовский и Дельбар прекратили свою черную деятельность с наступлением периода "десталинизации". Они не осознали своих ошибок. Они просто перестали быть полезными СССР.

Война и мир

Война в Корее, начавшаяся 25 июня 1950 года и завершившаяся подписанием соглашения о перемирии 27 июля 1953 года, позволила советским спецслужбам, что называется, на практике опробовать эффективность своих методов дезинформации. В тот период благодаря пропагандистской кампании, развернутой целым рядом массовых общественных организаций (в основном Всемирным советом мира), контролируемых Москвой, и при посредничестве некоторых "агентов влияния" в средствах массовой информации были одновременно распространены две фальшивки.

Первая ложь извращала причины конфликта. Все началось с агрессии Южной Кореи против Северной Кореи, но сокрушительный ответный удар войск Пхеньяна сорвал подготовленный Вашингтоном план. Война доказала, что социалистический лагерь олицетворяет мир, а Соединенные Штаты являются поджигателем войны. Но факты опровергли эту ложь. Если бы Северная Корея на самом деле стала жертвой агрессии, разве ее контрудар смог быть самым молниеносным и самым успешным за всю историю современных войн? Продвижение северокорейской армии на юг начиная с 25 июня 1950 года скорее подтверждает версию об агрессии Пхеньяна.

Вторая ложь оказалась более удачной. С 1951 года Соединенные Штаты обвинялись в том, что они забросили на территорию Северной Кореи насекомых и крыс, зараженных вирусом оспы. Угроза бактериологической войны нависла тогда над всем международным сообществом. Красный Крест и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) взяли тогда за дело и предложили провести беспристрастное расследование. Но Северная Корея и

ее китайский союзник сразу же воспротивились этому. В то же время все массовые организации, контролируемые Москвой, выступили объединенным фронтом против чудовищного злодеяния, совершенного американским империализмом.

Международная ассоциация юристов-демократов (созданная Москвой в 1946 году) поспешила подтвердить это ужасное сообщение, а Всемирный совет мира назначил международную следственную комиссию для "объективного изучения проблемы". Одновременно в Маньчжурию и Северную Корею отправилась делегация, составленная из пяти известных ученых (француза Мальтана, шведа Эндрина, итальянца Оливио, бразильца Пессоа и русского Жукова-Вережникова), занимавших прокоммунистические позиции. Руководил делегацией председатель англо-китайской ассоциации обществ дружбы Джозеф Нидхэм. На этот раз ни Пхеньян, ни Пекин не стали противиться расследованию. И в сентябре 1952 года комиссия представила свой отчет на 600 страницах, довольно неприятный для американской армии документ. Разумеется, в Северной Корее велась настоящая бактериологическая война, и 13 ее жертв в Корее и 19 в Китае предоставили на этот счет неопровержимые доказательства. Параллельно в западной печати появились "признания" американских летчиков, попавших в плен в Северной Корее, которые сознались в том, что участвовали в подобных бомбардировках. Кроме того, многие южнокорейские солдаты (тоже пленные) заявляли в своих "свидетельских показаниях", что они были посланы на север для проверки результатов деятельности бактерий.

Конечно, все это было ложью: и свидетельства комиссии Всемирного совета мира, и "признания", добытые под пытками. Но когда бывший командующий войсками ООН, воевавший на стороне Южной Кореи, был назначен главнокомандующим войсками НАТО и приехал 28 мая 1952 года в Париж, он был тем не менее встречен криками "Риджуэй-чума", скандировавшимися тысячами манифестантов, организованными ФКП, несмотря на запрет префектуры полиции (именно во время этой демонстрации был арестован вместе со своими знаменитыми почтовыми голубями Жак Дюкло).

У истоков столь грандиозной кампании дезинформации стоял человек, который, несомненно, является одним из наиболее крупных советских "агентов влияния" второй половины XX века. Речь идет о журналисте Вилфриде Берхете, австралийце по происхождению. Именно он, подчиняясь приказам Пхеньяна, Пекина и Москвы, запустил ложь о бактериологической войне и собрал так называемые признания американских летчиков и южнокорейских солдат.

В то время ему был 41 год, и освещение им в печати войны в Корее еще больше способствовало совершенствованию его таланта профессионального дезинформатора. Он уже смог проявить его в Венгрии в 1949 году (для дискредитации кардинала Миндсенти, посаженного коммунистами в тюрьму), затем в Берлине. В своей книге "Холодная война в Германии" он полностью поддерживал позиции СССР в той конфликтной ситуации, которая вспыхнула в 1948 году в бывшей столице фашистского рейха. В 1951 году его книга получила Сталинскую премию.

Но Берхет работал не только на коммунистическую прессу. Задачей этого прекрасного "агента влияния" было распространение и защита советской точки зрения у самой широкой и в основном консервативно настроенной публики. Прежде чем отправиться в Корею, он писал статьи о гражданской войне в Китае для чрезвычайно консервативной английской газеты "Дейли экспресс", а также подготовил много репортажей в странах Восточной Европы для лондонской "Таймс". В 1951 году он обосновался вместе со своей женой, членом болгарской компартии, в Китайской Народной Республике.

Во время войны в Корее Берхет являлся корреспондентом многих коммунистических изданий, таких, как "Юманите" и "Се суар"; последняя была основана ФКП уже после второй мировой войны. Именно с помощью этой газеты ему удалось организовать дезинформационную кампанию о бактериологической войне, что позднее признал сам бывший главный редактор "Се суар" Пьер Дэкс. "Как раз в тот самый момент и началась кампания по поводу бактериологической войны в Корее, – писал он в автобиографии. – Я

постарался создать самую широкую рекламу сообщениям Берхета. Марсель Пренан (профессор факультета естественных наук. Ранее Пренан был выведен из ЦК ФКП за то, что отказался верить утверждениям Лысенко о "новой биологии") не проявил ни малейшего колебания.

Жолио-Кюри прикрывал нас своим авторитетом. Нам всем была нужна эта моральная разрядка. И те, кто выдумал столь прекрасный ход (так как все это от А до Я было явной выдумкой), обладали настоящей политической гениальностью. Подобная "обработка мозгов" сродни "охоте за ведьмами", которая неистовствовала в Соединенных Штатах. И мы еще говорили о нашем моральном превосходстве над американским империализмом! Теперь я считаю, что мое участие в качестве главного редактора вечерней газеты в этой лжи является такой же серьезной ошибкой, как и мой ответ Давиду Руссе (после опубликования одной из его статей в "Фигаро" Руссе, также как и Кравченко, оклеветали в "Леттр франсэз", и он был вынужден обратиться в суд).

Ложные сведения, возбуждение ненависти – все, что могло бы обесчестить любого журналиста, присутствовало здесь" (Pierre Daix. *J'ai cru au matin*. Laffont, 1976).

Когда появились абсолютно точные доказательства, что никакой эпидемии не существовало и что все обвинения в разжигании бактериологической войны оказались гигантским мошенничеством, Берхет и пять других журналистов выступили с совместным заявлением. По их словам, бедствие было предотвращено благодаря медицинским мерам предосторожности китайских и северокаорейских санитарных служб.

После корейской войны Вилфрид Берхет снова оказался в Пекине. Там он работал советником по вопросам выдачи въездных виз иностранным журналистам, желавшим посетить Китай. С октября 1954 года он выполнял те же функции в Северном Вьетнаме Хо Ши Мина. Впоследствии он получил вьетнамский паспорт, затем – кубинский. Несколько раз он приезжал в Москву, где писал под псевдонимом статьи для "Дейли экспресс" и "Файнэншл таймс".

В 70-е годы Берхет часто печатался в некоторых французских изданиях, таких, например, как журнал для стран "третьего мира" "Африк-Ази", "Монд дипломатик", еженедельник социалистической партии "Юните", руководимый Клодом Эстье. Через свои статьи, публиковавшиеся в журнале "Эвенман" (ежемесячный журнал, основанный д'Астье), он оказывал большое влияние на Эммануэля д'Астье де ля Вижери.

Жан Франсуа Ревель в своей книге "Новая цензура" считает, что "биография Вилфрида Берхета дает полное представление о задании, которое было поручено этому агенту: обязательно находиться в странах, где коммунизм переходит в наступление, с целью передавать на Запад подписанную австралийским журналистом (он никогда не упускал возможности представляться таковым) – что предполагает определенную "объективность" – коммунистическую версию происходящих событий. Так он начинал в Восточной Европе в 1947-1948 годах, затем продолжил в Китае, Корее, Северном Вьетнаме, Камбодже и так далее. И наконец, закончил в Анголе и... в "Юните" (Jean-Francois Revel, *La Nouvelle Censure*. Laffont, 1977).

Война в Корее закрепила разделение человечества на две части: лагерь мира (социалистический) и лагерь войны (империалистический). Отныне каждый должен был сделать свой выбор. Во Франции, учитывая то влияние, которое имели коммунисты среди значительного большинства интеллигенции, соотношение сил было особенно неравномерным. Голоса, которые поднимались против советизации Восточной Европы и которые разоблачали судилища в Софии, Праге и Москве ("дело врачей"), были быстро приглушены с помощью обвинений, направленных против "маккартизма", который свирепствовал тогда в Соединенных Штатах.

В ноябре 1949 года в Будапеште прозвучал призыв ко всем коммунистическим партиям мира мобилизовать свои усилия под лозунгом "Защита мира и борьба против поджигателей войны". Так назывался доклад, представленный Михаилом Сусловым (в течение долгого времени являвшимся идеологом КПСС) во время третьей сессии Информационного бюро

коммунистических и рабочих партий (образовано в 1947 году), проходившей в венгерской столице. "Впервые в истории, – говорилось в докладе, – создан единый сплоченный фронт миролюбивых сил, имеющий целью уберечь человечество от новой мировой войны и обеспечить мирное сотрудничество всех наций".

Как будто случайно "запуск" этой грандиозной пацифистской кампании, осуществленный Информационным бюро, которое координировало в тот период пропагандистскую работу всех массовых организаций, контролируемых Москвой, совпал со вступлением СССР в число ядерных держав: 23 сентября 1949 года была впервые взорвана советская атомная бомба. Продолжая укреплять свой собственный ядерный арсенал, Москва активно включилась в кампанию по разоружению на Западе. В конце 70-х годов Кремль попытался использовать тот же маневр: поддерживая выступления пацифистов против евrorакет, он между тем увеличивал число своих "СС-20" вдоль границ с Западной Европой.

Чтобы быть достаточно эффективным, то есть чтобы привлечь на свою сторону максимально возможное количество сторонников, "фронт миролюбивых сил" должен был избегать слишком явных контактов с СССР. Всемирный совет мира, чья штаб-квартира находилась тогда в Праге, в этом плане очень выделялся. Поэтому следовало сделать так, чтобы "стихийно" появились новые независимые пацифистские организации. Подобной тактики придерживалась Москва перед войной, она использовала ее и в 70-е годы в Европе.

В качестве свидетельства их независимости новые организации должны взять под опеку людей с незапятнанной репутацией, которых нельзя было бы заподозрить в просоветских взглядах. Но обычно такие знаменитости становились жертвами разного рода манипуляций и без их ведома. Нередко в их окружение внедрялся или внедрялись те, кого обязывали "дергать за веревочки". Например, неприятный случай произошел в 50-х годах с Леоном Жуо, одной из главных фигур во французском профсоюзном движении. Эта примечательная история доказывает, насколько бывает трудно распознать советские методы нажима, не впадая в манихейство.

"Господин Жуо встает во главе всемирного движения "Сражающаяся демократия", – объявила 12 июля 1952 года на первой полосе газета "Фигаро". – Лауреат Нобелевской премии мира за предыдущий год, Леон Жуо оставил после раскола в 1947 году руководство ВКТ, подпавшей под влияние коммунистов, чтобы организовать ВКТ – "Форс увриер". Это убежденный антикоммунист. "Сражающаяся демократия", находящаяся в полной оппозиции к политике СССР, требует убрать "железный занавес", обеспечить свободное перемещение идей, людей и товаров. Она также предлагает положить конец милитаристской истерии и обеспечить мирное сосуществование без лицемерия и тайных мыслей".

Столько благородных целей, которые поспешили одобрить такие выдающиеся личности, как Винсен Ориоль, Рене Плеван, Эдуар Эррио, Поль Рамадье, Элеонора Рузвельт... Но в самый разгар международной напряженности намерения новой организации комуто показались довольно двусмысленными. Тут же раздались голоса, осудившие ее цели. Вправе ли западные демократии поднять "железный занавес", опущенный Москвой, для консолидации своей восточноевропейской империи? Разве Запад является инициатором "милитаристской истерии", развязанной коммунистами во время войны в Корее?

Эти вопросы очерчивали истинную проблему: не будет ли "Сражающаяся демократия" лить воду на советскую мельницу? В октябре 1952 года исполнительная комиссия заявила, что по данному вопросу она разошлась во мнениях со своим председателем. Тогда Леон Жуо попытался найти поддержку у мощной американской профсоюзной конфедерации (АФТ), но там его упрекнули, что он говорит о мире слишком расплывчато.

Короче, в поддержке ему было отказано. Может быть, именно эти противодействия явились причиной того, что ему пришлось отказаться от идеи организовать съезд для выработки уставов "Сражающейся демократии" и "Всеобщего движения за мир".

Однако журнал "Сражающаяся демократия" все же вышел в свет 1 января 1953 года. Его редакционная коллегия выглядела достаточно престижно. В ее состав, в частности, входили: Морис Шуман, Поль Бонкур, генеральный секретарь НАТО, Поль Анри Спаак, Луи

Сен-Лоран, премьер-министр Канады, Поль Рамадье. Впрочем, чтение различных его номеров не позволяло обнаружить какого-нибудь намека на поддержку официальных лозунгов Кремля.

И тем не менее вокруг журнала возникла полемика, связанная с главным редактором "Сражающейся демократии" Луи Доливе. Кто он такой, этот Луи Доливе?

Он родился в 1908 году в городе Сан, который располагался в Трансильвании, бывшей тогда провинцией Австро-Венгерской империи (в 1919 году она отошла к Румынии). Его настоящее имя – Людвиг Брешер. Высшее образование в области права и искусства он получил в румынском университете. Затем он продолжил свое обучение в университетах Женевы и Гренобля. В 1931 году Брешер получил степень доктора права. Работая в тот период в Институте международных исследований в Женеве, он встречался со многими видными западными политиками, в частности с сэром Робертом Сесилом, который сыграл немаловажную роль в его судьбе.

В начале 30-х годов Доливе активно участвовал в деятельности многих организаций, выступавших против японской агрессии в Маньчжурии и захвата итальянской армией Эфиопии. И логично было бы предположить, что этот убежденный пацифист и одновременно решительный сторонник коллективной безопасности не мог не попасть в поле зрения англичанина Роберта Сесила и француза Пьера Ко, когда в 1935 году они создавали "Всемирное объединение за мир" (ВОМ) для борьбы с нацистской агрессией. Доливе становится генеральным секретарем ВОМ, что в 50-е годы, по мнению некоторых кругов, будет веским аргументом для его обвинения в просоветских взглядах.

И в самом деле, на фоне "Всемирного объединения за мир" вырисовывался профиль видного деятеля Коминтерна – Вилли Мюнценберга, которому Москва поручила организовать всемирный антифашистский "крестовый поход" с участием самых широких пацифистских движений; к последним как раз и относилось ВОМ. Обосновавшись в начале 30-х годов в Париже, Мюнценберг уже являлся тайным организатором конгресса "Амстердам-Плейель" в 1933 году. Гений пропаганды, он способствовал, оставаясь как бы в тени, созданию ВОМ, несмотря на то что коммунисты были там в меньшинстве. В конце концов этой организации все же удалось избежать покровительства со стороны Москвы, и она даже выступила с осуждением германо-советского пакта, заключенного в августе 1939 года. Правда, с 1938 года Вилли Мюнценберг находился в немилости у Коминтерна и, следовательно, не располагал тогда достаточными средствами для ведения своей тайной политики. Арестованный французской полицией сразу же после объявления войны, Мюнценберг закончил свои дни довольно трагично: его нашли повешенным на дереве возле одной из дорог, по которой в июне 1940 года проходило отступление французских войск. Вероятно, его ликвидировали агенты ГПУ. Искренний приверженец хартии Лиги Наций, Луи Доливе, несомненно, ничего не знал о той роли, которую сыграл этот наставник Коминтерна в создании ВОМ.

После демобилизации Доливе в июле 1940 года ему удалось через полгода перебраться в Соединенные Штаты, где он возглавил выпуск двух крупных журналов: "Фри уорлд" и "Юнайтед нейшнс уорлд", которые пользовались поддержкой большинства демократических лидеров мирового уровня.

В журнале "Фри уорлд" Доливе сотрудничал с Пьером Ко, с которым он снова встретился в Соединенных Штатах. А Ко, бывший министр авиации в правительстве Народного фронта, был страстным поклонником Советского Союза. Отсюда можно предположить, что в тот период Доливе вполне мог разделять его взгляды. В 50-е годы некоторые из его коллег с легкостью перешагнули через эту ступеньку. К вышесказанному можно добавить тот факт, что с 1942 года его имя упоминалось рядом с именем Майкла Стрейта, па сестре которого он женился.

Стрейт был американцем, и его прогрессивные взгляды хорошо знали в США. В 1947 году, например, он приложил немало усилий для поддержки Генри Уоллеса. Основатель прогрессивной партии, целиком находившейся под контролем коммунистов, Уоллес,

который с 1940 по 1944 год занимал пост вице-президента Соединенных Штатов, выставил свою кандидатуру на президентских выборах 1948 года. Но ему удалось тогда собрать всего лишь два процента голосов.

В тот период Л. Доливе попытался получить американское гражданство. Но в процессе развернувшейся в США "охоты за ведьмами" его заподозрили в "антиамериканской деятельности".

Он вернулся во Францию, и ему даже запретили появляться на другой стороне Атлантики.

Вот в каких "грехах" был обвинен Л. Доливе, когда он встал у руля "Сражающейся демократии" на стороне Леона Жуо.

Напрасно Доливе протестовал и доказывал на словах и делами свою нерушимую преданность демократии (в этом ему активно помогали такие видные политические деятели, как Эдуард Эррио и Гастон Моннервиль) – прошлое намертво приросло к его репутации.

Видные деятели исполкома "Сражающейся демократии" напомнили в коммюнике, опубликованном на первой странице "Фигаро" 19 февраля 1953 года, обо всех заслугах Луи Доливе перед демократией и единодушно подтвердили свое доверие к нему.

Выполняя с 1949 по 1952 год обязанности эксперта по правам человека при Генеральном секретаре ООН (до этого он занимался социальными вопросами и вопросами информации), Доливе в конце концов решил посвятить себя, и не без успеха, кинопроизводству.

Ему пришлось, однако, ждать 1967 года, когда с него сняли все подозрения. Тогда же он добился разрешения на въезд в Соединенные Штаты. При этом ему были официально принесены извинения американскими властями за то, что в период "маккартизма" на него несправедливо пало подозрение как на коммунистического агента.

Некоторые английские газеты, а также известные американские и английские издатели впоследствии тоже принесли Луи Доливе свои извинения.

Эта история показывает, как можно было когда-то легко заподозрить любого человека в просоветских взглядах!

В 50-е годы Москва решила воспользоваться атмосферой "холодной войны", царившей тогда в международных отношениях, чтобы попытаться расколоть и ослабить западные страны. При этом она действовала по одному и тому же сценарию, что и во все периоды напряженности между Востоком и Западом. Мы уже видели раньше, что для достижения этой цели советская дезинформация стремилась, кроме всего прочего, убедить мировое общественное мнение, в особенности европейское, в следующем: Соединенные Штаты ведут агрессивную, милитаристскую, империалистическую политику, представляющую серьезную угрозу делу мира. Многочисленные фальшивки, сфабрикованные в тот период советской пропагандой, методично обыгрывали этот тезис, в чем не было ничего нового.

В самый разгар корейской войны СССР направил всю мощь своей пропагандистской машины на то, чтобы изобличить "американскую агрессию" против небольшой коммунистической страны. То, что большинство интеллигенции поверило в миролюбивые намерения Советского Союза, создало для Москвы благоприятную почву в деле поддержания у европейцев ощущения беспокойства, которое затем можно было направить против США. В данной ситуации Кремль попытался использовать их вполне оправданный страх перед новой войной, в то время как в памяти сохранялись ужасы последнего мирового конфликта.

Именно в этом контексте следует рассматривать обстоятельства скандала в связи с так называемым докладом Фечтелера, который разразился во Франции в мае 1952 года. Хотя тогда и не удалось доказать прямого участия в нем Советского Союза, но фальшивка, во всяком случае, сослужила ему прекрасную службу, позволив: а) организовать кампанию против милитаристской политики Соединенных Штатов, чтобы еще лучше скрыть свою ответственность за разжигание войны в Корее; б) добиться нейтралитета европейских стран, запугав их тем, что они могли бы стать первыми жертвами в следующей войне; в) расколоть

западные государства, вызвав тем самым столкновение их интересов.

"Первый залп" в этом деле сделала газета "Монд" 10 мая 1952 года. "Строится ли американская стратегия в Средиземноморье на основе планов адмирала Фечтелера?" – спрашивал Андре Шенбуа в своей статье. Для главного редактора газеты ответ был ясен: доклад, опубликованный на третьей странице, являлся подлинным и имел отношение ко всем европейцам. Его автору, начальнику штаба ВМС США, следовало передать его тремя месяцами ранее в совет национальной безопасности США. Но к несчастью, одна из копий доклада была перехвачена британскими секретными службами и передана Первому лорду Британского адмиралтейства. В конце концов эта копия попала в распоряжение газеты, которая долго колебалась, прежде чем опубликовать ее на своих страницах.

То, что доклад оказался обнародованным именно 10 мая, было чистой случайностью. В тот же день газета, вместе с другими французскими изданиями, сообщила о подписании главами шести европейских государств договора об образовании объединенной европейской армии. Следовательно, то, о чем писал адмирал Фечтелер, было самым непосредственным образом связано с упомянутым событием.

Война неминуемо должна разразиться до 1960 года, утверждал он. В случае возникновения конфликта Западной Европе грозила опасность завоевания в самые короткие сроки советскими войсками при поддержке "местных подрывных элементов". В такой ситуации 52 дивизии НАТО не продержались бы и трех дней. Массированная высадка советского десанта в сочетании с нанесением ядерного удара могла бы отрезать Англию от Шотландии. Принимая во внимание ту опасность, которую представляли бы в сложившихся условиях комбинированные операции в Западной Европе, адмирал заявил, что Средиземноморье должно стать основным местом проведения оборонительных и освободительных операций. Поэтому он ратовал за образование альянса арабских стран, особенно в районе Северной Африки и на Ближнем Востоке, причем Соединенным Штатам он отводил роль посредника в диалоге между этими странами и державами-покровительницами – Францией и Великобританией.

Короче говоря, автор доклада приглашал Вашингтон обратить самое пристальное внимание на проблемы Средиземноморья, даже если бы это и не понравилось Парижу и Лондону. Американские притязания на Северную Африку и Ближний Восток – на эти франко-английские "охотничьи угодья" – были неприемлемы для европейцев. Пессимизм адмирала по поводу боеспособности Европы, его ссылка на ядерный конфликт могли бы еще больше накалить обстановку на старом континенте. Чтобы избежать столь ужасной участи, не лучше ли было придерживаться нейтралитета и постараться избежать опасности быть втянутыми в конфликт между СССР и США?

Подсказывая подобное решение, мнимый "доклад Фечтелера" прекрасно отвечал интересам и целям Москвы.

"Монд" попыталась отмежеваться от упомянутой версии, и вместе с ней это сделала вся левая пресса, которая очень проворно выступила против американских планов. "Европа пожертвована Пентагоном, – возмущалась "Либерасьон", ежедневная газета д'Астье де ля Вижери. – Трехдневная армия! Вот каким было бы предназначение 52 дивизий хваленного Европейского оборонительного сообщества... И наши правители еще требуют, чтобы Франция ради этого лезла из кожи вон!"

Для "Комба" доклад "показывает в ярком свете подлинные стратегические концепции Пентагона, ставит ревностных сторонников Североатлантического договора на их истинное место, позволяет лучше судить о той безопасности, которую гарантирует этот альянс Западной Европе... Короче, надежда, которую нам предлагает Североатлантический союз, может обернуться тем, что мы снова повторим однажды пережитый опыт: нам предстоит одно бесполезное сражение и затем освобождение со всеми сопровождающими его разрушениями и бедствиями".

"Юманите" увидела в докладе главным образом "раскрытие истинного плана войны против СССР, которая должна была начаться от средиземноморских баз. Это также явилось

свидетельством вмешательства США во внутренние дела североафриканских и ближневосточных стран".

Не осталась в долгу и советская пропаганда. 15 мая Московское радио посвятило докладу одну из своих специальных передач. Ссылаясь на статью корреспондента "Правды" в Париже, радиостанция утверждала, что можно не сомневаться в истинности плана этого "людоеда в адмиральской форме", который так отчетливо представил намерения Соединенных Штатов организовать агрессивную войну против Советского Союза.

На следующий день после публикации американские власти, адмирал Фечтелер и Британское адмиралтейство решительно опровергли сам факт существования данного доклада. Но "Монд", похоже, это не очень смутило. "Мы были готовы к таким опровержениям, – утверждало руководство газеты на первой полосе. – И вполне очевидно, что в такого рода делах нельзя действовать иначе. Но смеем вас заверить, что мы заручились самыми надежными гарантиями и что мы не стали бы обнародовать доклад, если бы в ходе предварительного расследования у нас появились хоть какие-либо сомнения".

Однако у некоторых работников газеты определенные сомнения все-таки были. В частности, у автора редакционных статей Реми Рура, который 13 мая в письме к директору "Монд" Юберу Бёв-Мери так обосновал свое решение об отставке: "Считаю себя обязанным расстаться с вами. Мне кажется, что мир слишком хрупок, а солидарность свободных наций слишком дорогостоящая вещь, чтобы, держа в руках документ, происхождение и подтверждение которого не являются, мягко говоря, ни безупречными, ни надежными, руководство такой газеты, как "Монд", не проявило чрезвычайной сдержанности и не просчитало досконально все последствия его публикации".

Последующие события полностью подтвердили правоту Рура.

14 мая голландская газета "Алхемейн хенделс-блад" разоблачила подлог, представив документ, который был использован при подготовке фальшивого доклада. Речь шла о статье, опубликованной еще за полтора года до описываемых событий в специализированном журнале "Ю.С. Нейвал институт просидингс" за подписью капитана 3-го ранга ВМС США Энтони Тейлерико. Этот глубоко субъективный анализ простого морского офицера стал, как по волшебству, официальной доктриной Соединенных Штатов.

Попав в неприятное положение, "Монд" предприняла ловкий ход. "Документ Фечтелера был опубликован в печати, – рассуждал Андре Шенбуа в газете 16 мая. – Следовательно, мы имеем подлинный и открытый для широкой публики текст. [...] Его положения, поддержанные неким капитаном 3-го ранга Энтони Тейлерико, не теряют своей ценности в том плане, что они должны рассматриваться как общее отображение доктрины ВМС США в Средиземноморском регионе".

Короче, фальшивка выдавалась за подлинный документ.

Для газеты, которая всегда стремилась выглядеть самым авторитетным печатным органом во Франции, дело о "докладе Фечтелера" в течение долгого времени оставалось пятном на ее репутации, и руководство "Монд" всеми силами стремилось доказать, что произошло лишь случайное недоразумение. Оно и вправду действовало слишком легкомысленно. "Надежные гарантии" и злополучное "расследование", о которых сообщала газета, чтобы смягчить официальные опровержения, были недостаточными. Впрочем, Реми Рур в своем письме об отставке ясно дал это понять, указав, что происхождение и подтверждение доклада не казались ему "ни безупречными, ни надежными".

Таково существо дела. Но нас больше интересует не как "Монд" была "подставлена", а кем.

Существовал человек, который сыграл решающую и довольно загадочную роль во всей этой истории: Жак Блок-Моранж. Бывший участник Сопротивления и офицер связи во время войны, Блок-Моранж после освобождения страны был назначен помощником комиссара республики в Бордо, затем – атташе в министерстве снабжения. В 1947 году он оставил государственную службу, чтобы посвятить себя борьбе со спекуляцией и черным рынком. С тех пор он стал больше известен как журналист и писатель.

Проработав во многих газетах и журналах, он решил создать осенью 1950 года свой собственный еженедельник под названием "Дон Кихот", который просуществовал недолго: вышло всего 22 номера. Решительно выступая против Североатлантического пакта, его детище выделялось на общем фоне разного рода сенсационными публикациями.

Так, 12 декабря 1950 года Жак Блок-Моранж опубликовал открытое письмо Рене Плевану, который являлся тогда председателем Совета республики. В нем он намекал на свою недавно выпущенную книгу и на некоторые разоблачения, которые собирался обнародовать. Книга называлась "Фабриканты войны" и была посвящена истории германских шпионов. Она охватывала период с 1918 по 1950 год. Опираясь на целый ряд фальшивок, сфабрикованных в Германии и распространенных некоторыми западными информационными агентствами, автор книги утверждал, что ему удалось раскрыть германскую шпионскую сеть, которая собиралась спровоцировать новую мировую войну. "Нынешние правительства одурачены шестой немецкой колонной, – писал он в "Дон Кихоте". – Речь идет о кучке шпионов, объединенных в некую всемирную организацию с прогерманской направленностью, которая обладает сейчас значительной властью, причем не столько через прямое давление на правительство, сколько через посредство международных катаклизмов, возникающих по их же инициативе".

Поддерживая антигерманские настроения французов, Блок-Моранж хотел также выглядеть глашатаем некоего третьего пути в отношениях между Востоком и Западом, который был направлен на то, чтобы сорвать амбициозные планы американцев. "Вооружаясь по указке Соединенных Штатов, мы рискуем разрушить все наши традиционные экономические и социальные структуры", – писал он в январе 1951 года. "Если бы французское правительство заявило о нейтралитете, оно тем самым дало бы Европе сигнал для создания третьей дипломатической и военной силы", – добавил он несколько недель спустя.

Все эти напоминания позволяют лучше понять, как он пришел к "докладу Фечтелера". После прекращения публикации "Дон Кихота" Блок-Моранж довольствовался выпуском бюллетеня "Энформасьон э конжонктюр", придерживавшегося тех же идей нейтрализма. Именно в этом бюллетене (2 февраля 1952 года) он впервые сделал ссылку на упомянутый доклад: "Начальник штаба ВМС США недавно передал на рассмотрение совета по национальной безопасности чрезвычайно важный доклад, касающийся будущей стратегии Соединенных Штатов в Средиземноморском регионе и той политики, которой будет придерживаться Вашингтон в отношении арабских государств". 16 февраля он снова вернулся к этой информации, сообщив, в частности, "точный шифр, под которым данный доклад зарегистрировали в сверхсекретных архивах американских ВМС". Затем он передал доклад газете "Монд", которая и опубликовала его 10 мая.

Не избалованный американцами во лжи (но знали ли они вообще о существовании этого конфиденциального бюллетеня?), Блок-Моранж был убежден в истинности доклада. Ему удалось убедить в этом также и "Монд".

Касаясь происхождения доклада, Жак Блок-Моранж заявил год спустя в брошюре, посвященной данному делу и озаглавленной "Операция "Фечтелер"", что ему его передал "один корреспондент", входящий в посольство Великобритании. Это уточнение подтверждало версию о заговоре британских спецслужб, обеспокоенных проарабской политикой Соединенных Штатов в Средиземноморье. Но данное объяснение представляется таким же малоубедительным, как и то, что было сделано защитниками Андре Ульманна по поводу его истинной роли в деле Кравченко. Как в том, так и в другом случае (американский источник для Ульманна, британский – для Блок-Моранжа), возможно, речь шла о "вторых руках", то есть об информаторах, которые в свою очередь также могли быть "обработаны", сознательно или нет, кем-то еще.

Но кто бы ни были вдохновители этой операции или дезинформации, факт остается фактом: Блок-Моранжа они "подставили". Тот, кто передал ему этот документ, попросту сделал ставку на его антиамериканизм и нейтрализм.

После такой оплошности Блок-Моранж продолжал заниматься журналистикой. В 1956 году он захотел издавать финансовую газету. Но, обсудив детали проекта с Альбером Игуэном, бизнесменом, о котором мы подробно говорили в первой части книги, он решил отказаться от своей затеи. В феврале 1959 года наш журналист превратился в генерального директора фирмы, занимавшейся операциями и недвижимостью и принадлежавшей тому же Игуэну. Убежденный голлист, он стал безоговорочным сторонником генерала де Голля и его независимой политики. Будучи членом экономического и общественного совета, он попытался, но неудачно, выставить свою кандидатуру в Национальное собрание от департамента Ер.

В последние годы Жак Блок-Моранж, похоже, потерял всякий интерес к международной политике. Основатель и президент "Лиги налогоплательщиков", он сейчас ведет решительную борьбу с налоговой политикой и всемогуществом государства.

Неонацистское пугало

"Французские поработители!

Мы слишком долго вас терпели, глядя, как вы надменно вышагиваете по Эльзасу и Лотарингии, которые вы так нагло узурпировали. Ваши преступления настолько велики, что вам не уйти от справедливого приговора гордых и непокоренных немцев, полных решимости покончить с вашим террором. Народ Германии не станет больше спокойно смотреть на то, как вы топчете наши древние традиции и насаждаете среди коренного населения развращенную и декадентскую культуру. Не ваши пошлые песни, а наш язык и наши песни должны звучать на этой земле. И какими бы ни были ваши усилия и ухищрения, вам никогда не удастся сделать из наших детей французов. Мы не позволим вашим доносчикам шпионить за нашими людьми и препятствовать им поддерживать контакты с нашей бывшей родиной. Мы отрубим ваши грязные лапы, которые душат наш народ и с помощью шантажа и угроз хотят поставить его на колени. Мы ясно и решительно заявляем вам: "Довольно! Берегитесь!"

Все ваши шпионы, агенты, информаторы, которые от имени вашей вырождающейся страны стираются унизить наших сограждан и лишить их чувства национальной гордости, не ускользнут от наказания, которое их ожидает.

Наши люди живут среди вас и прекрасно осведомлены о всех ваших преступлениях.

Мы вас предупредили, и теперь за каждым вашим злодеянием последует беспощадная месть!

Боевой союз за независимую Германию"

В конце 1956 года 300 человек в департаментах Верхний и Нижний Рейн получили такое анонимное письмо. В полиции об этом "Боевом союзе" никакой информации не было. Тон послания, на котором красовалась нацистская свастика, не оставлял никакого сомнения насчет идеологической принадлежности его авторов, тосковавших о "Великом Рейхе" и считавших Эльзас и Лотарингию немецкой территорией.

В то время никто из адресатов не обратил внимания на содержащиеся в письме угрозы. Полиция провела поверхностное расследование и пришла к выводу, что речь здесь шла, очевидно, о какой-то неонацистской группе, обосновавшейся в Гамбурге на территории Федеративной Республики Германии. Вскоре об этом деле забыли. До того дня, когда "Боевой союз" перешел к активным действиям.

Вечером 14 мая 1957 года многие политические деятели собрались в здании страсбургской префектуры. Среди них – два бывших председателя Совета республики, Рене Мейер и Рене Бутми, бывший министр, депутат Национального собрания Пьер Анри Тетжан, сенатор Андре Бутеми и человек 20 ответственных работников Европейского сообщества и департамента Нижний Рейн. Все присутствовавшие были Приглашены префектом Андре Мари Тремо, чтобы отметить завершение сессии Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), проводившейся под эгидой Европейского совета.

И утром того же дня личный секретарь префекта мадам Жиордан обнаружила среди почтовой корреспонденции тщательно упакованную посылку, адресованную лично Андре Мари Тремо. Это была коробка с кубинскими сигарами. Прежде чем отложить упаковку, она аккуратно вырезала отпечатанные на машинке фамилию и адрес щедрого отправителя – Карлоса Гарсия Солдевиллы, представителя фирмы, поставлявшей в Европу кубинский табак и сигареты, чтобы позднее отправить ему благодарственное письмо, как она это всегда делала при получении подарков. Затем она отнесла коробку в кабинет префекта. Андре Мари Тремо положил ее в один из ящиков своего стола, собираясь вечером открыть ее для своих гостей. Но, будучи довольно рассеянным человеком, он забыл про нее.

Какая же связь между сигарами и приемом?

Ответ, обгаренный кровью, прозвучал три дня спустя, 17 мая, в 12.50.

Прибыв в 12.30 в здание префектуры, после того канона провела все утро в городе, Анриетта Тремо зашла сначала в кабинет своего мужа, чтобы обсудить с ним последние детали обеда, на котором должны были присутствовать руководители государственной табачной компании, приехавшие из Парижа для открытия магазина. Префект в это время беседовал с Пьером Пфлимленом, являвшимся тогда председателем генерального совета департамента Нижний Рейн.

"Ах, Анриетта, чуть было не забыл. Возьми эту коробку с сигарами для наших гостей", – сказал Тремо, когда она собиралась уже покинуть кабинет, чтобы подготовиться к обеду.

Он открыл ящик стола и протянул ей коробку.

Анриетта поднялась на верхний этаж, вошла в салон для гостей и положила сигары на небольшой круглый столик. Затем она позвала служанку.

"Не могли бы вы принести серебряный поднос? Я положу на него сигары и сигареты для гостей. Потом вы пойдете и поправите свою прическу: наши гости должны скоро прийти".

Служанка отправилась за подносом.

Через пять минут гигантской силы взрыв потряс здание префектуры. Его услышали все жители Страсбура.

Зрелище, открывшееся в салоне, выглядело ужасным: Анриетта, с развороченным животом и оторванной левой рукой, была убита на месте.

Собираясь открыть с помощью ножниц коробку, супруга префекта привела в действие адскую машину.

Расследование проходило энергично. Уже 20 мая оно переместилось в Федеративную Республику Германии, в места расположения неонацистских группировок. Господин Солдевилла, представитель фирмы, поставлявшей кубинские сигары в Европу, оказался вымышленной фигурой. Пишущая машинка, на которой были отпечатаны фамилия и адрес загадочного отправителя, оказалась той же самой, что была использована не менее загадочным "Боевым союзом за независимую Германию" для своих анонимных писем.

Подключившись к этому делу, УОТ немедленно послало двух своих инспекторов в Гамбург для сбора информации об организации. В это же самое время французская пресса выступила против "возрождения нацизма" по другую сторону Рейна, а Московское радио поспешило заявить, что западные немцы, в сущности, остались неисправимыми нацистами. Чрезвычайно озабоченное происшедшим, боннское правительство постаралось всеми силами помочь французским полицейским. Но сторонники "Боевого союза" были неуловимы.

Несколько месяцев спустя расследование было прекращено.

Пришлось прождать более 10 лет, чтобы тайное стало явным.

Ладислав Биттман, бывший заместитель начальника чехословацкой службы дезинформации, перешедший на Запад в 1968 году, помог разрешить данную загадку. Без него мы бы никогда не узнали, почему была убита Анриетта Тремо и как она стала невинной жертвой дьявольского плана, разработанного КГБ и осуществленного секретными службами Праги.

После того как с помощью анонимных посланий, приписывавшихся некоему таинственному "Боевому союзу", была подготовлена соответствующая почва, руководство чехословацкой разведки решило весной 1957 года послать в Париж четырех офицеров для непосредственного проведения террористического акта: Милослава Куба, Роберта Тера, Милана Копеки и Станислава Томеса. Специалист по взрывному делу Куба подготовил адскую машину, спрятав ее в коробке из-под сигар. Адрес отправителя специально отпечатали на той же самой машинке, что и письма, чтобы дать возможность полицейским сразу же установить взаимосвязь между взрывом и неонацистским "Боевым союзом".

13 мая ближе к вечеру один из членов группы принес посылку в почтовое отделение на бульваре Дидро, 25, который находится в 12-м округе Парижа. Все было рассчитано так, чтобы она прибыла в Страсбург на следующий день, как раз накануне устраиваемого префектом приема, на котором должны были присутствовать бывшие министры и парламентарии. Чехословацкая разведка надеялась, что Тремо предложит сигары своим гостям. Но "человеческий фактор", в данном случае – забывчивость префекта, внес свои коррективы в этот план.

В рассматриваемом нами деле чехословацкие спецслужбы играли роль исполнителя. Ладислав Биттман утверждал, что операцию задумал КГБ. С какой целью?

Сам момент и место покушения были выбраны с особой тщательностью. Когда в октябре 1956 года в восточных департаментах Франции появились первые анонимные письма, в Национальном собрании начинались дебаты по проблемам франко-германских отношений и Евратома, в ходе которых сошлись лицом к лицу сторонники и противники включения ФРГ в проект Европейского сообщества по атомной энергии. Стремясь убедить европейскую общественность в возрождении нацизма за Рейном, КГБ хотел тем самым торпедировать этот проект, а через него – и Римский договор, который в конце концов был подписан 25 марта, положив начало Общему рынку.

Потерпев неудачу, советские спецслужбы организовали террористический акт, чтобы дестабилизировать отношения внутри недавно созданного Европейского экономического сообщества путем дискредитации Федеративной Республики Германии. Отсюда выбор Страсбурга в качестве места проведения операции: здесь находилась штаб-квартира Европейского объединения угля и стали – организации, считавшейся прообразом будущего ЕЭС.

Но Москва не остановилась на достигнутом. Неонацистское пугало еще долго служило КГБ, и особенно службе "Д", занимавшейся вопросами дезинформации (в начале 70-х годов она была переименована в отдел "А"), в их попытках расколоть Европу путем изоляции Германии.

Инициатором этой широкомасштабной кампании, пик активности которой пришелся на начало 60-х годов, был генерал Иван Агаянц. Антигерманская реакция общественности на взрыв в Страсбурге, возмущение западной прессы несколькими стихийными и единичными пронацистскими актами, происшедшими в 1958 году в Германии, навели его на мысль подготовить грандиозный план дестабилизации Европы и, если возможно, всего мира, в основе которого лежал бы усиленно насаждаемый страх перед возрождением нацизма.

Перебежчики из КГБ рассказывали, как Агаянц отработывал свой план, прежде чем пустить его в действие. Однажды ночью некая диверсионная группа разрушила несколько надгробий, намалевала фашистские кресты и антисемитские лозунги на кладбище в небольшом поселке, располагавшемся в 60 километрах от Москвы. На следующий день нескольким агентам КГБ было поручено выяснить реакцию жителей поселка на происшедшее. Большинство из них были возмущены и обеспокоены. Однако некоторые неожиданно проявили антисемитские взгляды. Проанализировав полученные результаты, генерал сделал вывод, что, тщательно подготовив несколько подобных актов на Западе, он тем самым смог бы "выпустить из кувшина" старых демонов.

В 1959 году, в ночь перед Рождеством, один двадцатипятилетний немец намалевал с помощью своего друга на стене синагоги в Кёльне лозунг "Германия требует выслать

евреев!", сопроводив его фашистской свастикой. Вечером там же, в Кёльне, кто-то надругался над еврейским памятником. В последующие ночи аналогичная участь постигла несколько магазинов, еврейских кладбищ, синагог примерно в 20 городах ФРГ.

В самый канун Нового, 1960 года акты профанации были зарегистрированы в Антверпене, Копенгагене, Глазго, Лондоне, Милане, Нью-Йорке, Осло, Париже, Парме, Стокгольме и Вене. 3 января настала очередь Манчестера, Афин, Мельбурна и Перта (в Австралии). 6 января "операция свастик", как ее назвал Агаянц, докатилась до Боготы и Буэнос-Айреса.

Руководитель службы "Д" КГБ действовал безошибочно. Как он и рассчитывал, возникло всеобщее негодование. Германия тут же оказалась на скамье подсудимых. Некий американский поэт требовал смертного приговора для каждого, кто будет застигнут за малеванием свастик. Один британский лорд решил отправиться в ФРГ, чтобы на месте провести расследование причин этой неонацистской волны. Повсюду в мире если и не клеймили позором дипломатов из ФРГ, то по крайней мере смотрели на них с подозрением. Некоторые английские торговцы убрали немецкие товары с полок своих магазинов, европейские предприятия разрывали контракты с фирмами Западной Германии.

Многие крупные западные газеты спрашивали, можно ли было считать ФРГ заслуживающим доверие партнером по НАТО. "Бонн бессилён устранить нацистское зло", – заявила в середине января "Геральд трибюн". "Эти скандальные провокации нацистов и эти появившиеся свастики направлены на то, чтобы еще дальше подтолкнуть "холодную войну" и натравить одни народы на другие", – подливала масла в огонь "Правда".

За период с Рождества 1959 года до середины февраля 1960 года западногерманская полиция зарегистрировала 833 случая проявления антисемитизма. Из 234 арестованных 24 процента действовали с какими-то "подсознательными нацистскими чувствами", восемь процентов принадлежали к левацким группировкам, 48 были пьяницами и бродягами, 15–несовершеннолетними и пять процентов – душевнобольными. Агаянц оказался прав: провокация разбудила старых демонов.

Двое юношей, которые в Кёльне в рождественскую ночь 1959 года положили начало всей кампании, принадлежали к правозэкстремистской группировке, но полиции удалось установить, что они неоднократно посещали Восточную Германию. Один из них даже носил значок коммунистической партии на отвороте своего пальто. Казначей одной неонацистской организации признался, что получил из ГДР приказ внедриться в крайне правые группировки, чтобы пропагандировать там антисемитские настроения.

Вскоре акты надругательства и пронацистские демонстрации пошли на убыль: Москва достигла своей цели. Но лишь некоторые из стран приняли участие в антигерманской кампании, подхваченной многими западными средствами массовой информации. "Молодое поколение немцев не является сторонником гитлеризма, как раз наоборот", – заявил израильский премьер-министр Бен-Гурион. Но он стал едва ли не единственным, кто сказал это.

С тех пор Москва время от времени снова вытаскивала неонацистское пугало из своих "запасников". Так, 15 января 1975 года "Радио свободы и прогресса", выходявшее в эфир с территории Восточной Германии, с возмущением сообщило об образовании в ФРГ "антикоммунистической и нацистской партии" под названием "Национал-социалистическая демократическая боевая группа". Но радиостанция несколько опередила события. Известие об образовании этой новой правозэкстремистской группки официально появилось в ФРГ только на следующий день... Что касалось ее основателя, некоего Герберта Бормана, то он являлся обладателем официального удостоверения ГДР "Жертва фашизма", которое ему выдали, так как он, будучи коммунистом, преследовался нацистами в годы войны. В 1978 году весь мир обошла фотография неонациста, который приветствовал вскинутой рукой могилу генерала СС Каплера. Она должна была еще раз напомнить человечеству о надвигающейся нацистской опасности в Германии. Когда же были наведены соответствующие справки, то оказалось, что этого "неонациста" как раз накануне выслали из

ГДР как "преступника". И наконец, расследуя дело неонацистской группы Хоффмана, виновницы кровавой драмы, учиненной 26 сентября 1980 года во время праздника пива в Мюнхене (13 убитых, 211 раненых), полиция доказала, что большинство ее членов совершали регулярные поездки по другую сторону "железного занавеса". Один из них, Удо Альбрехт, подозревавшийся в поставках для группы оружия и боеприпасов, даже эмигрировал в ГДР. Он так и не был выдан властям Западной Германии.

В случае необходимости путало могло стать также и ширмой. В последние годы террористические акты в Европе, жертвами которых все чаще становились евреи, спонтанно приписывались крайне правым, тогда как речь здесь шла о палестинских группировках, близких к Дамаску и Москве. Взрыв на улице Коперника, происшедший 3 октября 1980 года, и резня на улице Розье 9 августа 1982 года относятся именно к таким случаям. Газеты в то время выходили с заголовками, бичевавшими "преступления фашистов", а тысячи людей шли на улицы Парижа, чтобы выразить свое решительное осуждение. Теперь нам известно, что диверсионная группа, действовавшая на улице Розье, появилась с Ближнего Востока. Удалось установить ее связи с Сирией и Болгарией, а также участие в нападениях на синагоги в Вене в августе 1981 года и в Риме в октябре 1982 года. Возмущение прошло, но кого сегодня заинтересует правда? Зачастую легче продолжать видеть в этих антисемитских преступлениях руку тоскующего по прошлому неонациста, чем некоего союзника Москвы.

Образцовый "агент влияния"

Когда в 1959 году вышла книга "Эссе о советском феномене", мало кто обратил на нее внимание. Хотя она и казалась откровенно просоветской по духу, но с позиций того времени в ней не было ничего необычного. Советский Союз, вступивший в хрущевскую "оттепель", подверг на XX съезде в 1956 году резкой критике "ошибки" Сталина, и тогда многие на Западе начинали верить в обновление страны и даже в демократизацию империи. Что касалось автора упомянутой книги, то он был в этом убежден. "Сталинские жестокости являлись лишь родовыми муками, – писал он. – Победа же Советской России заключается в правильном видении общего хода истории. СССР, эта лаборатория новых идей, где проводятся самые передовые социальные эксперименты, превзойдет американский гигантизм".

Несмотря на столь хвалебные оценки, характерные больше для другого периода времени (книга напоминала многочисленные произведения, славившие Советский Союз в 20-е и 30-е годы), никому бы и в голову не пришла идея заподозрить автора книги, что он состоял на жалованье у Москвы и что ему заплатили за его восхваление достижений коммунизма. В те годы Пьер Шарль Пате, который никогда не был членом ФКП, писал свою книгу с несомненной убежденностью и искренностью.

Но именно после выхода книги в свет он попал в руки КГБ и стал одним из наиболее ценных его "агентов влияния".

Казалось, ничто не предрасполагало Пате, сына известного кинопромышленника, к тому, чтобы он стал приверженцем коммунизма. Его отец, который сделал состояние на распространении фонографа Эдисона и кинематографа братьев Льюмьер, восхищался скорее либерализмом и гигантизмом американцев. Он постарался дать Пьеру Шарлю буржуазное, но не консервативное образование: тот изучал право, математику, политические науки, иностранные языки. Чтобы помочь сыну сформировать собственное понимание мира, он предоставил ему возможность совершить поездки в Америку, Центральную Европу и на Ближний Восток.

Сразу же после получения диплома Пьер Шарль взял на себя финансовое руководство небольшим предприятием по производству электрооборудования, построенным на отцовские деньги. Впрочем, он тогда не испытывал особой склонности к такого рода делам. В конечном счете он отказался от подготовки финансовых инспекторов, чтобы посвятить себя популяризации сравнительной политэкономии. В тот период его особенно интересовали

советские пятилетние планы. Он занялся изучением русского языка. Классическая эволюция: начав русофилом, он стал впоследствии убежденным сторонником советской системы.

В сущности же, Пате хотел быть известным журналистом, специализирующимся на вопросах политики, экономики или даже науки. В 50-х годах он наконец выбрал именно эту карьеру, правда, так и не сумев добиться ожидаемого успеха. Будучи достаточно смышленным человеком, он довольно быстро разочаровался тем, что его никто не смог оценить по достоинству. Впрочем, его журналистская карьера получила новое развитие после его знакомства с советскими людьми. Тот факт, что он был ими оценен, похоже, придал ему уверенности в своих способностях. "Их интересовал главным образом мой склад ума, моя манера объяснения русских проблем. Они были очарованы тем, что я им говорил", – простодушно будет рассказывать он через 20 лет.

Пьер Шарль был польщен, получив через некоторое время после публикации своего хвалебного эссе приглашение посетить советское посольство. Его первым знакомым стал Виктор Михеев, член советской делегации в ЮНЕСКО. Вначале его задача заключалась лишь в достижении доверия и дружбы француза, ничего не требуя от него взамен. Ему это прекрасно удалось. Они часто встречались, вместе обедали, приглашали друг друга к себе в гости, знакомили со своими друзьями. Это продолжалось более двух лет вплоть до того дня, когда Пате поведал советскому другу о своем желании выпускать журнал, где он смог бы наконец публиковать обширные политические комментарии, о которых мечтал всю свою жизнь. Михеев горячо поддержал его идею. В 1961 году Пьер Шарль начал выпускать еженедельный бюллетень для ограниченного числа читателей, озаглавленный "Центр научной, экономической и политической информации". Спустя немного времени Михеев познакомил его со своим коллегой, "заинтересовавшимся твоим бюллетенем", как сообщил он Пате. Речь шла об Эдуарде Яковлеве, другом члене советской делегации в ЮНЕСКО.

С Яковлевым характер их отношений сразу же изменился. Будучи офицером КГБ, специалистом по дезинформации, он к тому времени уже неоднократно пытался подкупить некоторых французских журналистов, прежде чем стал первым в длинном ряду советских разведчиков, которые манипулировали Пате в течение почти 20 лет. Пьер Шарль прекрасно понимал, чем в действительности занимались эти советские "дипломаты", которые были с ним так любезны. Понимал настолько, что при первых финансовых затруднениях он как-то спонтанно сообщил о них Яковлеву, и тот поспешил ему помочь. С этого момента Пате стал настоящим "агентом влияния".

Для советских разведчиков ценность "агента влияния" заключалась не столько в количественных параметрах его аудитории, сколько в качестве тех лиц, с которыми ему приходилось работать. Удачно сочетая оба "показателя", Пьер Шарль смог прекрасно справиться со своей ролью. Ориентируясь на широкую публику, Пате все чаще печатался под псевдонимом Шарля Морана в таких изданиях, как "Франс-обсерватёр", "Либерасьон" и "Эвенман", где главным редактором был д'Астье де ля Вижери, затем в "Реалите", "Опсьон", "Ви увриер" (последние два журнала принадлежали ВКТ).

Выставляя напоказ свой независимый характер, высказывая неординарные точки зрения, он добился того, что его оценили некоторые руководители и особы "первой величины". Эммануэль д'Астье де ля Вижери и один известный журналист из "Монд", на которого он оказал самое непосредственное влияние, особенно выделяли его способность к обобщениям, точность и четкость суждений и, наконец, его стиль. Именно среди политических деятелей Пате стремился завести себе друзей, в частности среди левых голлистов и социалистов.

В середине 1960 года он начал посещать "Новый кружок на бульваре Сен-Жермэн", который объединял некоторых видных деятелей голлистской партии, известных своими антиамериканскими взглядами. В 1969 году из "Нового кружка" по инициативе Алэна Раванна образовалось "Движение за независимость Европы" (ДНЕ). Являясь членом исполкома ДНЕ, Пате имел возможность встречаться с Жоржем Горсом, Оливье Гишаром, Рене Капитаном, Александром Сангинетти, Пьером Мессмером, Андре Фантоном, Люсьеном

Невиrom, Пьером Мазo, Андре Беттанкурoм и Эймарoм Ашиль-Фу, которые выступали за сближение с Востоком (начало процесса было положено самим де Голлем), чтобы уравновесить американское влияние в Европе. Умело оперируя скорее антиамериканскими, нежели просоветскими, тезисами, Пьер Шарль очень скоро получил высокую оценку этих крупных политиков. Кроме того, к его мнению прислушивались и в социалистической партии, в частности Жиль Мартине.

Имея возможность оказывать определенное влияние на политические круги, Пате использовал свои связи также и для составления по просьбе КГБ разного рода аналитических материалов. Так, благодаря ему Москва знала все о соперничавших группировках внутри социалистической партии, о перспективах франко-советских отношений в случае победы левых сил или о политике продажи оружия Китаю. В этих сведениях не было ничего секретного, но они позволяли советским руководителям лучше понять тайны французской политики и уже в соответствии с ними строить свою собственную политику.

В 1967 году у Пате появился новый руководитель. Его звали Юрий Борисов. Вначале он просто проходил стажировку в советском посольстве, затем, с 1971 года, выполнял обязанности советника по культурным связям. Специализировавшийся на наблюдении за русской эмиграцией в Париже и на борьбе с диссидентами, Борисов в своей работе использовал более жесткие методы, чем его предшественник. Он просто снабжал Пате набросками статей, которые КГБ хотел бы видеть в его еженедельном бюллетене или других изданиях за подписью Шарля Морана. Позже Пьер Шарль будет утверждать, что Борисов был единственным из работавших с ним разведчиков, кто пытался выманить у него конкретные сведения. "Тогда я просто прекратил с ним встречаться", – заявил он.

Однако это не означало, что мосты сожжены: Гремякин, Тюренков и, наконец, Игорь Кузнецов будут по очереди руководить его деятельностью.

В 1975 году КГБ воспользовался туристической поездкой Пате в Москву, чтобы представить ему Кузнецова, его последнего "куратора". Направленный в представительство СССР при ЮНЕСКО, этот советский разведчик был, несомненно, самым результативным из всех офицеров КГБ, с которыми работал Пате. Но он был и самым неосторожным.

Вместе с ним Пьер Шарль смог наконец осуществить свою мечту: выпускать небольшой по тиражу журнал, предназначенный исключительно для политической элиты. Благодаря 30 тысячам франков, ассигнованных Кузнецовым, в 1976 году вышел в свет первый номер "Синтезиса". Впоследствии для поддержки предприятия советская сторона перечислила сначала 26 тысяч франков (в 1977 году), затем еще 19 тысяч франков (в 1979 году). Капитал был размещен довольно удачно. Выпускавшийся раз в две недели тиражом 500 экземпляров "Синтезис" распространялся исключительно по подписке (стоившей 350 франков в год) и почти целиком среди видных государственных деятелей: его регулярно получали 299 депутатов, 139 сенаторов, 41 газета, 14 посольств и (всего лишь) семь простых граждан. Благодаря такой аудитории Пате, который один готовил все номера "Синтезиса", стал для советской разведки исключительно ценным "агентом влияния".

Но 5 июля 1979 года его блистательная карьера внезапно оборвалась вместе с его арестом в компании с Игорем Кузнецовым. Это произошло на площади Гамбетта, в 20-м округе Парижа.

Пытаясь угодить начальству, советский разведчик решил расширить контакты с журналистами и политиками в надежде пополнить за счет некоторых из них свою агентурную сеть. В один из августовских дней 1978 года к представителям службы контрразведки обратился некий молодой депутат от правых партий, который сообщил им о попытке его вербовки. УОТ решило тогда установить за Кузнецовым наблюдение, с тем чтобы выявить всех его агентов. В сентябре 1978 года, несмотря на предпринятые меры безопасности, тот не сумел оторваться от полицейских и навел их на Пате. Встреча проходила в Курбува, на площади Ероль. Советский разведчик и его агент расположились в одном из кафе и беседовали там 45 минут. Затем они разошлись в разные стороны. Чтобы установить личность француза, полицейские проследовали за ним до самого его дома.

Но прошел почти год, прежде чем УОТ смогло арестовать его. Почему? Ничто не запрещало журналисту Пьеру Шарлю Пате вступать в контакт с советским дипломатом, даже если он числился в качестве агента КГБ. Нужно было застать их обоих на месте преступления, в момент передачи какого-либо документа, чтобы изобличить их и получить конкретное доказательство сговора.

В этом и состоит основная трудность борьбы с "агентами влияния" и дезинформацией. При отсутствии такого доказательства было бы несложно обвинить контрразведку в преднамеренности ее действий в отношении Пате. К счастью, у нас невозможно посадить в тюрьму журналиста только за его произведения или за то, что он высказывал свои антиамериканские и просоветские взгляды (или наоборот).

5 июля 1979 года полицейские ждали, когда Пате передаст какой-то конверт Кузнецову, чтобы тут же вмешаться. После ареста УОТ обнаружило, что в конверте находились несколько набросков статей, аналитические материалы о политической ситуации в стране, последний номер "Синтезиса" и, кроме того, фамилии, адреса и профессии новых подписчиков. Этого было достаточно, чтобы выслать советского "дипломата" из Франции и обвинить журналиста в противоправном сговоре с подданным одного из иностранных государств.

В ходе расследования Пате довольно быстро признался в своей роли "агента влияния". На состоявшемся спустя десять месяцев процессе он все же попытался оправдаться, ощутив поддержку тех политических деятелей и журналистов, с которыми ему часто приходилось встречаться и которых он так усердно "обхаживал". "Я был шокирован, ошеломлен этим арестом. Во всех обвинениях в мой адрес нет ни грамма правды", – заявил он на суде. Деньги, полученные за 20 лет сотрудничества (пять тысяч франков, что еще раз свидетельствовало о недостаточной щедрости советских спецслужб), встречи с советскими разведчиками, помеченные обычным крестиком в его записной книжке, и особенно свидетельские показания комиссара Раймона Нара из УОТ, который рассказал, каким образом в течение 20 лет работал этот "журналист-сдельщик" (а он назвал его именно так), полностью убедили судей в виновности Пате.

23 мая 1980 года он был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Такое решение могло показаться слишком суровым для семидесятилетнего старика. На следующий день Национальное объединение профсоюзов журналистов (НОПЖ) выразило свое возмущение вынесенным приговором и выступило с протестом против любого указа, дающего суду право решать "в обстановке полнейшего произвола, что такое информация, и, прикрываясь государственными интересами, посылать человека в тюрьму только за его убеждения".

"Разве журналист или писатель, представляющий на суд широкой публики свои исследования и размышления, не является, вольно или неволью, в некотором роде "агентом влияния"?" – задавались вопросом год спустя 69 политических деятелей и журналистов в своей петиции, требовавшей досрочного, из-за преклонного возраста, освобождения своего коллеги.

Случай с Пате является уникальным. Он был единственным западным журналистом, уличенным в сотрудничестве с агентами КГБ. Его история упоминается всеми службами контрразведки в качестве типичного примера "агента влияния". Действовавший по прямым приказам советских разведчиков и оплаченный ими, хотя и довольно скудно, Пате никак не может быть назван обычным журналистом или писателем, использовавшим свой талант. Или же тогда в отличие от представителей других профессий надо признать за литераторами право быть подкупленными, писать на заказ и допустить, что "тайная пропаганда" является составной частью свободы информации. Когда редактор "Юманите" или "Минют" дает свою интерпретацию фактов, свое понимание событий, он использует тем самым не только неотъемлемое право на свободу выражения. Кроме того, он еще обращается к читателям, которые знают, как к этому следует отнестись. Но если журналист употребляет оказываемое ему доверие, свое влияние, авторитет для оказания "на незаконных основаниях" помощи

какой-либо иностранной державе в достижении ею своих целей, то он уже будет являться "агентом влияния". И Пьер Шарль Пате относился именно к такой категории лиц.

Анализ содержания почти 70 номеров "Синтезиса" не оставляет па этот счет никакого сомнения. Он показывает, как в течение трех лет, с июля 1976 по июль 1979 года, двухнедельный бюллетень Пате систематически распространял основные темы советской дезинформации, резко критикуя политику западных стран и защищая интересы социалистического лагеря.

Вот лишь несколько тому примеров.

С целью ослабить страны Запада Пате всеми силами способствовал их разобщению, критиковал их оборонительную политику, разжигал антиамериканские настроения.

Германия, где "дремлют наследники Гитлера" (номер за 20 апреля 1977 года), была одной из самых "излюбленных" целей "Синтезиса". Волна терроризма, с которой пытались справиться в тот период правительство Бонна, представлялась симптомом глубокого социального кризиса, доказательством экстремистского характера немцев. И наоборот, ГДР преподносилась как образец порядка и стабильности (20 февраля 1978 года).

В одной из статей, появившейся в мае 1977 года, Франция выглядела главной жертвой тайной экономической войны, проводившейся Соединенными Штатами, в то время как ФРГ отводилась роль "дойной коровы американского сюзеренитета".

Для Пате НАТО выглядела бесполезной и даже вредной организацией. По его мнению, многие французские политики считали, что Североатлантический пакт больше не способствовал выполнению ни одной реальной задачи. Было бы даже лучше его распустить (5 января 1978 года). Впрочем, добавлял он, Соединенные Штаты совершенно не собирались защищать Европу из-за опасений подвергнуться самим ответному ядерному удару (20 января 1979 года).

"Синтезис" активно участвовал в кампании против нейтронной бомбы, представляя ее как бесчеловечное и бесполезное оружие, которое не могло сколько-нибудь значительно укрепить существовавший к тому времени арсенал НАТО (20 апреля 1977 года и 20 апреля 1978 года). Той же позиции он придерживался и в вопросе с евrorакетами: они совершенно не меняли условий ядерного конфликта и не способствовали усилению оборонного потенциала стран, имевших уже в своем распоряжении ядерное оружие (5 марта 1978 года). Естественно, бюллетень ни словом не обмолвился о размещении советских ракет вдоль границ с Европой.

Ярый сторонник независимой политики Франции, Пате не упускал ни малейшей возможности покритиковать отношения между Парижем и Вашингтоном. Начиная с самых первых номеров бюллетеня, из-под его пера появлялись статьи, упрекавшие французское правительство в добровольном переходе под вассальную зависимость Соединенных Штатов. Он обвинил Валери Жискар д'Эстэна в проведении проатлантической политики (5 декабря 1976 года). По его мнению, участие французских вооруженных сил в конфликтах в Чаде и Заире было выгодно не столько Франции, сколько другим западным странам, в особенности США, активно интересующимся богатствами Африки. И снова – никакой информации о глубоких противоречиях между Францией и СССР.

"В течение последних 30 лет американская империя строилась на основе силы и коррупции", – писал Пате (5 апреля 1977 года), видевший в американском государственном строе "полицейскую демократию", где верховная власть принадлежит шефу ФБР, которое, среди прочих преступлений, было замешано и в убийстве Кеннеди (5 июня 1977 года). Что касается ЦРУ, то оно присутствует везде. Если Соединенные Штаты стремятся выровнять свой торговый баланс, то это делается главным образом для того, чтобы покрыть расходы от своих тайных операций за рубежом (20 марта 1979 года).

В одной из статей, появившейся в апреле 1977 года, Пате пытался внушить читателям, что Вашингтон всеми силами стремится нейтрализовать Общий рынок. У Европы нет никаких причин поддерживать торговые связи с Соединенными Штатами, писал он, в то время как экономические интересы Западной Европы и СССР больше дополняют друг друга,

нежели соперничают между собой.

Защищая интересы социалистического лагеря, "Синтезис" целиком и полностью поддерживал все политические шаги Кремля.

В одной из статей в июне 1978 года, посвященной советской внешней политике, бюллетень преуменьшал ядерный потенциал СССР, заявляя, что Москва никогда не применит данный тип вооружений, кроме как для обороны собственной территории. Статья уточняла, что Советский Союз появляется только в тех регионах мира, где ситуация уже дестабилизирована другими силами (например, в Анголе он выступил против вмешательства ЦРУ). По мнению автора статьи, не СССР, а страны Запада интересуются Африкой, намереваясь завладеть ее природными ресурсами.

Пате выступал адвокатом Москвы во многих случаях, когда точки зрения СССР и западных стран вступали в противоречие. Советский Союз никогда не выделял особый бюджет для своей космической программы. Лишь американцы повинны в милитаризации космоса (20 февраля 1978 года). Он также утверждал, что слухи о внедренных в окружение де Голля советских агентах выдуманы американцами (20 мая 1977 года).

Не остались забытыми и союзники СССР. Вьетнамские эмигранты, бежавшие из страны на ветхих суденышках, принадлежали к средним слоям населения, и проблемы, которые переживали все государства данного региона, являлись результатом бедствий и разрухи, порожденных в недавнем прошлом американской агрессией. В отношении камбоджийской проблемы Пате в точности повторял точку зрения Москвы, В сентябре 1977 года в одной из своих статей он оспаривал сведения о жертвах красных кхмеров и представлял меры, предпринятые Пол Потом, как неизбежные. Исход населения из городов был неминуем и необходим. Страна не могла прокормить всех горожан. В январе 1979 года характер его публикаций резко изменился. Режим Пол Пота стал вдруг бесчеловечным, и насильственное перемещение населения называлось теперь не иначе, как абсурдная затея.

Что касалось ГДР, этой модели стабильности, то она воздвигла берлинскую стену с целью защититься от "империалистического проникновения". На Кубе Кастро был вынужден предпринять репрессивные меры, чтобы противостоять подрывной деятельности американских секретных служб (20 февраля 1978 года).

Китай всегда фигурировал среди врагов СССР, против которых регулярно выступал "Синтезис", особенно после его интервенции против Вьетнама. В марте 1979 года Пате выступил с резкой критикой Пекина, обвинив его в получении молчаливого одобрения со стороны Соединенных Штатов на агрессию во Вьетнаме. Бюллетень рисовал катастрофическую картину экономической и демографической ситуации в КНР, которая к тому времени уже 20 лет "жила в обстановке абсурда как в плане речей, так и в плане действий".

И наконец, Пате упрекал западные средства массовой информации за их манеру представлять Советский Союз и выпячивать на передний план проблему диссидентов (5 ноября 1977 года). Информацию об СССР, появляющуюся в западной прессе, он относил к разряду дезинформации (5 ноября 1978 года). Эмигрантов из СССР он называл "рыбами, выброшенными из воды", и "командирами без армии" (20 мая 1978 года), большинство из которых позволило соблазнить себя льстивыми увещеваниями, щедро расточаемыми западным миром, чтобы потом превратиться в "настоящие отбросы общества" (5 ноября 1977 года). Много своих статей он посвятил "новым философам" и их "смехотворной манере постоянно возвращаться к теме Гулага" (20 мая 1978 года). Пате обвинял их в проявлении "непостижимого незнания" истинных проблем. Как они могли рассуждать о системах подавления, практиковавшихся в некоторых странах, находясь вдали от них, спрашивал он. Далее он добавлял, что в СССР все смеются над представителями данного "философского направления" (5 июня 1978 года).

Если бы он не попался с поличным вместе с Игорем Кузнецовым, то вполне можно предположить, что Пьер Шарль Пате никогда не был бы осужден за свои произведения. "Синтезис" выражал идеи, довольно широко распространенные в определенных кругах.

Некоторые журналисты их также активно пропагандировали, не состоя при этом, как в случае с Пате, на жалованье у Москвы.

Из всех средств, используемых СССР для тайной поддержки своей внешней политики, наиболее трудной и сложной для обнаружения является деятельность "агентов влияния". Специалисты из контрразведки всегда испытывают большие трудности при распутывании операций, проводимых с их участием. Но несомненно, Пьер Шарль Пате не является единственным "агентом влияния", известным французской прессе. В распоряжении компетентных органов находится немало досье такого рода. Но они не были доведены до конца из-за отсутствия достаточно веских с точки зрения закона доказательств.

Рассмотрим лишь два показательных примера.

В первом случае речь пойдет о журналистке, специализировавшейся на вопросах международных отношений. Ее творческая карьера началась в 20-х годах и наиболее ярко проявилась во время войны. В тот период она находилась в Соединенных Штатах, где выпускала оппозиционный де Голлю журнал. После освобождения страны она последовательно сотрудничала с несколькими некоммунистическими изданиями. На закате своей журналистской деятельности она вела на радио хронику международной жизни. В распоряжении УОТ было достаточно свидетельств того, что начиная с 50-х годов она поддерживала постоянную и тесную связь с советскими спецслужбами.

Это подтверждали подслушанные телефонные разговоры. Однако она никогда не привлекалась к суду: для правосудия магнитофонная запись (которую легко можно подделать) не является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела. Находясь во власти антигерманских и антиамериканских настроений, она стала легкой добычей для службы советской дезинформации. Вполне вероятно, что она не знала об отведенной ей роли, даже если зачастую и выступала глашатаем политики Москвы. В одной из статей журнала "Эст э Уэст", посвященной вопросам дезинформации (март 1984 года), Бранко Лазич напоминает, при каких обстоятельствах эта журналистка, по меньшей мере однажды, помогла советской внешней политике в ходе одного ключевого эпизода войны в Алжире. "Первый этап, – пишет он, – 23 апреля 1961 года: ежедневная итальянская левая газета "Паэзе" выступила с "разоблачительной" информацией о том, что генерал Франко, Салазар и Аллен Даллес, директор ЦРУ, являются вдохновителями алжирского путча, осуществленного генералом Шалем. Второй этап: советская пресса во главе с "Правдой" перепечатала данную статью, английский перевод которой ТАСС разослал в другие страны. Третий этап: 27 апреля наша журналистка опубликовала в одной парижской некоммунистической газете статью о путче, озаглавленную "Стратегия Аллена Далле воспроизведена ТАСС. Нет необходимости еще раз напоминать, что американский госдепартамент и ЦРУ не имели никакого отношения к путчу генералов в Алжире..." На следующий день после ее кончины "Правда" напечатала несколько трогательных слов об этой журналистке. Газета советских коммунистов напомнила, что она несколько раз бывала в СССР, что ее статьи неоднократно переводились на русский язык и что она была награждена орденом Дружбы народов за ту роль, которую сыграла в деле сближения Франции и СССР...

Второй случай также достаточно красноречив, хотя и здесь дело не дошло до суда. Речь идет об одном журналисте, бывшем советском гражданине, переехавшем на Запад в конце 70-х годов. Создав себе небольшую известность после публикации книги о своих журналистских опытах в СССР, он попытался устроиться в русский отдел "Радио Франс энтернасьональ", но УОТ незаметно вмешалось и не дало ему осуществить свое намерение. После детального изучения биографии и проанализировав мотивы его эмиграции из СССР, контрразведка пришла к выводу, что он переехал на Запад специально, чтобы стать здесь "агентом влияния". Сейчас он эпизодически печатается в одном еженедельнике и в одной газете.

Да здравствует Чаушеску!

Наглядно показав в своей книге "Тоталитарный соблазн" (Jean-Francois Revel, La Tentation totalitaire. Laffont, 1976), что социализм связан тесными узами с тоталитаризмом, Жан Франсуа Ревель вызвал на себя огонь "левых" во Франции. Автор совершил непростительную ошибку: он похоронил надежду.

И действительно, если проанализировать отношение Запада к реальному социализму в послевоенный период, то станет ясно, что демократические страны изо всех сил стремились сохранить миф о "своем пути к социализму", который бы не вел к катастрофе. После 1956 года, когда венгерская революция была утоплена в крови, все взоры обратились на "польскую весну": Гомулка денационализировал землю и стал инициатором некоторой либерализации культурной жизни. Спустя четыре года, после того как Польша вернулась к добрым старым авторитарным методам, всеобщее внимание перенеслось на Кубу. "Бородачи" Кастро почти на десятилетие стали олицетворением мечты. Им на смену пришла "пражская весна", воплощение "социализма с человеческим лицом". Советское вмешательство в августе 1968 года еще раз доказало, что Москва никому не позволит отступить от догмы. К счастью, уже пылает "культурная революция" в Китае. Ее пытаются представить как великий праздник молодежи, как невиданную самокритику власти, признавшей свои старые ошибки. Эта революция, начавшаяся сверху, доказывала, что коммунизм вполне способен самореформироваться. Цена "празднеству" исчислялась десятками миллионов жизней, а Мао создал себе такой культ личности, что даже покойный Сталин побледнел бы от зависти.

Наученный горьким опытом, Запад стал более разборчивым. Теперь хорошенько задумывались, прежде чем приходить в восторг по поводу того или иного события. И все же надежда на возможную реформу социалистической системы по-прежнему жила. Например, рассчитывали на Венгрию: мероприятия в области экономики, проведенные будапештскими властями и направленные на введение частной собственности в сельском хозяйстве, на предоставление самостоятельности (весьма относительной) предприятиям, свидетельствовали о существовании своеобразного "венгерского пути", нового варианта "социализма с человеческим лицом".

Румыния в свою очередь занимала особое место в хит-параде любимцев Запада. Лет 20 эта страна символизировала независимость. Хватало и доказательств: бухарестские власти отказались присоединиться к странам – участницам Варшавского Договора во время вторжения в Чехословакию в 1968 году; они поддерживали прекрасные отношения с Израилем и Китаем. В вознаграждение за это Румыния пользовалась статусом "привилегированной нации", позволявшим ей получать выгодные кредиты и все лучшее из западных технологий.

В то же время западный мир не слишком присматривался к реальной ситуации в стране. Подавая в отставку со своего поста в середине мая 1985 года, посол США в Бухаресте резко осудил подобное отношение. По его мнению, Румыния оставалась абсолютно коммунистической страной. Она использовала свои хорошие отношения с капиталистическими державами для приобретения современного оборудования, необходимого Москве (зачастую техника перепродавалась "большому брату"). В своем прошении об отставке он напомнил, насколько жестким был советский контроль в Бухаресте. Количество советников СССР неуклонно увеличивалось в последние годы.

Вообразая себя Давидом, выступавшим против Голиафа (СССР), Николае Чаушеску, пожизненный президент Румынии, мегаломан и деспот, зарекомендовал себя истинным мастером вводить в заблуждение окружающих. При поддержке целого войска льстецов и прихлебателей он в течение 20 лет заставлял всех верить в то, что его страна вырвалась из советской орбиты. Ему это нужно было по двум причинам: чтобы удовлетворить свое чрезмерное честолюбие (он был убежден, что играет ведущую роль в мировой истории) и чтобы продолжать пользоваться подарками Запада, предназначенными социалистическому блоку.

В 70-е годы службы дезинформации секуритате активно создавали на Западе именно

такой образ независимой Румынии, пользуясь услугами достаточно алчных журналистов, согласившихся пропагандировать идеологию Бухареста.

Так, в июне 1977 года пытались завербовать и меня, в то время молодого журналиста газеты "Либерасьон", занимавшегося непосредственно социалистическими странами. Тогда на Востоке большую активность проявляли движения диссидентов, требовавших соблюдения хельсинкских договоренностей о свободном передвижении личности и идей. Газета предоставляла им широкую трибуну. По этой причине у меня практически не было контактов с официальными представителями посольств социалистических стран.

В начале июня мне позвонил секретарь румынского посольства, отвечавший за отношения с прессой. Он пригласил меня на обед. Я отклонил предложение и договорился о встрече в ближайшем к редакции кафе. Мой собеседник заливался соловьем, расхваливая достоинства газеты "Либерасьон", независимой, смелой... всего и не перечислишь. После получасового разговора я так и не понял, к чему он клонил. Недели через полторы я вновь получил приглашение к обеду. Отказавшись от обеда, я все же договорился о randevu в том же самом кафе. На этот раз он пришел в сопровождении коллеги.

Если опустить дежурные приветствия, вот вкратце суть их предложений:

"В октябре в Белграде откроется конференция, (на которой должны были подводиться первые итоги хельсинкских договоренностей). Вы знаете, что наша страна, которая проводит независимую политику, как, впрочем, и ваша газета, займет особую позицию на этом международном форуме. По нашему мнению, вам было бы интересно ознакомить мировую общественность перед открытием конференции с румынской точкой зрения. Это можно было бы сделать в форме эксклюзивного интервью, а еще лучше в форме статьи нашего президента Николае Чаушеску, в которой он дал бы оценку белградской встрече".

На это я ответил: "Наша газета старается не предоставлять слова правительствам социалистических стран, так как мы считаем, что они располагают всеми возможностями выражать свое мнение. Мы отдаем предпочтение тем, кто лишен свободы слова. Мы с удовольствием опубликуем точку зрения румынских властей на белградскую конференцию, но лишь при условии, что будут представлены и другие мнения. Итак, вы мне выдадите визу для поездки в Бухарест, я встречу с официальными властями, если возможно, и с президентом Чаушеску, но также и с теми, кто борется за права человека, в частности с Павлом Гомой, которого ваша полиция держит в изоляции. Одним словом, вы мне гарантируете полную свободу передвижения, а я подготовлю репортаж о вашей стране, в котором будут отражены все точки зрения".

"Прекрасная мысль, – воскликнули мои собеседники. – Мы немедленно свяжемся с Бухарестом. Без всякого сомнения, у нас не возникнет никаких проблем. Завтра же мы позвоним вам и дадим ответ".

Я так и не дождался звонка из посольства Румынии...

Приняли ли предложения, от которых отказалась "Либерасьон", другие французские газеты и журналисты? По всей видимости, да, если основываться на рассказе Павла Гомы о том времени, когда он был, как мы уже отмечали, полностью изолирован от внешнего мира. В своей книге "Чехарда" (Paul Goma, Chasse croise. Hachette, 1983) писатель так рассказывает о беседах со своими преследователями:

"В начале мая 1977 года знаменитый Гренада, возглавлявший секуритате, оказал мне великую честь, показав мое "дело". В одном из семи томов я наткнулся среди прочих вещественных доказательств на вырезки из французской газеты, которые сопровождались переводом на румынский язык некоторых абзацев. Я читаю оригиналы, я их перечитываю, затем сверяю с переводом... и глазам своим не верю: неужели французская пресса способна такое напечатать? Если бы, например, речь шла о "Юманите", тогда все было бы ясно – ведь все мы в Румынии знаем, что "Юманите" готовится в Москве, а в Париже переводится. Но "Фигаро"? Должно быть, эти подонки сами в своих кабинетах сфабриковали так называемые статьи, пребывая в полной уверенности, что я, обвиняемый, никак не смогу проверить, действительно ли "Фигаро" опубликовала подобные материалы в Париже. Тогда я спросил у

полковника Василиу Георге по прозвищу Гренада:

"Ну и что же это доказывает?"

"Если ты прочитал, то должен сам понять", – ответил он ухмыляясь.

"Вы утверждаете, что это вырезки из "Фигаро". Допустим, но лишь для поддержания нашей дискуссии. Однако одной вещи я понять не могу: каким образом секуритате, служба безопасности коммунистической страны, построит обвинение против некоммуниста на основе "доказательств", взятых из антикоммунистической газеты?"

"Это самое настоящее доказательство, Павло! – воскликнул Гренада, смеясь и потирая руки. – Если даже правая, реакционная, антикоммунистическая газета, как ты утверждаешь – я же воздержусь, – пишет черным по белому, что в Румынии все прекрасно, что свободы гарантированы, законность торжествует, благосостояние народа высоко и т. д. ... Как же после этого не называть тебя дураком и лжецом, утверждающим обратное?"

"Эти "доказательства" ничего не доказывают. Вы сфабриковали статьи здесь, тем более что автор агиограф Чау..."

"Он называется биограф, интеллигентшилка!"

"Когда речь идет о житии святых, говорят агиограф". "Что? Что ты этим хочешь сказать, бандит? Так вот, слушай меня внимательно: я запрещаю оскорблять нашего французского товарища. Во-первых, он почетный гость нашей страны, во-вторых, он более влиятелен, чем их посол, и, наконец, его лично принял... догадываешься, о ком я говорю? Если книга о жизни и идеях... понимаешь, о ком я говорю, была переведена на сотни и сотни языков, а не на два или три, как твои книжонки. И сегодня весь мир знает о мировоззрении, о философии, об идеях и особенно о независимости... Так ты что, не читал об этом в "Скынтейе"?" "Я не читаю "Скынтейю"".

"Ну конечно же, он у нас читает исключительно "Фигаро", господин бандит! Тебе ее подают на подносе, твою любимую "утку". Чтоб ты лучше видел, что там написано: у нас все хорошо, становится все лучше и лучше, а свободы – они пачками валяются на всех улицах. Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! Ты нас оклеветал, сказав, что это неправда. Ну так почитай, что пишет реакционная, как ты сам, газета! Ну, что ты скажешь?"

"Скажу, что эти статьи были сфабрикованы в кабинетах секуритате. Что это подделка!"

"Никакой ты не писатель и не интеллигент, ты просто-напросто идиот! На этот раз, если хочешь знать, мы не подделали и запятой. Ха-ха! Хо-хо!"

Невероятно, но факт: на сей раз секуритате не подделала и запятой. Но в этом я убедился только в ссылке (Павел Гома был освобожден и выдворен из Румынии 20 ноября 1977 года после международной кампании в его поддержку, проведенной, в частности, французской прессой).

Это свидетельство известнейшего румынского диссидента требует некоторых комментариев. Действительно, в противовес остальной французской прессе "Фигаро" опубликовала серию статей, в которых восхвалялись свобода и благосостояние румынского народа, пелись дифирамбы "политике независимости", проводившейся Николае Чаушеску. Все статьи принадлежали перу одного журналиста, прекрасно принятого в Бухаресте: Мишеля П. Амле.

Автор множества лестных для этой страны публикаций, одна из которых называлась "Настоящая Румыния Чаушеску" (данную брошюру с удовольствием раздавали всем почетным гостям румынского посольства в Париже), Мишель П. Амле частенько посещал Бухарест, о чем неизменно писала "Скынтейя". 15 марта 1983 года орган компартии Румынии сообщил об одном из его визитов в следующих словах – достойный образчик "деревянного языка":

"Президент Социалистической Республики Румынии товарищ Николае Чаушеску принял в понедельник во второй половине дня французского публициста Мишеля П. Амле, прибывшего с визитом в нашу страну [...]. Гость выразил искреннюю благодарность за радушный прием и передал товарищу Николае Чаушеску теплые пожелания по случаю пятидесятилетия революционной деятельности в интересах румынского народа,

деятельности на благо прогресса, мира, дружбы и сотрудничества между народами всех стран. Товарищ Николае Чаушеску дал французскому публицисту интервью, которое составит предисловие к новой книге, готовящейся к выходу во Франции, – книге, посвященной нашей стране, ее внутренней и внешней политике, неустанной борьбе главы румынского государства за строительство нового общества в Румынии, а также его плодотворной международной деятельности в интересах мира, разрядки напряженности, развития взаимопонимания, воплощения в жизнь идеалов прогресса и процветания всех народов".

Благодаря Мишелю П.Амле газета Робера Эрсана сумела получить "эксклюзивное" интервью Чаушеску к сороковой годовщине освобождения Румынии ("Фигаро" за 19 августа 1984 года). Интервью была предпослана статья, восхвалявшая "успехи румынского социализма". Статья принадлежала перу Жана Мью, занимавшего должность директора газеты. По такому случаю Мью переквалифицировался в журналиста.

Мишель П.Амле имеет, конечно, полное право выражать неумное восхищение румынским президентом. Но почему же он не описывает другую реальность этой страны, – реальность, наполненную ужасом, сравнимым с самыми черными годами сталинизма? Почему он не говорит ни единого слова о кошмарных условиях жизни румынского народа, самого бедного в Европе после албанцев?

Как может журналист стать заурядным агиографом деспота? На эти вопросы нет ясного ответа. Отметим, однако, определенную связь между подобной преданностью Мишеля П.Амле делу румынского государства и его по меньшей мере любопытным прошлым.

Амле, которому ныне 77 лет, прошел журналистский путь, достойный внимания. До войны он сотрудничал под псевдонимом Пьера Фореста в "Пти журнал", издании, принадлежавшем полковнику де ля Року, бывшему председателю организации "Боевые кресты" и основателю Французской социальной партии (ФСП), которая присоединилась в 1940 году к Петену. Во время войны Амле руководил в Виши "Радио – Травай" и создал Ассоциацию социальной прессы, объединявшую журналистов, интересовавшихся вопросами общественного труда. После войны он работал в социалистической партии.

Его карьера, уже достаточно запутанная, становится еще более интригующей, если верить тому, о чем пишет в книге, посвященной своему исключению из Французской компартии, Андре Марти (Andre Marty, L'Affaire Marty. Deux-Rives, 1955). По утверждению бывшего "черноморского повстанца", как Марти любил называть себя, Амле сыграл роль провокатора, с помощью которого Марти был без особого труда исключен из ФКП. Не вдаваясь в детали, он характеризует журналиста следующим образом:

"Кто он, журналист Амле? Редактор "Фигаро", но одновременно член Французской компартии с 1937 года, отделение Левалуа (департамент Сена), который называет себя Даниэлем Мариусом, родившимся в Ля-Сьота (департамент Буш-дю-Рон), а во время войны носившим имя Пьер Форест. Накануне войны он был близким другом Анри Рейно, члена Центрального Комитета ФКП и руководителя ВКТ. После войны он выставял напоказ свою дружбу с Анри Рейно, называя себя "синдикалистом". В этом качестве он принимал участие в заседаниях коммунистов, членов кабинета министра-коммуниста по труду (Амбураз Круаза). В течение трех лет он питался в министерстве с членами кабинета и даже спал в министерстве".

Далее Марти добавляет: "Естественно, в секретариате по организационным вопросам (Огюст Лекер) и отделе кадров (Марсель Сервэн) скрывали принадлежность Амле-Даниэля к партии и его сотрудничество с коммунистами министерства по труду сразу после освобождения Франции".

Безусловен факт, что румынские спецслужбы дезинформации всегда предпочитали действовать через правые издания, даже крайне правые. Агенты Бухареста чувствовали себя в этих кругах как рыба в воде. И это неудивительно. Только наивные люди могут еще верить, что коммунизм, расизм и даже фашизм – вещи несовместимые. Мы уже видели, каким образом КГБ использовал большинство европейских неонацистских организаций. Хотя и в

меньшей степени, секуритате тоже удалось проникнуть, зачастую без их ведома, в крайне правые европейские организации и издания.

Чтобы понять, почему такое стало возможным, нужно прежде всего проанализировать ситуацию в самой Румынии.

Очевиден полный экономический крах: сельское хозяйство и промышленность разрушены, население постоянно находится на грани голода. Никто больше не верит в "светлое будущее" и в "счастливый завтрашний день", как, впрочем, и в других восточноевропейских странах. Абсолютно дискредитировавшая себя коммунистическая идеология больше неспособна мобилизовать народ.

Чаушеску и его семья, полновластно правившие в стране с 22-миллионным населением, поняли это и в надежде как-то отвлечь своих подданных яростно разыгрывали национальную карту, доходя порой до ксенофобии. Отсюда и пропаганда так называемой независимой Румынии или беспрестанные кампании в "защиту" Трансильвании от венгерского "империалистического" посягательства.

Находясь между Румынией и Венгрией, Трансильвания в течение долгих веков оспаривалась обеими странами. В 1947 году Трансильвания окончательно отошла к Румынии в соответствии с Парижским соглашением. А в 1952 году коммунистические власти Бухареста предоставили сильному венгерскому меньшинству статус автономии. Но право на автономию в конце концов было отобрано, и венгры (два миллиона человек) начали подвергаться преследованиям, "румынизации", иными словами, терять свое культурное своеобразие. В Будапеште заволновались. Чаушеску, который уже не раз организовывал поистине расистские кампании против венгров, воспользовался моментом, чтобы обвинить Венгрию в посягательствах на Трансильванию.

Все это играло на руку румынскому деспоту. Под лозунгом защиты территориальной целостности он сумел вызвать националистический всплеск не только в своей стране, но и в широких кругах румынской эмиграции. Трансильвания сделалась "боевым конем" многих людей, бежавших от коммунизма из страны в 1945 году. Среди них были и бывшие члены "железной гвардии", фашистского и антисемитского движения, сторонники коллаборационистской политики во время второй мировой войны. Бывшие "железные гвардейцы" всегда находились в превосходных отношениях с крайне правыми в Европе. Именно через них секуритате и смогла просочиться в организации правого толка, чтобы потом незаметно использовать их в своих целях.

Кроме защиты Трансильвании, в эти цели входила также нейтрализация настоящих противников безумной политики Чаушеску. Для румынского деспота было крайне важно заткнуть рот тем, кто громогласно осуждал его тоталитарный по сути режим и разоблачал политику псевдонезависимости. Ведь западные страны могли вдруг прислушаться к этим голосам и прекратить экономическую помощь. Румынским властям уже удалось подавить оппозицию внутри страны, изгнав ее признанных лидеров, таких, как Павел Гома, или изолировав их. Теперь секуритате стремилась заставить замолчать своих противников за рубежом, в демократических странах. И здесь приемлемыми казались любые средства. Сначала о попытках физического уничтожения. 18 ноября 1977 года Моника Ловинеску, журналистка румынской секции радио "Свободная Европа" (станция, ведущая передачи на страны Восточной Европы из Западной Германии и финансируемая американским конгрессом), спаслась лишь благодаря случайному прохожему. Двое мужчин арабского происхождения зверски избили ее в Париже прямо перед домом. Позже, из показаний Иона Пачепы, второго по значимости руководителя румынской контрразведки, перешедшего на Запад в 1978 году, стало известно, что напавшие на женщину палестинцы действовали по указке секуритате. "Существовали распоряжения, – уточнял Пачепа, – в соответствии с которыми редакторы радио "Свободная Европа" должны были подвергаться жестокому избиению. Им следовало ломать челюсти, выбивать зубы, ломать руки. Их надлежало превращать в живых марионеток, не способных ни писать, ни говорить, ни распространять критику". В Германии другой сотрудник радио "Свободная Европа" (РСЕ), Эмиль

Джорджеску, был тяжело ранен "хулиганами", также, как установило следствие, действовавшими по приказу секуритате.

3 и 4 февраля 1981 года Павел Гома и двое других эмигрантов получили в Мадриде, куда они приехали, чтобы выступить с информацией о положении в Румынии на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (о выполнении хельсинкских договоренностей), посылки со взрывными устройствами.

13 января 1982 года Матей Павел Хайдуку, румынский разведчик под кличкой Визан, занимавшийся с 1975 года во Франции научно-промышленным шпионажем, получил приказ уничтожить Павла Гому и Виржилю Таназе, писателя-эмигранта, который опубликовал в журнале "Актюэль" памфлет о "Его Величестве Чаушеску". Как нам уже известно (см. часть вторую), Хайдуку предпочел сообщить об этом УОТ, которое организовало "исчезновение" Таназе, поместив его в безопасное место.

10 февраля 1983 года два инспектора УОТ нанесли визит Виржилю Ерунке, литературному критику, проживавшему во Франции с 1947 года и сотрудничавшему с радио "Свободная Европа". Они порекомендовали ему соблюдать крайнюю осторожность. Сотрудник румынской разведки, известный под именем Бистран, укрывавшийся в ФРГ, признался, что получил приказ об уничтожении этого литератора. Далее следуют акции по дискредитации. Такая работа ведется в первую очередь среди румынской эмиграции при помощи изданий, финансируемых Бухарестом. Назовем "Веститорул" во Франции, "Дрептата" в США и "Стиндардул" в Западной Германии. Секуритате прежде всего стремится опорочить своих противников в западных странах, которые дали им убежище. Здесь-то и используются некоторые группировки крайне правых. Основная цель операции проста: намекнуть, что определенные люди находятся на службе у Бухареста или, что еще хуже, у КГБ. Немного грубо, но подозрения и сомнения посеяны. Эмиграцию начинают раздирать бесконечные внутренние ссоры.

Основной мишенью всегда были сотрудники радио "Свободная Европа", очень популярного в Румынии (Бухарест не глушит передачи из боязни рассердить конгресс США и утратить статус "наибольшего благоприятствования"). Среди обвиняемых фигурировали Влад Джорджеску, глава румынской секции РСЕ в Германии, Моника Ловинеску, которая, как мы уже знаем, едва не заплатила жизнью за сотрудничество с радиостанцией, и Виржис Ерунка, которого должен был уничтожить по приказу секуритате Бистран. Все трое обвинялись в том, что, будучи членами Румынской компартии, они выехали из страны с благословения властей для работы на Бухарест, но перешли на Запад.

Честно говоря, подобная белиберда не представляла бы для нас никакого интереса, если бы во главе столь дурно пахнущего предприятия не стояла крайне правая газета "Презан", близкая к Национальному фронту Жана Мари Ле Пена. Под заголовком "Не проникли ли восточные спецслужбы в радио "Свободная Европа"?" один из сотрудников газеты, Ив Дуададь, не постеснялся воспроизвести эти инсинуации (26 сентября 1984 года). Аналогичные материалы появились и в журнале "Итинерэр", также близком к Национальному фронту. За полтора года до этого "Презан" уже успела отличиться, опубликовав статью против Павла Гомы, в которой он обвинялся во всех грехах: и в том, что он активный член Румынской компартии, и в том, что он никогда не был истинным инициатором движения в защиту прав человека в Румынии, и в том, что вместе с французскими троцкистами принимал участие в кампании в поддержку Франсуа Миттерана!

Во всех делах такого рода, по-видимому, играл немаловажную роль Константин Драган. Представляясь экономистом и бизнесменом, этот румын по происхождению нажил состояние на импортеэкспорте, торгуя в основном с Восточной Европой. Бывший член "железной гвардии", он поддерживал прекрасные отношения с коммунистическими властями Бухареста, куда частенько заглядывал, и лично с Чаушеску. Он почетный профессор бухарестской Академии экономических наук и Университета в Тимишоаре. Проживая в Италии, он разместил в Европе множество филиалов, в частности в Мадриде, Париже, Афинах.

Владелец издательства "Нагар", выпускающего "Европейский бюллетень", Константин Драган постоянно выступал в роли горячего борца за европейский союз, который включал бы и страны по ту сторону "железного занавеса". В 1967 году он основал Европейский фонд Драгана, обосновавшийся в Милане и имевший целью пропагандировать идею "соглашения о создании европейского культурного сообщества". Его начинание получило поддержку многих политических деятелей, среди которых был Эдмон Жискар д'Эстэн, отец бывшего президента республики. В почетном совете фонда, его морального гаранта, объединявшего политических деятелей, послов, ученых из многих стран мира (среди которых Румыния – единственное социалистическое государство), в 1981 году занимал место в качестве представителя Франции Оливье Жискар д'Эстэн, брат бывшего президента.

Являясь очень состоятельным человеком, Константин Драган, вероятно, не нуждался в субсидиях из Бухареста для финансирования своих замыслов, в реализацию которых и так вкладывались средства из прибылей от торговли между Востоком и Западом. Без всякого сомнения, румынские власти благосклонно смотрели на культурные инициативы Драгана. В большинстве его опубликованных произведений подогревались националистические чувства, особенно когда речь шла о "венгерской угрозе" Трансильвании, что полностью отвечало желаниям Чаушеску.

Чтобы лучше пропагандировать свои идеи, Драган в 1984 году баллотировался от Италии в Европарламент. Но потерпел неудачу.

Густаву Порде во Франции повезло больше: он был избран в Страсбурге от партии Жана Мари Ле Пена. Его случай одновременно и более прост, и более сложен, чем случай Драгана, с которым Пордя поддерживал связь. Более прост, так как в отличие от своего соотечественника (Пордя тоже румынский эмигрант, получивший французское гражданство в 1983 году) европейский депутат от Национального фронта не имел официальных связей с Бухарестом. Напротив, бывший румынский дипломат, он оставил службу в 1947 году после высылки короля Михая, не желая работать на коммунистический режим. Получив убежище во Франции, Пордя стал противником Чаушеску, что и соблазнило Жана Мари Ле Пена, который мечтал иметь в своем списке кандидатов в Европарламент эмигранта-антикоммуниста из Восточной Европы. Однако стоит присмотреться ко всему этому повнимательнее, как картина приобретает иной оттенок.

До своего избрания Густав Пордя ни разу официально не высказался против Чаушеску. Его имени не найти ни в одной газете, манифесте или петиции, в которых столько раз клеймились безумства румынского президента или выражался протест против бесчисленных случаев нарушения прав человека в Румынии. Зато статьи, подписанные его именем, неоднократно появлялись в газетах и журналах, финансируемых Бухарестом. Он поддерживал националистические идеи, хорошо знакомые румынской пропаганде. Известно также, что по меньшей мере один раз он присутствовал на обеде в посольстве Румынии в Париже.

После своего избрания депутат от Национального фронта проявил в Страсбурге чрезвычайную активность, выступая с предложениями по... Трансильвании.

ГЛАВА 5. ДЕЛО "ФЭАРВЕЛЛ"

Научный и промышленный шпионаж

Акт I: Оттава, июль 1981 года

Франсуа Миттеран впервые принял участие в канадской столице во встрече на высшем уровне глав семи наиболее индустриально развитых стран западного мира. Собравшиеся с любопытством, а некоторые и с недоверием смотрели на только что избранного президента от социалистической партии" Недоверие сквозило и во взгляде Рональда Рейгана. Месяц

назад американский президент выразил свое отрицательное отношение к включению во французское правительство четырех министров-коммунистов. "Тон и содержание союзнических отношений серьезно изменяются вследствие вхождения в это правительство, равно как и в любое другое правительство наших западноевропейских союзников, коммунистов", – говорилось в заявлении госдепартамента США на следующий день после происшедших назначений. Принятый в тот же день в Елисейском дворце вице-президент Джордж Буш дипломатично выразил неодобрение США. На этой встрече французский президент выглядел нерадивым учеником или даже паршивой овцой в стаде.

Однако двое суток спустя подозрительность уступила место признательности. Рональд Рейган полностью пересмотрел свое отношение к Франсуа Миттерану. Что за чудо? Неужели американский президент был настолько поражен правильностью избранной Францией политики? Сумел ли французский президент, адвокат по образованию, настолько хорошо защитить социалистический выбор Франции, что ему удалось переубедить своего самого решительного критика? Ничего подобного не произошло. Главы обоих государств остались на своих позициях.

На самом деле за эти два дня произошло важнейшее событие. Событие, совершенно изменившее отношение Рейгана к Миттерану и к Франции. Событие, после которого мгновенно переменялся тон Вашингтона, рассеялись легким туманом все тревоги американцев, а франко-американские отношения значительно улучшились, несмотря на оставшиеся политические разногласия.

Что же произошло в Оттаве?

Ничего особенного: вполне банальная беседа с глазу на глаз между Рейганом и Миттераном. Но именно после этого все и переменялось. Франсуа Миттеран преследовал вполне определенную цель. Не для оправдания нужна была ему эта встреча, но для того, чтобы преподнести американскому президенту бесценный подарок: "Фэарвелл", сверхсекретное досье, о существовании и содержании которого знали в то время только пять человек во Франции.

Рейган обескуражен. Он мгновенно оценил значимость полученной информации и горячо поблагодарил главу французского государства. В результате между двумя политическими деятелями зародились сердечные отношения. Досье "Фэарвелл" утвердило авторитет Франсуа Миттерана.

Спустя несколько недель личный посланник французского президента – Марсель Шале, директор УОТ, – прибыл в Соединенные Штаты с секретной миссией. Его встреча с вице-президентом Бушем была посвящена изучению наиболее важных данных из досье "Фэарвелл". Бывший директор ЦРУ, Джордж Буш, еще в большей степени, чем Рональд Рейган, осознал чрезвычайную важность представленных Марселем Шале документов.

Акт II: Париж, апрель 1983 года

Произошла беспрецедентная чистка: 47 советских "дипломатов" в течение нескольких часов выдворены из страны. Подобная мера, единственная за всю историю отношений между Францией и СССР, была одобрена на исключительно высоком уровне – самим президентом республики.

Когда Франсуа Миттеран подписывал распоряжение о высылке за несколько дней до события, на его столе лежали два дополнительных досье, в которых раскрывалась систематическая деятельность КГБ и ГРУ, направленная на подрыв жизненных интересов Франции.

Первое досье было передано в Елисейский дворец с Кэ д'Орсэ в середине января 1983 года. В номере журнала "Пуэн" за 8 апреля 1985 года я опубликовал статью, посвященную этому документу. Вот вкратце его содержание.

Ночью 11 января 1983 года в министерство иностранных дел поступил телекс из посольства Франции в Москве. Только глава кабинета министров и сам министр, в то время

Клод Шейсон, ознакомились с его содержанием, прежде чем передать президенту. В телексе сообщалось о поразительном открытии, сделанном тогда в посольстве Франции начальником службы кодирования. В послании, подписанном Жаном Пьером Массе, первым советником посольства, в частности, говорилось: "Во время ремонта телекса было обнаружено, что в корпусе одного из конденсаторов содержится сложное электронное устройство, предназначенное, по всей видимости, для передачи во внешнюю электросеть телеграфной информации". В документе далее уточнялось, что аналогичные электронные устройства найдены во всех телексах, использовавшихся посольством для связи с Парижем.

Новость была просто ошеломляющей: таким образом со дня установки первого телекса в октябре 1976 года вплоть до 11 января 1983 года КГБ получал информацию обо всех дипломатических посланиях, принимавшихся и отсылавшихся посольством Франции в Москве, включая самые секретные.

Два лишних проводка, обнаруженные в конденсаторах, были напрямую подсоединены к электросети. Силовой кабель телекса, следовательно, являлся носителем тока к внешней цепи и передавал информацию в здание КГБ в Москве. Система функционировала в точности как "бретелька" для прослушивания телефонных разговоров. Подключение к конденсатору позволяло перехватывать телексы до шифровки, практически не поддающейся прочтению. В результате советские спецслужбы могли получать "чистые" тексты.

КГБ добился подобного технического успеха благодаря не столько своим способностям, сколько небрежности службы безопасности французского министерства иностранных дел.

Первая небрежность: шесть аппаратов были отправлены из Парижа между октябрем 1976 и февралем 1977 года по железной дороге в так называемых грузовых вагонах, использующихся посольствами для перевозок тяжёлого и громоздкого оборудования. Эти телексы без всякого сопровождения, без защиты в течение двух суток передвигались по советской территории. Воспользовавшись этим, сотрудники КГБ аккуратно вскрыли ящики (опечатанные), сняли "родные" конденсаторы и заменили их другими, снабженными специальным электронным устройством.

Вторая небрежность: ни в момент установки, ни во время их использования компетентные службы посольства в Москве не удосужились снять крышки с корпусов и проверить внутренность аппаратов. И только лишь после поломки одного из телексов была проведена элементарная проверка и обнаружена ловушка.

Ознакомившись с документами, присланными с Кэ д'Орсэ, Франсуа Миттеран решил применить санкции к СССР за недопустимое нарушение тайны дипломатической переписки. В руках у него было грозное оружие: досье "Фэрвелл". УОТ было поручено подготовить для президента справку и список офицеров КГБ и ГРУ, проявлявших особую активность на территории Франции. В середине марта 1983 года новый шеф контрразведки положил на стол президента все необходимые документы. Миттеран сам выбрал из сотни предложенных ему имен 47 "дипломатов" для выдворения. Среди них фигурировали "резидент" (Николай Четвериков), его заместитель (Г.Корепанов), руководители "линии Н", "нелегалы" (Юрий Быков), "линии Х", научный и промышленный шпионаж (Юрий Зевакин) и "линии ПР", политический шпионаж (Виталий Юденко).

В общей сложности 15 выдворенных "дипломатов" работали по "линии ПР", 12 – по "линии Х" и пять относились к ГРУ. Кэ д'Орсэ уведомил об этом посольство СССР. В кабинетах министерства иностранных дел представитель советского посольства пытался протестовать, осудить "этот предательский удар по традиционной дружбе" между Москвой и Парижем. Но после того, как ему был представлен документ, один-единственный, из досье "Фэрвелл", советский дипломат побледнел и в великом смущении покинул министерство.

В Кремле, где у руководства в тот период находился Юрий Андропов, бывший шеф КГБ, прекрасно поняли смысл послания. Ни один француз не был выслан из Москвы в ответ. "Я бы не хотел, чтобы вина за эту грубую провокацию против Советского Союза была возложена на французских социалистов и тем более на коммунистов" (в то время входивших

в правительство), – заявил советский лидер несколько дней спустя германскому еженедельнику "Шпигель", выразившему удивление по поводу отсутствия ответной акции. На самом деле Андропов прекрасно знал, что Париж располагал всеми возможностями, используя досье "Фэарвелл", чтобы нанести решающие удары по КГБ и ГРУ.

В тот 1983 год 148 советских "дипломатов" были выдворены из многих стран мира, причем 88 человек – из Европы и США (включая 47, высланных из Франции). Если сравнивать эту цифру с общим количеством подобных инцидентов в 1982 году (34), то речь идет, по всей видимости, о настоящей "черной полосе" для советского шпионажа. Столь неожиданное проявление жесткости со стороны западных стран имело одну-единственную причину: досье "Фэарвелл".

Акт III: Париж, декабрь 1983 года

По обвинению в том, что он "поддерживал с агентами иностранной державы секретные связи, способные нанести ущерб военной мощи или дипломатической деятельности Франции, а также ее экономическому потенциалу", Пьер Бурдьоль, 56 лет, заключен 1 декабря в тюрьму "Френ". Арестованный неделю назад сотрудниками УОТ, этот инженер, работавший в компании "Томсон-ССФ", а с 1974 года – в Национальной компании авиационной и космической промышленности, признался в том, что с 1970 года имел регулярные встречи с советскими гражданами. Он пошел на это, по его словам, из политических соображений. В кабинетах последней компании в Мюро Бурдьоль работал над новейшими космическими программами, и в частности принимал участие в разработке европейской космической ракеты "Ариан".

Контрразведка нашла на его след благодаря досье "Фэарвелл". Столкнувшись лишь с одним случаем, УОТ решило довести дело до конца без промедления. Оно воспользовалось удобным стечением обстоятельств.

Акт IV: Бонн, октябрь 1984 года

Манфред Рёч, 60 лет, главный инженер управления планирования "Мессершмитт – Белков – Блом", крупнейшей компании по производству вооружений ФРГ, был арестован западногерманскими службами контрразведки. В течение 17 лет работая на КГБ, Рёч фотографировал при помощи миниатюрной фотокамеры секретные документы и планы своего предприятия. В частности, он передал в управление "Т" Первого главного управления советской разведки (научно-техническая разведка) основные тактико-технические характеристики сверхзвукового аппарата "Торнадо", разработанного совместными усилиями англичан, итальянцев и немцев, чертежи противотанковой ракеты "Хот", находящейся на вооружении в войсках НАТО, и подробную информацию о ракете класса земля-воздух "Корморан".

Важность занимаемой должности и срок разведывательной деятельности делают из Манфреда Рёча шпиона номер один со времен ареста в апреле 1974 года Гюнтера Гийома, советника канцлера Брандта. Весной 1983 года УОТ предупредило Бонн о существовании в компании "Мессершмитт" шпиона высочайшего уровня. После полугодового расследования главный инженер был нейтрализован. Французские контрразведчики оказали своим немецким коллегам неоценимую услугу, и вновь благодаря досье "Фэарвелл".

Акт V: Вашингтон, сентябрь 1985 года

"Ежегодно технологические новинки, полученные на Западе, успешно внедряются в более чем пяти тысячах военных разработок", – заявил министр обороны США Каспар Уайнбергер в день публикации доклада Пентагона о приобретении СССР западных технологий для военных целей. В докладе говорилось, что Советский Союз сэкономил

миллиарды долларов и годы научных поисков, получив западные технологии, применяемые для производства баллистических ракет, сверхсовременных истребителей, радиолокационных станций, космических кораблей и спутниковых навигационных систем. "Западные страны финансируют развитие советской военной мощи", – сказал Уайнбергер, требуя сокращения количества советских "дипломатов" в Соединенных Штатах (980 против 260 американцев в СССР). "Думаю, – продолжал он, – что нужно обязательно помнить, что Советский Союз посылает в такие страны, как Соединенные Штаты, хорошо экипированных, прекрасно обученных людей, сотрудников КГБ или другой аналогичной организации".

Об этой опасности известно давно, но госсекретарь заявил, что "мы лишь в последнее время осознали истинный размах секретного сбора данных со стороны СССР". Для очень немногих посвященных его высказывание означало полное признание значимости досье "Фэрвелл".

Теперь вполне очевидно, что примерно пять лет назад взаимоотношения Восток-Запад, а точнее, отношения между западными странами и Советским Союзом, претерпели серьезные изменения вследствие разоблачений, содержащихся в досье "Фэрвелл".

Впервые демократические государства смогли в полной мере оценить масштабы потребностей, возможностей и практической деятельности спецслужб (в широком смысле слова) СССР.

Досье "Фэрвелл", таким образом, сыграло решающую роль в разоблачении целей Советского Союза на Западе и явилось очевидной победой западного мира в борьбе против невиданного научного и промышленного грабежа, которым всегда занимался СССР.

Не будет преувеличением сказать, что в истории борьбы с советским шпионажем теперь существуют периоды "до" и "после" дела "Фэрвелл".

Нужно отдать должное УОТ: контрразведка с 1981 года скрупулезно трудилась над созданием этого досье, остававшегося до сегодняшнего дня секретным. Вспомним, однако, каким нападам подвергалась эта служба в тот период времени. Но именно УОТ, представленное после мая 1981 года как учреждение чрезвычайно опасное, о роспуске которого тогда поговаривали многие, дало в руки новым руководителям великолепный инструмент для восстановления престижа в западном мире. Благодаря УОТ социалистические власти получили в свое распоряжение сильнейшие козыри, позволившие значительно упрочить позиции Франции по отношению к Вашингтону и в конечном счете установить особо тесные связи с Соединенными Штатами в рамках Атлантического союза.

Поначалу даже название "Фэрвелл" держалось в полном секрете. Только несколько государственных деятелей Франции и руководители некоторых западных держав знали об этом кодовом названии и о том, что под ним скрывалось. В 1985 году некоторые детали досье просочились во французскую прессу ("Монд" за 30 марта и "Пуэн" за 8 апреля). Однако главное, то есть масштаб сделанных в досье "Фэрвелл" разоблачений, осталось за семью печатями. Эта утечка данных была, без сомнения, организована в высших эшелонах власти с целью маскировки нового предприятия, при удачном завершении которого мог быть образован источник информации в самом сердце руководства Коммунистической партии Советского Союза. Впрочем, это другая история, о которой еще не пришло время рассказывать.

Досье "Фэрвелл" было открыто УОТ в один из весенних дней 1981 года в результате совершенно случайного стечения обстоятельств. В тот день некий мужчина французской национальности принес по адресу улица Соссэ, 11, – в то время место расположения службы контрразведки – два письма. В первом письме француз объяснял, что два месяца назад его советский друг передал ему в Москве послание для УОТ. Он не знал о содержании конверта и извинялся за то, что так долго колебался, прежде чем вывезти его из СССР, из боязни угодить в тюрьму или в лагерь. Не зная в точности места работы своего друга, он, однако, утверждал, что тот принадлежал к высшим эшелонам государственной власти.

Второе письмо также было написано по-французски. Автор ничего не сообщал о своей работе. Он писал, что в 60-е годы служил в советском посольстве в Париже, а теперь готов

оказать услугу Франции. Тон послания был абсолютно нейтральным. Ничего не говорилось и о мотивах, по которым он решился на подобный поступок. За такие вещи в его стране могли очень просто поставить к стенке. Письмо оказалось подписанным полным именем, включая отчество (даже сейчас желательно не раскрывать его истинного имени).

Кто он? Провокатор? Ясновидящий? Справка из архивов подтвердила его утверждения. Он действительно занимал дипломатический пост в Париже в 60-е годы. В личной карточке отмечалось, что с ним проводилась определенная работа и дипломат благожелательно отзывался о Франции. Однако отзыв в Москву помешал началу его вербовки.

Спустя почти 15 лет он сам напомнил о себе французской контрразведке. И по собственной инициативе. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, но одновременно и весьма соблазнительно. Если это была провокация, УОТ сильно рисковало потонуть в болоте дезинформации. Советская разведка с особым удовольствием применяла подобный метод для дезориентации западных спецслужб. В то же время было бы большой ошибкой не пойти на первый контакт, не заглотив наживку. Не каждый день представляется такая возможность.

Дело в конце концов приняло настолько серьезный оборот, что его взяли под личный контроль, сохраняя полную секретность, два члена руководства УОТ. Операции присваивается кодовое название "Фэрвелл". Никто тогда и не догадывался, что это было началом самой крупной за всю историю акции по внедрению в самый центр советской разведки.

Как в партии игры в покер, французская контрразведка попросила открыть карты. Была установлена связь с человеком, передавшим письмо из Москвы. Ему предложили стать связным. Француз согласился, несмотря на колоссальный риск, которому он подвергался (за оказанные Франции услуги он получил орден Почетного легиона). Через несколько недель он вернулся из Советского Союза с первой папкой документов.

Именно тогда, и только тогда, руководство УОТ по-настоящему осознало огромную важность дела "Фэрвелл". Больше не могло идти и речи о связнике-любителе. К операции в Москве подключился профессионал высокого уровня.

Мы не можем сейчас дать исчерпывающую информацию о связях по делу "Фэрвелл": не стоит предоставлять советской разведке сведения, когда она еще ведет расследование по этому делу.

Чтобы до конца осознать масштаб операции, прежде всего необходимо сказать об уровне, на котором работал Фэрвелл. Старший офицер управления "Т", Первого главного управления КГБ, он служил в Центре, в штаб-квартире советской разведки в Москве на Лубянке. Фэрвелл имел доступ ко всем делам научной и промышленной разведки, которой занимается управление "Т". Он знал не только структуру своего учреждения, но и всех штатных офицеров (как в Москве, так и в резидентурах во всех странах мира), а также, что еще более важно, источники информации, другими словами, имена иностранных агентов, работавших на Советский Союз.

Офицерам, обладавшим столь секретными данными, строго запрещалось покидать пределы СССР. КГБ внимательно следит за этим, чтобы предотвратить утечку (или побег), способную причинить организации невосполнимый ущерб. Деталь немаловажная. Ведь если Фэрвелл не мог выезжать из Советского Союза, то нужно было ехать к нему, в Москву. Риск при подобных контактах огромен, и все же на него пошли.

В период с весны 1981 года до осени 1982 года, то есть за полтора года, Фэрвелл передал УОТ четыре тысячи сверхсекретных документов. На самом деле на Запад никогда еще не попадала столь секретная информация. Качество переданной документации делает из этого человека шпиона номер один, когда-либо завербованного западными службами в аппарате советской разведки. Его случай нельзя даже сравнить со случаем Олега Пеньковского, который, работая в ГРУ, не имел доступа к столь обширной информации.

Почему же старший офицер КГБ, входивший в номенклатуру, пошел на такой риск?

Фэрвелл никогда ничего не просил в обмен на свою информацию. Он просто хотел,

чтобы во Франции ему обеспечили нормальную жизнь в случае, если ему однажды удастся покинуть СССР. Что же касается его мотивов, то во время редких с ним встреч он не слишком много об этом говорил. Ностальгия по Франции? После своего пребывания в Париже он не раз пытался получить работу за границей – безрезультатно. А после того, как он занял место в высших кругах КГБ, исчезла последняя надежда уехать из СССР. В то же время перед ним постепенно открывались истинные масштабы подрывной работы советской разведки на Западе, включая Францию, к которой он оставался сильно привязан. Возникло множество вопросов: о нужности его работы, о политике страны и вообще о коммунизме.

Ему пришлось делать выбор: продолжать трудиться над делом, которое он ненавидел все больше и больше, или перейти в другой лагерь. Он избрал второй путь. Самый сложный.

Фэрвелл показал удивительную силу характера. Все профессиональные разведчики подтверждают это: психологически чрезвычайно сложно быть "кротом". Чтобы при двойной игре не возбудить подозрений, необходимы стальные нервы. А ведь Фэрвелл работал в полном одиночестве. "Он вел свою войну в одиночку", – объяснил специалист французской контрразведки.

В отличие от Олега Пеньковского, арестованного в Москве в октябре 1962 года и казненного в мае 1963 года, Фэрвелл не был раскрыт КГБ при жизни. От него неожиданно перестала поступать информация сразу же после смерти Леонида Брежнева и прихода к власти Юрия Андропова в ноябре 1982 года. УОТ поначалу не проявило особого беспокойства. Из соображений безопасности инициатива контактов полностью принадлежала разведчику. В начале 1983 года французская контрразведка удостоверилась в том, что Фэрвелл больше не отзовется.

Что же произошло?

Конец агента Фэрвелла никак не связан с его разведдеятельностью.

УОТ не совершило ни единой ошибки, КГБ не подозревал о "предательстве". Фэрвелл, по всей вероятности, прекратил свое существование в результате глупой случайности.

В последние месяцы 1982 года любопытный слух пронесся по Москве: один из высших офицеров КГБ был осужден по обвинению в убийстве. По некоторым данным, этот офицер оказался замешанным в каком-то неприглядном деле, расследование по которому проводилось милицией. Спустя несколько дней он якобы убил милиционера, хотевшего написать рапорт о "скандале". Этот случай разбирался на самом высоком уровне КГБ и партии. Как сообщалось, офицер понес примерное наказание.

В деле не упоминалось никакого имени. Сопоставив время исчезновения разведчика и нашумевшего "скандала", французская контрразведка пришла к выводу, что речь шла об агенте Фэрвелле.

Независимо от его судьбы то, что он сделал для Франции и других западных стран, просто неопределимо. Фэрвелл, без сомнения, достоин занять место среди великих разведчиков нынешнего века, рядом, например, с Рихардом Зорге, которому, кстати, недавно в СССР возвели памятник.

Коротко характеризуя то, что разведчик передал Западу, специалисты с удовольствием говорят о "боевых порядках Советского Союза на научном и технологическом фронте". Подобная военная терминология полностью отражает реальность. СССР проводил настоящую войну против Запада с целью получения всего того, что его промышленность была неспособна произвести, с целью отсрочить при помощи шпионажа и грабежа развал коммунистической системы.

Из чего же состояли упомянутые "боевые порядки":

– Полный и детальный перечень всех организаций, входящих в состав этого фронта, и взаимоотношения между ними. Ни одной западной службе не удавалось с максимальной точностью воспроизвести столь сложный механизм.

– Планы, их реализация, а также средства, сэкономленные в результате полученной нелегальным путем западной техники, для всех областей военной промышленности. Эти поразительные документы, составленные в истинно бюрократическом стиле, впервые

позволили оценить разнообразие применявшихся методов и размах грабежа.

– Список всех офицеров КГБ за рубежом, работавших по "линии Т" в составе управления "Т" и занимавшихся научно-технологическим шпионажем.

– Основные агенты, завербованные офицерами "линии Х" в десятках западных стран, среди которых США, ФРГ и Франция.

Фэрвелл добывал информацию из лучших источников. Все переданные им документы носили гриф "совершенно секретно". Каждый экземпляр пронумерован. Экземпляры "Фэрвелл" имели номер 1. Все они были взяты из кабинета начальника управления "Т". Многие документы имели заметки и личную подпись Юрия Андропова, в то время председателя КГБ. На одном из документов резолюция была написана рукой Леонида Брежнева, Генерального секретаря партии и главы государства.

Фэрвелл, таким образом, представил неопровержимые доказательства, свидетельствовавшие, что в Советском Союзе шпионаж и воровство – это методы управления, одобренные в высших инстанциях власти.

Ознакомимся с досье теперь более подробно.

1. Структура

Досье "Фэрвелл" впервые позволило составить точную структуру разведывательных учреждений СССР, из которой видно, что главенствующее положение занимала Военно-промышленная комиссия (ВПК). Руководившаяся с ноября 1985 года Юрием Маслюковым (заменившим на этом посту Леонида Смирнова, работавшего с 1963 года), ВПК имела несколько задач: а) сбор заявок различных министерств, связанных с военной промышленностью; б) разработка на основе этих заявок разведывательного плана на год; в) передача этого плана различным разведорганам (КГБ, ГРУ, службам разведки стран Восточной Европы и т.д.; г) сбор данных, полученных разведывательными службами за год; д) подсчет сэкономленных средств в промышленности и научно-исследовательской деятельности.

Официально ВПК созывалась раз в год для сбора заявок и разработки разведывательного плана. На самом же деле в течение всего года комиссия контролировала выполнение плана. Помогал ей в этом Всесоюзный институт межотраслевой информации (ВИМИ), своего рода трансмиссия между промышленностью и разведорганами.

Подобная система, на первый взгляд забюрократизированная, на самом деле функционировала с поразительной эффективностью. Информация свободно циркулировала по иерархической пирамиде. Высшее руководство осуществлялось Политбюро и Центральным Комитетом коммунистической партии. Годовой разведывательный план, например, утверждался Генеральным секретарем партии, прежде чем попадал в разведорганы.

В КГБ задача добывать "специальную информацию" была возложена на управление "Т" Первого главного управления. Это управление занималось, в частности, разведывательной деятельностью в области ядерной промышленности, военного и космического ракетостроения, кибернетики и общей промышленной технологии. Работа проводилась в тесном сотрудничестве с разведслужбами восточноевропейских стран, с которыми постоянные связи поддерживал отдел "Д", куда стекалась вся "специальная информация", поступающая из "братских стран". Эти службы действовали зачастую гораздо более эффективно, чем КГБ и ГРУ вместе взятые. Разведчики из Восточной Европы казались – и это большая ошибка – менее опасными, чем советские. Контрразведка не уделяла им особого внимания; они пользовались в западных странах относительной свободой передвижения, чего лишены советские "дипломаты" (как, впрочем, и все иностранцы в СССР) и прекрасно использовали в своих целях благоприятные коммерческие и культурные отношения между Восточной и Западной Европой.

Управление "Т" КГБ отсылало в каждую резидентуру разведплан. На офицеров "линии

Х" была возложена задача выполнить все установки плана. Этот план хранился в посольстве в строгой секретности. Он представлял собой объемный альбом, выполненный на специальной толстой бумаге. Все листы сшивались, чтобы предотвратить пропажу той или иной страницы. Применялась также двойная нумерация страниц. Каждый офицер (включая резидента), прежде чем воспользоваться планом, заполнял специальный формуляр, где указывалась причина, по которой ему понадобился документ.

В свою очередь ГРУ располагало "оперативным отделом", а именно "отделом научно-технической разведки", в задачу которого входил сбор научной информации, находившей применение в военной сфере. За границей офицеры ГРУ подчинялись своему собственному резиденту. Их гораздо меньше, чем офицеров КГБ, но действовали они также под дипломатическим прикрытием. Нередко использовалось и торговое представительство.

Другие учреждения, добывавшие информацию, обычно использовали официальные пути.

– Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ) поддерживал тесные связи с другими странами в рамках многочисленных программ сотрудничества, действующих между западными и советскими научно-исследовательскими институтами или между правительствами. В "управлении внешних сношений" ГКНТ работало большое количество офицеров КГБ и ГРУ.

– Академия наук, где занимаются фундаментальными исследованиями (в области математики, физики, биологии и т.д.) и научно-исследовательской работой, также имела "специальные каналы" для сбора на Западе информации в этих областях.

– Министерство внешней торговли добывало современные технологии посредством заключения официальных торговых соглашений. Здесь существовали два отдела: а) "экономические отношения с западными странами"; б) "импорт оборудования из капиталистических стран". Министерство развернуло широкую сеть торговых представительств, акционерных обществ со смешанным капиталом, закупочных центров для приобретения западных технологий, необходимых для советской промышленности.

– Наконец, Государственный комитет по внешним экономическим связям (ГКЭС), подчинявшийся Министерству внешней торговли, получал оборудование "официальным путем", используя для этого закупочные центры, находившиеся под его опекой.

Годовой отчет о выполнении разведывательного плана, подготовленный ВПК для Политбюро и Центрального Комитета партии, показывает, что в 1980 году КГБ выполнил 42% заявок, ГРУ – 30 (из них 45% приходилось на чисто военные документацию и оборудование), Министерство внешней торговли – 5, ГКНТ, ГКЭС и Академия наук – 3%.

Каждый год в распоряжение ВПК выделялся "специальный фонд", около 12 миллиардов франков, для финансирования конкретных операций по сбору информации о западной технике, которая могла бы оказаться полезной для военной промышленности. Эти средства предоставлялись, естественно, за счет других отраслей производства.

Досье "Фэарвелл", таким образом, помогло лучше понять саму сущность советской системы: главенствующая роль военного сектора во всех областях.

Об этом говорит и экономическая структура страны, где военная и гражданская промышленность тесно переплелись. В каждом институте, лаборатории, на заводе имеется специальный отдел (называемый "I отделом"), куда собираются все лучшие достижения для последующей передачи в военный комплекс.

То же самое происходило и во внешней торговле. Любая техническая деталь, полученная на Западе, немедленно находила применение в военной промышленности. Отсюда любая торговая сделка с СССР укрепляла в конечном счете его военный потенциал.

Наконец, это проявлялось и в такой специфической области, как шпионаж. Место и роль ВПК в системе, которую мы только что разобрали, показывают, что советские военные имели преимущественное право на всю информацию, полученную разведкой в научной, технической и технологической областях.

2. Методы

Просчитывалось все до мельчайших подробностей. Как показали документы, переданные агентом Фэрвеллом, ВПК разрабатывала годовой разведплан с поразительной скрупулезностью. Каждая заявка сопровождалась техническим описанием, номером серии, названием фирмы или места, где можно получить оборудование, заказанное тем или иным министерством. Все эти сведения получались благодаря систематическому широкомасштабному сбору необходимой информации.

В период, скажем, перефразируя известный афоризм Маркса, "первоначального накопления информации" данные извлекались в основном из открытой документации (рекламные проспекты, образцы и т.д.), которую КГБ, ГРУ, ученые, советские торговые представительства обычно получают легальным путем. В своих отчетах ВПК подчеркивала, что 90% из сотен тысяч документов, получавшихся ежегодно этими организациями, не являлись секретными.

Каждый год, например, Государственный комитет по науке и технике приобретал полтора миллиона западных научно-технических журналов. Все эти издания изучались с величайшим вниманием. Американский еженедельник "Авиэйшн уик энд спейс технолоджи", по-видимому, особенно ценится советскими учеными. Десятки экземпляров журнала каждую неделю отправлялись в СССР самолетами "Аэрофлота". Журнал переводился в течение полета!

ВПК относилась с большим вниманием ко всем международным ярмаркам и выставкам, где можно получить какую-либо полезную техническую документацию. Ежегодно около трех с половиной тысяч советских специалистов направлялись за границу (две тысячи – в США). Официально – для укрепления связей в области науки, на самом деле – для ведения разведывательной работы. В большинстве своем члены Академии наук или ГКНТ, они проходили стажировку в лучших западных университетах (в 1980 году 374 советских гражданина посетили знаменитый Массачусетский технологический институт или приняли участие в международных конгрессах и конференциях).

В одном из документов досье "Фэрвелл", полученном в ВПК, говорилось, что в период с 1979 по 1981 год советские специалисты приняли участие в 35 международных научных форумах с единственной целью: собрать необходимую для военной промышленности информацию (в области космической промышленности, радаров, микроинформатики, солнечной энергетики и т.д.). Среди них многие являлись офицерами КГБ и ГРУ. В своих отчетах ВПК отмечала, что полученные таким образом сведения позволили сэкономить миллионы рублей на научных исследованиях, что эквивалентно трехлетней работе группы из сотни ученых.

ВПК брала на заметку и классифицировала все западные предприятия, которые могли стать поставщиками документации и оборудования для советской военной промышленности. Эта классификация весьма специфична. Ее критерий: интерес, который могла представлять продукция того или иного учреждения для Советской Армии. В США КГБ, ГРУ и другие разведорганы должны были концентрировать свое внимание на следующих компаниях: 1) "Дженерал электрик", 2) "Боинг", 3) "Локхид", 4) "Рокуэлл интернэшнл", 5) "Макдоннел Дуглас", 6) "Вестингхаус электрик..." и т. д. до 32-й фирмы – "Пан-Америкэн". Во Франции под прицелом находились все предприятия, работавшие на национальную оборону: "Аэроспасьяль", "Дассо", "Снекма", "Матра", "Томсон", "Панар" и др.

Правительства западных стран практически не в силах помешать утечке на Восток открытой документации. Это могло бы серьезно нарушить свободный обмен информацией, присущий демократическим странам, а также затормозить необходимую для экономического развития конкуренцию между фирмами. В мире свободного предпринимательства любой новый продукт неизменно становится объектом рекламы – его необходимо выделить из целого ряда конкурирующих с ним образцов и привлечь потенциального покупателя. В военной промышленности соперничество приобретает особую остроту – ведь любой

контракт здесь оценивается в миллионы франков. Вот пример: достаточно получить каталог "Сатори", связанный с продажей французского оружия, чтобы узнать все основные характеристики французских вооружений. Подобная информация была весьма полезна для ВПК и великолепно дополняла разведплан.

В Соединенных Штатах 11 тысяч предприятий так или иначе работают на оборонную промышленность. Это более четырех миллионов рабочих и служащих. Конечно же, нет никакой возможности контролировать их всех. То же самое можно сказать и о 900 тысячах американцев, имеющих доступ к секретной документации (19,6 миллиона документов только в 1984 году). Утечка информации неизбежна.

3. Средства

Около 15% задач, фигурировавших в годовом разведплане ВПК, выполнялось за счет официальных торговых сделок, заключавшихся между государствами или советскими учреждениями и западными фирмами.

За период до 1980 года, например, Советский Союз закупил в Соединенных Штатах, Западной Германии и Японии сотни тонн силиконовых руд, необходимых для производства элементов для компьютеров третьего поколения. С тех пор на вывоз руды было введено эмбарго. Однако ничего не изменилось. СССР продолжал получать этот стратегический минерал через сложнейшую сеть различных акционерных обществ.

Более 300 предприятий в трех десятках стран занимались тем, что переправляли западные технологии в Советский Союз. Некоторые акционерные общества, оказавшиеся фиктивными, были организованы КГБ, ГРУ и другими советскими разведорганами. Большинство из них, впрочем, принадлежало западным дельцам, соблазненным, как мы увидим далее, легкой наживой. Москва без колебаний платила им на 50% больше за усовершенствованный компьютер.

Для сбора научной и технической информации КГБ и ГРУ прибегали чаще всего к услугам агентов. В качестве примера назовем лишь Сергея Фабиева и Владимира Золотаренко, которые во Франции были пешками в гигантской сети, раскинутой по всему миру советскими разведслужбами с единственной целью: выполнить задачи разведплана ВПК.

К заслугам Фэрвелла необходимо отнести и то, что, основываясь на его списках агентов, действовавших в десятках стран, западная контрразведка сумела нейтрализовать некоторых из них. Пьер Бурдьоль во Франции и Манфред Рёч в Западной Германии были арестованы, как мы уже знаем, по наводке Фэрвелла. Благодаря ему ФБР напало на след двух американцев, Уильяма Белла и Джеймса Харпера, завербованных польской разведслужбой и работавших на Советский Союз. Белл служил в "Хьюз эйркрафт компани". Он имел доступ к современным разработкам в области радарных систем, ракет класса "воздух-воздух" и "земля-воздух". С его помощью в период с 1978 по 1981 год, год его ареста, СССР сэкономил десятки миллионов рублей и пять лет научных исследований. Джеймс Харпер нанес более ощутимый ущерб. Инженер-электронщик, он передал с 1971 по 1981 год десятки сверхсекретных документов, касавшихся межконтинентальных баллистических ракет.

Старший офицер южноафриканского флота Дитер Герхардт с 1964 по 1983 год передавал ГРУ информацию относительно противоздушных ракет западного производства. Он был нейтрализован также благодаря Фэрвеллу.

По многим делам еще ведется расследование. Если сравнивать с перебежчиками, такими, как Голицын, то Фэрвелл, конечно, гораздо лучше мог знать западных агентов, предающих родину. Каждый названный человек был – и остается – под внимательным наблюдением западной контрразведки, так как необходимо найти неопровержимые доказательства его предательства, чтобы исключить всякую возможность ошибки. Подобные расследования требуют длительного времени, поскольку КГБ и ГРУ законсервировали

большое количество точек, с тех пор как в конце 1982 года Фэрвелл замолчал. Может быть, придется ждать пять, а то и 10 лет, прежде чем перевернется последняя страница в этой главе досье "Фэрвелл".

Заметим, однако, что среди указанных имен фигурируют три члена конгресса США и один западногерманский парламентарий.

4. Результаты

"Советский Союз сумел в ходе систематического сбора информации в высокотехнологичных областях западной промышленности овладеть целым рядом ключевых или потенциально ключевых элементов обороны свободного мира, что серьезно подрывает превосходство Запада над Востоком и отрицательно сказывается на нашей собственной безопасности", – писал Анри Реньяр в журнале "Дефанс насьональ" (декабрь 1983 года) в заключение статьи о советской разведке в области науки.

Автор прекрасно знает, о чем говорит. Под этим псевдонимом скрывается один из двух ответственных работников французской контрразведки, который в деталях изучил досье "Фэрвелл".

Анри Реньяр сдержанно выражает страшную тревогу, охватившую западных руководителей после того, как Франция проинформировала их.

С конца 70-х годов Советский Союз получил на Западе 30 тысяч единиц усовершенствованного оборудования и 400 тысяч документов. Из отчетов ВПК, которые предоставило в наше распоряжение досье "Фэрвелл", видно, что между 1979 и 1981 годами ежегодно пять тысяч образцов советских вооружений улучшались за счет западных технологий. За десятую пятилетку (1976-1980) три с половиной тысячи заявок на "специальную информацию" были удовлетворены. Это составляет 70% общего объема задач. Если взять только два министерства из 12, непосредственно связанных с обороной, – министерство оборонной промышленности и министерство авиапромышленности, – то информация, полученная на Западе, позволила Москве сэкономить в период с 1976 по 1980 год 6,5 миллиарда франков, что эквивалентно годовой отдаче от работы 100 тысяч научных сотрудников. Известно, что на одиннадцатую пятилетку (1981-1985) объем заявок ВПК увеличился на 15%.

Если говорить непосредственно о производстве вооружений, то здесь систематический грабеж, как показано ниже, достиг гигантских размеров.

– "Аваксы" советских ВВС (самолеты-радары) были скопированы с американских "Аваксов".

– Советские бомбардировщики "Блэкджек" – точная копия самолета "В1-В" ВВС США.

– Транспортный самолет "АН-72" похож, как двойняшка, на "Боинг УС-14".

– Более половины технологических принципов производства ракет "СС-20", которые угрожали Европе, были получены на Западе. В частности, система наведения высокой точности.

– Защитный слой ядерных боеголовок для межконтинентальных советских ракет был создан на основе разработок американскими учеными защиты космического корабля (термический щит) при его входе в слои атмосферы.

– Все успехи СССР в области создания истребителей спутников и лазерного оружия были достигнуты благодаря западной документации и достижениям западных специалистов.

– Точные копии ракеты класса "воздух-воздух" "Сайдуиндер" и противовоздушной ракеты "Редай" с инфракрасной системой наведения находятся в настоящее время на вооружении Советской Армии.

– Последняя модель советской подводной торпеды была разработана на основе торпеды "МК-48" ВМС США.

Прервемся на этом.

На самом деле все советские вооружения были созданы в той или иной степени с

помощью "импортных" технологий, что не является новостью. Руководители западных стран давно об этом догадывались. Приведа конкретные примеры, Фэрвелл заставил их, однако, в полной мере осознать опасность, которую представляет систематический грабёж. Ведь если СССР воспользовался тем или иным техническим достижением для усиления своего военного потенциала, то это одновременно означает, что его Генеральный штаб узнал и обо всех сильных и слабых сторонах западных вооружений.

Таким образом, Красная Армия располагает теперь значительным стратегическим преимуществом.

Отметим, что досье "Фэрвелл" вынудило американских руководителей изменить все коды наведения крылатых ракет. Ведь старые коды были известны в Советском Союзе с давних пор. Известно также, что американский истребитель "F-18", оснащенный усовершенствованной системой наведения стрельбы, теперь утратил свои преимущества. Получив полную информацию об этой системе с помощью КГБ и ГРУ, советские специалисты разработали систему контрмер. То же самое произошло и с американскими противотанковыми ракетами TOW. Советской Армии известны все детали их конструкции. И теперь при помощи помех система наведения может быть легко нейтрализована.

Основываясь на досье "Фэрвелл", Соединенные Штаты попытались оценить ущерб, нанесенный советской разведкой их армии: 20 миллиардов долларов. Такую сумму должен теперь вложить Вашингтон, чтобы свести на нет успехи советской оборонной промышленности, достигнутые благодаря лишь приобретениям западных технологий. 20 миллиардов долларов – таков военный бюджет Франции, пятой державы мира.

"Преыдушие оценки научного, технического и технологического уровня Советского Союза в военной и гражданской областях должны быть значительно изменены в большую сторону как в количественном, так и в качественном отношении", – пишет в своей статье Анри Реняр.

Возьмем в качестве примера информатику, широко применяемую и в военной, и в гражданской областях. Из отчетов ВПК на начало 80-х годов видно, что 42% продукции электронной промышленности было создано не без применения западных технологий. В 70-е годы считали, что СССР на 10, а то и на 15 лет отстает от Запада в данной сфере. В настоящее время разница составляет всего лишь три года. И это вовсе не заслуга "гениальных" советских электронщиков. Они заняты методичным копированием западной продукции. Так, мощные компьютеры "Ряд" не что иное, как точная копия "IBM-360 и 370". То же самое и с микропроцессорами. Наиболее совершенные "KP5801K80A" в точности повторяют "8080A", изготовленные "Интел корпорейшн" и применяемые в армии США. В данном конкретном случае СССР дошел до того, что даже скопировал маркировку американских элементов: "8080A" превратился в (KP5)80(1K)80A.

"Невозможно однозначно и точно оценить результаты, полученные Советским Союзом в области сбора научной, технической и технологической информации, – пишет в заключение Анри Реняр. – Очевидно, что, помимо сэкономленных средств в научных исследованиях, доводке и внедрении боевой техники, информация, собранная Советским Союзом на Западе, позволила руководителям страны получить общее представление о состоянии и техническом уровне западных вооружений и военной техники. Советский Союз также получил бесценные сведения о направлениях развития современных систем вооружения, о возможностях и способности к мобилизации Запада" (выделено автором).

Сказанное выше составляет основное содержание досье "Фэрвелл" в том виде, в котором Франция передала его своим основным западным союзникам. Изучив документ, некоторые руководители, например Рональд Рейган, были просто потрясены. У них в руках оказалось неопровержимое доказательство того, что без западной технологии военную мощь СССР можно сравнивать с уровнем развития вооруженных сил слаборазвитой страны. Досье также наглядно показало чрезвычайную незащищенность демократических стран от деятельности советской разведки, доступность важнейших государственных тайн.

Вышеуказанные разоблачения позволяют лучше понять причины значительного

ухудшения отношений между Западом и Востоком в начале 80-х годов. Объяснения этому не исчерпываются войной в Афганистане, положением в Польше или борьбой за размещение ракет ("Першингов-2" и крылатых ракет против "СС-20"). Одной из причин жесткой политики западных стран по отношению к СССР также можно считать досье "Фэрвелл". Свободный мир должен был ответить на важнейший вопрос: можно ли доверять нации, которая выслеживает все, что ее экономика неспособна произвести?

Вопрос остался открытым, несмотря на все попытки Михаила Горбачева очаровать западный мир. Вряд ли руководители западных держав смогут относиться к Советскому Союзу так, как они относились к нему еще вчера. Понадобится время, пока миражи "разрядки" вновь обретут былую силу, чего горячо желает Кремль.

Если Юрий Андропов и не сделал никаких официальных шагов после выдворения 47 советских "дипломатов" – благодаря, как мы уже знаем, досье "Фэрвелл", – то он в душе жаждал отомстить Франции за ее блестящий маневр. "Теневая война" разгорелась с новой силой после исчезновения агента. Весь КГБ был мобилизован.

Совпадение? Одновременно в Париже начиналась великолепная "операция по дезинформации", которая едва не парализовала контрразведку и – что еще более опасно – не ввела смертельный яд подозрительности в самые высшие сферы французского государства. Не было обнаружено ни малейшей связи между прекращением работы Фэрвелла и столь дьявольской операцией. Однако совпадение по времени по меньшей мере вызывает определенные подозрения. Операция едва не увенчалась успехом. Последствия могли бы быть катастрофическими для правительства. Сейчас впервые появилась возможность рассказать об этих событиях.

Поначалу все выглядело как банальное происшествие, случившееся дней через 10 после того, как Фэрвелл не вышел на связь. В то время УОТ еще не знало, что агент больше никогда не подаст признаков жизни.

Однажды ноябрьским утром 1982 года в парижский магазин по продаже мехов, расположенный на улице Сент-Онорэ, зашел мужчина лет 40. Его неуверенный английский язык звучал с сильным русским акцентом. Мужчина, которого мы будем называть Владимиром Ростовым, купил два манта на общую сумму 40 тысяч франков. Расплатиться он пожелал кредитной карточкой. Когда же он открыл портмоне, на лице его появилась обеспокоенность: Ростов обнаружил, что больше не располагает наличностью. К тому же, как он сам объяснил, у него совершенно не было времени зайти в банк днем. Покупатель спросил, не могли бы ему выписать чек на 45 тысяч франков, а разницу выдать наличными. В кассе магазина не оказалось пяти тысяч франков. Администратор посоветовала клиенту зайти после обеда. Он ушел, но оставил номер своей кредитной карточки. Первая ошибка.

Владимир Ростов совершил и вторую, зайдя вечером в надежде получить пять тысяч франков. Во время его отсутствия магазин навел справки: кредитная карточка, выданная издательством в США, уже двое суток, как не обеспечивалась. Ростов, возможно, и не знал об этом. В противном случае он вряд ли бы вернулся. Если только он заранее не просчитал дальнейшее развитие операции, что, впрочем, мало вероятно.

Администратор предупредила полицию. Ростова арестовали за мошенничество и на следующий день перевели в тюрьму "Фрэн".

Здесь началось самое интересное.

Ростов представился: советский эмигрант, получивший убежище в Соединенных Штатах. Во Францию прибыл с целью организовать международный журнал по вопросам права на американские средства. Великолепно. Но когда он заявил, что готов дать важнейшую информацию о советской разведке, полицейские наострили уши. Поначалу отношение к его заявлениям оставалось скептическим. Однако Ростов настаивал. Потребовали доказательств, фактов. Он попросил вызвать специалистов. Была предупреждена контрразведка. С этого момента дело приняло совсем другую, неприятную окраску.

В своей камере Ростов начал давать показания представителям контрразведки, которые

со всей скрупулезностью записывали его откровения. Из Советского Союза он сбежал весной 1981 года через Турцию. Все было очень просто: в течение долгих лет он служил в звании лейтенанта КГБ в погранвойсках. Он работал во Владивостоке, затем на границе с Турцией. Местность знал как свои пять пальцев: время патрулирования, проходы и т.д. Рассказ звучал вполне правдоподобно. То же самое он поведал и американцам, которые приняли его после побега. На допросе в ЦРУ – в Лэнгли, пригороде Вашингтона, – он заявил, что ушел из КГБ несколько лет тому назад, затем изучал право, желая стать адвокатом. Его трения с властями начались с того момента, когда он попытался защитить диссидента. Лейтенант КГБ, вдруг превратившийся в защитника угнетенных? Нет, американцам это показалось чересчур грубой выдумкой. Продержав его несколько недель, ЦРУ наконец избавилось от перебежчика. Мнение о нем оставалось невысоким. Эту историю УОТ узнало, связавшись с Вашингтоном.

Несмотря на весьма сомнительное прошлое, французская контрразведка ухватилась за Ростова. Почему? Никто не может сказать с точностью. Безусловно, Ростов – человек обаятельный. Он красноречив, уверен в себе, привлекателен. Одним словом, он умеет нравиться.

Продолжение его истории не вызывает особых вопросов. Выйдя из ЦРУ, он сумел устроиться в издательство. Здесь он предложил организовать в Париже международный журнал по вопросам права. Издательство приняло предложение, что говорит об умении Ростова убеждать. Спустя некоторое время он появился в Париже с необходимым капиталом. Но вместо того, чтобы заниматься журналом, он пустился в мелкое мошенничество. Напомним дело с мехами. Спустя несколько месяцев издательству стало известно о его делишках. Финансирование прекратилось, и Ростов оказался в тюрьме "Фрэн".

Откуда же у него сведения о советской разведке? Этот вопрос не смущает Ростова: он знаком с офицерами КГБ в Москве, которые работают в 5-м отделе Первого главного управления, курирующем деятельность разведки во Франции, в Италии, Испании, Голландии, Бельгии, Люксембурге и Ирландии. По его заверениям, они готовы передавать сведения французской контрразведке. Если ему будет предоставлена возможность, он займется этим.

Завербовать новых агентов в сердце КГБ после прекращения работы Фэарвелла казалось невозможным. УОТ дало согласие. Ростов становится "почтальоном", сидя в своей камере. По сложным каналам (не стоит в данном случае углубляться в детали) он входит в контакт с этими пресловутыми офицерами в Москве. Во всяком случае, он так утверждает. Правда или ложь? В конце концов контрразведка получила "почтой" ценный подарок: микрофильм, спрятанный в полый шахматной фигуре. Не слишком ли романтично? УОТ не обратило внимания на эту деталь. То, что находилось на пленке, поразило воображение: имя одного высокопоставленного государственного деятеля Франции, который, по уверениям информаторов Ростова, является агентом КГБ. Микропленка также содержала информацию о его вербовке и деятельности.

Мы не можем здесь привести имя этого деятеля. Скажем только, что во время происшедших событий он занимал очень высокий пост в социалистическом правительстве. Если бы расследование подтвердило его измену, то нужно было бы признать, что для Москвы не осталось ни единого секрета во французской военной инфраструктуре.

УОТ овладела тревогой. Немедленно был создан чрезвычайный комитет. Группа из трех или четырех сотрудников взяла дело в свои руки. Приняты специальные меры безопасности (членам группы запрещено обмениваться информацией со своими коллегами). Все имена закодированы из боязни утечки.

Первые результаты расследования не сулили ничего хорошего государственному деятелю. В его биографии обнаруживались странные пробелы, в семье отчетливо проявлялись просоветские настроения; он посещал по меньшей мере подозрительные места (расположенные недалеко от посольства СССР в Париже), а его публичные выступления

всегда были двусмысленны. Подозрения росли с каждым днем. Впрочем, не найдено пока прямых доказательств его измены. Однако странно, каким образом человек с подобным послужным списком смог занять столь высокий пост. Любое предварительное расследование помешало бы ему. Но – и в этом все дело – подозреваемый тесно связан с крупными социалистическими лидерами. Именно в их группе после 10 мая 1981 года он вошел в правительство.

В контрразведке растерянность сменилась беспокойством. Что делать? Доказательств нет. Однако при столь серьезных подозрениях его никак нельзя оставлять на таком посту. Как предупредить власти об опасности, не рискуя скомпрометировать его политических друзей, могущественных, даже очень могущественных?

В то время как УОТ ломало голову по поводу нейтрализации "подозреваемого", Ростов продолжал насыщать контрразведку. И не второсортным материалом. В новых микрофильмах, полученных по тем же каналам, обвинялись другие высокопоставленные чиновники. Среди четырех названных агентов Москвы один оказался ближайшим советником президента.

Все это начинало напоминать времена Голицына. Социалистическое государство становилось похожим на голлистское государство: настоящее шпионское гнездо. В сложившейся обстановке контрразведка была вынуждена проинформировать самые высокие инстанции, и лично Франсуа Миттерана. Президент с осторожностью отнесся к новости, несмотря на доверие к УОТ, службе, которая, напомним, преподнесла ему на блюдечке досье "Фэрвелл". Именно с помощью этого документа он смог утвердить свой авторитет у союзников Франции.

Не было принято никакого решения. К счастью, основной "подозреваемый" вынужден был оставить свой пост в правительстве по профессиональным причинам. Его перевели на менее серьезную должность. Что же касается остальных, то расследование не подтвердило полученную из Москвы информацию. И все же в деле каждого из них существовало нечто подозрительное: или в биографии, или среди знакомых, или в политической карьере. И это маленькое "нечто" питало подозрения. Именно поэтому УОТ приняло всерьез сомнительное дело, возникшее по воле загадочного Владимира Ростова.

Открытое в ноябре 1982 года досье на "кротов" в социалистическом правительстве закрыли в конце весны 1985 года. В результате более двух лет контрразведка была практически парализована этим делом. Его последствия сказались и на государственном аппарате. Откровения Ростова создали климат подозрительности, отравивший политическую атмосферу.

Действовал ли он в одиночку? Такое трудно себе представить. Государственные деятели, обвиненные московскими информаторами, все до единого оказались в той или иной степени ненадежными. Этого не придумаешь. Чтобы посеять сомнения, Ростову наверняка потребовалась помощь хорошо информированных соучастников. Будь то люди или целая организация, но они заранее знали, что расследование приведет в конце концов к весьма подозрительным фактам.

Оглядываясь на прошлое, можно сказать, что возникшее дело очень сильно напоминало операцию по дезинформации, организованную КГБ. И то, что она совпала по времени с исчезновением Фэрвелла, вряд ли было случайностью. Нам никогда не раскрыть до конца этой тайны. Однако кажется очевидным, что советские разведслужбы пытались (и продолжают по сей день) во что бы то ни стало отомстить УОТ за его слишком смелые действия. Тогда придется признать, что дело Ростова явилось, по всей видимости, лишь первым выстрелом.

Папки досье похудели с той же стремительностью, как начали набухать. И случилось это из-за ошибки в расчетах, допущенной Ростовым или его помощниками. Ситуация оказалась настолько сложной, что УОТ без колебаний обратилось за помощью к британским специалистам из отдела МИ-5 (контрразведка). Никто лучше их в мире не умеет "расколоть" допрашиваемого. Группа экспертов из МИ-5 прибыла в Париж, чтобы послушать исповедь

Ростова. Понемногу в его истории начали появляться противоречия. И вдруг все стало ясным как Божий день. Обнаружилось, что "документы", присланные из Москвы, в которых выдавались "агенты" КГБ, были напечатаны на машинке того же типа, что и машинка, на которой Ростов печатал послания своим друзьям-офицерам. Однако подобных машинок нет в Советском Союзе. Зато они есть в советском посольстве в Париже... Итак, документы, скорее всего, выслались не из-за "железного занавеса", а из 16-го округа, с бульвара Ланн, где возвышается солидное здание дипломатического представительства СССР.

Ростов так и не признался во лжи. Отсидев свои восемь месяцев в тюрьме за мошенничество, он канул в неизвестность.

Такие честные деловые люди

Преследуемый Интерполом, американской, шведской, западногерманской, швейцарской и французской контрразведкой, Рихард Мюллер стал со дня своего загадочного исчезновения в Южной Африке в октябре 1983 года самым "разыскиваемым" человеком в мире. Этот сорокачетырехлетний немецкий бизнесмен был мозгом целой сети предприятий, занимавшихся технологическим грабежом в пользу СССР. В его активе – огромное количество самых современных компьютеров на сумму, по самым скромным подсчетам, в 100 миллионов долларов, нелегально переправленных на Восток. И по сей день специалисты пытаются распутать клубок его многочисленных фирм (более 60), разбросанных по всему миру. Через них в течение многих лет он занимался своими весьма впечатляющими делами.

В США досье на Мюллера было открыто в 1975 году. Он спешно покинул страну, ускользнув от обвинения в незаконной продаже Советскому Союзу компьютеров фирмы "Ханиуэлл". Через четыре года делец появился в Западной Германии.

Американские таможенные службы сообщили немецким коллегам о розыске Мюллера в связи с "незаконным экспортом". Однако власти ФРГ ни в чем не могли упрекнуть своего образцового гражданина.

В то время Мюллер вел вполне спокойную жизнь. Но это была лишь видимость. Обосновавшись в Естеберге, недалеко от Гамбурга, он занимался скромным бизнесом в электронике. Но уже спустя год, в 1980 году, он перебрался в Бендесторф, гамбургский пригород для миллионеров. Купил ферму и, потратив колоссальные деньги, отстроил ее заново в стиле английского замка XIX века. Такой стремительный взлет заинтересовал западногерманскую полицию. Аккуратно проведенное расследование не дало никаких результатов. Глава десятка маленьких фирм по продаже электроники, расположенных в основном в Швейцарии и Лихтенштейне, оставался честным бизнесменом, может быть, лишь немного более везучим, чем другие. В 1981 году Мюллер не моргнув глазом заплатил свои 45 миллионов франков налога. Он владелец трех автомобилей: "бентли", "феррари" и "порш", яхты, принадлежавшей принцу Монако Ренье. Жизнь его – бесконечный праздник. Могущественный, всеми признанный, Мюллер больше не скрывал своих связей с социалистическими странами. На многочисленные приемы, которые он давал в своем замке, наряду с местной знатью приглашались чехи, венгры, восточные немцы.

Лишь в конце 1982 года федеральные власти раскрыли весь букет его секретов. За несколько месяцев до этого Мюллер перекупил через свой швейцарский филиал "Дэн-контрол" полуразорившийся завод по изготовлению музыкальных инструментов. Контора фирмы "Герланд" имела большое преимущество: она располагалась на самой восточногерманской границе. Именно отсюда Мюллер рассчитывал переправлять на Восток компьютеры, купленные легальным путем через многочисленные акционерные общества. Все шло прекрасно до того дня, когда некоторые служащие "Герланд" задумались: слишком много венгерских и чехословацких грузовиков с неизвестным грузом появлялось на территории предприятия по ночам. Мюллер вовремя почувствовал опасность. Менее чем за неделю он ликвидировал "Герланд" и скрылся, вновь ускользнув от полиции.

Спустя некоторое время он объявился в Южной Африке, где еще в 1980 году организовал акционерное предприятие "Микроэлектроник ресерч институт" (МРИ). Сценарий был таким же, как и в ФРГ. Южноафриканские власти ничего не могли поставить в вину этому порядочному бизнесмену и отклонили просьбу Западной Германии и США возбудить против него дело.

Теперь известно, что через МРИ Мюллер нелегально экспортировал на сумму не менее 7,5 миллиона долларов компьютеры, в том числе и "VAX II/782 Digital", используемые в американской армии.

На этот раз чистая случайность послужила причиной его очередного бегства. В середине октября 1983 года южноафриканская контрразведка арестовала двух агентов, работавших на КГБ: Дитера Герхарда, заместителя начальника военно-морской базы в Симонстауне, и его жену Рут. На них навел, как можно догадаться, Фэрвелл. Мало вероятно, что Мюллер знал Герхарда. Однако его арест совпал с исчезновением бизнесмена. Подобное совпадение должно было побудить специалистов внимательно исследовать деятельность Мюллера. Помимо того, что он был крупнейшим среди ныне известных торговцев технологическими новинками, не являлся ли еще Мюллер и шпионом на службе у советской разведки?

После его исчезновения новый факт подтвердил эту гипотезу. В компьютерах, которые нелегально вывозились МРИ из Южной Африки и на которые шведская полиция наложила арест перед самой их отправкой в СССР, была обнаружена техническая документация на европейский боевой самолет "Торнадо". Американская, западногерманская, шведская и французская контрразведки (ведь у него, вероятно, были соучастники в Париже) моментально взяли дело в свои руки. Они попытались выяснить, не вступал ли Рихард Мюллер, находясь в ФРГ, в контакт с Манфредом Рёчем, агентом КГБ, который работал в компании "Мессершмитт" (одно из европейских предприятий, где велась работа над "Торнадо") до своего ареста в октябре 1984 года.

Мюллер до сих пор остается неуловимым. Есть предположение, что он укрылся по ту сторону "железного занавеса" в квартире, купленной им в Венгрии, в Будапеште. Если только он, как утверждают некоторые, вновь не появился где-то уже в другом обличье, чтобы продолжать свою плодотворную деятельность на благо СССР.

В сравнении с этим умельцем все остальные западные специалисты, завербованные советскими спецслужбами для нелегальной переправки новейшей техники ("технобандиты", как их величают американцы), выглядят просто любителями. Это подтверждают и несколько последних дел.

– 18 мая 1981 года ФБР арестовало в аэропорту имени Джона Ф.Кеннеди в Нью-Йорке тридцатидвухлетнего бельгийского бизнесмена Марка Андре де Гейтера. Произошло это в тот момент, когда он передавал чек на 500 тысяч долларов в обмен на сложнейшую компьютерную программу, разработанную фирмой "Софтүэр Эй-Джи" в штате Вирджиния. В мае 1979 года де Гейтер познакомился с инженером этой фирмы с целью незаконного приобретения "Адабас", мощного пакета программ для разработки и эксплуатации электронных банков данных (200 тысяч инструкций). Инженер сообщил об этом руководству, руководство – ФБР. Выдав себя за сотрудника "Софтүэр Эй-Джи", агент американской контрразведки вступил в переговоры с бельгийцем. В конечном итоге было установлено, что покупатель связан с советской разведкой. Накануне ареста выяснилось, что чек бельгийца не был обеспечен. На банковском счете де Гейтера оставалось всего 800 долларов...

– Агентство Рейтер сообщило об этой новости 9 мая 1985 года: Вернер Брукхаузен был арестован при попытке пересечь границу Великобритании с поддельным паспортом. Среди тех, кто непосредственно занимался проблемой передачи Советскому Союзу западных технологий, данное сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Этот тридцатисемилетний гражданин Западной Германии, состоявший в розыске пять лет, позволил СССР заполучить целый завод по изготовлению интегральных микросхем. Сделка

оценивалась в 10 миллионов долларов. С 1977 по 1980 год Брукхаузен создал в США и в Европе дюжину фирм, через которые в Москву поставлялось оборудование, необходимое для строительства завода. Чтобы заполучить все это, КГБ предоставил в его распоряжение неограниченные средства. С помощью Анатолия Малюты, русского, получившего американское гражданство, сотрудника корпорации "Калифорния технолоджи", Брукхаузен сумел осуществить более трехсот поставок запрещенного к экспорту оборудования под самым носом у американских таможенников.

– Если бы не щепетильность "Перкин-Элмер", коннектикутской фирмы (США), специализирующейся в области электроники, то преступная деятельность в пользу Чехословакии швейцарца Пьера Андре Рандэна и француза Жозефа Луски никогда не была бы остановлена. Все началось летом 1982 года. "Фаваг СА", швейцарское предприятие в Нешатель, филиал компании "Хаслер" в Берне, заказало у "Перкин-Элмер" два агрегата. Американские власти выдали разрешение на экспорт. В августе оба аппарата (по восемь миллионов франков каждый) были отправлены самолетом в Цюрих, но там их не дождалось. Американская фирма заволновалась. Было начато расследование. В результате через год удалось нейтрализовать работу целой сети предприятий в Швейцарии, Лихтенштейне и во Франции, занимавшихся незаконным экспортом продукции в страны Восточной Европы. Фирма "Фаваг СА" дала следующие объяснения. "Мы перепродали аппараты женевской компании "Элер", – заявил один из директоров. – Это вполне законно. Речь идет о нормальной коммерческой сделке". Специалисты выяснили, что женевская фирма "Элер инджиниринг СА" была создана 29 июля 1981 года бывшим служащим "Фаваг СА" Пьером Андре Рандэном и французским инженером-электронщиком, известным на рынке электроники, Жозефом Луски. Некоторые детали в этом деле вызывали сомнения: Рандэн был связан с молодой чешкой Ирэнной Бенезовой, мать которой работала в торгово-закупочном центре в Праге. Лишь спустя несколько месяцев упорной работы следствие смогло разобраться в этом намеренно запутанном с целью сокрытия следов деле. Начиная с июля 1981 года и до февраля 1983 года, дата начала следствия, Рандэн и Луски сумели экспортировать в Чехословакию три компьютера "Digital PDP II/70", один компьютер "Fairchild S/81" и один "Vax II/780" на общую сумму 35 миллионов франков. Фирма "Фаваг СА", не ведая о том, служила во всем этом деле прикрытием.

Именно "Фаваг СА" заказывала компьютеры для их дальнейшей перепродажи "Элер инджиниринг", принадлежавшей Рандэну и Луски. Затем оборудование переправлялось либо в Лихтенштейн, третьей фирме ("Хедера истэблишмент" во главе с французом Феликсом Поповичем), либо французской фирме "Котриком", основным капитал которой принадлежал Роберу Альмори, коммерческому агенту, специализировавшемуся в импорте-экспорте медицинского оборудования. После этого оборудование принималось чешским торгово-закупочным центром "Ково". Вот пример: как только Рандэну и Луски удалось заполучить "Vax II/780", из Праги сразу же приехали чешские инженеры и занялись изучением компьютера в специально отведенном для этого ангаре. Затем аппарат был разобран, помещен в 24 ящика и отправлен самолетом в Орли. В аэропорту Жан Дида, сотрудник "Котриком", занялся переправкой оборудования в Прагу. За исключением Пьера Андре Рандэна, приговоренного к выплате штрафа за нарушение в Швейцарии закона об экспортных операциях, ни один из участников дела не пострадал.

Среди стран, наиболее часто использовавшихся Советским Союзом для нелегального вывоза западных технологий, находятся: Швейцария, Лихтенштейн, Австрия, ФРГ, Люксембург и Швеция. Местные власти зачастую не обращают внимания на подобные сделки, к большому недовольству американцев, первых жертв грабежа. Из статистических данных ВПК, переданных агентом Фэрвеллом, явствует, что 61,5% технологий, поступивших по "специальным каналам" (шпионаж, кражи, перепродажа), были получены из США, 10,5 – из ФРГ, 8 – из Франции, 7,5 – из Великобритании и 3% – из Японии.

Чтобы остановить это кровотечение, Вашингтон начал в 1981 году операцию "Исход", мобилизовав 900 таможенных инспекторов на всей территории США. За четыре года быши

пресечены четыре тысячи попыток незаконного экспорта оборудования.

Если отвлечься от этого успеха, то мы увидим, что утечка технологий ставит более серьезную проблему. Каждая развитая страна нуждается в экспорте лучших достижений техники как из финансовых соображений (урегулирование внешнеторгового баланса), так и с целью завоевания новых рынков сбыта. Только в 1984 году Соединенные Штаты продали в другие страны технологического оборудования на 60 миллиардов долларов. Так как невозможно уследить за всеми поставками товаров, СССР легко перехватывал часть из них. Известно, в частности, что Москва использовала некоторые страны "третьего мира", пользующиеся доверием Запада, для транзита высокотехнологичного оборудования.

Еще совсем недавно Москва не нуждалась в таких окружных путях для получения лучших образцов западной техники. Советский Союз получал их совершенно официально, через торговлю между Западом и Востоком. Это началось с самых первых дней большевизма. В 1929 году поставки из Германии, Италии, Соединенных Штатов, Великобритании и Франции составили 80,2% советского импорта по станкам и оборудованию. В 1944 году дипломат Аверелл Гарриман писал в докладе госдепартаменту США: "Сталин признает, что около двух третей крупнейших советских предприятий было построено с помощью Соединенных Штатов или при их техническом содействии". В 70-е годы экспорт из стран Общего рынка в социалистические страны возрос на 700%. В этот период, называемый периодом "разрядки", промышленное сотрудничество между Востоком и Западом развивалось в основном в форме строительства заводов под ключ, поставок оборудования, передачи лицензий, совместных предприятий или подрядных работ. Договоры заключались с СССР (41,1%), Венгрией (24,2), Польшей (17,2) и Румынией (8,9%). Это сотрудничество касалось областей производства, в которых технический прогресс играет ведущую роль: химическая промышленность (26,1%), машиностроение (18,2), электроэнергетика и электроника (17,5%). Именно эти отрасли в первую очередь, как нам известно, работали на увеличение советского военного потенциала.

В одном из последних исследований американских специалистов утверждается, что 20% национального дохода СССР составляет импорт с Запада. Некоторые отрасли полностью зависят от западных технологий, например химическая промышленность, 25% оборудования которой поступает с Запада, или автомобилестроение – 57% легковых автомобилей производится благодаря "ноу-хау" западных стран (82% в Польше, около 100% в Румынии). В общей сложности все, что касается энергетики (бурение, перевозки сырья, контроль продукции), создается с участием импортированных западных технологий.

Элемент шпионажа присутствует при любом экономическом обмене, свидетельствует Ион Пачепа, бывший номер два румынских спецслужб, перешедший в 1978 году на Запад. "Использовался всякий договор с любой фирмой из капиталистической страны, чтобы внедрить офицеров разведки, агентов и фотографов. Так, в рамках франко-румынского сотрудничества по производству малолитражного автомобиля "дача" фирмы "Рено" сотни французских инженеров приехали в Румынию. Они привезли с собой обширную документацию, содержащую богатейшую информацию. Все документы были тайно сфотографированы. В дальнейшем полученные сведения позволили нам значительно улучшить автомобиль "дача", не заплатив ни единого су. В конце 70-х годов новый договор о сотрудничестве был заключен с компанией "Ситроен". Более 150 румынских инженеров и техников поехали во Францию для ознакомления с новой моделью автомобиля. Многие специалисты – офицеры разведки или агенты – были экипированы микрофотокамерами последней конструкции со сверхчувствительной пленкой. Привезенная в Румынию информация дала нам возможность ознакомиться с промышленными секретами, которые "Ситроен" не захотел включить в договор. Не сумев спроектировать строительство крупного завода по производству полистирола, министерство химической промышленности разослало в ведущие фирмы ФРГ, Великобритании, Франции и Италии письмо, в котором выражалось желание приобрести лицензию на строительство завода по производству полистирола. Шесть западных компаний прислали своих представителей в Бухарест. Чтобы доказать свое

превосходство, одна французская фирма откомандировала целую группу специалистов со сверхсовременным проектом. Прекрасно понимая, насколько важна эта документация, и желая сохранить ее в секрете, французы потребовали, чтобы все документы запирались на ночь в сейфе гостиницы. Этим бесценных сведений оказалось вполне достаточно для "румынского решения" проблемы: очень скоро началось строительство гигантского завода по производству полистирола при комплексе нефтепереработки в Борзешти".

Вот перечень стран, которые в начале этого десятилетия поставляли в СССР самые современные технологии в рамках двухсторонних договоров, в %:

- ФРГ – 31,6
- Япония – 17,2
- Франция – 14,8
- Италия – 9,6
- Швейцария – 5,9
- Великобритания – 5,5
- Финляндия – 3,7
- США – 3,6.

Вторжение в Афганистан в декабре 1979 года, события в Польше в декабре 1981 года и в особенности разоблачение досье "Фэарвелл" заставили западных политиков пересмотреть свои отношения с СССР. КОКОМ, организация НАТО (плюс Япония и минус Исландия), контролирующая экономический обмен между Западом и Востоком, начала проявлять большую активность. Появился новый перечень запрещенного к экспорту оборудования. Эта мера должна была помешать Советскому Союзу использовать достижения западной техники в своей оборонной промышленности.

Какие бы меры ни принимались для предотвращения утечки информации, Москва, безусловно, всегда сумеет отыскать бизнесмена, готового продать любое самое современное оборудование лишь для того, чтобы округлить свои доходы. Стоит ли их порицать? Ведь западные страны сами гоняются за договорами с Востоком, особенно в период экономических кризисов.

Социалистические государства, впрочем, не так уж плохо платили. Компьютер или современная программа, по их мнению, не имели цены. Рихард Мюллер стал с их помощью миллионером. Рандэн и Луски продали "Digital PDP II/70" чешской фирме в Ково за 11 миллионов франков, на три миллиона дороже, чем при легальном приобретении. Все трое предложили свои коммерческие таланты наилучшему покупателю (Мюллер к тому же, вероятно, действовал еще и по идейным убеждениям). СССР и его сателлиты всегда могли рассчитывать на подобного рода бизнесменов.

Они также весьма интересовались предприятиями, попавшими в сложное положение, которые не стали бы особенно беспокоиться о судьбе своей продукции, если только новые договоры помогут им вновь наполнить опустевшую кассу. Лэонар Тавера, шестидесятичетырехлетний француз, угодил в западню. В марте 1985 года он был приговорен парижским судом к пяти годам заключения. Сегодня он рассказывает о своих злключениях.

Авиамеханик по специальности, он открыл в 1975 году в Касабланке, где провел почти всю свою жизнь, небольшую фирму по импорту-экспорту станков. Через три года его предприятие оказалось убыточным. Он продал свою виллу в Марракеше. Но дела шли все хуже и хуже. Вот тут-то и появился на сцене Владимир Сапожников, сотрудник экономического представительства СССР в Марокко (офицер ГРУ). Веселый и симпатичный, он знал все о финансовых трудностях Таверы. Бизнесмен без раздумий принял предложение представлять интересы СССР в области импорта станков. Это был всего лишь предлог, чтобы сблизиться с ним. Тавера узнал, что в советском представительстве работал сотрудник, непосредственно занимавшийся этими вопросами. Тавера продолжал встречаться

с Сапожниковым, который не раз просил его о некоторых услугах: купить технические справочники, рекламные материалы и т.д. Француз начал посещать европейские авиасалоны, привозил немало рекламной, совершенно открытой документации. Для ГРУ же подобная старательность означала желание сотрудничать.

В 1978 году наш бизнесмен стал "покупателем" для Советского Союза. Его фирма "Кодим" оформила заявку – официально для Марокко – на несколько американских аппаратов, запрещенных к экспорту в СССР. Покупки оплачивались со счета в Швейцарии. Были, в частности, приобретены: серный анализатор за 18 тысяч 920 долларов (перепродан ГРУ за 23 тысячи долларов), измеритель гидравлического давления, измерительные приборы для интегральных схем. Оборудование шло транзитом через Цюрих, после чего принималось уже советскими транспортными организациями.

Сапожников становился все более и более требовательным. Ему теперь понадобился лазерный гироскоп, колеса "Боинга" с их системой торможения, технические характеристики ракет "Экзосет", "Милан", "Роланд" и "Хот", информация о самолетах "Мираж-2000" и "Фуга-90". Фирмы-поставщики засомневались. Было уведомлено УОТ. Тавера же ни о чем не подозревал. За свои услуги он получал конверты – от трех до девяти тысяч долларов, – спрятанные между страниц журнала, который ему передовал член экипажа самолета "Аэрофлота", совершавшего рейс Рабат – Люксембург.

Контрразведка поджидала бизнесмена на французской территории и арестовала его 30 апреля 1980 года. "Поначалу Владимир (Сапожников) интересовался спортивным оборудованием, – объяснял он судьям спустя пять лет. – Комиссионные, которые он предлагал, были нужны мне для поправки дел моей фирмы. Потом я заметил, что он с симпатией относится к Западу, интересуется авиацией, к которой я тоже испытываю слабость. Подозрения у меня появились лишь в октябре 1979 года. Я как-то застал его, когда он рылся в моих ящиках. Но я не мог представить, что имею дело со шпионом. И сейчас я в это не верю. Для меня он всего лишь коммерсант, интересующийся комиссионными".

Банковский счет, "почтовый ящик" в Швейцарии убедили суд в тайном характере его деловых связей. Тавера, кажется, и не был настолько наивен, как ему хотелось бы выглядеть.

Ястреб

Пограничный зал железнодорожного вокзала на Фридрихштрассе в Восточном Берлине: автоматические камеры хранения расположены прямо перед контрольно-пропускными стойками, разделявшими на две части древнюю германскую столицу. Марсель Обель прекрасно знает это место. Уже восемь раз он оставлял, прежде чем перейти в восточный сектор города, в одном из боксов камеры хранения чемодан, набитый документами. На другой стороне его неизменно поджидал некий Фриц. Француз передавал ему ключ от бокса, а взамен получал продление визы на пребывание в ГДР.

Этот незамысловатый маневр повторялся свыше двух лет. С 1972 по 1974 год Обель таким способом передал целый ряд документов о нефтяной политике Франции министерству безопасности ГДР: импорт, запасы, хранилища (на поверхности и под землей), проекты и бюджет Французского института нефти (ФИН), где он работал инженером-химиком. Иногда в чемодане оказывались биографические сведения на лидеров Движения левых радикалов, организации, в которой он исполнял обязанности секретаря исполнительного комитета.

На самом деле информация не была слишком секретной. Тем не менее министерство безопасности было удовлетворено. Виктор (кличка Обеля) получал от 500 до 700 марок за каждую передачу.

Его случай доказывает, что для восточных спецслужб не существовало больших и малых секретов. Охота шла за любой информацией. Обель попал в ловушку именно по этой причине. Подав в первый раз в 1972 году документы на оформление визы в ГДР, он указал и свою профессию и место работы: химик, ФИН. Это и привлекло внимание министерства безопасности ГДР. Французский институт нефти входил в число учреждений, которые

особенно интересовали восточноевропейские спецслужбы, – ведь Советский Союз, занимавший первое место в мире по добыче черного золота, всегда испытывал огромные трудности в эксплуатации своих природных ресурсов из-за отсутствия современных технологий. И в этой области СССР вынужден был кое-что брать "взаимы" у иностранных государств, чтобы как-то сгладить недостатки системы.

В 1972 году Обель приехал в Восточную Германию, чтобы отыскать Марианну Арндт, молодую женщину, с которой он познакомился шесть лет назад на фестивале Балтийских стран в Ростоке. Их идиллия не имела продолжения. По возвращении из Ростока Обель женился на француженке, стал отцом двух детей. Однако в 1971 году жена покинула его. Он вспомнил о Марианне и решил разыскать ее в Восточном Берлине. Любовь вспыхнула с новой силой. Они решили пожениться. Во время второй поездки спустя две недели начались осложнения. Восточногерманские власти отказались выпустить из страны молодую невесту. Именно в этот решающий момент появились два "синдикалиста", Фриц и Берндт. Они горячо пообещали влюбленным, что помогут им "ради Франции".

"В обмен на что?" – поинтересовался Обель.

"Просто так", – заверили новоявленные друзья.

При третьей встрече Фриц и Берндт заговорили совсем по-другому. Они дали понять, что судьба Марианны зависит от его поведения. Последовало конкретное предложение: разрешение для невесты Обеля выехать из ГДР в обмен на информацию о ФИН.

Обель стал агентом министерства безопасности ГДР. В 1974 году молодым людям выдали разрешение на брак. Спустя год Марианна получила выездную визу. Инженер-химик продолжал поставлять информацию восточногерманским спецслужбам. Теперь встречи происходили в Париже.

Его частые поездки в ГДР в начале 70-х годов привлекли внимание французской контрразведки. Легкость, с которой родители его жены добились разрешения на поездку во Францию в начале 1980 года, еще больше заинтриговала УОТ. Марселя Обеля пригласили на допрос. Он не выдержал и все рассказал.

23 февраля 1982 года парижский суд приговорил его к пяти годам тюремного заключения, из них полтора года – условно. Со времени отмены Суда государственной безопасности (4 августа 1981 года) это был первый случай, когда суд присяжных заседателей вынес приговор по делу о шпионаже.

Судебные реформы, предпринятые социалистами после прихода к власти, значительно усложнили работу контрразведки. После роспуска Суда государственной безопасности было предложено разбирать дела, имеющие отношение к государственной безопасности, в трибуналах вооруженных сил. Но и они были распущены. В конечном итоге все дела такого рода перешли в ведение суда присяжных, причем большинство слушаний проходило в отсутствие самих присяжных заседателей. Эти бесконечные колебания политической власти привели к тому, что следствие по некоторым делам затянулось, и существует вероятность, что по ним уже никогда не будет вынесен приговор.

Приведем в качестве примера дело Рольфа Доббертина, арестованного 21 января 1979 года по обвинению в контактах с агентами иностранной державы. Выходец из ГДР, он работал научным сотрудником в Национальном центре научных исследований (НЦНИ). Его дело должно было слушаться в Суде государственной безопасности, затем в Постоянном трибунале вооруженных сил (ПТВС). Из-за целой серии проволочек дело дважды рассматривалось в парижском суде присяжных и дважды в кассационном суде. Затянутость процедуры может отдалить завершение процесса на неопределенное время. В данном случае, может статься, мы никогда не узнаем истину об этом показательном деле, о котором сложилось два совершенно противоположных мнения.

Рольфа Доббертина обвинили в том, что он является агентом восточногерманских спецслужб, что он устроился на работу в НЦНИ с единственной целью: добывать информацию о достижениях французских ученых. Его адвокаты не отрицали, что Доббертин отправлял сведения в ГДР, но не считали, что информация была секретной. Обвиняемый же

утверждал, что действовал в рамках научно-технического обмена между странами, подписавшими хельсинкские соглашения. Эти соглашения предусматривают, в частности, дальнейшее развитие научного сотрудничества между Востоком и Западом.

Таким образом, факты приобрели совершенно неожиданную трактовку. Рассмотрим для начала факты.

Рольф Доббертин, 45 лет, был арестован УОТ в своей квартире утром 19 января 1979 года. Спустя двое суток ему предъявили обвинение. Шесть дней он находился под наблюдением, а 25 января его заключили в камеру. Конкретность выдвинутых против него обвинений заставила его дать показания. У Доббертина не было выбора. Контрразведка располагала некоторыми архивами министерства безопасности ГДР, в которых оказался перечень переправленных им в Восточный Берлин документов. Это был "подарок" Вернера Штиллера, лейтенанта научного отдела министерства безопасности ГДР, перешедшего 18 января в Западную Германию. Штиллер привез с собой дюжину досье на агентов, работавших на Западе. Среди них и досье Рольфа Доббертина. Западногерманская контрразведка поставила в известность своих коллег в Париже. Незамедлительно последовал арест. Была полная уверенность в достаточности улик против агента. Действительно, сведения, переданные Штиллером, представлялись вполне достоверными.

Доббертин, уроженец Востока в ГДР, получил свое первое задание от министерства безопасности в 1954 году, в двадцатилетнем возрасте. Он должен был следить за участниками фестиваля молодежи, прибывшими из западных стран. Через год поступил в Университет Гумбольдта, на физико-математический факультет. В тот же период стал членом СЕПГ. Тогда же министерство безопасности ГДР завербовало его окончательно. С 1956 года он начал проходить специальную подготовку: техника конспиративных встреч, расшифровка кодированных радиопередач, применение карбида... В 1959 году это был уже готовый агент. Специалист по физике плазм, он получил задание внедриться во французские научные круги. Ему дали кличку Шпербер (по-немецки "ястреб").

Доббертин перебрался в ФРГ. В то время берлинской стены еще не существовало, и обмен между двумя Германиями был достаточно прост. Он немедленно получил западногерманское гражданство, как любой другой выходец из ГДР, переходивший на Запад. Первый этап плана, разработанного министерством безопасности, был завершен. Став обладателем новых документов, Доббертин мог теперь выехать во Францию. В Париж он приехал с рекомендательным письмом из Университета Гумбольдта Институту Анри Пуанкаре. Его приняли в качестве стажера в физическую лабораторию Луи де Брогли, где он проучился три года. В 1963 году решением комиссии из 20 человек он был привлечен к работе в НЦНИ. Поставленная перед ним задача была выполнена. Защитив диссертацию, он получил в том же НЦНИ более серьезную должность научного сотрудника. За это время он успел жениться на немке, с которой познакомился на лекциях о Французском союзе. В 1968 году у них родился сын.

В рамках своей научной деятельности он получил доступ к исследованиям в области осуществления термоядерной реакции при помощи лазера. Этими разработками занимались несколько лабораторий теоретической и экспериментальной физики политехнического института, работавших в интересах армии. Доббертин не имел доступа к секретной документации, но переправлял министерству безопасности ГДР любую информацию, попадавшую ему под руку. Ему переслали фотоаппарат "Минокс", скрыв его в настольных часах, а также камеру "Пентака", зашитую в плюшевого медвежонка. Кодированные послания из Восточного Берлина передавались на коротких волнах. Восточноевропейские спецслужбы обычно использовали этот способ для связи со своими "нелегалами".

За 20 лет, с 1959 по 1979 год, Доббертин получил из Центра около 500 тысяч франков. Он также не раз ездил в ГДР через Западную Германию, Австрию, Швейцарию или Югославию. Министерство безопасности даже разработало для него план побега в случае провала. Две марки, наклеенные на его почтовый ящик, должны были послужить сигналом об опасности. Тогда ему предписывалось срочно отправиться в Роттердам, в Голландию, и

там сесть на корабль восточногерманского флота. Арестовав его сразу же после перехода Штиллера, контрразведка не позволила министерству безопасности предупредить Доббертина.

Рольф Доббертин не отрицал факты, но трактовал их по-своему. Прежде всего касательно информации, переданной Центру: исследования, теоретические статьи, которые должны были появиться в специальных журналах. "Речь идет о документах, которые мои восточногерманские коллеги получили бы совершенно легальным путем, если бы могли свободно выезжать за границу и поддерживать нормальные отношения с иностранцами, – объяснял он. – Я прекратил эту деятельность, являющуюся проявлением моей солидарности, еще в 1976 году по просьбе властей ГДР, которые опасались, что моя работа могла быть использована с целью компрометации политики сближения с Францией". По утверждению Штиллера, информация, переданная Ястребом, напротив, представляла большой интерес. Она касалась не только гражданского, но и военного сектора.

Пытаясь объяснить необычность методов связи с ГДР (кодированные радиogramмы и т.п.), Доббертин начал говорить о необходимости соблюдать меры предосторожности. "Я использовал методы пассивной защиты... чтобы предотвратить возможное нарушение тайны переписки. Эти методы вполне законны, – добавил он, – так как ни один закон не оговаривает способов, которыми может быть написано письмо, ни один закон не ограничивает прослушивание радиопередач".

Однако он главным образом отстаивал, и не без успеха, мотивы – если не сказать философию – своей деятельности. Он сразу же отверг все предложения об обмене на западных агентов, арестованных в ГДР. Его родина – Германия. "Для немца государство не является синонимом нации, – писал он в министерство общественных отношений в письме от декабря 1981 года. – И вам не сделать из меня патриота западной или восточной, северной или южной Германии. Не надейтесь на это". И наконец, основная линия его защиты: право ученых общаться со своими коллегами из других стран – ведь наука по своей сути – явление наднациональное. "Научные исследования не могут одновременно иметь международный характер и подчиняться национальной юрисдикции, – утверждал он в своем заявлении, обнародованном его адвокатами в декабре 1979 года. – Международный характер исследований – это не подарок, не проявление щедрости того или иного государства, но форма существования науки... Всякое цивилизованное государство обязано способствовать развитию науки. Это в его интересах... Интересы Франции и ее добрая воля (в этой области) были выражены в момент подписания заключительного акта Хельсинкской конференции. В этом документе говорится, что сотрудничество в области науки и техники "может планироваться и осуществляться на правительственном уровне... с использованием также и различных форм связей, включая прямые и индивидуальные связи". Именно это я и делал".

Такой аргумент нашел поддержку у некоторых его покровителей в НЦНИ. Для них Рольф Доббертин стал жертвой устаревшей концепции научных связей конца XX века. В памятной записке, направленной в ноябре 1981 года президенту республики и министру юстиции, ученые высказали опасение, что случай Доббертина может стать концом их собственной свободы. Авторы послания напомнили о существовании определенных традиций, "открытых исследований и свободного обмена университетскими лабораториями между различными странами". Они также заявляли, что обвинения, выдвинутые против их коллеги, "составлены таким образом, что в соответствии с ними все ученые попадают в разряд шпионов". В данной ситуации, по их мнению, появлялся риск усиления "мелочного контроля, который постепенно ограничил бы наши свободы". В то же время 500 ученых распространили петицию с требованием об освобождении Доббертина и "полном пересмотре Уголовного кодекса в части, касающейся государственной безопасности", а также признания "в уставах научных учреждений права на свободу передвижений, связей, обмена идеями и публикациями".

После четырехлетнего предварительного заключения Доббертин был наконец в мае 1983 года выпущен на свободу, под залог. Его друзья-ученые собрали необходимую сумму –

150 тысяч франков, – затребованную парижским судом за его освобождение. Находясь под наблюдением, он должен был дважды в месяц отмечаться в ближайшем от места его жительства комиссариате. Эта мера была в дальнейшем отменена, залог возвращен.

В настоящее время Рольф Доббертин вновь вернулся к своей научной деятельности. Он хотел бы, чтобы все забыли о Ястребе. Он хотел бы, чтобы восторжествовало правосудие. Если когда-нибудь вообще состоится суд.

Для восточноевропейских разведслужб Франция занимала особое место в западном мире. Разведку чрезвычайно интересовали французские научные разработки, их использование в гражданской и военной областях, оборонная промышленность. Вполне естественно: со времен де Голля Франция стремилась развить свое собственное производство, чтобы утвердить политику независимости. Возросшая активность КГБ, ГРУ, спецслужб "братских стран" на территории Франции свидетельствовала о значительных успехах страны в военной промышленности. Очевидно, что если бы французское самолетостроение не находилось на столь высоком уровне, то оно не заинтересовало бы Советский Союз. Однако заводы "Дассо" или Национальная компания авиационной и космической промышленности занимали первые позиции в списках восточноевропейских спецслужб.

На страницах этой книги невозможно рассказать обо всех делах, связанных с научно-техническим шпионажем на территории Франции за последние 20 лет. Все прекрасно понимают, что если "Конкорд" и "Туполев-144" похожи друг на друга как две капли воды, то это не случайность. Здесь можно припомнить и историю советского военного атташе Евгения Миронкина, которого взяли с поличным в 1973 году во время проведения авиасалона в Бурже. Или двух работников советского консульства в Марселе, Геннадия Травкова и Вячеслава Фролова, выдворенных в 1980 году за слишком уж большой интерес, проявленный ими к самолету "Мираж2000". Кроме того, и другие дела, о которых не слишком писала пресса, с очевидностью показывают, с каким упорством, изобретательностью, "эклетицизмом" действовали восточноевропейские разведслужбы. Вот три примера.

– До 1975 года французская контрразведка считала Сергея Агафонова, 28 лет, простым сотрудником советского торгового представительства в Париже. Он поддерживал прекрасные отношения с двумя десятками таких известных фирм, как "Колгейт" и "Пальмолив", имеющих торговые связи с СССР. Одна из них даже выделила в его распоряжение служебный автомобиль. Он прекрасно говорил по-французски и выдавал себя за инженера-химика. Впрочем, молодой человек обладал неплохими знаниями в этой области.

Во время своего пребывания во Франции Агафонов посетил практически все проходившие здесь выставки. Позднее выяснилось, что он собирал любую документацию для своего настоящего работодателя: ГРУ.

В 1975 году на авиасалоне в Бурже советский служащий заинтересовался французским предприятием, специализирующимся на производстве ракет. У экспозиционного стенда он встретил доверчивого молодого инженера. Агафонов, назвавшийся Сергеем, начал расспрашивать своего нового знакомого о специальных сплавах, применяющихся в самолетостроении. Француз вежливо отвечал на все вопросы. Прежде чем расстаться, офицер ГРУ подарил своему собеседнику бутылку водки и записал его служебный телефон.

Спустя два месяца они встретились снова. Вместе пообедали. Встреча состоялась у касс станции метро "Пон-де-Неи". Это удивило француза. На всякий случай он поставил в известность сотрудника службы безопасности своего предприятия. Решение было правильным. С этого момента инженер принял условия игры советского дипломата, чтобы выяснить намерения последнего. За полгода мужчины встречались еще много раз. Незаметно Агафонов принимал меры безопасности. Он больше не звонил на предприятие, но заранее договаривался о времени и месте встречи в конце каждой беседы. Свидания всегда назначались на одной из станций метро. Обедать они ходили в разные рестораны.

Офицер ГРУ поначалу интересовался происхождением инженера, его семьей, учебой, вкусами, политическими убеждениями. Узнав, например, что француз любит абстрактное искусство, он подарил ему великолепную картину художника-абстракциониста. Уже во время второй встречи он попросил инженера достать для него материалы о ракетном топливе (проперголе) и о типах топливных баков для космических аппаратов. Речь шла об "открытых" документах. Француз выполнил просьбу.

Серьезные вещи начались только после шестой встречи. Вопросы Агафонова становились все более конкретными. Он попросил француза составить записку о системах передачи изображения со спутников "Визирь" и "Велимат". Ему также понадобилось исследование Высшей национальной школы современной техники о процессе сгорания твердого композитного проперголя (ракетного топлива). Инженер понял, что советский дипломат хотел незаметно собрать информацию о характеристиках французских стратегических ракет, в частности "Плутона". Контрразведка, следившая за развитием событий, решила прекратить игру.

13 апреля 1976 года Сергей Агафонов был арестован в момент, когда француз передавал ему документы с грифом "для служебного пользования" о бутарголе (ракетном топливе).

Дело не получило широкой огласки. Инженера поблагодарили за сотрудничество. Агафонов, пользовавшийся дипломатическим иммунитетом, был отозван в СССР.

– В январе 1983 года парижский суд без присяжных заседателей вынес приговор – два года тюремного заключения – Траяну Мунтяну, тридцатитрехлетнему выходцу из Румынии. Приговор достаточно мягкий по делу одновременно и банальному и сложному.

Банальному – потому что обвиняемый, специалист в области информатики, работавший в Гренобле, оказался виновным в "сотрудничестве с агентами иностранной державы". Он передал около 20 документов офицерам секуритате во время тайных встреч в различных городах Европы.

Усложнилось же дело с того момента, когда Траян Мунтян начал отрицать свои показания. "Я подписывал протоколы, потому что меня били, – заявил он. – Мне не давали спать во время первых допросов".

Его арестовали 17 июля 1979 года по возвращении со стажировки в Великобритании. Контрразведка получила о нем информацию от Иона Пачепы, заместителя начальника румынской контрразведки, перешедшего в 1978 году на Запад. Первый допрос не дал никаких результатов. Однако при обыске были обнаружены два листка, заполненных цифрами и буквами: это был очень сложный шифр. Мунтян, ставший более сговорчивым, сам дал ключ к шифру. После этого полицейским удалось расшифровать дюжину писем, найденных у него в квартире. На первый взгляд безобидные, все они были получены из Румынии. Речь в них шла о тайных встречах с румынскими офицерами в Женеве, Вене, Люксембурге, Копенгагене... Были указаны точные места встречи, опознавательные знаки. На письмах стояла подпись: Триаян Поп, вымышленное имя, под которым скрывался "почтовый ящик" в Румынии. Мунтян отказался дать дополнительную информацию, так же как он отказался сообщить что-то о характере переданных им тайно документах.

Находясь в предварительном заключении до июня 1981 года, он в процессе следствия разработал почти совершенную систему защиты. Приехав во Францию в 1969 году как стипендиат румынского государства, он, по его утверждению, вынужден был поддерживать связи с официальными представителями Румынии для продления визы. Поступив в Институт прикладной математики Гренобля (ИПМГ), он продолжал переписываться с учеными, оставшимися на родине. "Шифр я использовал лишь для переписки с румынскими учеными, боявшимися цензуры", – заявил он следователю.

Как и в деле Доббертина, его гренобльские коллеги организовали защиту. Переданные им документы? "Диссертации, статьи, доклады, не имеющие ничего общего с секретной документацией", – утверждали в ИПМГ. Один из ученых заявил: "Свободное передвижение идей и знаний – основополагающий принцип развития науки и жизни лаборатории". Комитет

поддержки потребовал его освобождения под залог. С ним солидаризировались Лига прав человека и Международная амнистия.

Для французской контрразведки Траян Мунтян остался агентом румынской секуритате. В его задачу входило внедриться во Францию в область информатики. В 1976 году он, по мнению контрразведки, подал по совету румынского посольства прошение о получении гражданства, что позволило бы с успехом выполнить задание. Блестящий и уважаемый ученый, Мунтян мог сделать головокружительную карьеру, стать "кротом" высшего уровня, если допустить, что таковы были намерения секуритате.

Парижский суд присяжных так и не смог сделать окончательный выбор между виновностью и невиновностью. Приговорив его к двум годам заключения, судьи всего лишь покрыли период предварительного заключения. После освобождения Мунтян должен был быть отправлен в Румынию. Однако он воспротивился этому, чтобы еще раз показать, как несправедливо с ним поступили.

– Александр Зайцев – один из 47 советских "дипломатов", выдворенных из Франции 5 апреля 1983 года. Он занимал пост торгового атташе при посольстве СССР. Под этим прикрытием он работал по "линии X": научный и технологический шпионаж за рубежом. О Зайцеве много говорили 14 и 15 ноября 1984 года на заседании парижского суда присяжных, где слушалось дело Патрика Герье, молодого архивариуса Научно-исследовательского центра угледобычи.

Зайцев с давних пор интересовался этим центром. В конце 1981 года он официально связался с начальником отдела документации для получения информации о подземной газификации и разжижении угля. Начальник отдела согласился передать ему "открытую" документацию при условии, что советский "дипломат" со своей стороны также сообщит ему некоторые сведения. Зайцев не дал ответа. Он предпочел обратиться к Патрику Герье, только что устроившемуся в отдел после путешествия по разным странам (Ливан, Румыния, Чехословакия и др.). Между молодыми людьми установились хорошие отношения. Общительный и веселый, советский сотрудник очаровал француза. По наивности архивариус даже пригласил Зайцева к себе домой. Когда француз первый раз передавал документы, то делал он это не за деньги, не из убеждений, а просто чтобы сделать приятное своему симпатичному другу. Что же он передал? В принципе ничего: несколько документов ИЦНИ и отчет Научно-исследовательского центра за 1980-1981 годы.

Комиссар Нар из УОТ заявил в суде, что этот отчет позволил Советскому Союзу сэкономить значительные суммы на исследованиях в области подземной газификации угля. Годовой разведплан ВПК требовал от КГБ получения именно такой информации.

Арестованный 30 марта 1983 года – за шесть дней до выдворения его знакомого офицера, – Патрик Герье был приговорен к пяти годам тюремного заключения.

Цель – Франция

Олег Гордиевский был первым резидентом КГБ, перешедшим на Запад. Его побег в начале сентября 1985 года в Лондоне позволил британскому правительству выслать 31 советского служащего – работников разведслужб. Москва в ответ немедленно выслала то же количество английских дипломатов и журналистов. Маргарет Тэтчер и Михаил Горбачев затеяли "маленькую войну" выдворений, быстро завершившуюся с равным счетом: по 36 высланных с одной и с другой стороны.

Завербованный британскими службами в середине 70-х годов в Дании, Гордиевский за 10 лет раскрыл немало секретов КГБ. Из соображений личной безопасности он, конечно, в период своей работы не давал исчерпывающей информации. Английские спецслужбы также до его побега воздерживались от использования всех полученных данных. Но после того, как резидент оказался на Западе, МИ-5 (британская контрразведка) смогла в деталях ознакомиться с работой советских разведслужб в Великобритании и в Северной Европе. После своего возвращения из Дании в начале 80-х годов Гордиевский действительно

занимался в Москве (в КГБ) этим географическим районом. После побега он раскрыл имена десятка западных граждан, работавших на Советский Союз. Среди них – два француза. Следствие по этим делам еще не закончено.

На допросах Гордиевский подтвердил, что основными целями КГБ всегда оставались дезинформация и научно-технологический шпионаж. Он также сообщил интересную информацию: офицеры советских разведслужб, чьей работой он руководил в Великобритании, постоянно делали картографические съемки местности. С какой целью?

Казалось бы, в век спутников-разведчиков, способных сфотографировать мельчайшую деталь, на территории той или иной страны не осталось ни единого секрета. Однако ничто не может заменить живого наблюдателя, который с точностью подмечает любые особенности местности. КГБ и особенно ГРУ занимались такой работой во всех уголках мира.

Этот аспект деятельности советской разведки мало изучен. Картографическая съема производилась с вполне определенной целью: изучить местность для облегчения возможного вторжения в западную страну. Что же здесь удивительного? СССР считал, что постоянно находится в состоянии войны против некоммунистического мира. По мнению его руководителей, мир был возможен лишь в случае полной победы социализма.

Исходя из подобного мировоззрения, Советский Союз создал военную машину, не имеющую аналогов на Западе: войска "спецназа" (специального назначения). В их задачу входило: ведение глубокой разведки, шпионаж, диверсии, уничтожение живой силы противника, ведение партизанской войны в городе и деревне, разрушение линий связи противника и проведение любых других операций, способных ослабить военно-политическое противодействие противника и поддержать силы вторжения.

Москва с успехом использовала войска специального назначения в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году и в Афганистане в 1979 году.

Чрезвычайно сложно определить численность этих войск (наверняка более 100 тысяч) – настолько замысловата их инфраструктура. Все советские органы, имеющие в своем распоряжении военные подразделения, участвуют в создании этих войск:

– Главное управление погранвойск КГБ (300 тысяч человек) могло отдавать некоторые свои элитные подразделения войскам "спецназа".

– Министерство внутренних дел (МВД), имеющее собственные силы (250 тысяч человек), которые были поистине преторианской гвардией партии.

– Красная Армия, имеющая в своем составе восемь десантных дивизий, способных проводить специальные операции.

– Вооруженные силы стран-союзниц, членов Организации Варшавского Договора, выделяли около 20 тысяч человек для участия в подразделениях типа "спецназа".

– ГРУ имело в своем распоряжении основные силы "спецназа". В последнее время командование ГРУ располагало 24 бригадами "спецназа" (более 25 тысяч человек). Каждая бригада имела вполне определенное место базирования. Личный состав помимо военной подготовки получал специальное образование: иностранный язык, культура и обычаи той или иной страны. В каждой бригаде готовилось отдельное подразделение, в задачу которого входила "нейтрализация" политических деятелей и военных руководителей противника.

Координация действий всех этих сил осуществлялась Третьим вооруженных силах. На самом деле поле деятельности этого управления гораздо шире. В каждом подразделении оно представлено специальным отделом, ОО (Особым отделом).

Ян Шейна, бывший генерал чехословацкой армии, перешедший в 1968 году на Запад, подтверждает существование этой сложной инфраструктуры. Бывший первый секретарь парткома министерства обороны ЧССР, он принимал участие вместе с командирами Красной Армии в разработке плана вторжения в Европу. Его свидетельство чрезвычайно важно, несмотря на двадцатилетнюю давность. То, о чем он говорит, не изменилось. Может быть, только увеличились средства.

"29-я советская десантная дивизия, базировавшаяся в Наумбурге (ГДР), и 39-я дивизия, базировавшаяся в Ордруфе, имели задачу проникнуть на территорию Франции, –

свидетельствует он. – Политработники и большинство офицеров контрразведки этих дивизий говорили на французском языке. Они изучали законы, французскую культуру и обычаи. Их задача: разрушить в первые дни войны, а может, и до ее начала все средства связи и коммуникации (телефон, радио, железные дороги, мосты, основные магистрали), помогать секретным агентам проводить диверсии на заводах, электростанциях, некоторых военных объектах, парализовать работу правительства, сорвать мобилизацию".

Разведслужбы играют определяющую роль в планах наступления. "СССР примерно так же, как и ранее Гитлер, надеялся, что Франция откроет свои границы и не окажет сопротивления, – продолжает Шейна. – Чтобы ускорить окончательный развал, Советский Союз проводил дьявольскую кампанию дезинформации, шпионажа и военного, промышленного и политического саботажа. Работу эту выполняли спецслужбы. Задача секретных агентов проста: собрать о каждой области французской промышленности наиболее полную информацию, заполучить планы, карты, с помощью которых можно было бы выбрать удобное время и место для нанесения удара диверсионной группой".

"Эти агенты не самые опасные, – считает генерал Шейна. – Три четверти времени они были заняты механической работой и чаще всего не знали, каким образом будут использованы результаты их деятельности. Наибольшую опасность представляют законсервированные агенты, которых засылают в страну. Они внедряются и проявляют себя лишь в момент необходимости. В общей сложности существует 60% активных и 40% законсервированных агентов".

Пьер Кардо или супруги Баммлер и Краник, арестованные во Франции (см. часть вторую), принадлежали к категории "активных агентов". Они были внедрены нелегально, под вымышленными именами для ведения разведработы (Служба внешней документации и контрразведки для Кардо, НАТО для Баммлера и Краника). "Законсервированные" агенты, напротив, внедряются с единственной целью: раствориться среди населения и ждать, иногда десятилетиями, пока на них не возложат какую-либо конкретную задачу. Они могут, например, использоваться для диверсионных операций в случае начала военных действий. Их можно назвать "пятой колонной".

"Нелегалами", активными или законсервированными, ведало управление "С" Первого главного управления КГБ. За границей, в резидентурах, их работой занималась "линия Н". Руководитель "линии Н" получал приказы непосредственно из управления "С", из Москвы, и не был подотчетен резиденту. Эта область советских разведслужб наиболее закрыта и секретна.

В последние годы французская контрразведка получила некоторые сведения о работе "линии Н", арестовав трех членов ФКП, находившихся в контакте с Юрием Быковым, руководившим из посольства СССР работой "нелегалов" (см. часть первую). Французские коммунисты добывали для него биографии лиц, без вести пропавших и не имевших семьи, что позволяло КГБ засылать в страну агентов под чужими фамилиями.

Побег Олега Лялина в сентябре 1971 года в Лондоне также позволил проникнуть в некоторые тайны управления "С". "Этот офицер КГБ передал нам сведения и документы, в число которых входили планы внедрения агентов для ведения диверсионной деятельности", – говорилось в заявлении министерства иностранных дел Великобритании сразу после перехода Лялина на Запад. В тот период подверглось аресту немало англичан, и 500 советских "дипломатов" были выдворены из страны. На основании его показаний начались поиски "нелегалов" в Европе, Америке и Азии. По наводке Лялина УОТ сумело обнаружить два склада оружия в Бретани, которое предназначалось для законсервированных агентов на случай начала восстания или вооруженного конфликта.

Сколько же "нелегалов" во Франции? Невозможно сказать с точностью. Однако об этом можно судить по количеству шифрованных радиogramм, которыми постоянно обменивались агенты, активные или "законсервированные", с Центром (КГБ, ГРУ или восточноевропейскими разведслужбами). Французская контрразведка перехватила все эти радиogramмы и сохранила их. Только в 1984 году было перехвачено 119 824 послания,

исходя из чего можно заключить, что на территории Франции работала по меньшей мере сотня "нелегалов".

"У нас есть доказательство, что КГБ сильно интересовался объектами стратегического назначения во Франции, – рассказывает бывший ответственный работник контрразведки. – Однажды весной 1974 года резидент обратился в министерство иностранных дел с просьбой разрешить ему туристическую поездку по району замков Луары. Разрешение было дано. Он представил, как положено, свой маршрут. Решили аккуратно проследить за ним. Первое время он следовал точно по маршруту, однако часто останавливался в не слишком живописных местах. Во время обеда он случайно оставил в машине свою карту, которую удалось украсть. На ней были помечены красным около 20 пунктов, на первый взгляд не представлявших никакого особого интереса. На самом же деле отмеченные пункты находились в двух десятках километров от стратегических объектов: аэродромов, сортировочных станций... Мы так и не выяснили, что все это значило. Однако очевидно, что резидент предпринял маленькое путешествие для изучения местности".

Чтобы получить более полную информацию, Советский Союз использовал и другие средства, позволявшие попасть в места, недоступные для "дипломатов". Весной 1982 года швейцарский генерал Герберт Ваннер громогласно предупреждал об этом. Он обращал внимание на все возрастающее количество грузовых автомобилей из социалистических стран, пересекавших границы европейских государств. Зачастую управляемые офицерами в гражданской форме (водителями танков, например, которые таким образом изучают маршруты), эти грузовики оснащены специальной аппаратурой, способной измерять ширину дорог, глубину обочин и рек, рассчитывать грузоподъемность мостов, определять броды для прохода танков.

Количество грузовиков – в основном болгарских – давно беспокоило французскую контрразведку. В ноябре 1983 года журнал "Пуэн" писал, что для проверки оборудования этих грузовиков была спланирована операция "Удар кулаком". Однако она была отменена в последнюю минуту по приказу правительства.

С помощью этих специальных автомобилей не только изучается местность, но зачастую ведется настоящая электронная разведка. Незадолго до операции "Удар кулаком" в 1983 году французская разведслужба однажды обратила внимание на присутствие трех болгарских грузовиков неподалеку от здания на бульваре Мортье. Другие грузовики с болгарскими номерами были обнаружены у генерального штаба ВВС в Париже. Таможенные службы сообщили также, что эти странные автомобили были замечены у тулонского арсенала, плато Альбион (где расположены французские ракеты), у военно-морской базы в Бресте, где базируются ядерные подводные лодки.

Используя специальную аппаратуру, с грузовиков можно перехватывать любые сообщения или даже внедряться в память плохо защищенных компьютеров. Научная фантастика? На некоторых предприятиях контрразведка обнаружила, что компьютеры "работали самостоятельно" по ночам или в выходные дни. Советский Союз, находившийся в постоянном поиске любой научно-технической информации, должно быть, считал такой электронный шпионаж, требующий современного, дорогостоящего оборудования, вполне рентабельным для себя.

Подобная деятельность совершенно не соответствовала мирным заявлениям СССР. Задачи, выполнявшиеся офицерами разведслужб, внедрение "нелегалов", войска "спецназа" доказывают, что советские руководители готовились с постоянством и упорством к возможному военному конфликту. И безусловно, речь в данном случае не идет об оборонной стратегии.

"Однажды в Праге, – вспоминает Ян Шейна, – маршал Гречко рассказал нам такой анекдот: "Ереванскому радио задали вопрос, утвердится на земле война или мир. Радио ответило: "Обязательно мир, товарищи. Но мы будем за него драться так, что не оставим камня на камне". Для Гречко это было верхом остроумия".

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СССР находился на перекрестке дорог. Вся его экономика была основана на развитии средств производства, в частности тяжелой промышленности, тогда как в конце XX века мощь государства измеряется не количеством промышленных гигантов или тоннами выплавленной стали. Третья промышленная революция, которую мы сегодня переживаем, – это революция в области информатики. Советский же Союз в данной области сильно отставал. Настоящая революция в информатике требует гибких экономических структур, смелой личной инициативы и свободного обмена информацией, что никак несовместимо с Централизацией экономики, бюрократизмом, абсолютным контролем власти над населением.

У советских руководителей не было выбора. Не имея возможности осуществить необходимые реформы, они все же пытались сократить технологический разрыв, который отделял СССР от капиталистических стран. Чтобы преуспеть в этом, необходимо было либо затормозить технический прогресс в капиталистических государствах, либо внедрять в советскую экономику технологические достижения Запада. Долгое время Москва следовала двумя упомянутыми выше курсами.

Кампания, развернутая в СССР против американской "стратегической оборонной инициативы" (СОИ, называемой в обиходе "звездными войнами"), – прекрасная иллюстрация первого метода. Кремль опасался, что при помощи СОИ Соединенные Штаты создадут стратегический щит, способный уничтожить межконтинентальные ракеты. Кроме того, советские руководители понимали, какой импульс эта программа сможет дать американской промышленности (микропроцессоры, лазеры и т.д.). Если СОИ будет успешно завершена, Соединенные Штаты сделают гигантский скачок в современных отраслях промышленности, обогнав не только СССР, но и Европу, несмотря на проект "Эврика".

СССР не имел возможностей, ни экономических, ни технических, для осуществления подобной программы. С помощью кампании дезинформации, представлявшей СОИ военной и агрессивной программой (на самом деле она носит строго оборонительный характер), Москва хотела оказать давление на мировое общественное мнение и заставить американское правительство отказаться от своих планов. Ведь СССР было необходимо время, чтобы свести на нет свое отставание.

Напомним об известном прецеденте, договоре об ОСВ-1, подписанном Ричардом Никсоном и Леонидом Брежневым в 1972 году. Москва стремилась к подписанию этого договора. И на то была причина: в договоре об ОСВ-1 предусматривалось меньшее количество межконтинентальных ракет для США, чем для СССР. Это неравенство компенсировалось количеством ядерных боеголовок, которые были способны нести американские ракеты. В тот период Соединенные Штаты уже располагали ракетами с несколькими боеголовками, а СССР нет. Подписав договор об ОСВ-1, Брежнев добился своего. Количество американских ракет в течение нескольких лет было строго ограничено. За это время Советский Союз сумел получить новую технологию (при помощи шпионажа и грабежа) и оснастить свои более многочисленные ракеты несколькими боеголовками. Результат: СССР смог вести новые переговоры (об ОСВ-2) с позиции силы.

Что же касается второго метода, который заключается в том, чтобы внедрять в советскую экономику результаты технического прогресса на Западе, то Москва здесь располагала разведорганами (КГБ, ГРУ, восточноевропейские разведслужбы), об эффективности которых рассказано в этой книге. Данные органы в дальнейшем будут использоваться еще более активно. В кадровом "вальсе", начатом Михаилом Горбачевым со дня его прихода к власти с целью сделать советскую систему более эффективной, принял участие и КГБ. Появились новые люди, сложились новые структуры. О них еще ничего не известно, но они, безусловно, усилят КГБ.

Западные страны должны оставаться начеку. В последние годы некоторые из них уже начали жестко реагировать на разрушительную деятельность советской разведки. Например,

операция "Исход", начатая в 1981 году Соединенными Штатами с целью помешать утечке технологий на Восток. Совсем недавно, в 1985 году, 15 стран – членов КОКОМ (Координационный комитет – орган НАТО, контролирующий продажу техники социалистическим странам) договорились о создании комиссии экспертов по вопросам технологии и безопасности. Военные, входящие в эту комиссию, будут давать профессиональные консультации дипломатам из КОКОМ, которые ежегодно составляют перечень материалов, запрещенных к вывозу. Комиссия будет определять, какая техника может быть использована в военных целях.

Американцы вот уже три года говорили о необходимости создания такой комиссии. Большинство европейских стран (и Япония, член КОКОМ) противились этому. Для них упомянутый орган мог стать новым тормозом в деле развития торговых отношений между Востоком и Западом. Франция же выступила в поддержку проекта, несмотря на серьезный дефицит в торговле с СССР. Подобная солидарность Франции и США объясняется, безусловно, существованием досье "Фэрвелл".

Сведения, данные агентом Фэрвеллом, заставили французское правительство пересмотреть Уголовный кодекс, мало соответствовавший новым формам секретной войны. До настоящего времени из 30 статей, относящихся к государственной безопасности, лишь в одной предусматривалось наказание за нанесение ущерба "экономическим интересам Франции". Все остальные относились к вопросам "национальной обороны" страны. В эпоху, когда шпионаж стал более технологическим, чем военным, необходимо иметь и соответствующие средства борьбы против него. Было выработано новое определение государственной безопасности. Теперь должны нести наказание все, кто "посягнул на жизненные интересы нации, а именно: на ее существование, безопасность, территориальную целостность, независимость, республиканский строй, конституционный режим, экономический потенциал и финансовые позиции" (выделено автором).

В то же время контрразведка хотела бы обратить внимание на другой, особенно коварный метод советской разведки: дезинформацию. В УОТ считают, что необходимо наказывать "любого француза, действующего в интересах иностранного государства или предприятия и пытающегося ввести в заблуждение общественное мнение распространением лживой или неверной информации". Комиссия, занимающаяся пересмотром Уголовного кодекса, не пожелала заходить так далеко. По мнению ее членов, определяя дезинформацию как манипуляцию общественным мнением, можно нанести ущерб свободе мнений, основополагающему принципу демократического общества. В конечном счете в соответствии с новым Уголовным кодексом должен понести наказание каждый, кто вводит в заблуждение не общественное мнение, но "руководящие органы Франции".

Это тонкое определение показывает, с какими трудностями сталкиваются демократические страны, когда они хотят выработать эффективные средства защиты от советского шпионажа. Как защититься от вмешательства, не поставив под удар основные свободы? Сложная задача: чем более свободно и открыто общество, тем легче в него могли проникать советские спецслужбы, расшатывая его основы. Свободная конкуренция, законы рынка облегчают технологический грабёж, равно как свобода слова и печати предоставляет широкое поле для проникновения дезинформации из Москвы. Но сколь бы велика ни была опасность, ничем нельзя оправдать ограничения свобод. Что же тогда делать?

Не стоит создавать новый репрессивный арсенал. Ведь существует целый ряд методов, о которых все знают.

Прежде всего, нужно более жестко применять существующие законы о государственной безопасности. Мы уже знаем, сколько стоит измена Франции: в среднем от пяти до восьми лет тюремного заключения (и это лишь в случае, если состоялся суд). Таким образом, менее рискованно передать СССР или его союзникам сведения, способные нанести ущерб жизненно важным интересам страны, чем ограбить банк.

Западные правительства могли бы устранить и еще одну причину зла: огромное количество советских "дипломатов". Во Франции работали 780 представителей Советского

Союза против примерно 70 французских дипломатов в СССР. Это неравенство было характерно для любой страны: например, 260 американцев в Москве против 980 советских граждан в Вашингтоне. Почему же не уравнивать количество представителей? Эта мера дала бы двойное преимущество: меньше советских работников – меньше шпионов, а те, кто остается, должны будут больше внимания уделять дипломатии, чем разведке. Необходимо поставить и еще один вопрос: должны ли демократические страны, имеющие отношения с Москвой, позволять офицерам разведки использовать дипломатический статус для ведения шпионской деятельности? Мы уже отмечали, что советские руководители предпочитали отношения с позиции силы, которые они исповедовали во всем мире. СССР воспринимал терпимость западных стран не как жест доброй воли, а как проявление слабости, которую нужно использовать. Что он и делал.

Чтобы бороться со шпионажем, западные страны располагают и еще одним эффективным оружием: средствами информации. Именно с их помощью они должны защищаться – вместо того, чтобы хранить молчание или, что даже хуже, держать все в секрете с единственной целью не испортить отношений с Москвой.

В приложении к данной книге вы найдете имена около 80 офицеров КГБ и ГРУ, выдворенных из Франции начиная с 1960 года. И список этот совсем неполон. В основном он был составлен, исходя из соображений, появлявшихся в печати, то есть из заметок на последней странице. Ни причины этих выдворений, ни ущерб, нанесенный шпионами, не обнародованы. Французы были лишены простого права – знать.

Тон прессы, писавшей об этих делах в последние 20 лет, показывает, сколько вреда может принести умолчание. В большинстве случаев вина агентов, арестованных за передачу сведений СССР, не показана с достаточной очевидностью. Они окружены целым хором смягчающих обстоятельств. В отчетах, как правило, доводы обвинения были сокращены, а ущерб, причиненный государственной безопасности, зачастую не принимался во внимание. Несут ли за это ответственность журналисты? Нет. Они лишь повторяют то, что им говорят. Однако всем известно, что практически невозможно до суда узнать точку зрения общественного обвинителя. Следственная тайна запрещает это. Итак, им остается довольствоваться версией защиты или близкого окружения агента (семьи, друзей, коллег). Эта версия, обычно появляющаяся в газетах, всегда благоприятна для обвиняемого. По ней читатель никак не может правильно оценить дело.

Как всякое закрытое общество, Советский Союз ненавидел обнародование правды. СССР удовлетворяло молчание, сопровождавшее обычно высылку "дипломатов", тайна или полуправда, окружавшая большинство серьезных дел о шпионаже. Офицеры разведки, таким образом, могли совершенно спокойно применять те же методы сближения, так же оказывать давление, чтобы вербовать новых агентов.

У нас принято поздравлять прессу, когда она хорошо делает свою работу. Восхищаться ее влиянием, когда ей удастся отправить в отставку президента Соединенных Штатов ("уотергейтское дело") или заставить уйти с поста министра обороны Франции (дело "Гринпис"). Так почему же держать ее на расстоянии, когда речь идет о деле, в котором на карту иногда поставлено существование страны? Почему не использовать мощь средств информации для осуждения шпионской деятельности Москвы? Если бы каждое выдворение получало широкую огласку, если бы каждое дело использовалось с целью наглядно показать методы работы иностранных разведслужб, то, без сомнения, меньше французов согласились бы на измену.

Настоящая работа по выведению истины наружу стала бы, безусловно, наилучшей гарантией защиты демократических стран от советского шпионажа. Приподняв слегка завесу, эта книга попыталась начать такую работу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. "Резиденция" КГБ в Париже.

"Резиденция" занимает три верхних этажа посольства СССР, бульвар Ланн, 40, 16-й округ. Это, по существу, отдельный бункер. Проникнуть туда можно только через специальную камеру, в которой каждый офицер КГБ должен назвать все свои данные. Стены, пол и потолок здесь двойные, со звуконепроницаемой изоляцией, защищающей от прослушивания. Систему дополняет постоянная передача звуковых сигналов между перегородками. "Резиденция", таким образом, напоминает гигантский совершенно непроницаемый пузырь. Здесь находятся:

– Помещение сотрудников Первого главного управления. Прежде чем войти туда, нужно оставить в гардеробе портфели и сумки – мера предосторожности против нелегального выноса документов. В просторном зале рабочие столы разнесены и разделены прозрачными перегородками, что дает возможность наблюдать за всеми присутствующими офицерами. Только работники "линии ПР" (политическая разведка и дезинформация) и "линии Х" (научно-технологическая разведка) имеют сюда доступ. Секретаршами работают жены высокопоставленных работников КГБ. В их задачу входит составлять распорядок дня офицеров и следить за их уходом и приходом. В зале запрещено курить, переходить с места на место и разговаривать с коллегой.

На стенах развешаны фотографии работников французской контрразведки и офицеров ЦРУ в Париже, а также номера служебных автомобилей французской контрразведки.

Все офицеры едят от руки, так как использование машинок запрещено. Несмотря на великолепную изоляцию, КГБ все же опасается современных систем прослушивания, способных улавливать звуки печатных машин и воссоздавать напечатанные тексты. Для получения фотокопии необходимо специальное разрешение. Копировальная машина находится в соседней комнате. Ключ в секретариате.

Чтобы получить досье (на агента, гражданина, фирму), нужно прежде всего заполнить формуляр, где указывается имя заказчика, дата и точное время выдачи. Эти досье хранятся в референтуре.

– В референтуре, подобии просторного сейфа, хранится также разведплан ВПК (см. часть пятую), с которым должен сверяться каждый офицер "линии Х", а также секретная переписка с Москвой. Это помещение абсолютно изолировано. Количество людей, имеющих туда доступ, строго ограничено. Имена их должны обязательно заноситься в журнал. Перед бронированной дверью круглосуточно несет дежурство вооруженный военнослужащий.

В референтуре также укрыты все средства связи с Москвой, аппараты кодирования и расшифровки сообщений.

– Зал "Зенит" предназначен для офицеров "линии КР", контрразведки. Именно отсюда КГБ обеспечивает защиту своих офицеров на задании (например, во время встречи с агентом). Зал напичкан электронной аппаратурой, предназначенной для прослушивания переговоров по радио французских полицейских. При возникновении малейшей опасности офицер может быть немедленно отозван посредством сигнального устройства, которое он постоянно носит при себе. Если же сигнал не проходит, несколько офицеров "линии КР" одновременно выходят из посольства, чтобы сорвать слежку контрразведки.

– Зал "Элинт" (электронный перехват) находится в ведении Восьмого управления КГБ, занимающегося перехватом радиопередач. К залу подключены параболические антенны, скрытые на крыше посольства. Эти антенны принимают сигналы спутниковой связи. Другие рассчитаны на высокочастотные сигналы и на короткие волны, они принимают передачи дальней связи. Конечно, записываются не все передачи. Антенны подключены к компьютерам, запрограммированным на определенные слова. Если произносятся эти слова, автоматически включается запись. Таким образом КГБ получает телефонные разговоры, которые его интересуют. Эти принимающие устройства направлены главным образом на правительственные учреждения (Елисейский дворец, Матиньон, Кэ д'Орсэ, министерство обороны и др.) и крупные фирмы. Существующая система позволяет также перехватывать

байты информации, которой обмениваются через тропосферу многочисленные взаимосвязанные компьютеры. Так КГБ удается иногда получать информацию из памяти плохо защищенных компьютеров.

Приложение 2. Список офицеров КГБ и ГРУ, высланных из Франции после 1960 г.

Агафонов Сергей (1976)
Андросов Андрей (1983)
Архипов Владимир (1969)
Белик Геннадий (1983)
Беляцев Анатолий (1979)
Бехтин Николай (1982)
Блудов Михаил (1984)
Бовин Олег (1983)
Бочков Виктор (1983)
Быков Юрий (1983)
Ванагель Виктор (1971)
Витебский В. (1983)
Власов Василий (1963)
Воронцов Олег (1983)
Герасимов Геннадий (1983)
Говорухин Валерий (1983)
Голицын Василий (1984)
Горячев Юрий (1983)
Гренков Владимир (1983)
Губкин Алексей (1972)
Денисенко Анатолий (1966)
Жадин Борис (1983)
Зайцев Александр (1983)
Зевакин Юрий (1983)
Иванов Евгений (1976)
Каменский Александр (1983)
Картавцев В. (1983)
Карюхин Александр (1971)
Козырев Виталий (1983)
Корепанов Г. (1983)
Королев Ювеналий (1965)
Котов Юрий (1983)
Крепкогорский Валерий (1983)
Кривцов Юрий (1983)
Крохин Алексей (1971)
Крючков С. (1983)
Кузнецов Игорь (1979)
Кулемеков Владимир (1981)
Куликовских Владимир (1983)
Логинов Игорь (1965)
Майоров Владимир (1983)
Манукян А. (1983)
Матвеев Юрий (1983)
Миронкин Евгений (1973)
Муравьев Алексей (1983)

Мухин Евгений (1983)
Мякушко Василий (1960)
Нагорный Евгений (1983)
Нестеров Александр (1983)
Нестеров Владимир (1972)
Нурутдинов Бахтиор (1983)
Огурцов А. (1983)
Павлов Сергей (1965)
Паппе Андрей (1983)
Пенков Виктор (1978)
Погонец Анатолий (1983)
Пугин Сергей (1983)
Ростовский Григорий (1976)
Рыбаченко Владимир (1977)
Рылев Юрий (1971)
Сазанов Борис (1971)
Сидак Валентин (1983)
Слюшенко Георгий (1972)
Соколов Виктор (1972)
Соколов Эдуард (1983)
Соловьев Михаил (1976)
Соломонов Юрий (1982)
Стриганов Алексей (1960)
Травков Геннадий (1980)
Филиппов Борис (1978)
Фролов Вячеслав (1980)
Хренов Владимир (1963)
Чекмасов Валерий (1983)
Чернов Юрий (1983)
Четвериков Николай (1983)
Чурянов Юрий (1983)
Шестополов Лев (1963)
Шипилов Виктор (1983)
Широков Олег (1983)
Шишков Виктор (1983)
Шуликов Л. (1983)
Юденко Виталий (1983)
Якубенко Юрий (1983)

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Этой книгой я во многом обязан всем специалистам контрразведки, согласившимся ответить на мои вопросы, зачастую нескромные. По договоренности с ними я не должен их называть. Я выполнил обещание, но хочу, чтобы они знали, в каком я перед ними долгу.

Побудил меня к написанию этой книги Николя Милетич. Мы провели с ним незабываемые вечера, предаваясь общей страсти к шпионским делам. Даже сегодня я вспоминаю о них с некоторой тоской.

Мой друг Кристиан Желан был мне помощником от начала до конца. Он порой охлаждал мой пыл, но зато поддерживал меня на трудном этапе написания книги. Он был первым моим читателем, и его советы были всегда весьма ценными.

Большую помощь оказали мне знания и опыт Бранко Лазича. Если в книге есть

ошибки, в фактах или суждениях, ответственность несу я один.

Если бы у меня не было таких верных и прилежных читателей, как Венсан Лалуа, Жан Лезьер и Мишель Ришар, эта книга по форме стала бы несколько неудобоваримой. Я особенно благодарен им за то время и терпение, которое они ей уделили.

Я также приношу благодарность работникам архива журнала "Пуэн" Алену Перо и Жильде Спицкино, которые помогли мне написать историю советского шпионажа во Франции.

Наконец, если бы не бесконечное терпение Наташи, очевидно, что этот трехлетний труд так и не был бы завершен. Меня всегда поддерживала ее нежность, особенно в самые трудные моменты.

БИБЛИОГРАФИЯ И ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Глава 1. Святое семейство

Об аресте и суде над Жоржем Бофисом рассказывалось в прессе того времени, в частности в журнале "Пуэн" N267 за 31 октября 1977 года, газетах "Матэн" за 10 и 11 июля 1978 года, "Франс-суар", "Ороп", "Фигаро" за 11 июля 1978 года, "Франс-суар", "Юманите", "Монд" за 12 июля 1978 года, "Фигаро", "Монд", "Ороп", "Франс-суар" за 13 июля 1978 года, "Монд", "Франс-суар" за 14 июля 1978 года. Об этом деле автор также почерпнул сведения из книги Роже Фалиго и Реми Коффера "Служба "Б"" (Roger Faligot, Remi Kauffer. Service V. Fayard, 1985) – единственной, где рассказывается о деятельности разведслужб ФТП (и ФКП) во время войны. В книге Ива Рукота "ФКП и армия" (Yves Roucaute. PCF et l'armee. PUF, 1983) можно найти ценные сведения об организации Бофиса в армии. Наконец, по всему этому делу у автора имеются собственные источники.

Организация советских разведслужб в довоенный период, дело Томмази, сеть Креме, "генерал" Мюраи и история "рабкоров" показаны в великолепной книге Дэвида Дж. Даллина "Советский шпионаж" (David J. Dallin. Soviet Espionage. New Haven, Yale University Press, 1955), не переведенной на французский язык.

"Штурм" лагеря Борегар описан в воспоминаниях Роже Вибо, написанных Филиппом Бернером (Philippe Bernert. Bataille pour la DST. Presses de la Cite, 1975). Подробности см. также в номерах газеты "Монд" за 16, 17, 19, 27, 29 ноября 1947 года и за 10,12-16 декабря 1947 года.

О тактике ФКП по отношению к армии см. книгу "ФКП и армия". Основные направления кампании коммунистов против СРК очерчивает книга Роже Фалиго и Паскаля Кропа "Бассейн" (Roger Faligot, Pascal Krop. Piscine. Seuil, 1985). Что касается проникновения ФКП в полицию, автор использовал собственные источники.

История Жана Жерома (параллель с Леопольдом Треппером и его отношения с Иоановичем) и странное прошлое Альбера Игуэна воспроизведены в значительной степени благодаря личным источникам автора. Свидетельство бывшего агента СРК в "Сепике" взято из книги "Бассейн". Подробности взаимоотношений Альбера Игуэна и Робера Эрсана фигурируют в книге Доминика Понса "Досье Эрсана" (Dominique Pons. Dossier H comme Hersant. Alain Moreau, 1977). О Жане Жероме см. также 4-й том "Внутренней истории ФКП" Филиппа Робрие (Philippe Robrieux. Histoire interieure du PCF. Fayard, 1984). То же – о Жане Батисте Думанге. Кроме того, несколько статей о "красном миллиардере" написаны автором, в частности в журнале "Пуэн" (N516 и 639).

Об обысках в журналах "Франс д'абор" и "Регар" рассказывалось в печати, в частности в газете "Монд" за 26 февраля 1949 года, 1 и 2 марта 1949 года. О деле Телери см. брошюру "Советский шпионаж во Франции, 1945– 1955", изданную "Бюллетенем Ассоциации международных политических исследований и информации" (1956 г.) и книгу "Служба "Б"". Использованы также личные источники автора.

О деле тулонского арсенала писала пресса, среди прочих "Монд" за 8, 10-12, 15 и 16

июня 1952 года. О "рабкорах" см. "Бюллетень Ассоциации международных политических исследований и информации" за 16-31 декабря 1951 года и 16-31 июля 1952 года.

О конференции в Склярска-Пореба рассказывается в 3-м томе "Внутренней истории ФКП". О ее влиянии на политику ФКП по отношению к войне в Индокитае см.: "ФКП и армия". То же – о дезертирах, перешедших к вьетнамцам. См. также книгу Ролана Гоше "Тайная история коммунистической партии" (Roland Gaucher. Histoire Secrete du Parti Communiste. Albin Michel, 1974).

"Дело генералов" и "дело об утечках" подробно прокомментированы в воспоминаниях Роже Вибо. О закулисных сторонах этих дел – личные источники автора.

О "Само" и других замятых за последние годы делах – личные источники автора.

Глава 2. Младшие братья

История Жана Мари подробно рассказана в "Истории шпионажа от 1945 до 1971 г." – специальном выпуске журнала "История" за 1971 год. На нее также ссылается Джон Бэррон в своей книге "КГБ" (John Barron. KGB. Elsevier, 1975), указывая при этом, что речь идет о типичной истории взаимодействия разведслужб восточноевропейских стран с КГБ.

Свидетельство Иона Пачепы опубликовано в журнале "Экспресс" за 25 июня 1984 года профессором Центра международных стратегических исследований при Джорджтаунском университете (США) Майклом Лидином.

Об аресте и высылке Станислава Янчака писали газеты, в частности "Монд" и "Либерасьон" за 24 января 1985 года.

Все подробности о "социалистическом разделении" труда между разведслужбами восточноевропейских стран и КГБ – из личных источников автора.

О "деле Цорна" писали газеты и журналы, в частности: "Фигаро", "Котидьен де Пари", "Матэн" за 8 сентября 1980 года, "Франс-суар" и "Монд" за 9 сентября 1980 года, "Франс-суар" за 11 сентября 1980 года, "Пуэн" за 6 октября 1980 года, "Франс-суар" за 14 августа 1981 года, "Монд" за 24 июня 1982 года. Используются также личные источники автора.

Свидетельство Иона Пачепы о размахе румынского шпионажа во Франции воспроизведено Агатой Ложар в газете "Матэн" за 1 февраля 1985 г.

По многим делам с участием разведслужб восточноевропейских стран после 1945 года – личные источники автора.

О подробностях убийства Владислава Мроза писала пресса, в частности: "Пари-жур" за 29 октября 1960 года, "Журналь дю диманш" за 30 октября 1960 года, "Орор" за 1 ноября 1960 года, "Франс-суар" за 5 ноября 1960 года.

О последовавших за убийством арестах также сообщалось в прессе: "Паризьен", "Пари-пресс" за 8 ноября 1960 года, "Фигаро" за 10 ноября 1960 года, "Монд" за 25 ноября 1960 года, "Пари-пресс" за 26 ноября 1960 года, "Либерасьон" за 14 декабря 1960 года, "Юманите" за 18 января 1961 года.

Все подробности о роли и признаниях Мроза – из личных источников автора.

О "деле М.Арман" подробно рассказано в книге Пьера Левержуа "Я выбрал УОТ" (Pierre Levergeois. J'ai choisi la DST. Flammarion, 1978). Используются также личные источники автора.

Арест, обвинение и процесс Жоржа де Кобора освещались прессой, в частности: "Фигаро" за 21 декабря 1961 года, "Пари-пресс" и "Монд" за 16 января 1962 года, "Пари-пресс" за 9 октября 1963 года, "Монд" за 10 октября 1963 года, "Котидьен де Пари" за 4 марта 1981 года.

Об обстоятельствах ареста Жозефа Битонски и его жены, их возвращения в Польшу после освобождения рассказано в книге "Я выбрал УОТ". Об этом писала и пресса, в частности: "Монд" и "Орор" за 8 февраля 1963 года, "Франс-суар" за 9 и 11 февраля 1963 года, "Фигаро" и "Монд" за 14 января 1964 года, "Монд" за 15 января 1964 года.

Использованные чешской разведкой методы обеспечения нелегального въезда Пьера

Кардо во Францию, его устройство в Париже, вербовка в СРК, приемы, позволившие разоблачить его (в том числе опубликованное 2 мая 1962 года в "Газетт де Лозанн" сообщение швейцарской полиции), описаны бывшим комиссаром УОТ Жаном Полем Мориа в статье "Такой симпатичный шпион", опубликованной в журнале "История" N247 за июнь 1967 года.

О подоплеке обмена Пьера Кардо – личные источники автора.

Материалы процесса Краника – Баммлера публиковались в печати, в частности: "Фигаро" за 27 и 28 апреля 1967 года, "Монд" за 29 апреля 1967 года.

Вербовка Краников и Баммлеров разведслужбой, их нелегальный въезд во Францию, переданные ими сведения, их арест изложены Пьером Вандомом в статье "Шпионы" специального выпуска журнала "История", посвященного истории шпионажа с 1945 по 1971 г.

Об их способах связи – личные источники автора.

Арест и процесс Ханса Фолкнера освещались прессой, в частности: "Ороп" за 29 мая 1969 года, "Монд" и "Франс-суар" за 30 мая 1969 года, "Пари-жур" за 12 февраля 1970 года, "Ороп" за 12 и 13 февраля 1970 года. Кроме того, использованы частные источники автора.

Многочисленные подробности о "сети Карамана" и аресте ее членов были опубликованы в прессе, в частности: "Минют" за 23 октября 1969 года, "Ороп", "Фигаро" и "Пари-жур" за 31 октября 1969 года, "Монд" и "Ороп" за 1 ноября 1969 года, "Фигаро" за 2 ноября 1969 года, "Экспресс" за 3 ноября 1969 года, "Каррефур" за 5 ноября 1969 года, "Минют" за 6 ноября 1969 года, "Фигаро" за 20 ноября 1969 года, "Монд" за 21 ноября 1969 года.

"Сети Карамана" Пьер Аккос и Жан Даниэль Пуже посвятили весьма насыщенную информацией книгу (Pierre Assocé, Jean-Daniel Pouget. Le réseau Caraman. Fayard, 1972). Из нее автором заимствованы некоторые детали.

Все высказывания бывшего комиссара УОТ Жана Поля Мориа цитируются по его статье "Румынское дело", посвященной "сети Карамана" и опубликованной в специальном выпуске журнала "История" об истории шпионажа с 1945 по 1971 год.

Передача "Товарищ шпион" была показана по программе "Антенн-2" 22 ноября 1984 года в 21 час 30 минут. Прозвучавшие в этой передаче высказывания Матейя Павела Айдуку были воспроизведены в прессе, в частности в журнале "Нувель обсерватёр" за 16 ноября 1984 года.

Об отъезде Димитру Анинойю из Франции и реакции Кэ д'Орсэ сообщалось в прессе, в частности в газете "Монд" за 2 декабря 1984 года. О взаимоотношениях между послом и "сетью Карамана" – личные источники автора.

Глава 3. Эффект "Мышь"

Воспоминания Олега Пеньковского были опубликованы под заголовком: Carnets d'un agent secret. Taillandier, 1966.

О "деле Федоры" автор рассказал в журнале "Пуэн" N524 за 4 октября 1982 года.

Об операциях по манипуляции западных спецслужб – личные источники автора.

Что касается различных перебежчиков, автор использовал сведения из книг и журналов, в частности: "КГБ" Джона Бэррона, "КГБ против ЦРУ"

Дэвида К.Мартина (David C. Martin. KGB contre CIA. Presses de la Renaissance, 1981), "Исследование КГБ" Джона Бэррона (John Barron. Enquete sur le KGB. Fayard, 1984), "История шпионажа: 1945-1971 годы" – специальный выпуск, N23, журнала "История".

Высказывания офицеров ЦРУ взяты из книги "КГБ против ЦРУ".

Сведения об Анатолии Голицыне и о его разоблачениях автор почерпнул в книге "КГБ против ЦРУ" и в книге "Ламя" Тиро де Возоли (Thyraud de Vosoli. Lamia. Editions de l'Homme, 1972). В значительной степени это место книги основывается на личных источниках автора.

"Дело Хэмблтона" подробно описано Джоном Бэрроном в книге "Исследование КГБ".

О неудаче операции "Минос" рассказано Филиппом Бернером в книге "СРК, служба 7" (Philippe Bernert. SDECE, service 7. Presses de la Cite, 1980), там же изложена история Леруа-Фенвиля.

О деле Волокитина см. "Ламя" Тиро де Возоли и "Я выбрал УОТ" Пьера Левержуа.

О сети "Сапфир" – личные источники автора.

Цитата генерала Александра Орлова взята из книги "КГБ" Джона Бэррона.

Описание Первого главного управления КГБ сделано Джоном Бэрроном в книге "Исследование КГБ".

"Искусство вербовщика" охарактеризовано бывшим комиссаром УОТ Жаном Полем Мориа в статье "Реальность шпионажа", опубликованной в журнале "Ревю де дефанс насьональ" за январь 1968 года.

Свидетельство Станислава Левченко воспроизведено Джоном Бэрроном в книге "Исследование КГБ".

История Дмитрия Волохова подробно рассказана Пьером Левержуа в книге "Я выбрал УОТ". Автор широко ее использовал. Цитата о "мертвых почтовых ящиках" взята из этой книги. В то время об этом писала и пресса, в частности: "Паризьен либере", "Франс-суар" и "Орор" за 15 сентября 1971 года, "Орор" за 28 сентября 1971 года, "Фигаро" за 7 мая 1973 года.

Поскольку Венсана Грегуара не привлекали к суду, автор был вынужден использовать псевдоним. Пьер Левержуа в книге "Я выбрал УОТ" намекает на эту историю, используя имя Виктора Гронье. Об этом же говорит Жан Роше в своих мемуарах "Пять лет во главе УОТ" (Jean Rochet. Cinq ans si la tete de la DST. Plon, 1985).

О деле Вальдимара Золотаренко в то время писала пресса, в частности: "Монд" за 11 ноября 1981 года, "Матэн" и "Котидьен де Пари" за 7 февраля 1984 года, "Фигаро" за 8 февраля 1984 года. Использованы и личные источники автора.

Аресту "сети Фабиева" были посвящены многочисленные статьи в прессе, в частности: "Орор" и "Фигаро" за 22 марта 1977 года, "Орор", "Фигаро", "Матэн", "Монд" за 23 марта 1977 года, "Орор", "Франс-суар", "Котидьен де Пари" за 24 марта 1977 года, "Орор" за 25 марта 1977 года. О процессе говорилось в: "Фигаро", "Матэн", "Орор" за 31 января 1978 года, "Матэн", "Монд", "Орор" за 1 февраля 1978 года, "Геральд трибюн", "Фигаро" за 2 февраля 1978 года. "Фигаро" 27 февраля 1979 года поместила статью о процессе над Джованни Ферреро.

Свидетельство Реймона Икс, служившего "живым почтовым ящиком" в "сети Фабиева", было опубликовано во многих газетах, в частности: "Фигаро" за 24 марта 1977 года и "Журналь дю диманш" за 27 марта 1977 года.

Кроме того, по всему "делу Фабиева" – личные источники автора.

Рассказ о попытке шантажа по отношению к преподавателю университета из Франции основывается на личных источниках автора.

Описание и цели Второго главного управления КГБ изложены Джоном Бэрроном в книге "Исследование КГБ".

Рассказ о злключениях посла Франции в Москве Мориса Дежана основан на статье Джона Бэррона в журнале "ВСД" за 4 ноября 1982 года. Некролог на Дежана помещен в газете "Монд" за 16 января 1982 года, статья Эрве Арфана в "Монд" за 20 января 1982 года.

Жан Роше в своей книге "Пять лет во главе УОТ" подробно останавливается на "деле Зет" (которого он называет Икс). Автор широко использовал эти сведения. Кроме того, личные источники автора.

Пьер Левержуа в книге "Я выбрал УОТ" приводит ценные уточнения по поводу ареста Жоржа Пака. Автор их использовал.

"Делу Пака" были посвящены многочисленные статьи в печати, в частности: "Орор" за 24 сентября 1963 года, "Монд", "Каррефур" за 25 сентября и 2 октября 1963 года, "Трибюн де Женев" за 25 октября 1963 года, "Кандид" за 1 июля 1964 года, "Орор" за 4 июля 1964 года,

"Трибюн де Женев" и "Орор" за 7 июля 1964 года, "Пари-пресс" и "Орор" за 8 июля 1964 года.

Рецензии на вышедшую в 1971 году книгу Жоржа Пака "Как вор" (Georges Paques. Comme un voleur. Julliard, 1971) были помещены в газете "Монд" за 12 февраля 1971 года и в журнале "Нувель обсерватёр" за 15 марта 1971 года.

Жан Мари Понто поместил в журнале "Пуэн" N407 за 7 июля 1980 года пространственный документ по "делу Пака". Именно в нем бывший шпион высказывал свое восхищение СССР.

Кроме того, по всему этому делу – личные источники автора.

Глава 4. Ложь и использование лжи

Данные о суммах, используемых СССР на "активные мероприятия", и описание аппарата дезинформации приведены по: Активные мероприятия СССР. Слушания постоянного особого комитета по разведке. Палата представителей. 97-й конгресс, вторая сессия, июль 1982 года (Soviet active measures. Hearings before the Permanent select Committee on Intelligence, House of Representatives, 97e Congres, seconde session, juillet 1982) и книге Ричарда Х.Шульца и Роя Годсона "Дезинформация" (Richard H. Shultz, Roy Godson. Desinformatsia. Anthrosos, 1985).

Описание массовых организаций, контролируемых СССР, – из личных источников автора.

Биография и роль Виктора Луи даны Джоном Бэрроном в книге "КГБ".

О роли Юрия Жукова и Юрия Рубинского – личные источники автора.

Цели советских "активных мероприятий" описаны в "Активных мероприятиях СССР" и в книге "Дезинформация".

Выдержки из учебников КГБ по дезинформации помещены в книге "Дезинформация".

Сведения, приведенные Ладиславом Биттманом и Станиславом Левченко об их работе в качестве офицеров дезинформации, фигурируют в приложении к книге Шульца и Годсона.

Примеры дезинформаций, воспроизведенных некоторыми западными газетами, взяты из "Активных мероприятий СССР" и из статьи автора в журнале "Пуэн" N598 за 5 марта 1984 года.

Свидетельство Александра Казначеева опубликовано в журнале "Эст э Уэст" за март 1984 года.

Трудности для Кравченко опубликовать свою книгу во Франции, отношение к ней прессы, политическая атмосфера вокруг процесса, детали процесса проанализированы Гийомом Малори в книге "Дело Кравченко" (Guillaume Malaurie. L'Affaire Kravchenko. Robert Laffont, 1982).

О Сэме Тома – Андре Ульманне см. свидетельство Клода Моргана в книге "Дон Кихот и другие" (Claude Morgan. Don Quichotte et les autres. Roblot, 1979) и предисловие Пьера Дэкса к переизданию книги "Я избрал свободу" (издательство "Орбан", 1980). Кроме того, о личности Ульманна – собственные источники автора.

Биографии основных "попутчиков", свидетельствовавших против Кравченко, взяты из номеров 79,84,126 "Бюллетеня Ассоциации международных политических исследований и информации".

Борис Суварин и Бранко Лазич изобличили разного рода лживые сочинения об СССР, появившиеся в 1947-1956 годах, и роль Беседовского и Дельбара в номерах 46, 57, 59, 88, 96, 121, 128, 133, 139, 144, 151, 196, 207, 251 "Бюллетеня Ассоциации международных политических исследований и информации".

О роли в корейской войне контролируемых СССР массовых организаций можно судить по свидетельству Пьера Дэкса в книге "Я поверил в утро" (Pierre Daix. J'ai cru au matin. Robert Laffont, 1976), по книге "Дело Кравченко" и материалам 2-го тома "Внутренней истории ФКП" Филиппа Робрие.

Биография Вильфрида Берчетта и сведения о нем как об агенте дезинформации взяты

из журнала "Эст э Уэст" N436 за 1-15 декабря 1969 года.

Дело о Подложном "докладе Фечтелера" освещалось в печати, в частности: "Монд" за 10, 11, 13, 14 и 16 мая 1952 года, "Бюллетень Ассоциации международных политических исследований и информации" за 16-31 мая, 1-15 июня, 1-15 июля 1952 года, "Самди суар" за 17 мая 1952 года. Что касается биографии, личности Жака Блок-Моранжа и его роли в этом деле – личные источники автора.

О покушении на префекта Тремо и результатах следствия писала пресса, в частности: "Орор" за 18 мая 1957 года, "Пари-пресс энтрансижан", "Франс-суар", "Юманите диманш", "Журналь дю диманш" за 19 мая 1957 года, "Орор", "Паризьен либере" за 20 мая 1957 года, "Фигаро", "Орор", "Франс-суар", "Пари-пресс энтрансижан" за 21 мая 1957 года, "Орор", "Франс-суар", "Либерасьон", "Пари-пресс энтрансижан" за 22 мая 1957 года, "Франс-диманш" за 23-29 мая 1957 года, "Иси Пари" за 23-29 мая 1957 года, "Франс-суар", "Орор" за 24 мая 1957 года.

Все подробности о роли чешской разведки в этом покушении приведены в книге Ладислава Биттмана "Лживая игра" (Ladislav Bittman, The deception game. New York, Syracuse, 1972).

Манипуляции неонацистов восточноевропейскими разведслужбами описаны Джоном Бэрроном в книге "КГБ" и Ксавье Рофером в книге "Терроризм и насилие" (Xavier Raufer. Terrorisme et violence. Cartere, 1984).

Роль "агента влияния" Пьера Шарля Пате была выявлена на суде, о чем писала пресса, в частности: "Экспресс" за 5 января 1980 года, "Монд", "Либерасьон" за 23 мая 1980 года, "Матэн" за 24 мая 1980 года, "Монд" за 30 мая 1980 года. "Пари-матч" за 11 июля 1980 года поместил большую и очень подробную статью о Пате. Протест Национального совета профсоюза журналистов в связи с его осуждением и петиция с требованием его освобождения опубликованы в газете "Монд" за 30 мая 1980 года и 27 марта 1981 года.

Шульц и Годсон в книге "Дезинформация" посвятили "делу Пате" несколько страниц. Автор их использовал, в частности, для анализа содержания "Синтезиса".

О двух журналистах, считавшихся "агентами влияния", – личные источники автора.

О работе секуритате среди румынской эмиграции и ее связях с крайне правыми в Европе – личные источники автора.

О Константине Драгане и Густаве Порде – личные источники автора.

Глава 5. Досье "Фэрвелл"

По всему делу "Фэрвелл" – личные источники автора. Тем не менее некоторая информация почерпнута из: 1) статьи "СССР и научные, технические и технологические сведения" в журнале "Ревю де дефанс насьональ" (декабрь 1983 года) за подписью Анри Реньяра; 2) "Белой книги" министерства обороны США (Soviet acquisition of militarily significant western technology), выпущенной в сентябре 1985 года. Наконец, некоторые детали взяты из статей, опубликованных в "Сьянс э ви микро" (январь 1985 года), "Тайм" (17 июня 1985 года) и "Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт" (12 августа 1985 года).

По "делу Ростова" – личные источники автора.

История Рихарда Мюллера подробно описана в книге Линды Мельверт, Дэвида Хебдича и Ника Аннинга "Технобандиты" (Linda Melvern, David Hebditch, Nick Anning. Technobandits. Boston, Houghton Mifflin company, 1984). Несколько статей посвятила ему и газета "Интернэшнл геральд трибюн", в частности в номере за 5 февраля 1985 года.

О "делах Марка Андре де Гейтера и Вернера Й.Брухаузена" было сообщено в документе "Передача передовой технологии США Советскому Союзу и странам советского блока" – слушания американского сената, вторая сессия 97-го Конгресса за 4 – 6, 11 и 12 мая 1982 года.

О "деле Рандэна – Луски" много писала швейцарская печать, в частности: "24 эр" за 7 – 9 февраля 1983 года, за 25, 28, 31 марта 1983 года, за 8, 19, 22 и 25 апреля 1983 года.

Обширную статью посвятил ему также Джон Винокур в газете "Нью-Йорк таймс" за 25 июля 1983 года.

Автор написал несколько статей о значении торговли между Востоком и Западом для экономики социалистических стран, в частности в журнале "Пуэн" N515 за 2 августа 1982 года.

Слова Иона Пачепы воспроизведены по статье "Большая косьба" в журнале "Экспресс" за 29 июня 1984 года.

О процессе Леонарда Таверы, в частности, писали "Фигаро", "Котидьен де Пари", "Франс-суар", "Матэн" за 14 марта 1985 года, "Фигаро" и "Монд" за 15 марта 1985 года.

Многие газеты писали о "деле Обеля". Среди прочих: "Фигаро" за 31 мая 1980 года, "Монд" за 1 июня 1980 года, "Журналь дю диманш" за 21 февраля 1982 года, "Фигаро", "Франс-суар" за 22 февраля 1982 года, "Фигаро", "Матэн" за 23 и 24 февраля 1982 года, "Монд" за 25 февраля 1982 года.

По "делу Рольфа Доббертина" появилось множество статей. В частности: "Матэн", "Фигаро" за 29 января 1979 года, "Монд", "Фигаро", "Матэн", "Орор" за 30 января 1979 года, "Франс-суар" за 31 января 1979 года, "Монд" за 6 февраля 1979 года, "Экспресс" за 31 марта 1979 года, "Монд" за 13 декабря 1979 года, "Либерасьон" за 22 декабря 1981 года, "Матэн" за 4 января 1982 года, "Монд" за 23 января 1982 года, "Либерасьон" за 25 января 1982 года, "Матэн" за 14 мая 1982 года, "Монд" за 15 мая 1982 года, "Матэн" за 22 февраля 1983 года, "Монд" за 3 марта 1983 года, "Либерасьон" за 25 марта 1983 года, "Монд" за 12 и 13 мая 1983 года, 21 октября 1984 года, "Либерасьон" за 22 октября 1984 года. Кроме того, по всему этому делу личные источники автора.

По "делу Агафонова" – личные источники автора.

Об аресте и процессе Траяна Мунтяна писала пресса, в частности: "Монд" за 1 апреля 1981 года, "Либерасьон" за 4 ноября 1981 года, "Фигаро", "Матэн" за 10 и 11 января 1983 года, "Монд", "Фигаро" за 12 января 1983 года, "Монд" за 13 января 1983 года, "Либерасьон", "Монд" за 11 февраля 1983 года, "Матэн", "Либерасьон" за 12 февраля 1983 года.

Пресса освещала "дело Патрика Герье", в частности "Монд" за 3 апреля 1983 года, "Либерасьон" за 6 апреля 1983 года, "Матэн", "Котидьен де Пари" за 6 мая 1983 года, "Монд" за 16-17 ноября 1984 года.

О выявленных Олегом Гордиевским западных агентах – личные источники автора.

О "спецназе" автор использовал сведения из книги Виктора Суварова "Советская военная разведка" (Victor Souvarov, Soviet Military Intelligence. London, Hamish Hamilton, 1984) и из статьи Ксавье Рофера в журнале "Эст э Уэст" за март 1985 года.

Слова Яна Шейны взяты из его интервью журналу "Пари-матч", помещенного в номере за 14 августа 1971 года.

Об организации "нелегалов" в КГБ, "деле Быкова", складах оружия в Бретани, количестве "нелегалов" во Франции – личные источники автора. Жан Роше в книге "Пять лет во главе УОТ" приводит количество подпольных передач, зарегистрированных в 1984 году французской контрразведкой.

О грузовиках из социалистических стран (в том числе болгарских), бороздивших дороги Европы и Франции, см. "Экспресс" за 29 октября 1982 года и "Пуэн" за 21 ноября 1983 года (статья Жана Мари Понто).